

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

9/96

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А. Н. Медушевский** — Конституционные проекты русско-го либерализма и его политическая стратегия 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- А. В. Игнатъев** — Сергей Дмитриевич Сазонов 24

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

- Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году 47

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- Л. А. Безыменский** — Советская разведка перед войной 78

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А. В. Головнин** — Записки для немногих 91

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

- Дневник Николая Михайловича Дружинина 113

СООБЩЕНИЯ

- А. Ментешавили** — Грузинская демократическая республика (1918—1921 гг.) и западные державы 129

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- А. И. Цюрупа** — Самоубийство перед поражением . . . 135
А. П. Черных — Западноевропейская средневековая городская геральдика и эмблематика 140

ИСТОРИОГРАФИЯ

- А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова** — Отечественная историография второй мировой войны. Некоторые итоги и проблемы 145
С. А. Гомаюнов — Местная история: проблемы методологии 158
В. В. Размеров — Д. Холлоуэй. Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939—1956 164
Ю. И. Игрицкий — «Российское зарубежье и Родина» . 166
А. Ш. Ниязи — Р. Г. Ланда. Ислам в истории России . . 168
Р. Р. Юсупов — Е. Топольский. История Польши с древнейших времен до 1990 года 169
Л. М. Брагина, А. А. Горский — От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства 171
С. А. Серегин — «Уральский исторический вестник» . . 174

Конституционные проекты русского либерализма и его политическая стратегия

А. Н. Медушевский

В восточноевропейском либерализме прослеживается ряд принципиальных отличий от западноевропейского. Здесь либерализм не имел глубоких корней в прошлом, возник очень поздно и не опирался на сколько-нибудь широкие слои населения, был тесно связан с правящим классом и государством, а потому не мог претендовать на ведущую политическую роль. При сравнительно-историческом подходе в центре внимания должны оказаться проблемы социальной базы либерализма; характер отношений с государством; особенности программы и тактики политической борьбы. В современной науке накоплен значительный материал для выяснения этих вопросов¹. Исследованию генезиса современного гражданского общества и правового государства много внимания уделяется в Германии, где либерализм в силу отсталости и слабости буржуазии, с соответствующими особенностями идеологии, сложился гораздо позже, чем в Англии и Франции. Соответственно историческая школа права в Германии не следовала традиционным установкам естественного права в духе Просвещения; борьбу с абсолютистским режимом заменяла апелляция к государству, революционный переворот — поддержка реформ сверху.

В Германии и странах Восточной Европы, развивавшихся по пути модернизации, либеральная идеология выражала устремления всех передовых элементов общества; не связанная с каким-либо одним социальным слоем, она получила широкое распространение². Выработанные германской философско-правовой мыслью концепции гражданского общества и правового государства стали достоянием культурного человечества. Социальными носителями либеральной идеологии в разных странах были не только и не столько буржуа, сколько аристократия, интеллигенция и бюрократия. Отсюда возникает проблема соотношения модернизации, либерализма и бюрократии³.

Конституционная монархия предполагает постоянную борьбу трех основных сил — народного представительства (парламента), правительственной бюрократии и монархии. В парламенте представлены ведущие партии, их фракции реально определяют в принципе судьбу того или иного кабинета; создается политическая машина, управляемая ведущими партийными администраторами и идеологами, которая видит цель своего существования прежде всего в захвате и удержании государственной власти.

Медушевский Андрей Николаевич — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

Противостоящая сила — правительственная бюрократия — с течением времени становится все более дифференцированной, функционально специализированной и корпоративно объединенной; растут ее технические возможности контролировать рычаги управления. Монарх в абсолютистских монархиях традиционного типа — наиболее значимая сила, возглавляющая пирамиду власти. Рационализация и бюрократизация управления ведут, однако, к тому, что монарх и его ближайшее окружение оказываются все более оттесненными от действительного властвования, и тогда в конституционной монархии возможны два принципиально различных типа коалиций: между парламентом и монархом против бюрократии или между бюрократией и монархом против парламента. Неустойчивый и противоречивый компромисс парламента и монарха на деле служит переходной формой от одного типа правления к другому. Существуют, таким образом, три основных типа режимов конституционной монархии. Первый, английский, — по существу, завуалированная форма парламентской республики. При безвластном монархе народное представительство всерьез контролирует кабинет министров и всю административно-бюрократическую систему. Второй, промежуточный (дуалистический) тип конституционной монархии — форма правления, при которой и парламент и монарх, обладая практически одинаковыми законодательными прерогативами, а отчасти и исполнительной властью, взаимно контролируют и сдерживают друг друга. Такой режим неустойчивого компромисса возникал в ряде государств Западной и Центральной Европы после крупных революционных потрясений и приводил к укреплению монархической власти.

Третий тип конституционной монархии, так наз. монархический конституционализм, основанный на коалиции монарха и бюрократии против парламента, обеспечивал сохранение монархии путем изменения устройства власти и формы правления без изменения ее существа. Подобный тип конституционной монархии в наибольшей степени подходит под определение мнимого конституционализма. Он стал возможным первоначально преимущественно в странах Центральной и Восточной Европы, а затем в России и государствах Азии, где распыленные демократические силы, не имея существенной социальной опоры, не могли апеллировать к государству, где власть отделена от общества, а монарх становится заложником бюрократии, не находя ей противовеса в народном представительстве. Наиболее полно такого рода конституционализм выразился в французской Хартии 1814 г. и последовавшей за ней Хартии Луи-Филиппа 1830 г., в конституциях отдельных германских государств первой трети XIX в., конституционной Хартии Пруссии 1850 года. В сильно видоизмененной форме те же начала свойственны конституции Северо-Германского союза и конституции Германской империи 1871 года⁴. Все эти образцы оказали влияние на монархическую конституцию Японии 1889 г. и особенно на Основные законы России, изданные после революции 1905 г. и в свою очередь повлиявшие на конституционное развитие ряда государств Азии. Основная причина такого сходства состоит в принципиальной общности задач, стоявших перед монархическими режимами этих стран, приспособившимися к изменяющимся условиям социально-политического развития, искавшими новые формы легитимации.

Ключевым элементом этой политико-правовой системы являлся монарх, выведенный из-под реального конституционного контроля, — носитель государственного суверенитета, высший арбитр в споре властей и гарант самой конституции (которая получала, поэтому, дарованный, октроированный характер). Монархический принцип представлял собой одновременно как юридическую конструкцию, норму публичного права, так и способ практической организации взаимоотношений монарха с народным представительством⁵. Впервые данное явление было теоретически осмысленно Ф. Шталем в его полемике с германскими радикальными либералами, предпочитавшими модель английской конституционной монархии. Английской концепции королевского суверенитета Шталь противопоставлял германскую государственность, подчеркивая, что английская является

абстрактным юридическим понятием, в то время как германская — реальной исторически сложившейся организацией власти, направляющей развитие права⁶. В противовес естественно-правовым учениям эпохи Французской революции, в германской (К. Велькер, К. Роттек, Ф. Шталь) и русской (Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин и А. Д. Градовский) юриспруденции решающее значение приобрел тезис исторической школы права об эволюционном, «органическом» характере развития общества и государства, необходимости сохранять их целостность как единой политической системы, скрепленной монархическим принципом. Эта концепция лежала в основе политической стратегии умеренного германского и российского либерализма.

Крупнейший германский историк и юрист О. Хинтце⁷ противопоставлял две системы правления: конституционно-монархическая система — своеобразный прусско-германский феномен, который «в настоящее время в совершенно чистой и определенной форме существует только у нас», тогда как в Австро-Венгерской и Российской монархиях чистота типа нарушается. В одном случае (Австро-Венгрия) тем, что устойчивость политической системы во многом зависит от способности правительства парламентскими или чисто административными методами сдерживать националистов. В другом (Россия) — поверхностным характером еще не вполне укоренившихся конституционно-монархических начал. На этой основе становится возможным сравнительно-историческое изучение.

Как и немецкие, русские либералы считали конституционную монархию идеальной для перехода от абсолютизма к правовому государству, поскольку она сочетает народное представительство (парламентское начало) и сильную исполнительную власть (монархическое начало), способную провести реформы сверху. Германский образец считался в условиях России наиболее подходящим⁸.

С этой точки зрения представляют интерес конституционные проекты русского либерализма начала XX в., история их создания, воплощенная в них теоретическая модель и характер их влияния на политическую жизнь.

Поиски в этом направлении начались еще в 1904 году⁹. Ряд первоначальных проектов основных конституционных документов русского либерализма сохранился в редакционном архиве журнала «Освобождение», издававшегося в Германии П. Б. Струве. Документы отражают постепенную кристаллизацию конституционных принципов с развитием земского движения и организацией Союза освобождения. В рукописном варианте программной статьи — «Земский съезд и задачи оппозиции» (1904 г.) главная цель земского движения определяется как создание «общих формально-политических условий существования и деятельности всех социальных групп современной России». Программа движения включает принципы национально-демократического характера, всеобщего равного избирательного права, мирной борьбы за права всех социальных слоев. Указано, что земское движение «в корне враждебно самодержавию», органически неспособному допустить «правомерную деятельность личности и социальных групп». Такая деятельность подразумевает «широкое общественное движение, выражающее идею необходимости конституции»¹⁰.

Еще более отчетливо изложена та же идея в программных документах Союза освобождения 1904—1905 годов. В декларации, принятой его конференцией, главной целью названо «политическое освобождение России». «Считая политическую свободу даже в самых минимальных ее пределах совершенно несовместимой с абсолютным характером русской монархии, — подчеркивалось в декларации, — Союз будет добиваться прежде всего уничтожения самодержавия и установления в России конституционного режима»¹¹. Устоями его Союз считал: в области политической — «всеобщую, равную, тайную и прямую подачу голосов»; в социально-экономической — «защиту интересов трудящихся масс»; в сфере национальной — признание «права на самоопределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства» (включая восстановление независимости Финляндии).

В 1904 г. в демократической среде требование конституции уже считалось аксиомой. Один из многих примеров — резолюция III киевского съезда преподавателей естественных наук (30 декабря 1904 г.): «Единственным средством утвердить в стране законность и обуздать произвол администрации может служить ответственность административных деятелей перед общим судом и законодательным собранием народных представителей, т. е. водворение в стране конституционного строя»¹².

Среди документов, отражающих основные этапы работы над конституционным проектом движения Освобождения, обращает на себя внимание так наз. проект Геллерта. Формально в нем речь идет о государственном устройстве Австро-Венгрии (возможно, в целях конспирации), однако весь его контекст показывает, что на деле подразумевалась Россия. Документ содержит все ключевые положения будущих либеральных проектов, обосновывая введение конституционной монархии. Учитывая возможность разногласий относительно целесообразности всеобщего избирательного права, автор приводит аргументы в его защиту. В случае введения цензовой системы бедность страны приведет, по его мнению, к образованию олигархии выборщиков, как это уже произошло в «современных русских земских учреждениях, где число избирателей относительно общего числа жителей провинций представляет совершенно ничтожную величину».

Ввиду огромных размеров государства, малой плотности населения, разобщенности частей страны, предполагалось установить двухстепенную подачу голосов. В качестве гарантии против излишней централизации власти предлагался двухпалатный парламент по образцу США. «Мы исходим из предположения, — говорится об «Австрии»-России, — что режим политической свободы в ней не будет якобинско-централизованным, что, напротив, водворится широкая децентрализация и дана будет широкая компетенция местным учреждениям», избавляющая «от худших бюрократических традиций существующего порядка». Отчетливо выражено одно из основных требований земского либерализма — о связи местных выборных учреждений с центральной законодательной властью, представленной двухпалатным парламентом; при этом «Верхняя Палата в Австрии должна подходить по типу к американскому Сенату, состоять из представителей законодательных учреждений отдельных штатов». Предполагалось и местные учреждения превратить из олигархических в основанные на всеобщих выборах. Соответственно определяется состав палат: «Верхняя палата будет состоять, во-первых, из представителей от губернских земств, по два от каждого, во-вторых, из представителей от городов». Нижняя палата комплектуется на основе всеобщих выборов (1 депутат на 500 тыс. жителей).

В разделе «Ответственный кабинет» суммирован австро-германский опыт организации правительства при конституционной монархии. Кабинет министров назначается монархом. «Министру-президенту принадлежит право распускания обеих палат, при вторичных неблагоприятных выборах он должен покинуть министерство. Монарх безответственен, и все его приказы контрассигнуются министром-президентом. Палатам принадлежит право интерпеллировать его по вопросам, касающимся исполнительной власти, но их мнения не обязательны для министерства, если они не выражены в форме порицания, высказанного одной из Палат. Тогда министру-президенту предоставляется или распустить Палату или выйти в отставку»¹³.

Основным гарантом конституции является судебная власть в лице Сената. Он выражает интересы основных участников политического процесса — народного представительства, земских институтов и монархической власти, поскольку состоит из двух отделов: Кассационного суда, назначаемого монархом, и Высшего суда, на две трети избираемого Палатами, а на треть назначаемого монархом. Сенат наблюдает за «правильным течением политической жизни»; он вправе «останавливать законы, признанные неконституционными», истолковывать действующее законодательство, признавать недействительными выборы, разрешать конфликты между палатами, «а также между органами местного самоуправления и центральным пред-

ставительством». Важнейшим средством контроля над правительством является право Сената судить министров.

Говоря о предоставлении местной автономии Галиции и восстановлении независимости Чехии, проект, вероятно, имел в виду Польшу и Финляндию.

Проект Геллерта можно рассматривать как первый конституционный документ русского либерализма начала XX в.; основные элементы изложенной в нем концепции содержатся и в последующих документах, в частности в наброске проекта «Основных Законов» (рукопись «Основные положения»). Он показывает дальнейшую кристаллизацию конституционных идей. Перечислив основные права граждан (ответственность только по суду, свобода союзов, собраний, передвижения и т. д.), документ затем сосредоточивает внимание на политической системе конституционной монархии. Заметен неустоявшийся характер терминологии: говорится то о «Национальном собрании», то о «Народном собрании». По сравнению с «проектом Геллерта» здесь больше внимания уделено «верховой власти» монарха, причем в изложении этого вопроса очевидно влияние германского законодательства. Преобладающее значение имеет монархический принцип: «Монарх созывает и распускает Национальное собрание. Он решает вопрос о передаче законопроектов в Национальное собрание, и только получившие санкцию монарха законопроекты приобретают силу закона. Монарх имеет право без участия Национального собрания издавать указы, касающиеся приведения в исполнение законов и организации административных мест». К его прерогативам относятся также высшее командование армией и флотом, назначение должностных лиц, право помилования, вопросы внешней политики, решаемые, однако, при участии Народного собрания.

Центральные органы управления представлены Советом министров, министерствами (состав которых должен быть пересмотрен) и Государственным советом (с тремя департаментами: законодательных дел, государственного хозяйства и областных дел). Особенно большое значение приобрел Совет министров: объединяя всех министров под председательством государственного канцлера, он решает «только вопросы, касающиеся применения существующих законов». В функцию канцлера и соответствующих министров входит подписание решений монарха — фактически контрассигнование его указов (хотя сам этот термин отсутствует).

Структура представительной власти и ее прерогативы также соответствуют европейской (прежде всего германской) традиции земского конституционализма. Проектируется двухпалатное Народное собрание: Палата старейшин (верхняя) состоит из представителей от земских учреждений; Палата депутатов (нижняя) — избирается всеобщим голосованием. Законы могут быть общие (действующие на всей территории государства) и местные (действующие в одной области), в соответствии с чем различается и порядок их принятия. Общие законы могут быть издаваемы «только с обоюдного согласия императора и Народного собрания», порядок принятия местных законов не описан. Власть на местах строится по той же схеме, что и в центре (генерал-губернатор; земство, которое разрабатывает проект областного бюджета и формирует избирательные комиссии). Устройство национальных областей специально не рассматривается (за исключением известного тезиса об автономии Польши).

Общегосударственная законодательная власть, следовательно, в соответствии с логикой конституционно-монархического принципа принадлежит совместно монарху и народному представительству; так же и законодательная инициатива «принадлежит не только императору, но и Народному собранию»¹⁴. Возможность конфликта между ними предусмотрена в нормах, регламентирующих принятие бюджета. Как и в других конституционно-монархических государствах, проект государственного бюджета рассматривается сначала нижней, затем — верхней палатой, соображения которой носят, однако, «лишь совещательный характер», и утверждается императором. Данная процедура, заимствованная из западноевропейской практики, не учитывала, однако, многообразных возможностей обхода этих

норм монархической властью и потому не обеспечивала разрешение потенциально неизбежного конфликта. Положения проекта о государственном контроле (представлении парламенту и монарху ежегодного контрольного отчета) и судебной власти, возглавляемой Сенатом, не устраняли этих слабых черт проекта. Фактически мы имеем дело не с юридическим документом, а скорее с политической декларацией общего характера.

Обсуждение проектов началось уже в ходе их составления. Встал, в частности, вопрос, какие из них могут быть опубликованы от имени редакции «Освобождения». Было высказано мнение, что лучше напечатать не несколько проектов (включая «проект иностранца»), а единственный, отражающий установки освобожденческих кругов. Решено было также перевести этот проект на французский язык и разослать для обсуждения, при этом «просить Эсмена, Йеллинека дать рецензию»¹⁵.

Главным связующим звеном между редакцией «Освобождения» и западными академическими кругами был Б. А. Кистяковский, лично знакомый со многими германскими учеными и подготовивший диссертацию в Германии. Переписка его со Струве является поэтому ценнейшим источником для реконструкции международных связей «Освобождения». В ней прослеживается и постепенный переход обоих мыслителей от классического марксизма к его неокантианской интерпретации, связанный с принятием либеральных ценностей¹⁶.

В поисках путей к правовому государству Кистяковский ориентировался в основном на его истолкование германскими юристами. Один из его учителей в Германии Г. Еллинек¹⁷ принял участие в обсуждении конституционного вопроса в Европе и России. Кистяковский поставил перед ним ряд конкретных вопросов по оценке российской политической системы. Пожелание Струве заказать статью «с критикой русского правительства» для «Освобождения» Кистяковский счел неисполнимым. «Я сомневаюсь, — ответил он, — чтобы Еллинек взялся писать статью, которая бы заключала морально-политическую оценку какого-нибудь современного явления». Речь шла о политике России в отношении Финляндии, которую Еллинек осуждал, однако подчеркивал, что «с своей юридической точки зрения не может стать на их (финнов. — А. М.) сторону»¹⁸. Для него были характерны представление о государстве как едином и неделимом носителе суверенитета, апология сильной монархической власти. Отстаивая эти принципы в Германии, он не мог выступать против применения их в России, почему и отказался дать юридический комментарий по вопросу о Финляндии.

По словам Кистяковского, рассуждая с точки зрения юридической теории, Еллинек «не может рассматривать февральский манифест 1899 г. как *Verfassungsbruch* (нарушение конституции. — А. М.) в Финляндии. Если Финляндия не отдельное государство, что и Вы, кажется, признаете, — писал Кистяковский Струве, — то финляндская конституция не может ограничивать русского императора. Гарантией для финляндской конституции может явиться лишь русская конституция». Ответ Еллинека поэтому никак не мог вызвать сочувствия сторонников автономии. «При современных условиях, — заявил он Кистяковскому, — финляндская конституция является лишь привилегией, данной Финляндии русским императором, который может всегда взять ее назад. Эта точка зрения станет понятна, если Вы примете во внимание, что положение Финляндии вполне аналогично положению английских колоний»¹⁹. Тем самым наметилось различие позиций: германский ученый исходил из того, что есть на самом деле, а русские либералы из того, что желательно, справедливо и потому должно быть в принципе.

Наиболее отчетливо разногласие проявилось в дискуссии по проекту конституции, напечатанному в «Освобождении». В письме к Струве от 26 октября 1905 г. Кистяковский сообщил ему, что договорился с Еллинеком и М. Вебером о рецензировании проекта в солидной «*Deutsche Juristenzeitung*». «Мне кажется, — заверил он Струве, — Вам нечего опасаться, что немцы обойдут молчанием этот проект»²⁰. В то же время уже при первом обмене впечатлениями выявилась диаметрально противополож-

ность воззрений на всеобщее избирательное право. Германская юриспруденция, трактуя этот вопрос, опиралась на солидный западноевропейский опыт, а также опыт германских государств, показавший, что всеобщее избирательное право может оказаться инструментом антидемократической и антиправовой политики (что вполне подтвердила последующая история XX века). Русские же конституционалисты в эпоху начала революционных перемен, напротив, рассматривали всеобщие выборы как единственную гарантию от монархического деспотизма, веря, что народ может высказаться только в пользу правового государства.

Возникший спор объясняет последующее стремление сделать конституционный проект более умеренным. Из переписки видно, как первая положительная реакция на проект сменилась острой критикой. По сообщению Кистяковского, Еллинек, получив проект, был «поражен безграничным радикализмом его». Главными объектами критики стали всеобщее избирательное право, общий стиль проекта, его заимствованный характер, неразработанность принципиального вопроса о порядке работы парламента.

Усматривая ошибку в стремлении к всеобщему избирательному праву, Еллинек осуждал этот институт в принципе: «Всеобщее избирательное право, — заявил он, — это господство глупости и реакции. У нас в Бадене оно привело к победе центра и клерикалов. Теперь университеты погибли и т. д.» В проекте «Освобождения» он обнаружил *Schablonen, Laftigkeit und Geistlosigkeit* (шаблоны, безвкусица, бездарность. — А. М.). Проект, по его мнению, целиком проникнут бессмысленным обезьянничанием, «ничего оригинального». В качестве примеров бездумного подражания Еллинек упомянул о регламенте работы парламента (*Geschäftsordnung*), заимствованном из западноевропейских конституций. По его мнению, такой порядок, при котором парламента сам определяет регламент своей деятельности, застопорит законодательную работу: «История показала, что при таком порядке нет возможности бороться с обструкцией, а обструкция даже небольшой группы может сделать парламента *Geschäftsunfähig* (недееспособным)».

Разумеется, в этой критике проявились монархические взгляды Еллинека и его сдержанное отношение к парламентаризму. Но в то же время это была позиция реалистически мыслящего юриста, озабоченного соответствием правовых норм реальному положению вещей. Он подробно остановился на механизме выборов и различных странах, — вопросе, представлявшемся составителям проекта далеко не первостепенным, скорее даже техническим. Еллинек выступил против подачи голосов в стране с неграмотным населением по «системе записочек», предпочитая баллотировку шарами, как в Сербии, или оценку кандидатов избирателями в виде креста напротив имени, как в Бельгии; в России, с учетом ее специфики, «можно было бы придумать что-нибудь подобное». Вопрос был поставлен правомерно, и в дальнейшем подробно обсуждался в русской юридической литературе.

Пытаясь преодолеть разногласия, Кистяковский (считавший позицию своего наставника излишне умеренной и даже реакционной) предложил ограничить его участие в обсуждении: «Я посоветовал ему не писать против всеобщего избирательного права, т. к. в России его совсем не захотят слушать. Но зато мы были бы ему очень благодарны, если бы он обсудил чисто государственно-правовые вопросы об отношении к Финляндии и Польше и т. д.»²¹. Однако и по этим вопросам различие позиций было таково, что в результате Еллинек вовсе отказался писать о российской конституции, так как «его только будут ругать, а пользы никакой».

Во многом сходную оценку проекту дал Вебер, тоже усмотревший в нем изложение некоторого политического идеала, вряд ли достижимого в практике мнимого конституционализма. Извещая о переговорах, Кистяковский также отмечает его умеренную позицию. «Пришлите обязательно один экземпляр проекта Prof. Max Weber'у — Heidelberg Hauptstrasse 73, — писал Кистяковский Струве. — Он настолько интересуется русским освободительным движением, что начал изучать русский язык и прочитал с слова-

рем несколько статей из «Освобождения». Когда я летом заехал к нему, он, между прочим, тоже возмущался безграничным радикализмом программы «Союза Освобождения»²². Тем не менее Вебер сочувствовал целям русского освободительного движения и даже способствовал распространению журнала «Освобождение» в Германии²³.

Таким образом, освобожденческий проект конституции вызвал к себе осторожное и даже критическое отношение со стороны западной науки. Будучи вдохновлен лучшими европейскими конституционными образцами, русский проект, по мнению критиков, мало учитывал специфические проблемы России.

Своеобразным ответом на эту критику стала попытка найти ориентир в других моделях конституционного развития — французской и английской. В материалах Струве находим рукописи с критикой тезиса Еллинека о том, что «конституция возникает вне сферы права, иногда даже путем преступления»²⁴. Автор отмечает, что Г. Еллинек и Г. Лабанд якобы хотели принести общество в жертву государству, оправдать все его действия. Против этих авторитетных в русской юриспруденции германских ученых выдвинут ряд имен их западноевропейских оппонентов — А. Дайси, Дж. Брайс, Л. Дюги, А. Менгер и др.

История обнародования проекта конституции позволяет преодолеть ряд неправильных суждений в литературе. Становится ясным, в частности, что этот проект, получивший наименование «проекта Струве» ввиду его публикации в журнале «Освобождение», на деле был составлен рядом виднейших юристов в России. Сохранился текст введения к нему авторов проекта, сверстаный и напечатанный затем вместе с кратким предисловием редактора — Струве как общее мнение редакции. Их этих двух документов видно, что роль самого Струве была скорее редакционной, а взгляды авторов представлены наиболее полно именно в упомянутом их введении. Убежденные в необходимости для России ориентироваться на «теорию и практику Запада», составители проекта критикуют самобытников, отрицающих возможность для России идти по этому пути и сам принцип конституционного устройства: «Беспощадная действительность раскрыла всю тщету славянофильского воззрения, которое видело в будущем русского народа возможность у него всех форм свободы при сохранении абсолютной политической власти». Доказательством противного выступает пробуждение земства — «русских генеральных штатов». Составители проекта отстаивают либеральную позицию, отвергая крайности левых и правых: «Проект наш вызовет возражения двоякого рода: для одних будет казаться, что мы требуем слишком много, для других — слишком мало. Одни найдут опасной организацию всеобщего избирательного права, другие будут неудовлетворены тем, что мы не даем постановлений относительно некоторых важных пунктов и сохраняем некоторые институты конституционного строя, которые подвергаются серьезной критике (как, напр., двухпалатная система)»²⁵.

Между тем главное — найти мирное, правовое разрешение конфликтов и обеспечить тем самым «правильное развитие политической жизни в России», «легальную борьбу» всех интересов. Всеобщее избирательное право — не только нравственный принцип, но и «в высшей степени целесообразная мера», она «обеспечивает, как ничто другое, общественный мир», что особенно важно вследствие специфики политической жизни в России. В существовании верхней палаты некоторые ученые видели пережиток феодальной эпохи, источник неэффективности парламентаризма. Соглашаясь с такой постановкой вопроса применительно к странам Западной Европы, русские теоретики тем не менее считали верхнюю палату стабилизирующим фактором, обеспечивающим представительство местных интересов (земское начало), возможность предотвратить конфликты парламента с монархической властью, а главное — избежать скопления власти в одних руках в ущерб разделению властей. Либеральные конституционалисты оттачивались от негативного опыта Европы: французская революция дала миру «угрожающий пример результатов такой централизации политической жизни»

ни». «Одна из главных опасностей, угрожающих всякому политическому порядку в России, — прозорливо отмечено авторами введения, — это превращение его в режим якобинской централизации». Требовалось также преодолеть укоренившуюся «пагубную манию управлять всем из Петербурга», подавлять «все проявления местной самодеятельности». Решение проблемы усматривалось в последовательной децентрализации, расширении компетенции органов местного самоуправления путем предоставления губернским земствам прав «самоуправляющейся единицы». В основе российской конституционной системы должно лежать земское начало (земские учреждения и городские думы во всех регионах страны), увенчанное верхней палатой законодательного органа.

В связи с этим требовалось решения и вопрос о форме правления. Признавая совершенство парламентского режима, составители проекта указывали на невозможность его прямого введения в России, где правовое государство может иметь только форму конституционной монархии. Отсюда выводилось определенное политическое устройство: двухпалатная Государственная дума, монархическая власть и ответственное министерство, Верховный суд как высший орган наблюдения за конституционностью законов. В статьях о Верховном суде (6—22 Проекта) оказался сформулированным их общий подход: нормы европейских конституций видоизменить, как того требуют «исторические и местные условия русской жизни»²⁶. Этот принцип объясняет умеренность требований российского конституционализма в условиях 1905 года.

Проект конституции может рассматриваться как программа всего движения. Не случайно он стал центральной проблемой дискуссий на первом (ноябрь 1904 г.) и особенно втором (апрель 1905 г.) общеземских съездах. В конце октября 1904 г. в связи с подготовкой к первому съезду земских деятелей появился проект Основного закона Российской империи на конституционно-демократических началах²⁷, разработанный крупнейшими юристами в столичных отделениях Союза. Среди петербургских авторов были Н. Ф. Анненский, а также издатели «Права» — В. М. Гессен и И. В. Гессен. В большую по численности московскую группу входили П. И. Новгородцев, Ф. Ф. Кокошкин, С. А. Котляровский, а также И. И. Петрункевич и Г. Ю. Шрейдер. Размноженный и распространенный²⁸ проект был также напечатан журналом «Освобождение», а затем и в ряде изданий в России, причем они воспринимались как воспроизведение текста, составленного за границей. В полном виде проект был помещен в книге «Конституционное государство» (1905 г.)²⁹.

Как уже отмечалось в литературе, в проекте выразилось свойственное вообще либерализму стремление к эволюционности и преемственности политических перемен. Он и назывался не конституцией, а «Основным законом Российской империи» и предусматривал не республику или даже парламентскую монархию, а ограниченную монархию германского (не английского) типа, признаваемого лучшей моделью для России. Он содержал разделы: «О Российской империи» (1); «О великом княжестве Финляндском» (2); «Об основных правах граждан» (3); «Об императорской власти» (4); «О государственной Думе» (5); «О министрах» (6); «Местные учреждения Российской империи» (7); «О судебной власти» (8); «О верховном суде» (9); «О пересмотре основного закона» (10); и, наконец, «Переходные постановления» (11).

Поскольку проектом предусматривалась не республика или хотя бы парламентская монархия, а ограниченная монархия германского типа, принцип разделения властей проводился с существенными оговорками. Формально вводя дуалистическую монархию, конституционный проект, однако, не давал четкой юридической формулы отношения монарха и народного представительства. «Верховная власть Российской империи, — говорилось в ст. 1, — осуществляется императором при участии Государственной думы». Однако характер этого участия оставался крайне неопределенным, что в конфликтной ситуации неизбежно приводило бы к торжеству монархического начала. За монархом оставалось право

налагать вето на решения законодательной власти, распускать палаты, все прерогативы во внутренней и внешней политике, руководство вооруженными силами государства (ст. 28, 30, 32).

Устройство законодательной власти, весьма напоминающее германский образец, не противоречит решающей роли монарха в управлении. Согласно проекту, выразившему в этом отношении традиционные требования умеренных сил, будущая Государственная дума должна была избираться путем всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. Две ее палаты — земская (состоящая из государственных гласных, избираемых по территориальному признаку — губернскими земскими собраниями и городскими думами) и палата народных представителей (избираемая допускаемой к участию в выборах частью мужского населения без каких-либо существенных имущественных, национальных и политических ограничений). Палаты созываются одновременно, имеют равные права и контролируют администрацию посредством утверждения бюджета — государственной росписи (ст. 54); по отношению к правительству в целом и к отдельным министрам обладают правом требовать объяснений и привлекать их к различным формам гражданской и уголовной ответственности в случае нарушения законов (ст. 55).

Обращает на себя внимание предлагаемая конструкция исполнительной власти. Это не английская кабинетская система, а ответственное министерство в дуалистическом государстве. Согласно этому принципу, министры, Совет министров несут персональную и коллективную ответственность перед Думой за общий ход государственного управления, но назначаются и увольняются указами императора (ст. 33, 56, 60—62), так что вотум недоверия правительству со стороны Думы еще не означает его отставки. Отсюда основное противоречие политической системы — между монархом и парламентом — не разрешается, а лишь обретает новую форму. Власть монарха считается ограниченной народным представительством, но сам он ни за что ответственности не несет, ибо все его указы скрепляются подписью главы надлежащего ведомства. Фактически эта власть, однако, не становится меньше, поскольку от самого монарха зависит назначение и увольнение министров.

При такой системе судебная власть, прежде всего Верховный суд, должна была стать независимым арбитром в решении спорных законодательных вопросов. Однако в конституционном проекте характер организации этого учреждения, его состав и функции специально не рассмотрены, — дело свелось к декларации (ст. 75—76). Процедура принятия Основного закона и введения его в действие не получила четкого юридического выражения.

Предложенный проект представлял собой, по признанию составителей, скорее программу движения, чем готовый к принятию документ. «Единственным правильным путем к осуществлению программы, начертанной в изложенном проекте, — гласит введение, — мы считаем созыв Учредительного собрания, свободно избранного всенародным, прямым, равным и тайным голосованием для выработки и приведения в действие Основного государственного закона. Только в таком случае закон этот будет исходить из соответствующего его значению источника — из воли народа»³⁰.

Данный проект, как отмечали его критики, имел ряд существенных недостатков: он страдал очевидным смещением лозунгов и четких юридических формул, не содержал решения или регламентации важнейших социальных и национальных проблем. Не разработана была и техническая сторона: дается ли конституция монархом (и, следовательно, является октроированной) или она является результатом народного волеизъявления (и имеет, соответственно, договорную природу). Тот факт, что Союз освобождения представлял собой широкую коалицию различных течений внутри либерализма, отразился на оценках конституционного проекта, причем высказывались два основных критических мнения³¹. Одни считали будущую конституцию слишком политизированной, преувеличивающей значимость учреждений и процедур, другие, напротив, придерживались мнения, что она отошла слишком далеко от существующего порядка вещей.

Второе мнение нашло свое выражение в особом проекте, получившем название «конституции Муромцева» и послужившем теоретической основой крупнейшей попытки русских либералов заложить основы конституционной монархии. Он повлиял на законодательство последнего десятилетия старого режима и составил программную основу политической деятельности конституционно-демократической партии в думский период, но ныне незаслуженно обойден вниманием. В июле 1905 г. проект С. А. Муромцева был принят земским съездом «в принципе» и стал затем предметом обсуждения и развития в либеральной публицистике.

Его проект лучше, чем предшествующий, отразил взгляды умеренной части конституционалистов — так наз. либерального дворянства. Целью ставилось не столько заменить существующие законы, сколько постепенно наполнить их новым содержанием. Основные идеологические установки русского либерального конституционализма сказались здесь поэтому наиболее четко: Муромцев (работавший при этом совместно с Ф. Ф. Кокошкиным) ограничил до минимума изменения в существующих законах. В процессе переработки разделов о законодательстве, которые были значительно изменены, сознательно смягчились многие формулировки предшествующего проекта. В них воплощались как общетеоретические воззрения, разработанные всей либеральной школой русской юриспруденции, так и соображения практической политики — стремление обеспечить эволюционный переход от самодержавия к правовому государству.

Общие принципы проекта вырабатывались ведущими русскими специалистами по конституционному праву. Муромцев был одним из наиболее видных философов и теоретиков права, признанным главой конституционного движения в России, одним из лидеров кадетской партии, председателем I Государственной думы. Профессор Московского университета по кафедре римского права (с 1875 г.), он был затем отстранен от преподавания и вынужден оставить научную деятельность, посвятив себя адвокатуре и политике. Изучая право в Геттингене во время научной стажировки в Германии, он воспринял идеи Р. фон Иеринга, которые затем последовательно развивал в своих трудах. Созданное Муромцевым направление поднимало значение социальных аспектов правовой науки и уровень судебной практики. Убежденный сторонник конституционной монархии и народного представительства, Муромцев, однако, отвергал некритическое заимствование западных форм. Этим объясняется общая умеренность его конституционного проекта, принятого большей частью либеральной общественности и просвещенной бюрократии как руководство к действию.

Другой участник разработки проекта — Кокошкин (1871—1918 гг.), представитель молодого (и более радикального) поколения конституционалистов, общественный деятель, вышедший из разночинной среды, крупнейший эксперт в области государственного права, учившийся в Гейдельберге у Еллинека, работавший в Страсбурге, Париже, Берлине и Лондоне. С 1897 г. Кокошкин преподавал в Московском университете, в Народном университете Шанявского, а затем также Московском коммерческом институте. Кокошкин являлся одним из создателей и активных деятелей движения земцев-конституционалистов и Союза освобождения, кадетской партии. Теорию права Кокошкин, как и Муромцев, разрабатывал с позиций позитивизма, стремясь анализировать правовые нормы в связи с социально-политической системой в целом. Наиболее крупный его теоретический труд «Лекции по общему государственному праву» (1912). Особенное внимание Кокошкина привлекали проблемы, актуальные для России при переходе от абсолютной монархии к представительной системе правления: государственно-правовые формы федеративных отношений, государственный суверенитет, теория разделения властей, права и политические свободы индивидов. Занимался он и практическими вопросами создания правового государства в форме конституционной монархии. Наряду с Муромцевым и Кокошкиным в работе над проектом «Основного закона» принимали участие Н. Н. Щепкин и Н. Н. Львов. Они, как и Муромцев, являлись членами земского организационного бюро. Руководил подготовкой конституционного проекта Муромцев.

Конституционный проект Муромцева появился 6 июля 1905 г. в газете «Русские ведомости» наряду с составленным им же проектом избирательного закона под общим названием — «К вопросу об организации будущего представительства»³². Эта публикация, предпринятая с целью ознакомить с проектами широкую общественность, не соответствует, однако, современным научным требованиям. Обобщающий характер заглавия скрывает два различных и неравноценных по важности документа. (Сам конституционный проект не имеет в газетной публикации собственного заглавия.) Оба документа напечатаны без указания имени их автора. Проект опубликован также во 2-м изд. известного коллективного труда «Конституционное государство» (1905 г.), издатели которого (И. В. Гессен и А. И. Каминка) дали ему обобщенное название — «Проект Основного закона Российской империи, измененный земским бюро»³³. Позднейшая публикация — в сборнике статей «Сергей Андреевич Муромцев» (1911 г.), изданном в память о нем. Там оба документа представлены под общим названием — «Проект Основного и Избирательного законов в редакции С. А. Муромцева»³⁴.

Наконец, мы располагаем печатным оттиском проекта, озаглавленным: «Проект, напечатанный в газете «Русские ведомости» от 6 июля 1905 г. № 180»³⁵. Этот документ содержит правку Муромцева и сохранился в его архиве. Частично эти исправления учтены в сборнике, посвященном памяти Муромцева. Первоначальный рукописный вариант не обнаружен. Прояснить историю текста позволяют источники мемуарного характера, посвященные конституционному движению в целом (воспоминания ряда видных деятелей кадетской партии) и Муромцеву, его работе над проектом, в частности. В ряду этих воспоминаний, написанных специально для сборника 1911 г., особое место принадлежит статье Кокошкина «С. А. Муромцев и земские съезды» с анализом рассматриваемого конституционного проекта; она отчасти раскрывает историю его создания³⁶.

«Основной закон» в редакции Муромцева состоит из 6 разделов и 113 статей, это сжатый и четко сформулированный документ. Приоритетные направления законодательного регулирования отражены в названиях разделов: «О законах» (раздел I); «О правах российских граждан» (II); «Учреждение Государственной думы» (III); «О министрах» (IV); «Об основах местного самоуправления» (V); «О судебной власти» (VI). Как показывает уже название первых двух разделов, основной целью Муромцева, как и авторов предшествующего проекта, было создание правового государства. Однако в отличие от них он стремился достичь этой цели по возможности в рамках существующих законодательных традиций или во всяком случае с минимальными отклонениями. Этим объясняется, в частности, нежелание Муромцева вносить в конституцию специальный раздел, посвященный определению прерогатив монарха. Этот раздел, обычный для основного законодательства конституционно-монархических государств, имел важное значение для ограничения власти государей. Имелся он и в проекте группы «Освобождение», где выполнял ту же функцию. Отказаться от данного раздела Муромцева могло побудить нежелание декларировать принцип разделения властей, в частности законодательной и исполнительной, что как будто подтверждается и отношением Муромцева к судебной власти: при обсуждении предшествующего проекта он предлагал изъять положение о верховном конституционном суде, учреждение которого представлялось ему практически неосуществимым в России.

Его позиция вызывала критику со стороны более радикального течения в русском конституционализме, отдававшего предпочтение первому проекту именно из-за того, что там принцип разделения властей проведен более четко. Однако, из этого не следует, что Муромцев выступал против последовательного проведения конституционных принципов: отличие его позиции состояло в том, что он считал необходимым не заимствовать такие принципы готовыми из западноевропейских конституций, а вывести органически из тех общих начал законности, которые, как ему представлялось, заложены в российском праве. В этом отношении он выступает как последовательный сторонник германской либеральной юриспруденции и, в част-

ности, исторической школы права Ф. К. Савиньи и Г. Ф. Пухты. Данный подход соответствовал и русской либеральной традиции — государственной школы, которая в лице ее основателей и наиболее видных представителей — С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина и А. Д. Градовского сходным образом рассматривала эволюцию российской государственности как органический процесс преобразования абсолютизма в правовое государство. В русской юриспруденции конца XIX — начала XX в. существовало мнение, сформулированное наиболее четко Коркуновым³⁷, что сам факт упорядочения законодательства, последовательное проведение разграничения указа (как чисто административного акта) и закона (как акта, принятого в соответствии с определенной зафиксированной процедурой) является движением от полицейского государства времен абсолютной монархии к правовому государству новейшего времени.

Подобный подход прослеживается и в проекте Муромцева, считавшего, что необходимые ограничения царской власти, не определяемые в специальном разделе конституции, должны вытекать из разделов, посвященных законодательству, организации народного представительства, исполнительной и судебной власти. Монархическая власть, поставленная в такой юридический контекст, неизбежно приобретает ограниченный характер, но в то же время выступает и своего рода высшим гарантом законности и верховенства права. «Империя Российская, — подчеркивается в 1-й статье, — управляется на твердых основаниях законов, издаваемых в порядке, сим основным законом установленном».

Все остальные положения раздела выводятся из этого основного принципа правового государства. К их числу относятся: взаимоотношения общих и местных законов, которые не должны противоречить друг другу; принцип необратимости закона, порядок издания новых законов только в соответствии с конституцией (ст. 2—4). Важнейшие социально-политические требования эпохи первой русской революции были также оформлены в юридических терминах: это установление равенства всех перед законом (ст. 10), допущение деятельности суда и административных учреждений только в соответствии с законом (ст. 8 и 14), наконец, порядок принятия, обнародования и введения в силу самих этих законов (ст. 6—7, 9, 11). Стремление создать прочные основы правового государства прослеживается особенно в разделе II, представляющем собой хартию демократических прав и политических свобод населения России. Эта часть Основного закона — «О правах российских граждан» — интересна тем, что здесь не только представлены с исчерпывающей полнотой соответствующие принципы западноевропейских демократических конституций, но и осмыслены возможные конфликты при их практической реализации в русских условиях. В центре оказывается чрезвычайно цельная и емкая концепция прав личности, не зависящих от ее национальных, социальных и конфессиональных характеристик.

Предложенная в проекте модель государственного устройства России напоминала германскую, стремящуюся совместить сильную исполнительную власть (сконцентрированную в монархе) с развитым народным представительством как важнейшим элементом социального контроля. Это была та модель, которая реализовалась в конституции Северо-Германского Союза 1867 г. и особенно в германской конституции 1871 года³⁸. Заметно принципиальное сходство структуры германской конституции 1871 г. и проекта Муромцева, а также трактовки ряда принципиальных вопросов. В обоих документах реализована по существу одна концепция государства как юридического лица. В рамках этой концепции, обоснованной наиболее полно Еллинеком и Лабандом в Германии, Муромцевым и Кокошкиным в России, государство рассматривается как субъект права, что наиболее полно отвечает представлению о единстве его организации, воли и цели.

С этой точки зрения конституционная монархия выступала как тип унитарного государства, противостоящего дуалистической сословной монархии. Принцип разделения властей уступал место принципу разделения функций. Парламент в целом и его палаты рассматриваются в соответствии

с этим как особые коллегиально организованные государственные учреждения, в функцию которых входит участие в законодательстве и контроль над администрацией (что составляет суть принципа ответственности министров). Они не являются, однако, самостоятельными юридическими лицами, но составляют наряду с монархом (власть которого ограничена) часть единого государства. Эта концепция конституционной монархии как унитарного государства, обосновывая существовавшую политическую систему, имела во многом метафизический и телеологический характер, легитимируя сильную монархическую власть³⁹. В германской конституции 1871 г. в центре внимания оказывается государственная власть в целом, а не отдельные ее ветви. В специальный раздел вынесено имперское законодательство, но не прерогативы власти императора (за исключением его президентских функций в союзе государств). Отказ от последовательного проведения принципа разделения властей наиболее четко выразился в отсутствии Верховного суда (высшей судебной инстанцией является апелляционный суд).

Сходна позиция Муромцева и его группы. Характерные особенности, свойственные уже первому конституционному проекту, получили в новом проекте дальнейшее развитие, выражая общее стремление к объединению сил либерального общественного движения и передовых элементов бюрократии во имя реформ. Отсюда проистекала, однако, и известная противоречивость проектируемой политической системы, выразившаяся наиболее полно в ослаблении принципа разделения властей.

Хотя особого раздела, определяющего объем власти монарха, проект Муромцева не содержал, его прерогативы можно реконструировать по отдельным статьям, рассеянным в других разделах. Монарх обладает всей полнотой исполнительной власти и в то же время играет значительную роль в законодательстве. В дальнейшем, в поправках к напечатанному тексту проекта, Муромцев дал более обобщенную формулировку прерогатив монарха, что заметно изменило первоначальный смысл соответствующих статей. Монарх выглядел уже не только как глава исполнительной власти, но и как средоточие верховной власти вообще, воплощение государственного суверенитета. Формой контроля над исполнительной властью является сочетание принципов безответственности монарха и контрассигнации (подтверждения) его решений высшими должностными лицами. Однако формулировка этого принципа не содержит прямого указания на ответственность министерства перед парламентом.

Известные ограничения законодательной власти монарха вытекали также из статей о путях принятия и обнародования законодательных актов. Публикуемые Сенатом, они становятся обязательными для судебных учреждений лишь в том случае, если их содержание, порядок принятия и издания не противоречат Основному закону (ст. 4, 6—9). Для российских условий существенное значение имело также соотношение законов и административных актов, прежде всего указов, поскольку их смещение (характерное для абсолютизма) не могло сохраняться в правовом конституционно-монархическом государстве. В то же время, согласно проекту, монарх мог издавать указы в развитие законов или для их истолкования. Для того, чтобы предотвратить превращение этих указов в подзаконные акты, предполагалось обнародовать указы тем же порядком, что и законы. О значении этой нормы для российского (как и германского) законодательства говорит тот факт, что в дальнейшем царь часто прибегал к изданию указов, чтобы обойти ограничения своей законодательной власти со стороны Думы. В целом, таким образом, проект основывался на монархическом принципе.

Особенно много места в проекте Муромцева уделено Государственной думе. Раздел III — «Учреждение Государственной Думы» — значительно превосходит все прочие разделы по объему (52 статьи из 113) и отличается от них большей внутренней детализацией. Та несоразмерность частей, которую внес данный раздел в конституцию, объясняется стремлением авторов проекта решить в нем по существу две задачи: конституционно закрепить как место Думы в политической системе, так и положения, регулирующие ее деятельность. Такая концентрация в одном разделе столь

значительного числа норм при отсутствии в то же время особого раздела о монархе должна была подчеркнуть роль еще не созданного парламента в противовес существующему самодержавному государству.

Оригинальность предложенной организации парламента (Думы) не вызывает сомнений: если нижняя палата (палата народных представителей) соответствует аналогичным палатам западных парламентав, то верхняя (земская) — существенно отличается. Она является представительством общественных союзов (земств и городов), а не феодальной аристократии (как палата лордов или палата пэров) или правящей бюрократии, зависимой от монарха (как Государственный совет последующего времени или его аналоги в других государствах). Ее депутаты — государственные гласные — избираются губернскими земскими или областными собраниями и городскими думами городов. Дума, однако, отнюдь не является единственным носителем законодательной власти в стране и может лишь «участвовать» в законодательной власти наряду с монархом; на него возлагается созыв и роспуск палат Государственной Думы, согласование их деятельности, утверждение законопроектов. Обращает на себя внимание известное сходство предложенного Муромцевым устройства парламента с тем, которое давалась германской конституцией 1871 года. Сходство, однако, скорее внешнее, поскольку в германском законодательстве речь шла о представительстве от государств, а в русском проекте — от органов местного самоуправления. Земская палата в проекте Муромцева больше напоминает представительство от ландтагов в отдельных германских государствах.

Из намеченных взаимоотношений парламента и монарха вытекало решение ряда других конституционных вопросов. Характеризуя роль Думы в утверждении законопроекта о бюджете и контроле над финансами, Муромцев не останавливался специально на военных расходах. Легко было бы объяснить это тем, что теоретически они входят в общегосударственный бюджет и утверждаются вместе с другими статьями государственной росписи. Однако, учитывая внимание, которое уделялось этому вопросу в западных конституциях, едва ли дело заключалось только в этом формальном основании. Скорее, Муромцев просто оставил решение этого вопроса для последующего законодательного регулирования. Дело в том, что во многих государствах с конституционно-монархическим строем монарх оставался главой армии и вопрос о ее финансировании часто вел к острым политическим кризисам (напр., кризис 1862—1864 гг. в Германии)⁴⁰. Сознательно избегая касаться в переходный период пределов власти монарха в области внутренней и внешней политики, Муромцев вынужден был оставить открытым вопрос о финансировании армии и государственного аппарата.

Другой важной уступкой монархической власти являлись статьи, закреплявшие весьма архаичные нормы о выделении из казны средств на содержание императорского двора: эта сумма определяется Думой в начале каждого царствования и не может быть изменена без согласия императора. В неизменном виде сохраняются также все действующие законы, определяющие статус и порядок отношений внутри царствующей династии («Учреждение императорской фамилии»). Все эти нормы весьма напоминают аналогичные положения ранних монархических конституций германских государств (первой трети XIX в.) и, вероятно, заимствованы из них. Согласно проекту, они могут быть пересмотрены в законодательном порядке не иначе, как по указанию императора, а следовательно, находятся вне парламентского контроля.

Одной из центральных проблем при переходе к системе представительного правления являлось установление парламентского контроля над правительством. Существуют два основных вида такого контроля. Один, отличающийся наибольшей последовательностью, — кабинетская система (классический пример — Англия), где правительство просто назначается из членов парламента от победившей партии. Другому типу — в конституционных монархиях континента, прежде всего Германии, где он получил известное теоретическое обоснование, — свойственно двойственное

положение исполнительной власти (правительства) в политической системе. Правительство назначается здесь монархом и обязано выполнять его волю, но в то же время должно считаться с влияниями, идущими из парламента, что порождает неустойчивость политической системы. В государствах с длительными традициями сильной монархической власти равновесие неизбежно нарушается в пользу монарха. В этих условиях парламент пользуется минимальными возможностями контроля, требуя отчета о деятельности правительства и выражая свое отношение к ней.

Отсюда понятно и значение раздела «О министрах», где регламентируется их статус, причем прослеживается и двойственность положения правительства. С одной стороны, установлено верховенство монарха в его формировании. Вводится должность государственного канцлера — связующего звена между монархом и министрами (институт, заимствованный из германского права). В его лице мы фактически имеем прообраз позднейшего председателя Совета министров (отсюда возможность сравнения О. Бисмарка с С. Ю. Витте и П. А. Столыпиным). С другой стороны, проект Муромцева проводит принцип ответственного министерства. Он различает собственно два рода ответственности — индивидуальную и коллективную, причем в обоих случаях речь идет теоретически об ответственности правительства перед законодательной властью. Однако конкретный механизм этой ответственности не раскрывается, вопрос о политической ответственности не формулируется в категориях публичного права, но переводится в плоскость гражданского и уголовного права. В результате ответственность министров за проводимый политический курс превращается в их ответственность как отдельных чиновников за конкретные должностные преступления. Таким образом решение столь актуальной для либералов проблемы «ответственного министерства» (или хотя бы политической ответственности министров) отодвигается на будущее.

Оценка конституционного эксперимента — в момент его проведения в условиях революции — самими действующими лицами заслуживает пристального внимания. Мы располагаем таким источником, как сохранившиеся в бумагах французского ученого П. Боера записи интервью и переписка с общественными и государственными деятелями России. С конца XIX в. до 30-х гг. XX в. он собирал материалы о культурной и политической жизни в России и других славянских странах. Официальное положение Боера — директора Школы живых восточных языков (*L'Ecole des Langues Orientales vivantes*) позволяло ему в ходе поездок в Россию беседовать с представителями различных политических направлений, сопоставлять официальную позицию и воззрения оппозиции, сравнивать мнения ученых и политических деятелей, реакцию на них внутри страны и за рубежом. Стремление к непосредственному знакомству с ведущими деятелями побудило Боера искать, в частности, встречи со Столыпиным; известно, что она состоялась летом 1906 года ⁴¹.

Тема отношений правительства и Думы оказалась в центре его внимания в связи с интервью предшественника и противника Столыпина — Витте. В документе, озаглавленном — «*Declarations du comte Witte (13 Novembre 1907)*», содержится изложение его интервью о политической ситуации в стране ⁴². Витте отмечает две ошибки Столыпина: непродуманный избирательный закон — «*une loi électorale de hasard, tirée de la poche*» («случайный», «вынутый из кармана») и созыв Думы в ноябре 1907 г. вместо сентября 1908 г., что не позволило лучше разработать новый избирательный закон, обсудить его в Государственном совете и провести выборы в стабильной обстановке, а не при режиме осадного положения, выгодном оппозиции. Эта критика исходила из целостной стратегии развития государства, включающей взгляд на решение национального вопроса, регулирование отношений правительства с оппозицией, представление об использовании экономических (финансовых) реформ для влияния на политическую обстановку, о способах борьбы с революционным движением и, наконец, о перспективах развития самой монархической власти.

По мнению Витте, следует всегда иметь в виду интересы Российской

империи как многонационального государства, а не как государства, где проживают исключительно русские. «Со времени Петра Великого, — говорил он, — больше нет России, а есть только Российская империя». Правительство и Дума должны поэтому проводить политику Империи в целом, а не только России: конечно, оговаривался Витте, русские должны иметь определенные привилегии, но не более того — невозможно совершенно игнорировать 35% «инородцев». Опасность правой Думы состоит именно в том, что она будет проводить русскую политику; это откроет дверь революции, худшей, чем та, которая была. Плохо понятый патриотизм может быть чрезвычайно опасен. Было бы ошибкой давать полякам автономии, которую они требуют, но на некоторые уступки следует пойти (язык, свобода школы, религии, местного самоуправления). Таким образом, нужно управлять не в интересах России, а в интересах Российской империи.

Другой вопрос — отношения правительства и оппозиции, в частности позиция кадетов в отношении правительства, которая представляется Витте чрезмерно радикальной. Вместо того, чтобы принять дарованные царем права, они хотели зайти гораздо дальше, достичь луны («*Ils ont voulu la lune!*»). Эта позиция основывалась на представлении о том, что манифест 17 октября был вырван у правительства страхом («*été arraché au gouvernement par la peur*»). Витте с этим не согласен: манифест был дан царем потому, что он этого вполне хотел («*parce qu' il la bien voulu*») ввиду бедствий, обрушившихся на Россию (русско-японская война, внутренние смуты, стремление преодолеть их без кровопролития). «Я не сожалею о манифесте 17 октября, — говорил Витте, — но я не приемлю мысли о том, что он был вырван страхом», а для спасения династии Романовых необходимо было водворить мир и принять манифест 17 октября.

Интересно объяснение Витте его последующих шагов, позволяющее понять, в каком направлении могли развиваться выдвинутые конституционные принципы. После манифеста, на протяжении трех недель, рассказывает он, я выжидал. Я воображал, что одним ударом вся либеральная Россия станет октябристской и это удовлетворит общество. Но когда я увидел, что либералы не вняли голосу разума, я вынул меч. Отсюда два типа обвинений в его адрес: правые упрекали Витте за то, что он вынул меч слишком поздно, левые (кадеты) — за то, что он вообще сделал это.

Вероятно, имея в виду свои предшествующие попытки договориться с кадетами, Витте говорил, что провал их вредно подействовал на самих кадетов. «Если бы кадеты были со мной, — не без сожаления отметил он, — они не оказались бы там, где находятся сейчас». Своим упорством кадеты добились лишь трех отрицательных результатов: получили новый, исключительно цензовый, избирательный закон; утратили свое большинство в Думе; потеряли уважение. Общий вывод Витте: «Нужно было удержать то, что давали; нужно было стать октябристами»⁴³. Последующую смену правительственного курса Витте расценивал также как следствие упущенной возможности достигнуть примирения. Столыпин в его оценке человек «очень честный, очень смелый, преисполненный благих намерений, но не очень умный, и ограниченный. Несомненно, он может быть очень хорошим губернатором, но не главой правительства».

Политические перспективы Витте рассматривал в связи с экономическими реформами. Благодаря финансовой ситуации, созданной мной, говорил Витте, мы смогли преодолеть два огромных бедствия — несчастную войну и революцию. Третье подобное испытание в ближайшие пять — десять лет Россия едва ли вынесет: она напоминает ослабленного болезнью человека, которого может погубить малейшее заболевание. Признавая надежность трех опор режима — армии, финансов и религии, Витте, однако, считал возможным их подрыв в результате действий оппозиционных общественных групп и политических партий. Среди них — революционеры, сторонники радикального решения еврейского вопроса; либералы различной ориентации. Кадеты вызывают недоверие, поскольку являются монархистами в силу обстоятельств, а не по убеждению; напротив, октябристы зарекомендовали себя как сторонники монархии по убеждению.

Если заявление Витте раскрывает цели правительства при проведении конституционных реформ и их итоги с точки зрения яркого представителя высшей бюрократии, то запись беседы Боера с Муромцевым позволяет охарактеризовать отношение к этой политике либеральной оппозиции⁴⁴. Состоявшееся 24 января 1909 г., во время контрреформ, наступивших после революции, интервью содержит оценки, во многом сходные с теми, которые в 1907 г. дал Витте. Вместе с тем здесь изложен более широкий и очень реалистический политический анализ.

Важнейшим проявлением кризиса Муромцев считал апатию общества, за которой скрывается глухое недовольство всех социальных слоев (от крестьянства и духовенства до купечества и правящих классов), напоминающее то, которое наблюдалось в канун 1905 года. Усматривая корень проблемы в нерешенности аграрного вопроса, Муромцев главной опасностью считал рост взаимной ненависти собственников и крестьянской массы. В этих условиях порядок поддерживается исключительно насильственными мерами. Результатом репрессий стало отсутствие какого-либо общественно-политического движения в стране, полное политическое безразличие населения.

Как и Витте, Муромцев видел слабость либерального движения и усиление экстремистских течений. Влияние кадетской партии упало. Другая важнейшая либеральная партия — октябристы — четко не определила направление движения, продолжая верить, что Столыпин «спасает конституцию». В этих условиях поднял голову «Союз русского народа». Законодательная власть неспособна активно воздействовать на положение ввиду ограниченности ее прерогатив. «Дума, — подчеркнул Муромцев, — обсуждает в пустоте, при кажущейся результативности, она не делает ничего: потому что принимаемые законопроекты по французским меркам являются не более как отдельными параграфами бюджетного законодательства». Известный теоретик «ответственного министерства», Муромцев признает отсутствие его в России. Министры во главе со Столыпиным находятся совершенно вне контроля⁴⁵.

Особенно резко Муромцев осуждал усиливающиеся проявления таких авторитарных черт власти, как осадное положение, не предусмотренная русским законодательством смертная казнь по приговору военного трибунала. По его мнению, повешение — это чисто политическая акция, являющаяся не более чем «вульгарным преступлением общего права».

Подводя итог переменам в стране после 1905 года, Муромцев обнаруживал их только две: во-первых, свобода печати (даже в московской тюрьме, куда были заключены лица, подписавшие Выборгское воззвание, в библиотеке были представлены все революционные издания); во-вторых, «падение престижа царя и правительства в общем». Это падение авторитета власти влекло за собой и падение престижа Думы в глазах народа. «Крестьяне, — отмечает Муромцев, — видят в Думе разновидность полицейской власти, от которой ничего не приходится ожидать». Сочетание этих двух факторов — свободы прессы и непопулярности власти — может привести страну к новым потрясениям.

До какой же степени либеральные конституционные проекты повлияли на действующее право? Проведенный анализ их содержания показывает, что данные проекты представляли собой цельные и четкие программные документы конституционного движения в России. Взяв за основу германскую теоретическую концепцию конституционной монархии, русские юристы переработали ее применительно к условиям Российской империи, переживавшей революционный кризис. Отдавая себе отчет в практических трудностях движения к гражданскому обществу и правовому государству, они стремились избежать резкого разрыва правовой традиции и ставили своей задачей встроить новые принципы в действующее законодательство. Муромцев рассчитывал целиком включить свой проект в Свод законов взамен статей 47—81 первой части I тома, не затрагивая непосредственно остальных разделов и предоставляя дальнейшему законодательству более полно соединить новые и старые нормы права, открыв путь к конституционной

монархии. Этому должна была способствовать умеренность всего проекта, отсутствие в нем специального раздела об императорской власти, допущенные видоизменения принципа разделения властей и специфическая терминология, максимально приближенная к действующему законодательству. Так, он предпочитал говорить не о конституции, а об «Основном законе», не о конституционной монархии, а о «верховенстве закона», не о парламенте, а о «Государственной думе», избегал таких терминов западных конституций, как «цивильный лист» или «ответственное министерство».

Несмотря на общую преемственность основных законодательных актов, в конституционной практике российской монархии прослеживаются три основные фазы. Первая из них представляет собой начальную фазу разработки нового основного законодательства, когда самодержавие стремилось сохранить сложившуюся политическую систему, придав ей новое правовое оформление. Общая концепция отношений народного представительства и монархической власти вполне укладывалась в ту традиционную схему, которая была намечена еще в проектах так наз. правительственного конституционализма XIX в., суть которых состояла в дополнении самодержавия совещательными учреждениями представительного или квазипредставительного характера. Такой курс проводился в ряде законов, составленных Министерством внутренних дел в первой половине 1905 г. в ответ на требования либеральной общественности. Это высочайший манифест 6 августа 1905 г.; Учреждение Государственной думы и Положение о выборах в Государственную думу. Булыгинская дума была задумана исключительно как совещательное учреждение, стоящее значительно ниже Государственного совета и правительства.

Вторая фаза ознаменовалась высшим достижением в области конституционных ограничений царской власти в России. Произведенные во время наибольшего подъема революционного движения они представляли собой вынужденную меру монархии. Таковы Манифест 17 октября 1905 г. и законодательные акты, изданные в его развитие в конце 1905 — начале 1906 года: закон об изменении положения о выборах в Государственную думу (от 11 декабря 1905 г.); манифест об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы (от 20 февраля 1906 г.). Эти законодательные акты заложили правовую основу I Государственной думы.

Выраженная в них концепция отношений представительных учреждений и монарха во многом соответствовала той, которая лежала в основе монархического конституционализма ряда западных стран, прежде всего Германии. Две палаты парламента — Государственная дума и Государственный совет — наделялись равными правами в области законодательства; теоретически (в случае достижения ими единства) они могли противостоять монарху в вопросах контроля над бюджетом и введения новых законов. Однако прав изменять основополагающие законы, руководить работой правительства и использовать армию им не было дано. Поэтому говорить о введении в России конституционной монархии как законченной формы правления не вполне правомерно ввиду важных преимуществ, отданных монархическому началу. В лучшем случае речь могла идти только о первых элементах дуалистического порядка правления.

Третья фаза конституционного законодательства выглядела чисто формальной. Производилась кодификация: Свод законов дополнялся теми актами, которые появились в предшествующий период. Однако просто включить туда новые конституционные законы едва ли было возможно практически, поскольку это порождало противоречия, неразрешимые без издания новой редакции Основных законов. Но в таком случае либо старое законодательство должно было меняться в соответствии с новым, либо, наоборот, новое — приводиться в соответствие со старым. В условиях контрреформ после подавления революции избран был второй путь. Поставленные во взаимосвязь со всей предшествующей правовой традицией и политической системой самодержавного государства, постановления о новых представительных учреждениях и их законодательных правах теряли

свою силу и убедительность, а обилие различных изъятий из них в виде особых законодательных норм, подзаконных актов, положений и административных распоряжений довершало торжество монархического начала.

Анализ Свода основных государственных законов (в новой редакции от 23 апреля 1906 г.) и утвержденного тогда же Учреждения Государственного совета выявляет существенный отход от положений манифеста 17 октября 1905 г., выражающийся как в букве, так и в духе новых законов. Внешне строй отношений Думы и Государственного совета между собой, с одной стороны, и с монархом и правительством, с другой, не изменился. Однако на деле в новой редакции основных законов, благодаря положениям о прерогативах самодержца, центр власти сместился к монарху. Произошел сдвиг вспять — к первоначальному (Булыгинскому) варианту политической реформы. Подводя общий баланс конституционных реформ, можно, таким образом, определить их результат как появление мнимого конституционализма.

Влияние конституционных проектов на основное законодательство России отразилось скорее на его форме, чем на содержании. Непосредственные признаки влияния проекта Муромцева (а через него и проекта 1904 г.) можно проследить в ряде постановлений Основных законов, прежде всего — главы 8 — «О правах и обязанностях российских подданных» и главы 9 — «О законах». Однако это влияние было ослаблено тем, что Основные законы издавались уже в изменившейся обстановке, когда правительство после поражения революции получило возможность менее считаться с оппозицией.

Тот вид конституционной монархии, который начал утверждаться в России после 1905 г., всего более напоминает германскую, позаимствовав у нее основную идею — монархический принцип. На это обращали внимание как русские (Ковалевский, Муромцев, Милюков, Кокошкин, Лазаревский), так и германские (М. Вебер, Н. Науманн, О. Хинтце) аналитики. На этом основании делался вывод о том, что в обеих странах утвердился режим мнимого конституционализма, исторически противостоявший подлинному (западноевропейскому). Сопоставляя с этой точки зрения конституционные проекты с тем, что воплотилось в жизнь, можно отметить принципиальное различие. Если составителям конституционных проектов, движимым стремлением нащупать путь исторического компромисса либерального движения и монархической власти, объединить их усилия для преодоления революционного кризиса, казалась привлекательной дуалистическая конституционная монархия, реализованная в германской конституции 1871 г. и последующем законодательстве, то в царском правительстве ориентировались скорее на Конституционную хартию Пруссии 1850 г., французскую Хартию 1814 г. и конституции германских государств начала XIX в., дававшие монарху неоспоримые преимущества перед парламентом. Еще важнее оказалась практика политического режима, сводившего на нет и те зыбкие правовые гарантии, которые были провозглашены.

Примечания

1. Liberalismus. Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 3. Stuttgart. 1982; Liberalismus. Köln. 1976; Constitutionalism. N. Y. 1979.
2. Liberalismus im 19. Jahrhundert. Deutschland im europäischen Vergleich. Göttingen. 1988.
3. Essays on Russian Liberalism. Columbia. 1972
4. HUBER E. Deutsche Verfassungsgeschichte seit 1789. Bd. 3. Stuttgart. 1975; BÖCKENFÖRDE E. W. Der Verfassungstyp der Deutschen Konstitutionellen Monarchie im 19. Jahrhundert. In: Moderne Deutsche Verfassungsgeschichte (1815—1918). Köln. 1972; Probleme des Konstitutionalismus im 19. Jahrhundert. Berlin. 1975.
5. BEUME K. V. Die Parlamentarischen Regierungssysteme in Europa. München. 1970. S. 29—30; STOLLEIS M. Geschichte des Öffentlichen Rechts in Deutschland. Bd. 2. München. 1992.
6. STAHL F. J. Das Monarchische Prinzip. Eine Staatsrechtlich-politische Abhandlungen zur Allgemeinen Verfassungsgeschichte. Göttingen. 1982.

7. HINTZE O. *Gesammelte Abhandlungen*. Bd. 1. Göttingen. 1962, S. 359—389.
8. Ср. два обобщающих труда: Политический строй современных государств. СПб. 1905—1906; *Handbuch der Politik*. Bd. 1. Brl.-Leipzig. 1914.
9. ШАЦИЛЛО К. Ф. *Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг.* М. 1985; FROHLICH K. *The Emergence of Russian Constitutionalism. 1900—1904*. The Hague. 1982.
10. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 279 (фонд П. Б. Струве и журнала «Освобождение»), оп. 2, д. 220, л. 5—8.
11. Там же, л. 15—16 об.
12. Там же, л. 25.
13. Там же, д. 224 (Проекты конституции Союза освобождения. Проект Геллерта) л. 109—112.
14. Там же, л. 78—107, 3, 92—93.
15. Там же, л. 115.
16. Там же, ф. 279, оп. 1, д. 80, л. 103—104. Кистяковский — Струве, 23.IV. 1901, из Берлина.
17. Георг Еллинек (1851—1911) — профессор в Гейдельберге, теоретик публичного права, создатель общего учения о государстве. В этом учении государство понималось как некое метафизическое единство, обладающее самостоятельной волей и целью, целостный корпоративный институт — юридическое лицо, в качестве равноправных частей которого выступали парламент, правительство и монарх.
18. Там же, л. 114об. Письмо от 5.III. 1902.
19. Там же, л. 116—118об. Письмо от 11.III. 1902.
20. Там же, д. 80, л. 152—154.
21. Там же, л. 153.
22. Там же, л. 154.
23. Там же, л. 179.
24. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 604 (П. Б. Струве), оп. 1, д. 29, л. 4—4об.
25. РЦХИДНИ, ф. 279, оп. 2, д. 224.
26. Там же, л. 20, 16.
27. Проект Основного Закона Российской империи. Разработан комиссией бюро общеземских съездов. Paris. Societe Nouvelle de Librairie et d'Edition. 1905.
28. ГАРФ. ф. 575 (С. А. Муромцев), д. 8, л. 3—3об. Записка Муромцева о I и II общеземских съездах. См. также его «Статьи и речи».
29. Проект Основного Закона Российской империи. В кн.: Конституционное государство. Изд. 2-е. СПб. 1905, с. 527—551.
30. Там же, с. 550—551.
31. PIPES R. *Struve, Liberal on the Left, 1870—1905*. Cambridge, Mass. 1970; ЛЕОНТОВИЧ В. В. *История либерализма в России. 1762—1914*. Париж. 1980.
32. К вопросу об организации будущего представительства. — Русские ведомости. 6.VII. 1905.
33. Проект Основного закона Российской империи, измененный Земским бюро. В кн.: Конституционное государство, 552—574.
34. Сергей Андреевич Муромцев. М. 1911, с. 384—406.
35. ГАРФ, ф. 575.
36. КОКОШКИН Ф. Ф. С. А. Муромцев и земские съезды. В кн.: Сергей Андреевич Муромцев.
37. КОРКУНОВ Н. М. Указ и закон. СПб. 1894.
38. Именно ко времени революции 1905 г. относятся наиболее полные переводы западных, в том числе германских, конституций в России: В. М. ГЕССЕН и Б. Э. НОЛЬДЕ. *Современные конституции*. СПб. 1905; *Тексты важнейших основных законов иностранных государств* (в переводе Ф. Ф. Кокошкина). М. 1905.
39. JELLINEK G. *Allgemeine Staatslehre*. Brl. 1921, S. 163—172, 183, 699.
40. BOLDT H. *Verfassungskonflikt und Verfassungshistorie*. In: *Probleme des Konstitutionalismus im 19. Jahrhundert*. Brl. 1975, S. 75—102.
41. Bibliotheque Nationale Française (BNF). Manuscripts, NAF, Papiers de P. Boyer, № 18861. F. 104—105 (письмо Муромцева, 13/26.VI. 1902); № 18852 (материалы путешествия Боера в Петербург и Москву в сентябре — октябре 1912 г.), A. 2-18; № 18862. F. 324, 325 (Письмо Столыпина от 27/10.V. 1907); F. 327 (Письмо Александра Столыпина).
42. BNF. NAF. № 18853. FF. 77—83 (Declarations du comte Witte. 13.XI. 1907).
43. Ibid., F. 81.
44. BNF. NAF. № 18851. FF. 62—70. Entretien avec M. S. Mouromtsev, 24.I. 1909.
45. Ibid. F. 66—67.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Сергей Дмитриевич Сазонов

А. В. Игнатъев

Имя Сазонова непосредственно связано с тем величайшим кризисом мировой цивилизации, каким явилась первая мировая война 1914—1918 годов. Он возглавлял Министерство иностранных дел России в годы, предшествовавшие этой кровавой трагедии, и входил в первую десятку дипломатов, принимавших ответственные решения в роковые дни июля — августа 1914 года. Уже во время войны Сазонов выступил инициатором превращения Антанты в прочный боевой союз, добивался расширения ее рядов, заключал секретные договоры с союзными державами о переделе мира, в том числе соглашение о Константинополе и проливах Босфор и Дарданеллы для России. Он же представлял правительства А. И. Деникина и А. В. Колчака в Париже во время мирной конференции 1919 года. Но к постановлениям этой конференции, проигнорировавшей реальные интересы России, отнесся критически, увидев в них зародыш новых неизбежных международных конфликтов.

Специальных монографических исследований о жизни и деятельности Сазонова нет. Однако о нем писали практически почти все историки, занимавшиеся внешней политикой России кануна и периода первой мировой войны. Оценка же его роли оказалась разноречивой. Представители германофильского направления видели в нем одного из «главных виновников» войны, уступавшего в этом пальму первенства разве что его предшественнику по российскому МИДу, А. П. Извольскому. Более объективные авторы выделяли его среди политиков того времени как государственного деятеля, стремившегося, наоборот, избежать войны. Такая оценка, на наш взгляд, ближе к истине, хотя и не раскрывает противоречивости политической линии последнего крупного царского министра иностранных дел, желавшего оттянуть трагическое столкновение, но опасавшегося дальнейших уступок враждебной группировке держав.

По-разному оценивался и калибр Сазонова как дипломата. Одни видели в нем не более чем эпигона Извольского. Другие полагали, что он превосходил своего предшественника. Поэтому представляется важным дать взвешенную его характеристику.

Сергей Дмитриевич происходил из старинной провинциальной дворянской фамилии. Он родился 29 июля (10 августа) 1860 г. в имении своих родителей в Рязанской губернии. Семья Сазоновых была по духу монар-

---

Игнатъев Анатолий Венедиктович — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН.

хической и религиозной. И в юности Сергей одно время думал избрать духовную карьеру. Но окончание Александровского лицея (где он, впрочем, не проявил выдающихся способностей) открыло перед ним дипломатическое поприще, и в 1883 г. он был принят в канцелярию Министерства иностранных дел. Семь лет рутинной службы не принесли ему заметного продвижения, что при отсутствии у него влиятельной протекции неудивительно. Шансы Сазонова на карьеру несколько поднял брак с Анной Борисовной Нейгардт — дочерью почетного опекуна Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии. В 1890 г. молодая семья уехала в Лондон, где Сазонов четыре года провел в должности второго секретаря российского посольства. Руководил тогда посольством умный и опытный дипломат Е. Е. Стааль, у которого было чему поучиться. В Лондоне Сазонов добавил к своему сугубо «русскому духу», которым он всегда отличался, и национальным вкусам некоторую долю англomanии. Никакой самостоятельной роли в деятельности посольства он тогда, естественно, не играл.

В 1894 г. Сазонов стал секретарем русской миссии при Ватикане, где он работал под началом А. П. Извольского — одного из наиболее способных дипломатов своего времени. Значение отношений России с папским престолом определялось наличием довольно многочисленного в стране католического населения, прежде всего в польско-литовских землях. Императорская миссия стремилась проводить применительно к Ватикану гибкую линию, учитывая по возможности его пожелания касательно интересов российских католиков. В свою очередь папский престол во главе с такими видными деятелями, как папа Лев XIII и его помощник кардинал Рамполла, обнаруживал примирительное настроение по отношению к Петербургу. Правда, устранить все недоразумения на политической и религиозной почве не удавалось вследствие архаических приемов работы у петербургского Департамента духовных дел иностранных вероисповеданий, поддерживаемого националистической печатью, а также недалёковидной деятельности некоторых католических епископов в России. Сазонов, выступая верным помощником расчетливой умницы Извольского, зарекомендовал себя в его глазах как умелый и исполнительный чиновник. Это весьма пригодилось ему позднее, когда Извольский стал министром иностранных дел.

В Ватикане Сазонов прослужил 10 лет, после чего получил назначение советником посольства в Лондоне. Там Стаалья сменил к тому времени граф А. К. Бенкендорф, дипломат довольно опытный, но несколько ограниченный, большой поклонник всего английского, плохо владевший русским языком. Опорой посла в Петербурге являлся его брат, обергофмаршал царского двора П. К. Бенкендорф, принадлежавший к ближайшему окружению Николая II. Лондонская среда была уже не новой для Сазонова, и он легко адаптировался к ней. Советник посольства играл иную роль, нежели секретарь. Иногда ему приходилось даже заменять посла (в должности поверенного в делах) и напрямую соприкасаться с «большой политикой».

Осенью 1904 г. Сазонов приложил немало стараний для урегулирования Гульевского инцидента, когда эскадра вице-адмирала З. П. Рожественского, направлявшаяся на Дальний Восток, обстреляла в районе Доггер-Банки английские рыболовные суда, что едва не привело к крупному британско-русскому военному конфликту. 12 ноября удалось заключить временное полюбовное соглашение, подписанное министром иностранных дел России В. Н. Ламздорфом и британским послом в Петербурге Ч. Гардингом. Сазонов имел также напряженные объяснения с британским министром иностранных дел Г. Лэнсдауном по поводу англо-тибетского договора от 7 сентября 1904 г., нарушавшего обещания Великобритании не оккупировать тибетской территории и не вмешиваться во внутреннее управление этой страной¹.

В 1906 г. Сазонов вернулся в Ватикан в качестве главы российской миссии. При новом папе, Пие X, возросло влияние иезуитов и ультрамонтанских кругов, державшихся вызывающе. Их Сазонов называл «католической черной сотней». Изменившиеся обстоятельства, а также, по словам

Сазонова, «непреоборимая косность» петербургской администрации, «которую невозможно было заставить отказаться смотреть на русско-польские отношения под углом зрения событий 1863 года», обрекли царского представителя при папском престоле на тягостное бездействие. Зато семья Сазонова, материальное положение которой теперь заметно улучшилось, занялась обустройством быта. В «заштатной столице мира», как называл Сазонов Рим, они создали себе комфортабельное и уютное гнездо. Супруги Сазоновы много читали, старательно знакомились с классическими произведениями итальянского искусства.

Порой им приходилось принимать католических прелатов. Там все протекало по строгому этикету: «встречали кардиналов два лакея у самой дверцы кареты с высокими, особого типа свечами с гербами и красными бантами (цвета кардинальской мантии) и провожали их до верха лестницы, где их на первой сверху ступеньке встречал хозяин (посол или посланник), а хозяйка — у входа в помещение посольства или миссии»². Что касается работы, то Сазонова не покидало чувство неудовлетворенности, и в переписке с Извольским, ставшим в 1906 г. министром иностранных дел, он просил назначить его посланником в Бухарест или Пекин. Но перестановка кадров на таком уровне, даже при благожелательном отношении министра, была в России трудным делом.

Поворот в судьбе наступил неожиданно. В 1908—1909 гг. разразился Боснийский политический кризис, резко осложнивший русско-австрийские и русско-германские контакты. Глава русского МИД потерпел тогда неудачу. К тому же он вошел в конфликт с большинством правительства во главе с самим П. А. Столыпиным. Недоволен был министром и царь. В результате положение Извольского было столь серьезно поколеблено, что от падения его спасло только заступничество благоволивших к нему французских и английских дипломатов. Тут-то и родилась чиновная комбинация, поспособствовавшая взлету Сазонова. Извольский решил расстаться с товарищем министра (то есть заместителем) Н. В. Чарыковым, который в ходе Боснийского кризиса как бы предал его, приняв сторону Столыпина. Подходящей кандидатуры на место Чарыкова Извольский в своем ближайшем окружении не видел. А Столыпину нужен был человек, который держал бы его в курсе действий министра. Таким человеком как раз и мог стать его свояк Сазонов. Для Извольского же эта кандидатура бывшего подчиненного и ученика, чьи способности он оценивал, впрочем, не слишком высоко, тоже оказалась приемлемой.

Сазонов получил предложение занять пост товарища министра и после некоторых колебаний принял его. Дипломат объяснял знакомым свое решение тем, что утомился долголетним пребыванием в Западной Европе и соскучился по родине. Но в действительности немалую роль сыграли и карьерные соображения. В июне 1909 г. в петербургском здании МИД на Певческом мосту появился новый высокопоставленный чиновник, почти 50-летний человек, отвыкший от жизни в России. Ему понадобилось немало времени, чтобы войти в курс дел. Правда, Извольский существенно помогал ему. Он требовал присутствия Сазонова при всех докладах начальников политических отделов, посвящал его в подробности своих переговоров с иностранными представителями. Нередко в рамки обязанностей товарища министра входило блюсти интересы ведомства на заседаниях Совета министров.

Там Сазонов первое время отмалчивался. Зато усиленно знакомился с бумагами важнейших международных политических дел предшествовавшего десятилетия, среди которых он выделял отношения России с Германией, Англией, Японией и Балканскую проблему. В сравнении с разносторонне подготовленным и всегда уверенным в себе Извольским Сазонов производил сначала невыгодное впечатление. По свидетельству одного крупного мидовского чиновника, если Извольский напоминал всем университетского профессора, то Сазонов — испуганного ученика, опасавшегося взбучки за неудачные ответы³. Тем не менее последний, не теряя веры в свои силы, постепенно все глубже втягивался в новую работу. Его деловому росту

способствовал и тот факт, что Извольский последнее время своего пребывания на министерском посту часто находился по состоянию здоровья в отпуске, так что управление министерством оставалось за Сазоновым. За полтора года этой службы Сазонову пришлось возглавлять ведомство более семи месяцев.

Легче налаживалась домашняя жизнь, во многом благодаря усилиям его супруги Анны Борисовны. Ей удалось создать и в Петербурге любимую, привычную для Сергея Дмитриевича атмосферу красивого, удобного и спокойного дома с хорошими картинами, мягкими коврами, изящными статуэтками, библиотекой и фортепьяно. Когда же в сентябре 1910 г. скончался русский посол во Франции престарелый А. И. Нелидов, это позволило правительству осуществить давно намечавшуюся комбинацию: Извольский занял вакантный пост в Париже, а управление министерством целиком перешло в руки Сазонова.

Политическое наследство, полученное новым министром от предшественника, было по его оценке «крайне пестро». Во внешней политике Россия опиралась прежде всего на союз с Францией, уже доказавший свою прочность и взаимную выгоду. Отношения с Англией после конвенции 1907 г. Сазонов имел основания считать вполне удовлетворительными и не угрожавшими России осложнениями. Намечалось также дальнейшее укрепление дружественных связей России и Италии, скрепленное соглашением 1909 г. в Ракониджи о поддержке Петербургом Рима в вопросе о возможном захвате Италией Триполитании. В то же время положение России на границах с Германией и Австро-Венгрией представлялось неустойчивым и побуждало Петербург рассматривать эти державы как вероятных противников. Двуетная монархия уже ступила на Балканах на путь захватов, и опасность удесят�ерялась покровительством венским замыслам со стороны Берлина. Усиливалась и собственно германская экспансия, причем во многих регионах.

А на Балканах ситуация осложнялась борьбой малых государств за присоединение этнически родственных территорий и прогерманской ориентацией правительства Турции. После революции в Персии царское правительство увязло там в интервенции. Не налаживались отношения с Афганистаном, даже в узких пределах, определенных англо-русским соглашением 1907 года. Только на Дальнем Востоке некоторое сближение с Японией после неудачной войны с ней обеспечивало относительную стабильность. Что касается личной линии Сазонова, то он первое время продолжал взятый при Извольском курс — политику соглашений и соблюдения равновесия. Это предусматривало и серию договоренностей с державами-соперниками, и балансирование между Англией и Германией.

Такой линии способствовали объективные обстоятельства: перестройка армии и флота после поражений в русско-японской войне, ход аграрной реформы Столыпина и других преобразований, сила инерции царской политики. В том же направлении действовали личностные моменты: привычное влияние Извольского, который не стеснялся подавать советы из Парижа, и недостаточная первоначально подготовленность нового министра. Впрочем, Сазонов освоился довольно быстро. Он определил круг вопросов, которыми занимался лично, и передоверил остальное своим сотрудникам, достаточно удачно подобранным. Товарищем министра стал А. А. Нератов, прекрасно владевший министерской документацией и получивший среди коллег прозвище ходячей энциклопедии. Начальником канцелярии являлся барон М. Ф. Шиллинг, знаток дипломатического этикета и мастер составления нот, в чем сам Сазонов был не очень силен. Среднеазиатские дела вел, как и прежде, опытный В. О. фон Клемм. Дальневосточные вопросы решал, фактически самостоятельно, талантливый Г. А. Козаков. В общении с ними и другими коллегами по министерству Сазонов бы прост, приветлив, постоянен в своих привязанностях. Как государственного деятеля его отличали прямота характера, отсутствие личной корысти, энергичная решительность. С иностранными дипломатами он держался нарочито холодно, скрывая за показной стороной поведения свою импульсивность и природный темперамент.

Еще раньше, чем Сазонов стал настоящим министром, ему пришлось пройти нелегкое испытание, связанное с германофильством царского двора. Николай II, не без подсказки Столыпина, повелел Сазонову присутствовать при очередном свидании с кайзером Вильгельмом II, на этот раз в Потсдаме, 22—23 октября (4—5 ноября) 1910 года. Отношения России с Германией после Боснийского кризиса оставались напряженными. Уход Извольского, которого в Берлине обвиняли в антантофильстве, казалось бы, давал шанс разрядить атмосферу и проложить путь к нормализации связей. Сазонов склонен был воспользоваться этим, что соответствовало желаниям и Столыпина, и царя. А перед отъездом в Германию Сазонов был уже хорошо информирован о вероятных настояниях немецкой стороны и знал, что берлинские политики будут добиваться прекращения оппозиции строительству немцами Багдадской железной дороги и сооружению Тегеран — Ханекинской железнодорожной линии, которая соединила бы Багдадскую магистраль с будущей сетью дорог в Персии. Известно было также, что Берлин будет отстаивать свободу немецкой торговли в Персии. В качестве программы-максимум мог встать вопрос о взаимном нейтралитете при войне Германии с Англией или России с Австро-Венгрией.

Накануне отъезда Сазонова в Петербурге состоялось совещание о перспективах урегулирования российско-германских отношений по персидской проблеме. Двойственная позиция коллег-министров не облегчила Сазонову его задачи, и ему пришлось констатировать, что его переговоры с берлинскими политиками должны будут носить «лишь очень общий характер», так что желательно не связывать себя «никакими определенными обещаниями»⁴. Оставалось лишь надеяться, что Николай II при встрече с кайзером проявит больше гибкости, чем его правительство. На предварительном свидании в Берлине с канцлером Т. Бетман-Гольвегом и статс-секретарем по иностранным делам А. Кидерлен-Вехтером Сазонов пообещал им забыть «о Боснийском эпизоде» и внимательно отнестись к пожеланиям германской дипломатии.

Немецкие государственные деятели, помимо вышеупомянутых вопросов, хотели затронуть и судьбу военных блоков. Они зондировали возможность соглашения, по которому Россия обязалась бы не поддерживать антигерманскую политику Англии в обмен на обещание Германии не поддерживать честолюбивых замыслов Австро-Венгрии на Балканах. Сазонов проявил готовность искать взаимоприемлемые решения в обоих направлениях, чем вызвал нескрываемое удовлетворение у берлинских собеседников⁵. Однако еще ранее, чем состоялись переговоры в Потсдаме и Берлине, Сазонов получил предупреждение от российского посла в Германии Н. Д. Остен-Сакена. Старый дипломат и российский патриот призывал не питать никаких иллюзий ни в отношении антирусской политики Германии, ни касательно возможной перемены ее отношений с Австро-Венгрией.

И после такого ушата холодной воды Сазонов, соблюдая внешнюю архилюбезность, повел себя на переговорах очень осторожно. Он дал условное согласие на смычку будущих персидских железных дорог с Багдадской дорогой в Ханекине, но сопровождал это существенными оговорками. Глава российского МИД обещал не чинить препятствий немецкой торговле в Северной Персии, однако в обмен на отказ Германии преследовать там любые политические и прочие некоммерческие цели. Вроде бы наметились контуры будущего соглашения. Что касается блоков, то Сазонов сузил свое предложение до желательности посредничества Германии в случае, если интересы мира потребуют достаточно доверительных отношений между Россией и Австро-Венгрией. Эта сдержанность позволила ему уйти от ожидавшихся Берлином заверений относительно Англии. Потом переговоры по обоим сюжетам предполагалось продолжить через германского посла в Петербурге⁶.

Вернувшись домой, Сазонов не спешил с оформлением соглашения и постепенно готовил к нему общественное мнение и западных партнеров России. Напротив, германская дипломатия проявляла нетерпение, причем делала упор на блоковом аспекте. Стремясь подтолкнуть колеблющегося

Сазонова и извлечь политические выгоды из потсдамского свидания, Бетман-Гольвег выступил в рейхстаге с заявлением, будто уже договорились, что «оба правительства не предпримут никаких комбинаций, острие которых могло бы быть направлено против другой стороны». Но канцлер только испортил дело, облегчив Сазонову уход от германского проекта, и 28 ноября (11 декабря) он отклонил идею общеполитического соглашения двух стран. В конечном счете российский министр избежал каких-либо письменных обязательств, сославшись просто на устные заверения, данные друг другу царем и кайзером в Потсдаме. Берлинским дипломатам пришлось признать, что Сазонов сделал «неплохой ход», так что им остается удовлетвориться принятием его заявления к сведению. После этого переговоры двух держав сосредоточились на турецко-персидских сюжетах. Развивались они трудно и завершились только в августе 1911 г., когда тяжело больной Сазонов находился на лечении в Давосе (Швейцария) и за него подписывал документы Нератов ⁷.

Сложнейший клубок международных противоречий завязался опять на Балканах. В сентябре 1911 г. вспыхнула итало-турецкая война, принявшая затяжной характер. С точки зрения Петербурга это таило риск расширения зоны военных действий на Балканы, где с трудом удавалось сдерживать от выступления малые балканские государства, и перерыва торговли через черноморские проливы. И сразу же после своего выздоровления в конце 1911 г. Сазонов стал прилагать усилия с целью ускорить итало-турецкое примирение. Поначалу эти усилия не были поддержаны представителями других держав. Только после дальнейшего обострения ситуации весной 1912 г., в связи с попыткой Италии перенести военные действия на Ближний Восток и закрытием Турцией проливов, державы приступили к более энергичным шагам. И в октябре 1912 г. мир был заключен, но к этому моменту на арену выступил Балканский союз.

Идея сплочения балканских государств и Турции для совместного противодействия австро-венгерской экспансии на полуострове принадлежала еще Извольскому и была теперь унаследована Сазоновым. Соответствующие переговоры шли с 1910 года. Трудность согласования интересов балканских государств усугублялась их стремлением направить свое объединение в первую очередь против Турции, а не против Австро-Венгрии. Ядром нового союза должно было стать болгарско-сербское соглашение. Однако эти два государства никак не могли договориться о разделе территории, которую предполагалось отобрать у Турции. Российские посланники в балканских столицах старались влиять на ход переговоров, но без особого успеха.

В феврале 1912 г. Сазонов передал в Белград и Софию настоятельный совет Петербурга «прийти поскорее к соглашению по существу», положившись в вопросе будущего раздела спорных земель на третейский суд России. Это возымело действие, и 29 февраля (13 марта) 1912 г. болгарско-сербский союз был заключен. Но его условия не в полной мере соответствовали пожеланиям России, ибо договор преимущественно был направлен все же против Турции, причем его участники брались сами определить благоприятный момент для перехода к активным действиям. Упомянутый в договоре контроль со стороны России вступал в силу лишь в случае разногласий между Болгарией и Сербией. Так что Сазонов с сугубо казенным оптимизмом оценил этот договор, полагая, будто Россия взяла «в руки средство влияния на обе державы», создав одновременно «гарантию против распространения влияния более сильных держав на Балканском полуострове» ⁸. И вскоре ему пришлось срочно искать дополнительные средства удержать балканские государства и Турцию от конфликта.

К тому времени наметились изменения во внешнеполитическом курсе России. Если Сазонов унаследовал от Извольского линию соглашений и балансирования, то в 1912 г. в нее пришлось вносить коррективы. К этому побуждали перемены и в международной ситуации, и во внутреннем положении России. В результате Агадирского кризиса (после захвата Францией в 1911 г. марокканского г. Фес немецкая канонерка «Пантера» вошла 1 июля

в марокканский порт Агадир, и 4 ноября по взаимному соглашению Франция уступила Германии часть правобережного Конго и признала в Марокко принцип «открытых дверей», за что Германия признала преимущественные права Франции в Марокко), итало-турецкой войны 1911—1912 гг. за Ливию (Триполи и Киренаика) и гонки вооружений, развернутой великими державами, резко обострилась ситуация в Европе. Положение на Дальнем Востоке также осложнилось в связи с Синьхайской революцией 1911 г. в Китае и соперничеством держав за укрепление там своих позиций. В России столыпинская политика «успокоения и реформ» не принесла в полной мере ожидаемого успеха. Но был достигнут известный прогресс в реорганизации вооруженных сил.

В правящих кругах страны столыпинский курс, особенно после гибели его демиурга в 1911 г., стал подвергаться сомнению. Это затронуло и внешнеполитический аспект. Балансирование между Англией и Германией уступило место поискам иных путей обеспечения интересов России. Сазонов быстро отреагировал на новые веяния и предпринял шаги к дальнейшему укреплению связей с Францией и Англией.

Параллельно Сазонов прилагал серьезные усилия по упрочению великодержавной роли России на Дальнем Востоке, где тоже существовал запутанный узел межгосударственных противоречий. Главное там для России все еще упиралось в ее отношения с Японией. Они постепенно улучшались, но не так быстро, как это считал целесообразным Сергей Дмитриевич. Продолжали действовать подписанные ранее в Петербурге А. П. Извольским и японским дипломатом И. Мотоно соглашения от 17 (30 июля) 1907 г. по общеполитическим вопросам (раздел Маньчжурии на российскую и японскую сферы влияния, преимущества России во Внешней Монголии и Японии в Корее) и от 21 июня (4 июля) 1910 г. о поддержании статус-кво в Маньчжурии.

Теперь уже Сазонов, опираясь на усилия непосредственно ведавших дальневосточными делами своих подчиненных, сумел добиться заключения секретной конвенции, подписанной в Петербурге им и тем же Мотоно 25 июня (8 июля) 1912 года. Уточнялась и дополнялась российско-японская демаркационная линия в Маньчжурии и Внутренней Монголии. Последняя была разделена условно по пекинскому меридиану на японскую и российскую сферы влияния. И сам Сазонов, и все правительственные круги рассматривали эту конвенцию как успешное продолжение двух предыдущих соглашений, намечавшее в будущем основу возможного российско-японского союза ради укрепления их державного положения и лучшего соблюдения «специальных интересов».

А в Европе тревожная ситуация продолжала нагнетаться. В январе — феврале 1912 г. Россия согласилась с предложением Франции скреплять протоколы совещаний начальников генеральных штабов двух стран подписями министров. Это придавало им характер правительственных документов. Серьезное значение имело расширение союзных обязательств обеих держав на действия их военно-морских сил: в июле ими была заключена военно-морская конвенция. Именно Сазонов способствовал ее подписанию. Документ был окончательно утвержден обменом письмами между ним и премьер-министром Франции Р. Пуанкаре 2—3 (15—16) августа 1912 г. во время визита последнего в Россию⁹. В ходе визита Сазонов и Пуанкаре, рассмотрев комплекс наиболее важных международных вопросов, существенно расширили взаимопонимание и взаимодействие двух правительств. Обсуждались, в частности, отношения с Англией, причем Пуанкаре высказывал пожелание, нашедшее поддержку, чтобы Сазонов использовал предстоящую ему поездку в Лондон для согласования действий на море всех держав Антанты.

Визит русского министра в Англию состоялся в сентябре 1912 года. Результаты же оказались неоднозначными. Сазонов получил твердое обещание британского министра иностранных дел Э. Грея и короля Георга V, что в случае «большой европейской войны» Англия сделает все возможное, чтобы нанести удар по германскому военно-морскому могуществу. Однако

от заверений перенести военные действия на Балтику британские государственные деятели уклонились. Грей уточнил также, при каких условиях Англия вступит в войну: если в роли агрессора, стремящегося сокрушить Францию, окажется Германия.

Много времени заняло обсуждение персидских дел. Английская сторона высказала пожелание о выводе из владений шаха русских войск. Сазонов же жаловался на стремление английских предпринимателей закрепить за собой «нейтральную зону» в Персии. В конечном счете был достигнут компромисс. Далее, в ходе обсуждения острой ситуации на Балканах, британская дипломатия уклонилась от обещания участвовать в давлении на Турцию¹⁰. Итак, Сазонов отошел от принципа балансирования между Германией и Англией и делал явную ставку на Антанту, хотя и придерживался курса на оттягивание «большой европейской войны». Более прочное скрепление блоковых связей с Англией тормозилось наличием расхождений по азиатским проблемам и относительно событий на Балканах: британская боязнь российской экспансии в сферу «британских интересов» сохранялась.

Усилия же России предотвратить вооруженный конфликт на Балканах путем одновременного воздействия на всех участников событий оказались тщетными. В октябре 1912 г. началась I Балканская война Черногории, Болгарии, Сербии и Греции против Турции. Сазонов заявил о российском нейтралитете и попытался локализовать конфликт, что сулило в перспективе укрепление позиций России. Сергей Дмитриевич пытался объединить великие державы вокруг идеи их вмешательства после первых решительных действий противников для достижения компромисса, чтобы избежать радикальных перемен на Балканах. Но военные успехи союзников и турецкие поражения побудили Сазонова трансформировать намеченную линию. От требования далеко идущих реформ в европейских владениях султана он перешел к признанию державами правомерности территориальных компенсаций балканским странам с соблюдением принципа равновесия между ними. Обязательными условиями он считал официально провозглашенную незаинтересованность великих держав и сохранение за Турцией Константинополя с полосой вдоль западного побережья Мраморного моря от Эноса к Мидии для обеспечения безопасности султанской столицы, а также общеевропейских интересов в проливах¹¹.

В ходе этой Балканской войны не раз возникали серьезные международные осложнения. Наиболее опасные инсценировались Австро-Венгрией, не желавшей допустить усиления Сербии, выхода последней к Адриатическому морю, перехода Скутари (Шкодера) к Черногории и хотевшей превратить Албанию в зависимую от Вены территорию. Двуетническая монархия прибегла к военному шантажу, проведя частичную мобилизацию войск и сосредоточив их на границах с Сербией и Россией. За спиной Австро-Венгрии и России стояли их союзники и партнеры, хотя и тут внутри каждой группировки существовали расхождения. Русское общественное мнение в основном требовало от правительства твердой защиты интересов славянских стран, а военные круги страны проявили склонность к поспешным действиям, особенно после предоставления России парижской биржей нового займа на военные нужды.

В этой непростой ситуации Сазонов проводил сдержанную политику, стремясь к компромиссному решению проблем, и добился от Сербии согласия ограничиться коммерческим выходом к свободному порту на Адриатике, а от Черногории — отказа от Скутари. Кроме того, Петербург признал автономию Албании под сюзеренитетом султана и контролем держав. В ноябре 1912 г. была провозглашена албанская независимость. А отношения России и Австро-Венгрии еще более ухудшились.

Зимой 1912/13 г. военный министр России В. А. Сухомлинов предложил ответить на военные приготовления Двуетнической монархии частичной мобилизацией войск. На совещании у Николая II, а затем на Совете министров Сазонов вместе с председателем Совета министров В. Н. Коковцовым решительно выступили против Сухомлинова, аргументируя свою позицию

огромной напряженностью международной обстановки и опасностью большой войны, к которой Россия не готова ни в военном отношении, ни с точки зрения внутреннего состояния страны, испытывавшей сильное социальное брожение. В итоге частичная мобилизация была отклонена и заменена более осторожными мерами¹². Сдержанная линия Сазонова и Коковцова привела к тому, что в марте 1913 г. Россия и Австро-Венгрия договорились о взаимной отмене военно-подготовительных мер.

Источник напряженности содержался и в угрозе падения Стамбула под ударами болгарской армии. Результатом могло стать появление в проливах международной эскадры держав и изменение режима Босфора и Дарданелл к невыгоде России. Сазонов срочно возбудил перед правительством вопрос о необходимых контршагах: намечалось послать к Босфору Черноморскую эскадру и высадить десант в Стамбуле. Последствия представлялись, впрочем, неясными. Но туркам удалось удержать прикрывавшую Стамбул Чаталджинскую укрепленную линию.

Российской же дипломатии удалось тогда не допустить антиболгарского выступления Румынии, которая предъявила свои территориальные претензии на Балканах в уплату за нейтралитет. На Петербургской международной конференции в марте — апреле 1913 г., где председательствовал Сазонов, было достигнуто временное компромиссное решение, обязавшее конфликтующие стороны соблюдать сдержанность. Впрочем, ни Болгария, ни Румыния не выказывали удовлетворения.

I Балканская война привела к укреплению влияния Антанты, особенно России, на полуострове. Это побудило Центральные державы активизировать их усилия по расколу Балканского союза, члены которого никак не могли договориться о разделе отвоеванной у турок территории. Напрасно Сазонов взывал к ним, предлагая прибегнуть к посредничеству России. И в июне 1913 г. вспыхнула II Балканская война Греции, Сербии, Черногории, Румынии и Турции против Болгарии. Центральные державы обещали последней поддержку. Срочно предпринятые русской дипломатией усилия были направлены к скорейшему примирению воюющих, причем Сазонов решительно возражал против попыток Турции ревизовать условия Лондонского мира 30 мая 1913 г., завершившего I Балканскую войну.

Разгромленная Болгария приняла условия противников и лишилась не только некоторых своих приобретений в предыдущей войне, но и части собственной территории — Кадрилатэра (населенной преимущественно болгарскими Южной Добруджи), доставшегося Румынии. России не удалось оградить Болгарию и от возвращения Турции приобретенных ранее земель с Адрианополем. В итоге Болгария оказалась потерянной для Антанты и вскоре присоединилась к Центральным державам. Правда, общий баланс обеих Балканских войн оказался в пользу России и ее партнеров. Усилилась прорусски настроенная Сербия. Была заложена основа для отхода Румынии от Центральным державам. Однако Балканы так и остались узлом острейших противоречий.

Дипломатическая борьба той поры сильно повлияла на взаимоотношения европейских великих держав. На фоне нараставшего соперничества Антанты и Тройственного союза укрепились австро-германские и англо-французские связи. Это нельзя было сказать об отношениях Италии и России с их партнерами по блокам. В Париже и Лондоне спокойнее относились к возможности «большой европейской войны», нежели в Петербурге, и относительные уступки России Центральным державам вызывали разочарование у Франции и Англии, склонных занять более твердую позицию. Сазонов, в силу своего положения, чувствовал это острее всех других российских министров. Не случайно именно он ставил вопрос об опасности дальнейших уступок Германии и Австро-Венгрии.

Очередной кризис был вызван появлением в Стамбуле германской военной миссии генерала Л. фон Сандерса с широкими полномочиями. Он должен был, в частности, стать командующим турецким корпусом в Стамбуле. Данный шаг был расценен в России как попытка Берлина установить контроль над Османской империей вообще, проливами в особенности.

Сазонов в начавшихся объяснениях с немецкими дипломатами сразу взял резкий тон, обвинив собеседников в недостатке дружелюбия и искренности. Все же он предпринял попытку договориться с Германией, для чего использовал кратковременное пребывание Коковцова в Берлине. Но попытка оказалась безуспешной. Тогда Сазонов стал добиваться коллективного давления Антанты на Турцию. Лондон и Париж, не будучи уверены в твердой решимости Петербурга бороться до конца, ограничились дипломатической поддержкой партнера. Англия, не возражая против любых мер, которые Россия захотела бы предпринять для защиты своих интересов, не обещала заранее своей поддержки в случае вооруженного конфликта. Иную позицию заняла Франция: президент Пуанкаре выразил полную «решимость не уклоняться при настоящих обстоятельствах от обязательств, возлагаемых на нее союзом»¹³.

23 декабря 1913 г. (5 января 1914 г.) Сазонов представил царю записку о необходимости созвать совещание по вопросу о миссии Сандерса. Министр считал, что Россия не должна мириться с успехом Германии в Турции, который имел бы «самые губительные последствия»: очередное отступление не предохранит России «от возрастающих притязаний Германии и ее союзников, начинающих усваивать все более неуступчивый и непримиримый тон во всех вопросах, затрагивающих их интересы. С другой стороны, во Франции и Англии укрепится опасное убеждение, что Россия готова на какие угодно уступки ради сохранения мира. Раз такое убеждение укоренится в наших друзьях и союзниках, без того не очень сплоченное единство держав Тройственного согласия может быть окончательно расшатано, и каждая из них будет стараться искать иных обеспечений своих интересов в соглашениях с державами противоположного лагеря». Поэтому Сазонов предлагал, не отказываясь от переговоров с Германией, заручиться обещанием Франции и Англии отстаивать до конца общие требования и приступить к совместному давлению на Турцию, начиная от финансового бойкота, разрыва дипломатических отношений и вплоть до временной оккупации некоторых турецких портов и территорий. Сазонов отдавал себе отчет в возможности вмешательства Германии, но считал целесообразным пойти на риск, если с этим согласятся Военное и Морское министерства, а поддержка Франции и Англии будет обеспечена¹⁴.

Такое совещание состоялось 31 декабря (13 января 1914 г.). Там Сазонов впервые разошелся с Коковцовым, продолжавшим защищать примирительную линию, зато оказался вместе с представителями Военного министерства. Осторожная позиция Коковцова возобладала, но в последний раз¹⁵. К февралю конфликт кое-как был улажен. Россия добилась формальной уступки: генерал Сандерс не будет командовать корпусом в Стамбуле, а станет инспектором турецкой армии. Это вовсе не лишало немецкую миссию ее значения. Отношения между двумя соседними империями значительно обострились. Показателем стала острая русско-германская «газетная война», вспыхнувшая тогда же. Один из выводов, сделанный в Петербурге, заключался в необходимости дальнейшего укрепления Антанты и прежде всего ее более слабого русско-английского звена.

Потребность в консолидации Антанты диктовалась и общей напряженной международной ситуацией, и особенностью положения России. Петербургу предпочтительно было бы оттянуть назревавшее военное столкновение еще на несколько лет, чтобы завершить большую программу вооружений и стабилизировать беспокойную обстановку внутри империи. Однако новое отступление перед Берлином представлялось нежелательным и опасным. Укрепление Антанты могло оказать сдерживающее влияние на Центральные державы, а если войны все же не удастся избежать, то будет надежнее обеспечена поддержка партнеров. И Сазонов взялся за дело с неизменно свойственной ему энергией.

В конце января 1914 г. он предложил создать механизм согласования политики держав Антанты в балканских делах. Эта идея была тотчас реализована в форме периодических совещаний послов России и Франции в Лондоне с британским министром иностранных дел. В феврале Сазонов

же возбудил вопрос о превращении Антанты в открытый оборонительный союз. Предполагалось использовать влияние Франции, более тесно связанной с Англией. Но проведенный тогда зондаж показал, что либеральное правительство Англии на такой союз не пойдет и что Франция не видит необходимости настаивать на этом решении. Вместо того французские политики предложили содействовать установлению между Россией и Англией столь же тесных отношений, какие существовали между Парижем и Лондоном. Речь шла о военно-морском и политическом соглашениях. Российская сторона согласилась, не отказываясь в принципе от более выгодной формы оборонительного союза, но дорожа возможностью укрепить группировку¹⁶.

Британский Форин Оффис поставил заключение военно-морской конвенции с Россией в зависимость от ее уступок Англии в Персии и Тибете. В письме послу в Лондоне Бенкендорфу 11 (24 июня) Сазонов жаловался, что англичане выдвигают все новые требования, а сами тянут с заключением конвенции. Министр мирился с мыслью, что дальнейшее сближение с Англией «предполагает некоторые жертвы», однако опасался, как бы англичане не потребовали от России «слишком больших жертв». Все же он обещал «остаться верным до последних пределов возможного» решению развивать и укреплять связи с Англией. Последняя стадия русско-английских переговоров уже переплелась с июльским военным кризисом и протекала под его влиянием. Проект военно-морской конвенции был подготовлен, хотя и не успел получить официального утверждения¹⁷.

Усилия Сазонова в аспекте укрепления блока коснулись тогда и Румынии. С целью закрепить благоприятный поворот в отношениях двух стран в июне было организовано свидание Николая II с румынским королем Карлом I Гогенцоллерном в Констанце. Затем Сазонов лично посетил Бухарест, где вел переговоры с королем и с его первым министром Й. Брэтиану-младшим. В результате русской дипломатии удалось нейтрализовать Румынию как потенциальную союзницу Центральных держав. Извольский считал откол Румынии от Тройственного союза огромным успехом Сазонова¹⁸.

Дальнейшему укреплению связей с Францией должен был содействовать визит в Россию Пуанкаре, намеченный в январе 1914 года. Он состоялся в июле. Но июльский кризис разразился раньше, чем русская дипломатия сумела осуществить замыслы по консолидации Антанты. Горячее лето выдвинуло два вопроса: готовы ли партнеры России солидаризироваться с ней, чтобы совместными усилиями не допустить австрийского унижения Сербии, и готовы ли они в случае войны на почве балканских дел сразу же принять сторону России? Сазонов сначала уповал на мирный исход кризиса, полагая, что доказать причастность белградского правительства к покушению сербских националистов на австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево не удастся, а престарелый император Австро-Венгрии Франц-Иосиф не захочет омрачить близкий конец своего правления кровопролитием. Но он, как и царь, вовсе не был намерен выдавать Вене Сербию головой.

Между тем в Петербург стали поступать тревожные сигналы о возможных международных последствиях убийства австрийского эрц-герцога. Вырисовывалась вероятность резкого демарша Австро-Венгрии, подкрепленного военной угрозой. 23 июня Сазонов предупредил австрийского поверенного в делах О. Чернина: «Не вступайте на этот путь: он опасен». Затем он предписал российскому послу в Вене Н. Н. Шебеко «дружески, но настойчиво» указать австрийскому министру иностранных дел Л. Берхтольду «на опасные последствия, к которым может привести подобное выступление, если оно будет иметь неприемлемый для достоинства Сербии характер»¹⁹.

Крайне существенным представлялось договориться с Францией о единой линии поведения. Именно это облегчил визит Пуанкаре 7—10 (20—23) июля. Сазонов вел переговоры и с самим президентом, и с председателем Совета министров Франции, министром иностранных дел А. Вивиани. Особое место занял там назревавший австро-сербский конфликт, который

рассматривался в контексте поддержания европейского равновесия. Результат бесед русских и французских лидеров Сазонов и французский посол М. Палеолог суммировали тремя пунктами: констатация общности взглядов на проблемы мира и европейского равновесия, вставшие перед державами, в особенности на Востоке; решение повлиять на Вену с целью предотвратить предъявление требований, которые были бы равносильны вмешательству во внутренние дела Сербии и могли рассматриваться как покушение на ее суверенитет; торжественное подтверждение обязательств, возлагаемых на обе стороны их союзом. К намеченным дипломатическим акциям двух держав в Вене решено было привлечь также Англию. Британский посол в Петербурге Дж. У. Бьюкенен сообщил в Лондон: «Франция и Россия пришли к решению поднять брошенную им перчатку»²⁰.

Предотвратить австрийский ультиматум Сербии Россия и ее партнеры не успели. Сазонов узнал о нем утром 11 (24) июля и охарактеризовал возникшее положение словами: «Это европейская война». Министр тотчас связался по телефону с Николаем II, доложил о происшедшем и попросил его срочно созвать Совет министров. Затем Сазонов пригласил к себе начальника Генерального штаба Н. Я. Янушкевича и обговорил с ним возможность частичной (против одной Австро-Венгрии) мобилизации русской армии.

Тут же Сазонов принял австрийского посла С. Сапари, который вручил ему письменное сообщение, включавшее текст венского ультиматума Белграду и выводы следствия о сараевском покушении. В документе и в устном заявлении посла Сербия обвинялась в организации заговора, угрожающего целостности и безопасности Двуетной монархии. В ответ Сазонов обвинил Австро-Венгрию в умышленном провоцировании войны, посоветовал взять ультиматум обратно и, как минимум, смягчить австрийские требования. И эта встреча, и донесения из Вены свидетельствовали о намерении лидеров Австро-Венгрии занять непримиримую позицию. Оставалась надежда на сдерживающее влияние Германии, которую могла побудить к умеренности лишь твердая позиция Лондона. Таким образом, ключевым становилось поведение Англии: солидаризируется она открыто с партнерами или нет?

Немедленно Сазонов встретился также с послами Франции и Англии и предложил выработать совместный план действий. Министр и Палеолог познакомили Бьюкенена с соглашением двух правительств, достигнутым во время визита Пуанкаре, и поставили вопрос о присоединении к нему Англии. Бьюкенен передал просьбу в Лондон, но Форин Оффис от ее выполнения пока что уклонился²¹.

Днем собрался на заседание Совет министров России. Сазонов и министр земледелия А. В. Кривошеин обосновывали необходимость, несмотря на риск войны, занять твердую позицию. Главы других ведомств согласились с ними. Было намечено, продолжая дипломатические усилия во имя сохранения мира, прибегнуть в зависимости от хода событий к частичной мобилизации войск. Сразу же после заседания Сазонов принял сербского посланника М. Спайлаковича и посоветовал, чтобы Сербия, отвечая на австрийскую ноту, проявила максимум уступчивости, совместимый, однако, с сохранением суверенитета. А вечером состоялось свидание Сазонова с германским послом. Граф Ф. Пурталес, оправдывая образ действий Вены, предлагал локализовать австро-сербский конфликт, оставив Сербию один на один с противником. Русский министр отказался разделить такой взгляд и обвинил Австро-Венгрию в предъявлении заведомо неприемлемых требований и в неуважении к мнению других держав²².

Утром 12 (25) июля Сазонов ознакомился с полученными за ночь телеграммами. Австро-Венгрия сосредоточивала вооруженные силы на сербской границе. Из Белграда обещали дать примирительный ответ на австрийскую ноту, но не считали возможным принять все требования Вены. Затем состоялось следующее заседание Совета министров под председательством царя. Сазонов доложил о ходе дипломатических переговоров и о последних событиях, свидетельствовавших, что тучи сгущаются. Обсуждался вопрос, объявлять ли намеченную накануне частичную мобилизацию.

Решено было пока воздержаться, выждав реакции Австро-Венгрии на сербский ответ. Но, поскольку представители военного ведомства боялись запоздать с мобилизационными мероприятиями, договорились ввести в действие со следующего дня на всей территории империи «Положение о подготовительном к войне периоде» с комплексом предмобилизационных мероприятий. Военный министр получил полномочия на принятие при необходимости и иных подготовительных мер. Центр усилий стал перемещаться из дипломатической в военную плоскость.

Вечером Австро-Венгрия разорвала дипломатические отношения с Сербией, заверив другие державы, что это еще не означает начала военных действий. Такое заявление звучало скорее как угроза. Оставалась надежда, что Центральные державы побудит одуматься позиция Англии. Сазонов не жалел усилий, чтобы склонить последнюю открыто солидаризироваться с Францией и Россией. Но ни его ежедневные беседы с Бьюкененом, ни объяснения Бенкендорфа с Греем в Лондоне, ни личное письмо Николая II Георгу V, ни попытки воздействовать на Лондон через Париж не давали желаемого результата. Приходилось примириться с тем, что «Англия не выскажется, пока объявление всеобщей войны не выдвинет определенно вопроса о европейском равновесии»²³.

В сложившейся ситуации российская дипломатия сама выступала с новыми предложениями и поддерживала инициативы других стран, которые могли бы как-то предотвратить или хотя бы отсрочить начало войны. Сазонов поддержал просьбу Сербии, чтобы державы приняли на себя третейское посредничество в конфликте с Австро-Венгрией, и предложил дипломатам Двуетной монархии вступить в неофициальный обмен мнениями для совместной переработки некоторых статей австрийского ультиматума. Верил ли Сазонов в успех его начинаний? Полагаем, что им тогда скорее руководило желание выиграть время для осуществления военномобилизационных мероприятий в России и поставить противника в невыгодное положение в глазах мировой общественности. В чем он вполне преуспел. 13 (26) июля Бенкендорф сообщил министру: «Поздравляю Вас от всей души с занятой вами позицией. Она вся прельщает меня вплоть до умеренности Вашего языка и осторожности, с которой Вы намечаете порядок наших дальнейших действий. Это чрезвычайно необходимо, абсолютно необходимо для нас, обеспечить нам английское сотрудничество»²⁴.

Вечером 15 (28) июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну и сразу же приступила к боевым операциям. Германия солидаризировалась с союзницей и предупредила, что поддержит ее в случае выступления России. Франция, опасаясь колебаний Петербурга, тоже подтвердила свою готовность исполнить союзнические обязательства. В британском кабинете началась борьба между «либералами-империалистами» и их оппонентами по вопросу о вступлении в войну. Правительство Г. Асквита решило оставить в мобилизованном состоянии собранный для маневров флот. А Сазонов, подыгрывая Грею, поддержал английскую идею посредничества четырех держав (Англия, Франция, Германия и Италия) в австро-сербском и австро-русском конфликтах и предложение Форин Оффис, допускавшее частичную оккупацию Австро-Венгрией сербской территории при условии отказа от дальнейшего продвижения войск в ожидании результатов посредничества держав²⁵.

Последние надежды на предотвращение «большой войны» возлагались в Петербурге на примиряющее влияние Берлина. Они возникли в связи с обменом телеграммами между Николаем II и его кузеном-кайзером 16 (29) июля. А Сергей Дмитриевич имел в тот день два объяснения с германским послом. Первое как будто бы подавало надежду на мирный исход кризиса. Но днем, во время второго визита, Пурталес зачитал Сазонову телеграмму Бетман-Гольвега, где говорилось, что, если Россия будет продолжать военные приготовления, Германия сочтет себя вынужденной мобилизоваться и перейти от слов к действиям. Это предупреждение походило на ультиматум и вызвало такую реакцию Сазонова: «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости».

Когда царь позвонил Сазонову и сообщил о примирительной телеграмме Вильгельма II, министр рассказал ему о втором визите Пурталеса, подчеркнув, что слова кайзера царю противоречат инструкциям послу. Царь обещал тотчас телеграфировать в Берлин, чтобы разъяснить это несоответствие, и в то же время разрешил Сазонову незамедлительно встретиться с Сухомлиновым и Янушкевичем насчет мобилизации²⁶. На их встрече обсуждался вопрос, производить ли частичную мобилизацию против одной Австро-Венгрии, на что имелось согласие Совета министров и царя, или общую, которая требовала особого утверждения Николаем II. Сазонов после некоторых колебаний согласился с мнением военных о необходимости общей мобилизации, чтобы безнадежно не отстать в мобилизационных мероприятиях от Центральных держав, и взялся убедить в этом царя, чего и добился при телефонном разговоре. В Париж и Лондон были направлены телеграммы о принятом Россией кардинальном решении, о благодарности Франции за твердую поддержку и с обращением к Англии с настоятельным призывом, «не теряя времени», присоединиться к партнерам.

Вечером царь, получивший новую телеграмму от кайзера с неопределенными обещаниями, распорядился заменить общую мобилизацию на частичную. Сазонов узнал об этом уже ночью и не решился беспокоить монарха новым звонком. Около 1 ч. ночи он принял Пурталеса по его просьбе. Посол спросил, согласится ли Россия удовлетвориться обещанием Вены не нарушать территориальной целостности Сербии при сохранении прочих требований к ней. Сазонов ответил отрицательно, так как превращение Сербии в австрийский протекторат будет неприемлемо для России. На просьбу Пурталеса сформулировать российские условия он набросал следующий проект: «Если Австрия, признав, что австро-сербский вопрос принял характер вопроса европейского, заявит готовность удалить из своего ультиматума пункты, посягающие на суверенные права Сербии, Россия обязется прекратить свои военные приготовления». Собеседники расстались взаимно неудовлетворенными²⁷.

За ночь ситуация ухудшилась. Поступили известия о военных приготовлениях Австро-Венгрии на российской границе и предмобилизационных мероприятиях Германии. С утра 17 (30) июля Сухомлинов, Янушкевич и Сазонов, к которым присоединился Кривошеин, старались убедить царя в неотложности общей мобилизации. Николай II, объяснения с которым шли по телефону, отказался изменить свое решение, а от встреч с ними всячески уклонялся. В конечном счете он согласился предоставить в три часа дня аудиенцию Сазонову для доклада об общем положении. Там министру с большим трудом удалось убедить царя, что Германия уже сделала выбор в пользу войны и у России не остается иного выхода, кроме общей мобилизации. Царское повеление Сазонов сразу же передал по телефону Янушкевичу, и механизм общей мобилизации заработал. Далее Сазонов незамедлительно известил об этом Францию и Англию²⁸.

Царь еще обменивался телеграммами с кайзером, обещая ему, что, пока будут длиться переговоры с Веней по сербскому вопросу, русские войска «не предпримут никаких вызывающих действий», а жребий был уже брошен. 18 (31) июля германский МИД обратился к российскому правительству с грозным предупреждением, в полночь на 19-е последовал немецкий ультиматум, а вечером 19 июля (1 августа) Германия объявила России войну и оказалась в положении державы, первую обнажившей меч в защиту союзницы, на которую не только никто не нападал, но которая сама нападала на соседнюю малую страну. Если тогда российской дипломатии не удалось сохранить мир, то с задачей выставить противника нападающей стороной Сазонов справился успешно. Это имело важное значение для вступления в схватку не столько Франции, которой Германия тоже объявила войну, сколько Англии, избравшей, впрочем, поводом для своего вмешательства нарушение немецкими войсками нейтралитета Бельгии. И в течение 19—24 июля кризис перерос практически в общеевропейское военное столкновение.

26 июля (8 августа) на заседании Государственной думы, продемонстрировавшем единство перед лицом войны почти всех ее фракций, обычно сдержанный Сазонов плакал на трибуне, не в силах совладать с собой при этом зрелище. Перед министром иностранных дел встали теперь новые задачи, и он с энтузиазмом взялся за их решение. 27 июля (8 августа) он возбудил вопрос о присоединении Англии к обязательствам России и Франции по союзному договору: когда придет время заключения мира, вести переговоры о нем только совместно и по взаимному соглашению. 23 августа (5 сентября) конвенция трех держав о незаключении сепаратного мира, равнозначная союзному договору, была подписана в Лондоне Бенкендорфом, Греем и французским послом П. Камбоном. К нему присоединилась Япония, а после своего вступления в войну и Италия.

Российская дипломатия, руководимая Сазоновым, активно участвовала в привлечении на сторону Антанты новых союзников. В случае с Италией российскому МИД пришлось согласиться на передачу ей в будущем Далмации с полуторамиллионным славянским населением в ущерб интересам Сербии. Сазонова потом нередко обвиняли в недостаточном знании славянских проблем и, соответственно, малом внимании России к этой стороне дела. Нужно, однако, принимать во внимание, что он сначала твердо противился притязаниям Рима на Адриатике и уступил лишь под двойным давлением как западных союзников, так и Ставки, заинтересованной весной 1915 г. в военной помощи со стороны Италии против Австро-Венгрии. Участие Японии в войне на стороне Антанты было закреплено русско-японским союзным договором 1916 года. Сазонов сыграл также заметную роль в усилиях по привлечению к Антанте Румынии и Китая (их присоединение осуществилось уже после его отставки). Неудача подстерегла министра относительно Болгарии, которая предпочла выступить на стороне Центральных держав²⁹.

В ходе мировой войны российское правительство пыталось решить комплекс сложных задач. И практически во всем этом участвовал Сазонов. Он развил большую энергию в деле выработки странами Антанты совместной программы послевоенных изменений на карте мира. Еще в начале войны он сообщил Франции и Англии свой эскиз картины передела мира в предвидении победы, где на первое место выдвигал задачу «сокрушить могущество Германии и положить конец ее стремлению к военному и политическому господству». Намечалась территориальная перекройка Европы, оправдываемая или маскируемая «национальным принципом». Германские колонии подлежали разделу между Англией, Францией и Японией. Австро-Венгрия по этому проекту теряла польские и югославские земли и, после выделения в ее рамках Королевства Чехии, превращалась в триединую монархию. Центральные державы выплачивали военную контрибуцию.

Потом этот эскиз был дополнен гарантией свободного прохода русских судов через Босфор и Дарданеллы. Речь не шла об их аннексии. Ведь Турция пока сохраняла нейтралитет, и важно было каким-либо неосторожным шагом не толкнуть ее в лагерь противника. Тогда союзники не дали официального ответа на предложения Сазонова. А в частных беседах с российскими послами Грей и министр иностранных дел Франции Т. Делькассе высказались за поддержку идеи сокрушения германского военного и морского могущества и, в общих чертах, за территориальные изменения в Европе и колониях. Но самый момент для выработки такого соглашения о послевоенном устройстве представлялся Парижу и Лондону неблагоприятным: французская армия отступала, Англия только еще бралась за создание крупных сухопутных сил, и союзники предпочли избрать путь отдельных решений по каждому конкретному вопросу по мере его созревания³⁰.

Первый вопрос такого рода, которым пришлось заняться державам Антанты, касался будущего урегулирования на Ближнем Востоке. Вступление Турции в войну на стороне Центральных держав стимулировало выдвижение российским правительством претензий на обладание Черноморскими проливами. Эти претензии поддержали персонально и многие политические

деятели России, пользовавшиеся широкой известностью, в том числе лидер кадетов П. Н. Милюков, прозванный журналистами Милюков-Дарданелльский. Сазонов же вплотную столкнулся с вопросом о проливах еще в ходе Балканских войн и в связи с миссией Сандерса. В ноябре 1913 г. он представил Николаю II записку, в которой констатировал бессистемность и неэффективность подготовки России к решению столь важного вопроса. Министр выступал за разработку всесторонней и планомерной программы, с привлечением всех заинтересованных ведомств. Царь согласился на созыв предложенного Сазоновым особого совещания. Оно состоялось в феврале 1914 г. под председательством самого Сазонова. Там он высказал убеждение, что в случае ухода проливов из-под власти Турции Россия должна будет завладеть ими. Участники совещания понимали, впрочем, что открытая борьба за проливы вряд ли возможна без общеевропейской войны. Пока что они определили меры, необходимые для того, чтобы иметь возможность захватить проливы «в недалеком будущем». Но реализовать намеченную программу до начала мировой войны не успели³¹.

В первые месяцы войны Франция с трудом сдерживала натиск немецких войск, оказавшихся в опасной близости к Парижу. Англия не могла тогда оказать ей существенной помощи на суше. Соответственно возросла роль России, войска которой вели активные операции против Германии и Австро-Венгрии. Сазонов воспользовался политически благоприятной ситуацией, чтобы возбудить вопрос о признании прав России на проливы. Он отдавал себе отчет в трудности дела, проистекавшей из противоречий России с ее союзниками на Ближнем Востоке, но рассчитывал, что западным державам придется теперь пойти на уступки, тем более что Петроград готов был компенсировать союзников согласием на удовлетворение их притязаний в других местах. В какой-то мере подтолкнуло Сазонова к новой активности начало Дарданелльской операции (февраль 1915 — январь 1916 гг.) Англии и Франции, нацеленной на вывод Турции из войны.

Российская дипломатия провела предварительный зондаж в Париже и Лондоне. Результаты оказались обнадеживающими. Сазонов инициировал также внутреннюю подготовку, выступив в январе 1915 г. на закрытом заседании бюджетной комиссии IV Думы и на сессии Думы с заявлениями, положившими начало агитационной кампании в русской печати. 9 (22) февраля состоялось узкое совещание правительства под председательством И. Л. Горемыкина с участием Сазонова, военного, морского министров и начальников штабов, посвященное вопросу о проливах. Горемыкин считал, что их захват может быть предпринят после победоносного мира с Германией. Сазонов внес поправку: да, подходящим будет время после разгрома Германии, но еще «до окончательного заключения мира». Он считал предпочтительным вариант прохода российских войск через Румынию и Болгарию перед морской десантной операцией.

В рассуждениях того и другого крылось недоверие к благожелательному отношению западных держав. Обсуждая масштабы территориальных претензий России в районе проливов, Сазонов поддержал мнение генералитета об осуществлении максимальной программы, которая затем и получила одобрение³².

После этого Сазонов приступил к воздействию на союзников. 19 февраля (4 марта) он адресовал Палеологу и Бьюкенену памятную записку, в которой утверждал, что «вопрос о Константинополе и проливах должен быть окончательно разрешен и сообразно вековым стремлениям России». Речь он вел о переходе к России Константинополя, обоих берегов и островов Мраморного моря, а также находившихся у входа в Дарданеллы о-вов Имброс и Тенедос. Взамен Петроград обещал союзникам «такое же сочувствие осуществлению планов, которые могут явиться у них по отношению к другим областям Оттоманской империи и иным местам». Ответы, полученные из Лондона и Парижа, не удовлетворили Сазонова. Союзники не возражали против пожеланий России, но указывали, что окончательное разрешение дело может получить лишь в мирном договоре и в результате совместного обсуждения всех условий завершения войны.

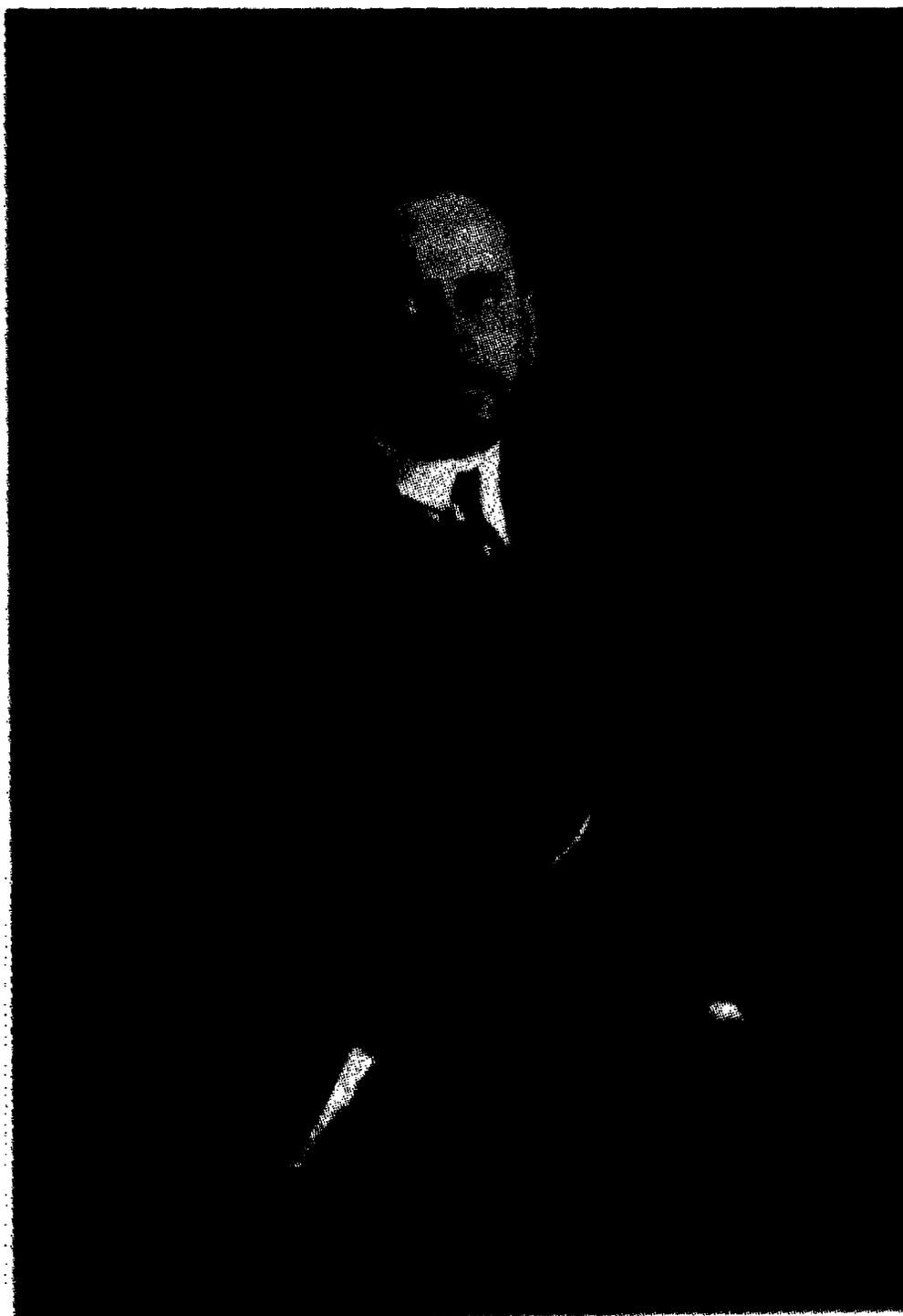
Сазонов продолжал убеждать Палеолога и Бьюкенена урегулировать проблему уже сейчас, не дожидаясь мирного конгресса. На помощь ему пришла Ставка, к переговорам подключился царь. Русская печать ретиво полемизировала с английскими и французскими газетами, выступавшими тогда за нейтрализацию проливов и международный статус Константинополя. Первой уступила более гибкая британская дипломатия, и 27 февраля (12 марта) Бьюкенен вручил Сазонову памятную записку, содержащую согласие на русские претензии, «если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах». В другой памятной записке, переданной в тот же день, уточнялась одна из претензий Лондона: пересмотр соглашения 1907 г. о Персии «в смысле признания нынешней нейтральной сферы как сферы английской».

Согласие Англии облегчило Сазонову воздействие на Францию, к которому присоединился теперь Форин Оффис. Но только после угрозы министра, что ему придется в случае отказа уйти в отставку, а его место может занять приверженец бывшего союза трех императоров (Россия, Германия, Австро-Венгрия), Париж поддался и 28 марта (10 апреля) дал положительный ответ в форме вербальной ноты, повторявшей условия Лондона. Успех Сазонова, которому вроде бы удалось вплотную приблизиться к многовековой цели российской имперской политики, был триумфален. Он свидетельствовал не только о высоком в тот момент удельном весе России в Антанте, но и о способностях министра, сильно подняв его авторитет в правительстве и думских кругах. Теперь требовалось «лишь» выиграть войну и сохранить к ее концу достаточно сил, чтобы отстоять обещанное.

Конкретизируя свои притязания на Востоке, Англия и Франция со своей стороны повели переговоры о разделе азиатских владений Турции. Их внутренняя договоренность нашла отражение в «соглашении Сайкс — Пико». Британский генерал, дипломат и историк П. Сайкс (в ту пору — командир корпуса южноперсидских стрелков в Иране) и французский политик Ф. Жорж-Пико подготовили проект о разделе арабских земель на британские и французские колонии или сферы влияния. 9—16 мая 1916 г. Камбон и Грей обменялись в Лондоне нотами о вступлении проекта в дипломатическую силу. Затем союзники подтвердили свою поддержку вышеупомянутому англо-франко-российскому соглашению 1915 года. Но в Петрограде такой поворот не вызвал энтузиазма. Будущие британские владения («синяя зона») закрыли бы России выход к Персидскому заливу. Французская «красная зона» чересчур приближалась к предполагаемым российским владениям. Сазонов сумел использовать успехи русских войск против турок на Кавказском фронте, чтобы внести в англо-французский проект поправки. Главная касалась возможности России самостоятельно решить армянский вопрос. Тем не менее, по новому соглашению (июнь 1916 г.) границы владений и сфер влияния трех держав в том регионе неминуемо сближались или даже смыкались, что затрудняло предотвращение конфликтов³³.

Но поскользнулся Сазонов не на восточном, а на польском вопросе. Последний привлек его внимание еще накануне войны. В январе 1914 г. он обратился к Николаю II с запиской, где указывал на прямую связь национальной политики России с обеспечением ее международных интересов. Особое значение для будущих отношений с Германией и Австро-Венгрией имел польский вопрос, как и общая миссия России среди славянских народов. Министр, не предлагая предоставить Царству Польскому политическую автономию, считал важным привлечь симпатии поляков расширением их прав в сферах местного самоуправления, образования и вероисповедания.

С началом мирового конфликта значение польского вопроса возросло. От будущего Польши зависело отношение ее населения к войне. В воззвании 1914 г. к полякам российского верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича выдвигалась программа объединения всех польских земель «под скипетром русского царя» с обещанием

самоуправления «целокупной Польши». В 1915 г., в связи с ожидавшимся провозглашением Германией «независимости» российской части Польши, возникла потребность противопоставить этому какой-либо акт о намерении России удовлетворить в будущем пожелания польского народа. В Петрограде развернулась по этому поводу жесткая борьба. Сазонову противостояли крайние консерваторы, министр внутренних дел Н. А. Маклаков и министр юстиции И. Г. Щегловитов. Премьер Горемыкин занимал уклончивую позицию. Только после обращения Сазонова к царю с жалобой на Горемыкина последний на заседании Думы в годовщину начала войны произнес в отношении Польши слово «автономия».

Затем осенью 1915 г. Германия и Австро-Венгрия объявили о намерении «даровать» российской Польше независимость с монархической конституцией. Тут же Сазонов разработал проект российско-польской унии, который предусматривал общих монарха, двор, уделы, армию, границы, финансы, дипломатию и пути сообщения. Проект был разослан в виде инструкции российским представителям за границей. Требовалось также добиться принятия его правительством. Сазонов вновь обратился к царю с запиской по польскому вопросу, приложив составленные в МИД

«Основные постановления Устава о государстве Царства Польского», предусматривавшие нераздельность трона, единство общегосударственных дел и управление Польшей особыми установлениями на основе отдельного законодательства. Но на этот раз министр потерпел неудачу: Николай II не возражал против рассмотрения его проекта Советом министров, который к тому времени возглавил распутинец Б. В. Штюрмер. А правительство в отсутствие Сазонова признало его проект «несвоевременным», с чем царь потом согласился³⁴.

Над Сазоновым начали сгущаться тучи. Последний его крупный дипломатический успех, обеспеченный и усилиями Козакова, был связан с заключением в Петрограде (подписан им и вышеупомянутым Мотоно 20 июня (3 июля) 1916 г.) договора с Японией о союзных отношениях. Гласная часть текста предусматривала укрепление уже наметившихся ранее достаточно дружественных отношений, не исключавших, однако, соперничества. Секретная часть стала известной всем россиянам только после Октябрьской революции. В ней говорилось о возможности совместных мер против любой третьей державы, которая захотела бы нанести ущерб российским или японским интересам в Китае.

Но этот успех не перевесил в сложившейся для Сазонова негативной атмосфере. В начале июля 1916 г., уехав с разрешения царя на отдых в Финляндию, он получил отставку. Правда, его опала назревала давно. Царь и царица не забыли ему участия в протесте группы министров против смены верховного главнокомандующего осенью 1915 г., когда царь лично возглавил Ставку. Императорскую чету раздражало также нескрываяемо отрицательное отношение Сазонова к Г. Е. Распутину и стремление министра находить общий язык с Думой. Сыграли свою роль и некоторые дипломатические его неудачи, особенно с Болгарией, которая осенью 1915 г. вступила в войну германской союзницей. Так что «излишняя настойчивость» в польском вопросе оказалась лишь последним толчком. Николай II расстался с Сазоновым в свойственной ему безразличной манере: он никак не предупредил его, а внешне ничем не выказывал своего недовольствия; напротив, вроде бы охотно соглашался с ним в текущих делах. И о своем увольнении Сазонов (как ранее и многие другие чины МИД) узнал внезапно, читая «Правительственный вестник».

К той поре Сергей Дмитриевич, оставаясь верноподданным монархистом, был далек от крайне правых и стоял на позициях, близких к Прогрессивному блоку. Задумываясь о своем будущем, он (что вообще было характерно для многих высокопоставленных российских бюрократов) мечтал о месте посла в столице одной из великих держав. В декабре 1916 г. умер А. К. Бенкендорф, открылась посольская вакансия в Лондоне. Ситуация, казалось, благоприятствовала Сазонову, тем более что о его назначении просил в письме царю король Георг V. Николаю требовалось успокоить союзников, встревоженных министерской чехардой в России. К тому же он намеревался просить о замене в Петрограде Бьюкенена, сблизившегося с думской оппозицией. И в Лондон сообщили, что место Бенкендорфа займет Сазонов. Но это вызвало недовольство в черносотенных и придворных кругах, и правительство под разными предлогами оттягивало реализацию дела.

Только после Февральской революции министр иностранных дел Временного правительства Милюков подтвердил лондонское назначение Сазонова. Однако и он не спешил, имея в виду недоверие к бывшим царским сановникам Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. После образования в России первого коалиционного правительства преемник Милюкова М. И. Терещенко отправил Сазонова, так и не успевшего уехать в Англию, в отставку³⁵.

Общая политическая позиция Сазонова оставалась консервативной. К Временному правительству он, как и большинство дипломатических чиновников, отнесся сначала лояльно. Но по мере развития революционных событий пришел к заключению, что свержение монархии было ошибкой, Октябрьскую же революцию он воспринял крайне враждебно. Еще до нее

он уехал в Крым, а когда началась гражданская война, предложил свои услуги белому движению, ориентированному на Антанту. 31 августа 1918 г. в Екатеринодаре было создано Особое совещание — «высший орган гражданского управления» при верховном руководителе Добровольческой армии генерале от инфантерии М. В. Алексееве. Позднее оно существовало при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России генерал-лейтенанте А. И. Деникине. Председательствовали в нем реально сначала генерал от кавалерии А. М. Драгомиров, потом генерал-лейтенант А. С. Лукомский. Сазонов вошел в него в качестве управляющего отделом внешних сношений. Затем его сменил в этой должности А. А. Нератов. Платформа Особого совещания в международных делах базировалась на ориентации на западных союзников, а по внутренним вопросам исходила из идеи сохранения целостности и восстановления великодержавия «единой и неделимой» России. Это вполне соответствовало убеждениям Сазонова. Но попытки его ведомства добиться от западных держав широкомасштабной помощи белым сначала успеха не имели, ибо союзники ссылались на напряженность борьбы с Германией.

Поражение Центральных держав осенью 1918 г. открывало более благоприятные возможности взаимодействия. Однако была заинтересованность держав Антанты и США в восстановлении Восточного и Кавказского фронтов отпала, а на первый план для них выступила проблема переустройства мира. При этом в их политике проявились не только антибольшевистские, но и вообще антироссийские тенденции. Когда в ноябре 1918 г. в Париже началось предварительное совещание победителей в мировой войне с целью подготовки мирной конференции, деникинское руководство образовало Совет по делам внешней политики, а в самом Париже — Русское политическое совещание. Последнее провозгласило себя руководящим центром «белого дела». Его возглавил бывший председатель Временного правительства (первого состава) князь Г. Е. Львов, а официальным представителем белых сил, руководимых Деникиным и вице-адмиралом А. В. Колчаком, был назван Сазонов. Вместе с ним интересы белой России там отстаивали прежний посол Временного правительства во Франции В. А. Маклаков, председатель Временного правительства Северной области (в Архангельске) Н. В. Чайковский, организатор московского Союза защиты родины и свободы бывший эсер Б. В. Савинков, представитель октябристско-кадетского Национального центра в Екатеринодаре графиня С. В. Панина, посланцы мелкобуржуазного Союза возрождения России и монархического Русского комитета в Хельсинки.

Одновременно в Париж прибыли делегации ряда национальных новообразований российских окраин. Но организаторы Парижской мирной конференции, охватившей делегации 32 стран и официально открывшейся 16 января 1919 г., ссылаясь на отсутствие в России единого и признанного ими правительства, изъявили готовность заслушивать при обсуждении вопросов, касавшихся России, лишь отдельных лиц, суждения которых «могут оказаться полезными». Сазонов не скрывал того, что был глубоко оскорблен тем, что русскую делегацию и его самого не только не признали официально, но и уравнили с представителями «самозванных новообразований». Лично он готов был считаться лишь с посланцами Польши и Финляндии, да и то в рамках прав, признанных за ними еще Временным правительством. И с его стороны последовал ряд протестов, которые вызвали явное раздражение западных держав. Публиковавшиеся Русским политическим совещанием меморандумы, декларации и заявления почти не принимались во внимание.

Чтобы придать белому движению больше авторитета, его лидеры решили лучше консолидировать заграничные антисоветские силы. Сазонов же возглавил аппарат дипломатической комиссии, которая подчинялась руководящему исполнительному органу — Русской заграничной делегации. Однако и она официально не была допущена на Парижскую конференцию, и лишь некоторых ее членов время от времени приглашали высказаться по отдельным вопросам. Шокированный всем этим Сазонов бурно

протестовал, но добился лишь того, что лидеры западных держав отказались встречаться с ним. Сами же они пытались наметить решение «русской проблемы» на заседаниях высших органов Парижской конференции — Совета десяти, Совета четырех, Совета пяти.

Сазонов понимал, что к голосу белой России будут там внимательно прислушиваться только при условии единства белого движения, и пытался способствовать его сплочению. В конце декабря 1918 г. он от имени Русского политического совещания сообщил Колчаку в Омск: «Признаем верховную власть, принятую Вашим превосходительством, в уверенности, что Вы солидарны с основными началами политической и военной программы Добровольческой армии». 10 января 1919 г. он получил положительный ответ в связи с тем, что еще раньше Деникин, и тоже через Сазонова, известил Колчака о своей готовности к «полному и нерушимому согласию». Теперь Колчак назначил Сазонова своим министром иностранных дел, так что в глазах белых именно Сергей Дмитриевич стал персонифицировать за рубежом единство белого движения³⁶.

Деятельность Сазонова не ограничивалась толкотней вокруг Парижской мирной конференции. Колчаковский Омск и деникинский Екатеринодар настойчиво ставили перед ним задачу добиться официального их признания Западом. По мнению белых лидеров, это дало бы им возможность считаться преемниками царского и Временного правительств, восстановить получение западных кредитов и открыто рассчитывать на военное снабжение. Внутри же страны такой факт способствовал бы консолидации антибольшевистских сил. Однако западным державам официальное признание представлялось мало привлекательным, ибо затрудняло проведение антироссийской политики. И только весной 1919 г., когда армии Колчака развернули успешное наступление из Сибири через Урал, союзники стали испытывать сомнения в правильности идеи непризнания.

В мае 1919 г. они направили Колчаку ноту, в которой ставили продолжение поддержки белого движения в зависимость от принятия «верховным правителем России» ряда условий: созыв Учредительного собрания, признание независимости Польши и Финляндии, а также автономии восточно-прибалтийских земель, кавказских и закаспийских народностей и пр. Эти условия представляли, по мнению сторонников «единой и неделимой», явное вмешательство во внутренние дела России. Когда Русское политическое совещание и лично Сазонов были ознакомлены с данной нотой, то в секретной телеграмме главе Омского правительства и его министру иностранных дел П. В. Вологодскому Сазонов рекомендовал прежде всего подчеркнуть в ответе союзникам, что нота рассматривается «как намерение держав признать правительство адмирала Колчака всероссийским правительством» и что при составлении ответа должны быть «тщательно взвешены все выражения, чтобы создать как впечатление нашей сговорчивости, так и вместе с тем не связывать себя по существу никакими обязательствами, противоречащими суверенитету России». Ответ Омска был выдержан именно в таком духе. Впрочем, официального признания так и не последовало. А летом 1919 г. колчаковские армии стали терпеть поражения и отступать, после чего рассчитывать на признание было бы наивно.

Заметную роль в неудачах белого движения сыграло отношение его лидеров к государственным новообразованиям на национальных окраинах России. Хотя среди них имелись сторонники компромиссов ради совместной борьбы с большевиками, там все же преобладало течение адептов великодержавной политики, которые исходили из имперских и геостратегических интересов страны. Сам Сазонов являлся стойким представителем этого направления, будучи здесь единомышленником Колчака и Деникина. Он, уступая лишь в польском вопросе, категорически отвергал возможность признания независимости даже Финляндии. Такая позиция явилась причиной его отказа от участия в проектировавшейся зимою 1919 г. лидерами Антанты общей конференции всех враждующих сил России на Принцевых островах. 12 февраля 1919 г. Сазонов и Чайковский направили генерально-

му секретарю Парижской конференции ноту и от лица «объединенных правительств Сибири, Архангельска и Южной России» заявили: «В нынешних условиях не может быть и речи об обмене мнениями с большевиками». Теми же мотивами руководствовалось Русское политическое совещание, когда выступило 4 мая 1919 г. с протестом против предложенного в апреле норвежским ученым и путешественником Ф. Нансеном плана об оказании бедствующему населению России продовольственной и медицинской помощи³⁷.

Заметное место в деятельности Сазонова как министра иностранных дел белых правительств занимали усилия активизировать военно-экономическую помощь из-за рубежа. Они наталкивались и на противодействие демократических кругов западных стран, и на эгоистическую политику их правительств, стремившихся извлечь из экономической зависимости белого движения свои выгоды. Линия же Сазонова состояла в том, чтобы опираться в равной мере на всех бывших союзников, не предоставляя кому-либо особых преимуществ и исходя из первоочередных потребностей белого движения. Ей нельзя отказать в принципиальности, но она оборачивалась малой практической эффективностью. В целом внешнеполитическая линия Сазонова в Париже потерпела неудачу. Ее претензии на великодержавие и самостоятельность не могли быть подкреплены силой белого движения и исходили скорее из абстракций и воспоминаний о былом, а не из реального положения вещей. Мешали также нехватка и запоздалость информации, на которой строится любая дипломатия. В неожиданных, ни на что ранее в его жизни не похожих, условиях министр оказался политиком, склонным к стереотипам и далеким от понимания необратимости свершившихся перемен.

Сам Сазонов, по-видимому, так и не осознал ущербности намеченного им курса и видел свою задачу, как и ранее, в отстаивании извечных исторических интересов России, которые обязательно опять займут свое место, когда кончится преходящее «смутное время». В конечном счете в Сазонове разочаровались даже белые правительства. Деникин незадолго до конца своей эпопеи успел сместить его и назначить министром иностранных дел другое лицо. Сазонов упорно не признавал «законности» своего смещения и считал себя находящимся на прежнем посту, пока главнокомандующий Русской армией (белые войска в Крыму с мая 1920 г.) генерал-лейтенант П. Н. Врангель не подтвердил его увольнения и не назначил ему в преемники весной 1920 г. бывшего лидера правых кадетов П. Б. Струве. Некоторое время после отставки Сазонов еще рассчитывал, что его опыт и знания будут все же востребованы. Но после поражения Врангеля Сазонов остался в эмиграции ни при чем. Как и другие эмигранты, он погрузился в тяготы повседневной суеты. Метался между различными белыми вождями и организациями, сохраняя верность прежним своим идеалам. Искал средств к существованию. Иногда помогал другим эмигрантам. Мучительно переживал все то, что случилось в России после 1917 года. То пылал надеждой на возрождение ушедшего, то впадал в пессимизм. В 1927 г. он опубликовал свои «Воспоминания» (Париж — Берлин), охватывавшие его деятельность на посту товарища министра и министра иностранных дел царского правительства. Эта публикация мало что изменила в его затруднительном материальном положении. А 25 декабря того же года Сазонов умер в Ницце. Вместе с ним отошла в прошлое целая полоса деятельности российской дипломатии, связанная с судьбами империи Романовых и ее драматической кончиной.

Примечания

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), Канцелярия, оп. 470, 1904 г., д. 85, т. 1, л. 275—277.
2. БОК М. П. П. А. Столыпин: воспоминания о моем отце. М. 1992, с. 201.

3. TAUBE M. La politique russe d'avant-guerre et la fin de l'empire des tsars (1904—1917). P. 1928, p. 252.
4. БЕСТУЖЕВ И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики, 1906—1910. М. 1961, с. 328.
5. Die Große Politik der europäischen Kabinette, 1871—1914. Bd. 27/2. Brl. 1927, S. 835—837.
6. АВПРИ, ф. Канцелярия, 1910 г., д. 204, л. 73—75; Красный архив, 1923, т. 3, с. 6—8; АСТАФЬЕВ И. И. Русско-германские дипломатические отношения, 1905—1911 гг. М. 1972, с. 244—247.
7. ЕФРЕМОВ П. Н. Внешняя политика России (1907—1914). М. 1961, с. 113; АСТАФЬЕВ И. И. Ук. соч., с. 254.
8. Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского и Временного правительств. Сер. 2. Т. XIX, ч. 2, с. 180, 353.
9. Там же. Т. XX, ч. 2, с. 15—16.
10. Там же, № 1034; British Documents on the Origins of the War (BD), 1898—1914. Vol. IX, pt. 1, № 812.
11. АВПРИ, ф. Комиссия по изданию документов эпохи империализма, оп. 910, д. 194, л. 339—342.
12. Там же, д. 196, л. 166—176; КОКОВЦОВ В. Н. Из моего прошлого: воспоминания, 1911—1919. М. 1991, с. 181—186.
13. АВПРИ, ф. Политархив, оп. 482, д. 3309^a, л. 74.
14. Там же, д. 3309^b, л. 2—6.
15. Вестник Народного комиссариата иностранных дел (РСФСР), 1919, № 1, с. 26—32.
16. Международные отношения..., сер. 3. Т. I, № 241, с. 306; № 289, с. 361—362; т. II, № 137, с. 175.
17. Там же. Т. III, № 343, с. 396—398; ИГНАТЬЕВ А. В. Русско-английские отношения накануне первой мировой войны (1908—1914 гг.). М. 1962, с. 213—219.
18. Международные отношения..., сер. 3. Т. III, № 339, с. 383; САЗОНОВ С. Д. Воспоминания. М. 1991, с. 132—137.
19. ПИСАРЕВ Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М. 1985, с. 254; Международные отношения..., сер. 3. Т. IV, с. 381—382.
20. Documents diplomatique français (DDF), 3e sér., t. XI, № 19, p. 18.
21. Международные отношения..., сер. 3. Т. V, № 25, с. 45—46; ПИСАРЕВ Ю. А. Ук. соч., с. 256; DDF, 3e sér., t. XI, № 19, p. 18; BD. Vol. XI, p. 80—82.
22. Международные отношения..., сер. 3. Т. V, № 19, с. 38—40; № 25, с. 46—47.
23. Там же, № 47, 48, 55, 56, с. 64—66, 71, 73—75.
24. Там же, № 49, с. 66; № 86, с. 116—117; № 91, с. 122; САЗОНОВ С. Д. Ук. соч., с. 201.
25. DDF. 3e sér., t. XI, p. 327—328, 349—350, 391; САЗОНОВ С. Д. Ук. соч., с. 233—234.
26. Международные отношения..., сер. 3. Т. V, № 224, с. 212—214.
27. DDF. 3e sér., t. XI, p. 276; САЗОНОВ С. Д. Ук. соч., с. 239.
28. Международные отношения..., сер. 3. Т. V, № 301, с. 268—269; № 284, с. 256—258; САЗОНОВ С. Д. Ук. соч., с. 249.
29. Международные отношения..., сер. 3. Т. VI, ч. 1, № 21, с. 20; № 220, с. 214—215; ЕМЕЦ В. А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны: взаимоотношения России с союзниками по вопросам ведения войны. М. 1977, с. 167.
30. Международные отношения..., сер. 3. Т. VI, ч. 1, № 256, с. 248—249; № 319, с. 315; № 329, с. 328—329; № 385, 386, с. 394—396.
31. АВПРИ, ф. Секретный архив министра, д. 461/480, л. 24—29об.; Международные отношения..., сер. 3. Т. I, № 295, с. 373—391.
32. САЗОНОВ С. Д. Ук. соч., с. 302—303; ЕМЕЦ В. А. Ук. соч., с. 135—137.
33. Сборник договоров России с другими государствами, 1856—1917. М. 1952, с. 428—435, 443—453.
34. АВПРИ, ф. Секретный архив министра, д. 713/772, л. 19—22, 39—46; МИХАЙЛОВСКИЙ Г. Н. Записки (Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914—1920). Кн. 1. М. 1993, с. 159—164.
35. ИГНАТЬЕВ А. В. Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции (февраль — октябрь 1917 г.). М. 1966, с. 90, 98, 101, 112—113; его же. Внешняя политика Временного правительства. М. 1974, с. 219.
36. ЙОФФЕ Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. М. 1983, с. 175.
37. Там же, с. 208—209; ШТЕЙН Б. Е. «Русский вопрос» на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.). М. 1949, с. 106—107, 176—177.

ВЛАСТЬ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году

Заседание 8 июля 1944 г. (продолжение)

Щербakov (председательствующий). Слово имеет т. Аманжолов.

Аманжолов¹. Я хочу сделать некоторые замечания только по истории Казахстана, составленной под редакцией т. Панкратовой. Мы, товарищи, очень обрадовались появлению данной книги, ожидали ответа на волнующие вопросы, думали, что она служит орудием поднятия советского патриотизма бойцов и офицеров-казахов, орудием воспитания у них ненависти к врагу, орудием укрепления дружбы народов СССР. Все писали в Алма-Ата, КОГИЗ, чтобы прислали им экземпляр этой книги. К сожалению, получая эту книгу, мы во многом разочарованы, ибо она не дает того, что ожидали². Книга делится на три раздела. Первый раздел — Казахстан в период независимости — 285 страниц, второй раздел — Казахстан — колония и третий раздел — Казахстан социалистический. Последние два раздела более-менее удовлетворительные, и то с большой натяжкой и оговорками, а первый раздел не выдерживает критики. На одной и той же странице имеются два или три различных противоречивых положения, не говоря об отдельных подзаголовках, подтемах. Это — во-первых. Во-вторых, книга не освещает самые волнующие вопросы, такой вопрос, например, как образование казахской народности, образование казахского языка. Они основные, самые необходимые вопросы для казахов, которые и раньше не были освещены и в этой книге не получили освещения; там, где авторы коснулись их, все перепутано.

Вот, например, вопрос появления монгольских племен на территории Казахстана. Об этом они пишут без всякого критического отношения к старой литературе. Многие казахские племена относят к монголам. Например, племена найман, керей и другие, тогда как они были и остались тюркскими племенами, до нашествия монгол были в союзе с монголами. У авторов нет никакого объяснения и основания на то, что эти племена пришли в Казахстан и потеряли через некоторое время или век свой язык и стали казахами. В истории нет такого положения, когда самые маленькие народности потеряли свой язык. Даже при самом жестком угнетении и закабалении другими господствующими классами маленькие народности не могли лишиться своего языка. Примером этому могут служить племена персов, дунган и арабов в Средней Азии, ойроты на Алтае, калмыки Поволжья. Они попадали в переплет с разных сторон, под различное

Окончание. См. Вопросы истории, 1996, №№ 2—7.

влияние, но языка своего не потеряли. Почему же вдруг такое крупнейшее племя, как найман и керей, потеряют свои языки? Разве это историческое объяснение? Татар, например, авторы относят к монголам. На самом деле при нашествии татары были в союзе с монголами, но они не были монголами. До сих пор товарищи историки не обращают внимания на это и не желают уточнить такой важный этнический вопрос.

Авторы книги нисколько не думают о достоверности тех или иных фактов, забывают, что написать историю без научного анализа фактов нельзя. Изыскания отдельных археологов, предположения отдельных антропологов не есть точные документы, они требуют критического к себе отношения. У нас же получается: куча материалов собрана и преподана. Авторы были рабами отдельных фактов, отдельных сырых материалов. Замечается еще то, что авторы были под влиянием фольклорного материала, тогда как мы считаем фольклорный материал второстепенным, вспомогательным. В фольклорном материале много искажений, много фантазий. В третьей главе, например, говорится, что согдийцы являются пионерами земледельческих культур в Средней Азии и Казахстане, тогда как мы знаем, что земледельческие культуры в Средней Азии и на юге Казахстана имелись и были еще задолго до завоевания арабами, до появления иранцев. Кто же это согдийцы — ответа нет, есть только предложение, где говорится, что согдийцы — это жители Согдианы по реке Зерафшан. Разве это ответ? Кто они: иранцы, арабы или это, может быть, тюркские народы, ответа нет. Я думаю, что согдийцы — коренные народы Средней Азии, остатки массагетов, исидонов, саков, о которых упоминают греческие историки, географы Геродот и Страбон. Из трудов акад. Бартольда³ мы знаем, что арычная система, вообще земледельческая культура в Средней Азии и на юге Казахстана были еще до н. э.

В книге есть умышленные, тенденциозные стороны в определении культур отдельных народов Средней Азии, Востока, Казахстана. Взять хотя бы уйгуров. Это культурнейший народ на Востоке, у них имелась письменность и памятники, имелся словарь, который составил Махмуд Кашгари⁴, а авторы наши их относят к неизвестным тюркам, не называя, кто же это такие. Это искажение, это нечестность. На 62 с. говорится о карлуках. В одном месте утверждается, что они господствовали два века, а в другом — 20 лет, в третьем — 40 лет. Такая путаница имеется в каждой главе. Глава IV посвящена государству Караханидов. Авторы ни слова не говорят о господствующем племени ягмы, о принадлежности его к уйгурам. А факты сами по себе напрашиваются. Немалые курьезы с кара-китайцами (с. 69). Их относят к тунгусско-монгольским народам. На самом деле, когда разговор идет о культуре, то видно сразу, что они не тунгусы, не монголы, а дунгане, которые, безусловно, сумели сочетать культуру Средней Азии с культурой Китая. Тунгусы или монголы разве могли это сочетать, передать другим народам? Я не могу перечислять все недостатки, ошибки, потому что у меня ограничено время. Возьму такой вопрос, как завоевание Сибири русскими, о завоевании владений Кучума. В работе Левшина⁵ «Описание киргизо-кайсацких орд и степей» ясно и точно сказано, что это казахский хан, и никто иной. Он не татарский, как это раньше трактовалось. Наши авторы приняли все некритически, оставили без изменения.

Товарищи, слушая здесь выступления отдельных историков, я прихожу к выводу, что наши авторы (составители) встали на путь Покровского, разделяя мнение Покровского в отношении последствия завоевания монгол. Марксисты утверждают, что завоевание монголами Средней Азии, Казахстана — реакционное, регрессивное явление. А наши авторы считают, что с завоеванием монгол феодальные отношения в Казахстане углубились, происходил процесс культурного взаимодействия народов, подготавливалось слияние различных племен в народность (с. 87). А на самом деле монголами жестоко разрушались отдельные культурные очаги, такие, как город Тараз, и др. Это, безусловно, есть покровщина. В одном месте говорится, что казахский народ сложился в X—XIII вв., в другом месте говорится о том, что казахский народ сложился между XIII и XIV веками. В третьем месте

говорится о том, что казахский народ сложился в конце XV и начале XVI века. При этом процесс образования казахского народа от образования казахского языка отрывается. (П а н к р а т о в а . Это же процесс.) Тройное утверждение. Казахский язык сложился в XIII веке. Не может быть этого. Если оторвать это от того, когда сложилась сама народность, то это не выдерживает критики. Огульно утверждается, что казахский язык есть кипчакский язык, тогда как все среднеазиатские народы, татары и др. могут одинаково претендовать на кипчакское происхождение. Крупнейший исследователь кипчакского языка акад. Радлов⁶ утверждает, что он больше всего близок к мишарскому диалекту татарского языка. Таких ненаучных, неисследованных сторон в книге много и по другим вопросам.

Один из серьезных вопросов — это вопрос об образовании казахских жузов. Казахские жузы — это Большая, Средняя и Малая орды. Как они рассматривают этот вопрос? Вот какие рассуждения: до второй половины XVI в. не упоминается о жузе. Поэтому же можно отнести это ко временам Хан-Назара. Разве это достаточный довод? Между тем, когда они пишут о Таука-хане, говорят, что он сумел объединить все три казахские жуза. В трех ордах он установил определенный закон, навел свои порядки. Это было похоже на известный государственный строй. А в упомянутом труде Левшин деление на жузы относит к 1680—1718 гг., то есть ко времени ханства Тауке. Там говорится, что он больше всего ханствовал, больше всех сделал блага для своего народа. Он успокоил казахский народ от длительных междоусобиц и заставил повиноваться себе, сильных усмирил и дал всем закон, по которому судили и который и сейчас живет в памяти киргизов. Дальше говорится, что сам, подобно отцам и дедам, жил в Туркестане, а управление ордами было поручено трем начальникам: в Большой орде — Тюле, в Средней орде — Казбеку и в Малой орде — Айтаку. Вот отсюда и получилось название жузов. Отрицать, что это было похоже на традиционное деление среди монгол и других тюркских племен, нельзя. Именно военный союз может объединить и дать такое деление для облегчения управления и для отпора враждебным странам. А это не означает политического распада казахских феодалов, а наоборот. Такое деление является именно делом рук Тауке-хана.

Остановлюсь на вопросе о политике самодержавия, о завоевании русскими Средней Азии и Казахстана. Неверная позиция авторов по этому вопросу намечается еще в предисловии и выдерживается до конца. С одной стороны, приводятся цитаты из классиков марксизма-ленинизма и, с другой стороны, положения этих цитат опровергаются. Цитаты для того, чтобы прикрываться. Здесь товарищи приводили цитаты из Ленина, из резолюций XII съезда партии и из высказываний т. Сталина, где ясно подчеркнута прогрессивность колонизации Россией Средней Азии и Казахстана. Развитие капитализма в России еще со времени Петра Первого приняло программу действий в деле расширения территории России до границ Средней Азии. Еще при Петре была заметна конкуренция между Англией и Россией. И Петр Первый, пытаясь первое время проникнуть через Каспийское море, не мог добиться и тогда принял решение проникнуть через казахскую степь, одновременно двигаться через Сибирь.

В основном казахский народ русское подданство принял добровольно. Еще до Абулхайра (XVIII в.) казахские ханы Тевекель (1594 г.), Тауке (1717 г.) обращались к русскому государству, посылали своих послов, чтобы приняли их в подданство. Царское правительство тогда не могло принять, но приняло неофициально, а при Абулхайре это доведено до логического конца. Тогда Казахстан был раздроблен ойротами, нападением и отторжением части территории китайцами, часть территории с населением попала под владение среднеазиатских ханов. Отдельные казахские племена бесчинствовали. При такой обстановке единственный выход был в том, чтобы обратиться к русским за помощью и о принятии их в подданство, а затем объединить казахский народ. Это благоразумное дальновидное действие. А авторы говорят, что он обманул народ, что он не выражал идеи народа. Если бы он не выражал идеи народа, то при обсуждении, когда приехали

представители русского государства, народ мог бы отказаться. Народ же это предложение обсудил и принял. Стало быть, казахский народ принял подданство добровольно. Знаменитый первый казахский ученый Чохан Валиханов ⁷ тоже разделяет это мнение.

Чем же были вызваны восстания казахов? Являются ли они народными? Были народные и антинародные. Большинство из восстаний вызывалось подстрекательством среднеазиатских ханов. Среднеазиатские ханы, видя завоевание Казахстана царской властью и приближение к ним, боялись, что царская власть приложит руки и к ним. Поэтому они всячески старались помогать восставшим, давать помощь. Каиб был противником Абулхайра, и все время Каиб снабжал восставших оружием и другими средствами. Кокандское ханство тоже всеми мерами старалось, как бы задержать любое продвижение русских вперед. Таким образом, я считаю, что восстания Срыма Датова, который в первое время выражал чаяние народа, имел связь с движением Пугачева, имеют и положительную и отрицательную стороны. Отрицательная сторона его движения вырисовывается тогда, когда он, находясь под влиянием реакционных феодалов, всю силу направляет на восстановление ханской власти, на обособление казахов от русского народа. Такую же двойственную форму имеет и восстание Жанхожы. К чисто народному, антифеодальному, классовому движению относится восстание Исатая Тайманова. Все остальные восстания, например, восстания Кенесары, Наурзбая, Котибарова, Каратая, Жоламана Тиленжи, Садыка Кенесарина, Ивы и др., есть восстания реакционных классов, групп, тянущих народ к патриархально-родовому строю, к отсталому кочевому быту. Они были поддержаны среднеазиатскими ханами. Что касается участников, то некоторая часть темного народа этими феодалами то обманута, то силою присоединена. Сами главари говорят, что их опорой были бухарский хан и хивинский хан. Их слова даже в книге есть.

Из этой книги можно сделать вывод, что как будто до полной колонизации в Казахстане классовой борьбы не было. О социальных условиях говорится штампованными словами. Там говорят, что казахский поэт Бухар ⁸ был умным советником Аблая. На самом деле Бухар и другие влиятельные батыры были представителями прогрессивного слоя, а Аблай, Кенесары, Барак-султан ⁹ и многие другие были представителями реакционного слоя. Это видно, что Бухар всемерно старается удержать Аблая, чтобы он не пошел против русских, чтобы он дружил с русскими соседями. (Панкратова. Это же все и сказано в книге.) Вы сказали, но с какой точки зрения? Вы говорили, что как будто эти люди восхваляют Аблая. На самом деле они были против Аблая, они были против междоусобных войн, они были против отсталости. Авторы стремились противопоставить все прогрессивные силы Казахстана русскому завоеванию. Ненависть этих людей к царским чиновникам возводили к ненависти к русским вообще. Например, Алтынсарин ¹⁰ начиная с 1857 г., окончив русскую школу, стал распространять науку в Казахстане, а в это время Кенесарин, Жанхожа и другие вызывают бунт. Разве это можно поддержать? Другое дело, когда Аблай хочет объединить казахский народ. Этот момент, можно сказать без преувеличения, прогрессивный. Эту сторону мы всегда поддерживали бы. Но реакционные стороны его деятельности не надо было смазывать. Авторы везде и всюду подходили к вопросу односторонне, а потому книга не заслуживает одобрения.

Щербakov. Наше довольно затянувшееся совещание пора кончать. Желаящие высказаться есть, главным образом, по второму разу. Может быть, так вопрос решить: дать товарищам высказаться по 3—5—7 минут для справки. Если кто желает дать более подробную справку, можно это сделать в письменном виде. Слово имеет т. Тарле ¹¹.

Тарле. Я хочу прежде всего сказать относительно этой знаменитой стенограммы. Позвольте одно воспоминание привести. Емельян Михайлович ¹² в этом же самом помещении, но в другой комнате, был совершенно вне себя. Этот спокойный человек был очень возбужден и заявил: «Я ей пушу в физиономию эту стенограмму. Смотрите, что она пишет. Да меня

завтра надо из партии исключить после этого». Этот совершеннейший вздор, который мне приписывается, остается вздором. Я даже считаю ниже своего достоинства говорить о нем. Это совершеннейший вздор, чтобы я говорил, что исключительно территорией побеждает советская власть, исключительно пространством¹³. Это наглый вздор. Не надо было т. Панкратовой ссылаться на эту стенограмму. Тов. Волин должен был тоже воздержаться от этого. Я бы сказал и относительно акад. Волгина, что он должен был яснее сказать, что он полемизирует против нелепостей стенограммы, но не приписывать их мне.

Щербakov. Стенографистка не может всю стенограмму перевернуть. Она может отдельные слова, отдельные строчки неправильно написать, а вся стенограмма не может быть искажена.

Тарле. И Е. М. Ярославский был прямо в отчаянии, что его стенограммы именно перевирали с начала до конца. Сидящие тут товарищи знают, кто эту статью мне поручал и зачем она писалась. Вот мои слова, которые были повторены мною в Саратове. Это относится к тем, кто заявил, что я стираю рубеж. Слово «рубеж» было мною сказано и в Саратове. Вот что я говорю в своей статье о буржуазной дипломатии (читает)¹⁴. Среди многих других совершенно нелепых вещей, не знаю, откуда это взято, из стенограммы или еще откуда, говорится о царизме как «жандарме Европы». Я заявляю, что царизм, конечно, был «жандармом Европы», и человек, имеющий понятие, даже и самое отдаленное, об истории, скажет также, что был. Речь идет о том, что у нас скверно изучается история международных отношений и история царизма. Нужно все, что сложно, все, что связано с этим, оттенять, писать об этом, нужно исследовать. Почему учебники не развивают и не могут развить настоящего патриотизма, почему не выброшена вся «покровщина»? Возможно, потому, что у нас мало научного интереса к этому делу, дворянская эпоха плохо занималась этим, и наша эпоха, к сожалению, мало этим занимается. Вот что я говорил. Я приведу еще такой пример. Близкий друг Энгельса Шорлеммер¹⁵ пишет Энгельсу, что твоя книга возбуждает много споров. Энгельс на это ответил, что если от столкновения книги с головой произойдет пустой звук, то при чем тут книга? При чем тут лекция, если ее так записали и так нелепо поняли?

Тут указывалось на содержание журнала. Журнал этот у нас один, и при всех его недостатках мы не можем отказаться от издания его. Мне представляется правильным, что исторический журнал, так как он называется историческим, должен служить истории, а этого в действительности нет и не может быть, если в редакции нет уважения к исследовательской работе. У нас принято так, что одни очень много работают, а другие больше критикуют. Конечно, ошибки есть, но не ошибается тот, кто ничего не делает, сплошь и рядом критики ничего не делают. Надо установить научный подход и научную критику к делу.

Тут говорилось, что все прошлое освещалось сплошной черной краской, и это было именно при «покровщине». Я скажу, что несколько лет тому назад, это было перед войной, ко мне предъявили требования, чтобы немедленно выпустить восемь переводных томов истории¹⁶ и написать предисловие, в котором нужно отметить то, чего не отмечают французские авторы, а именно, что России не только дала реакцию, а что при Николае вначале были декабристы, в середине — Пушкин, Лермонтов, Белинский, Герцен и пр., и что это надо отметить. Я написал предисловие, и без моего ведома в спешном порядке это было опубликовано в журнале «Большевик». Зачем это понадобилось? Да именно затем, чтобы опровергнуть измышления «покровщины». И такая полоса вошла в нашу историографию, потому что уже гитлеровцы точили на нас зубы и нельзя было продолжать изображать русский народ в виде обломовых, в виде иванушек-дурачков, а что царизм был жандармом и что он хотел ставить народ в положение иванушек-дурачков — это верно. Пересмотреть надо было бы чрезвычайно многое, но для этого нужно работать, писать исследования, а не довольствоваться никчемной, ненаучной, мнимой «критикой»¹⁷.

Щербakov. Слово для справки имеет т. Сыромятников¹⁸.

Греков. В. П. Волгин в своем выступлении выразил пожелание, чтобы я дал объяснение того, что я говорил об изучении государства и народа, так как мое выступление может быть понято по-разному. Я считаю необходимым в порядке разъяснения сказать, что о государстве, о природе государственной власти я писал много раз. Марксистско-ленинское понимание природы государства во всех моих работах выдержано. Никакой потребности в пересмотре этого предмета не чувствовал и не чувствую. В своем выступлении я говорил совсем не о том, а исключительно о невозможности изучать народ и государство в отрыве. Историю народа без государства можно изучать лишь в доклассовый период, историю государства без народа изучать нельзя никогда. Борется ли открыто государственная власть с народом, приспособляет ли государственная власть народ к своим требованиям, выступает ли государственная власть вместе с народом, как, например, на льду Чудского озера, на Куликовом или Бородинском полях или в 1611 г., — историк не может отрывать народ от государства. Борьба классов, борьба классовой власти с народными массами должна изучаться с учетом обеих борющихся сторон.

Работая над историей крестьян, я особенно чувствую, к каким грубым ошибкам ведет исследователей попытка оторвать исторические судьбы крестьян от воздействия на них государства. Ключевский, Дьяконов¹⁹, отвергая роль государства, обрекли себя на непонимание всего этого процесса (отмена Юрьева дня, введение и отмена урочных лет, вся политика по отношению к холопству). Я только эту сторону дела и имел в виду. Я не пересматривал марксистского понимания природы государства, а говорил лишь о процессе изучения жизни государства и народа.

Аджемян. Как и следовало бы ожидать, мое выступление вызвало бурю возражений у многих участников совещания, а у кое-кого даже не бурю, а фурию злобы²⁰. Так, например, т. Ефимов настолько был одержим этой фурией, что, не имея уже никакого иного оружия научной аргументации, решился на отчаянный риск — взял на себя роль оракула или кликуши, гадающего волю Центрального Комитета партии, заявляя, что, привлекая меня на работу в этих дебатах, наши руководители хотели наглядно показать, как не следует трактовать проблемы истории. Жалкое политиканство! Мои критические стрелы, видно, угодили в самое чувствительное место нашего ихтиозавра, и он в слепой ярости стал очень походить на гоголевскую девку, не разбирающуюся, где право, где лево, что ниже и что выше на этом совещании: его ли широковещательные, но пустые ярлыки или моя критика отживших приемов фальсификации истории пугачевщины, Шамиля, Кенесары Касымова и т. д.

Однако, за что и против чего проф. Ефимов ратует? Чтобы ответить на это, следует обратиться к его более состоятельным коллегам: тт. Панкратовой, Минцу, Городецкому, Рубинштейну. Все эти товарищи были единодушны в полемике со мной по двум основным вопросам: 1) о соотношении народа и государства, 2) о значении классовой борьбы в истории. Разрешите же отвлечься от такого курьезного и каверзного оппонента, как т. Ефимов, отбросить всякие полемические красоты, которые не могут ведь решить такие большие проблемы. Позвольте напомнить, что мы тут выступаем не только перед нашей наукой, перед нашими руководителями партии и правительства, но и перед грядущими поколениями и эпохами. Ведь будущий историограф из стенограмм наших выступлений извлечет не эти полемические красоты, в коих я также знаю толк. Нет, будущий историограф извлечет из наших выступлений лишь ответ на один вопрос: каких высот научной мысли достиг каждый из нас или на какой точке каждый из нас застрял на сегодняшний исторический день, когда наш народ так много испытывал, так много изведывал и так много одолел.

Итак, на вопрос, каково соотношение государства и народа, я отвечаю, что они диалектически едины, что они обуславливают друг друга, что оторвать их и противопоставить друг другу — метафизическая чушь, изжившая себя «покровщина» и извращение существа ленинизма. Однако

сказать это и только это значило бы поступать, как мои оппоненты, которые декларировали противоположное и не поставили главный вопрос — почему? Этому «почему» я и хочу ответить. Тов. Городецкий тут сказал, что единство народа и государства — факт для нашей страны на сегодняшний день, факт для нашей социалистической формации, но не факт для прошлых времен и что здесь я или т. Греков приписываем особенности нашей эпохи прошлым эпохам. Так ли это? Итак, даже т. Городецкий согласен, что у нас народ и государство в нашу эпоху едины, но из этого он делает тот ложный вывод, что мы тут исключение, что для нас исторический закон, действующий для всех народов и всех времен, недействителен. Это звучит довольно приятно, лестно и утешительно. Вот, дескать, все народы, и в том числе наши народы, во все времена противостояли своим государствам и правителям и лишь в наше время наши народы СССР стали едины, сплочены со своим государством. Это — фальшь или заблуждение. Не в этом отличие взаимоотношений государства и народа у нас, а в чем — мы увидим ниже.

Тов. Городецкий, Панкратова и их единомышленники, стоящие на точке зрения противоположности народа и государства во все прошлые времена и утверждающие, что у нас в СССР этот закон истории нарушается, не понимают или не хотят понять, что, наоборот, исторический закон единства (конечно, диалектического) народа и правительства, присущий для всех времен и стран, у нас в наше время воплощается в наиболее идеальных формах, выступает в наиболее совершенном виде, в наиболее осознанном, ясном образце как новая ступень, новое качество этого векового единства. Следовательно, антинаучно, ложно представить, что во всех иных случаях государства и народы соотносились друг с другом как смертельные враги. Приведя слова Гегеля и Энгельса, я обратил ваше внимание на то, что Энгельс солидарен с Гегелем в вопросе о том, что негодность правителей объясняется негодностью подданных и что подданные не заслуживают лучших правителей, чем те, которых они терпят и признают. Пусть хоть кто-либо из простого уважения к Энгельсу или к науке вообще попытался бы здесь возражать или по-иному интерпретировать эти положения Энгельса, чтобы я знал, что, кроме шумихи и ярлыков, мои оппоненты имеют и иное оружие против моих утверждений.

Но не странно ли, что тт. Городецкий, Панкратова, Минц, Рубинштейн и др., декларируя противоположность народа и государства, вообще обошли молчанием эти высказывания Энгельса, обошли важнейший тезис нашего учения о разумности действительности и ограничивались лишь выкриками и ярлыками вроде «ревизионизм», «гегельянство», «идёте назад» и т. д. Зачем свои домыслы возводить в степень науки, товарищи, когда наши учителя уже дали ясные научные ответы на эту проблему? Или вы хотите сказать, что наши учителя так же, как вы, считали, что все народы в прошлом только тем и были заняты, что грызлись со своими государствами, что борьба этих волков и овец и есть наша история? Так доказали бы хотя это! Хоть в этом отказались бы от пустых декларировок и встали бы на почву первоисточников! Но вы этого не сделали, ибо весьма нелегкая задача — так превратно представить наследие наших учителей.

Представляя народ в таком ложном свете, будто он только и знал, что боролся против государства и правителей, наши негласные последыши Покровского уверены, что делают большую честь народу. Вот, дескать, посмотрите, как на протяжении тысячи лет великий русский народ боролся против тиранического гнета извергов Рюриковичей и Романовых и как, наконец, в 1917 г. эта борьба увенчалась победой! На самом же деле, так изображая историю, мы только осрамляем и принижаем наш поистине великий народ, который хорошо чуял и знал, какому государству надо помочь, стать ему опорой, осуществить его помыслы, не жалея живота своего, и какое надо скинуть, растоптать и превратить в выкидыш истории. Стойте на точке зрения диалектического единства народа и правителей — и вы поймете творческую роль народа, который выдвигал и донес на вершину славы Дмитрия Донского, Александра Невского, Ивана III, Ивана

Грозного, Петра Первого, Суворова, Кутузова, который не пожелал подчиниться потомкам Годунова, ставленникам литовцев и поляков, всех этих Лжедмитриев, который не пожелал заступаться за бездарного Петра III и иных Лжепетров, объявляющих себя воскресшими Петрами Третьими.

Народ и государство должны соответствовать друг другу, иначе правящий двор превращается в бессильную жертву дворцовых переворотов подобно тем, которые украшали историю турецких султанов в XIX веке. Кто более отменно и величественно воплощает народный дух античной Греции, если не Перикл или Александр Великий, народный дух карфагенян — если не Гамилькара и его великий сын, дух римлян разве столь же весомо не представляется в образах Сципиона или Цезаря²¹? Разве величие нашего народного духа, воплощающегося в образе нашего любимого вождя и учителя, исключает и не предполагает необходимость видеть и другие параллели единства между народами и правителями? Разве Великая Отечественная война наша воочию не убедила нас в том, что Гитлер и его кровавая свора — не оторванная от миллионов каста, а выражение общего нравственного развращения немецкого духа? Изучать и понять тайну зарождения того или иного метода правления, тайну того или иного типа правителей, исходя из народного духа, из творческих сил и стремлений народа, из его сильных и слабых сторон, из состояния условий жизни, ума, нравов, понять, что есть незримая, но крепкая связь и взаимообусловленность между этими явлениями — народом и государством, — значит подойти к сущности научного понимания истории, к сердцевине ленинизма. У нас же принято было отмахнуться от этой сложной проблемы — установления связи и закономерности между этими «верхами» и «низами», потому что было легко и просто представить «верхи» в виде бесшабашных угнетателей и палачей, а «низы» — как непокоримых борцов, в результате чего история принимала вид довольно скучной сказки.

Теперь подойдем ближе к обвинениям в том, что моя концепция уже стара, ибо взята от Гегеля, Чичерина, Соловьева и т. д. Тов. Панкратова и другие, утверждающие это, не в состоянии понять, что данная концепция как раз направлена против Гегеля и «государственной школы» Чичерина — Кавелина. Ведь у Чичерина государство есть творец народа, тогда как из всего хода моих положений вытекал обратный вывод — народ творит свое государство по образу и подобию своему. Согласно первой схеме государство есть все, оно есть божество на земле, согласно моей схеме государство крепко обусловлено народом, и вне его сферы оно погибает, как рыба без воды, или как погиб последний отпрыск династии Романовых со всем своим громоздким и уродливым двором, ибо они превратились в оголтелую антинародную силу. Мои оппоненты, не жалея ярлыков, представляя всю так называемую «государственную школу» в качестве моих теоретических предков, поставили себя в очень неловкое положение, ибо доказали, что они лишь весьма абстрактно знают сущность школы Соловьева, Чичерина и других представителей этой «школы». Плох тот пастух, для которого все коровы черны, плох тот историк, для которого любая трактовка единства государств и народа — признак принадлежности «государственной школе». При внимательном разборе оказывается, что коровы тут разные, а наши пастухи — одинаковые в своей незадачливости.

Дело в том, что гегелевская концепция единства государства и народа породила в русской исторической мысли не одно, а ряд течений. Правое течение во главе с Погодиным, Кавелиным, Чичериным, позже — Струве, выдвигало такую схему, что государство есть нечто божественное, оно есть абсолютное благо, и неисповедимы его пути и его метаморфозы. Народу не к лицу заниматься вопросом, хорошо ли государство или нет, ибо он неизмеримо ниже стоит на иерархической лестнице разума. Народ должен лишь с упованием отнестись к этой божественной силе. Левое течение также исходило из того неоспоримого исторического факта, что народ и государство едины, но это течение, в лице Чернышевского, Добролюбова, отчасти Шапова²², исходило из приоритета народа по отношению к государству. Если Погодин и Чичерин превозносили государство и низводили народ, то

здесь мы имеем противоположную тенденцию. Народ у них — жертва государства, государство есть лишь обуза для народа и не способно печься о нужде народной.

От этих взглядов до полного отрицания роли государства, до непризнания за государством какого бы то ни было права исторической необходимости и разумности — не так-то далеко, и вот мы в лице другого левогегельянца — Бакунина имеем ультра-левацкое отрицание необходимости государства, что приводит его к анархизму. Гегелевская школа здесь доходит до своей противоположности — до «антигосударственной школы». Между этими двумя крайностями правого и левого течения по вопросу о соотношении государства и народа мы должны различать и третье течение, наиболее умеренное и близкое к духу самого Гегеля, возглавляемое Сергеем Соловьевым, который не обожествлял государство, но и не превозносил народ, а старался теорией органического развития объяснить неизбежность и необходимость тех исторических явлений, которые при всей их противоречивости не могли быть иными.

Разумеется, марксистско-ленинское понимание единства государства и народа не может и не должно сводиться к любому из этих разночтений гегелевской философии истории. Не отрицая то рациональное, что содержит в себе гегелевский историзм о диалектической взаимосвязи между государством и народом, ленинизм коренным образом изменил или перевернул теорию Гегеля, поставив ее с головы на ноги, противопоставив себя тем самым как гегелевской философии истории, так и всем вариантам левой и правой ее интерпретации. Исходное начало, базис, из которого надо исходить, — это народ. Народ есть творческий, действенный субъект, создающий свои политические и иные идеологические надстройки по образу и подобию своему. Величие государственных подвигов и деяний его коронованных и некоронованных вождей не есть противостоящие ему исторические факты, а суть следствия его творческих усилий, пролитой крови, пролитого пота. Но и провалы и крушения многих начертаний и дерзаний, гибель и разорения, войны и поражения не являются оторванными от народа колебаниями, а определяются тем же основным базисом — народом, его духом, условиями его жизни, его трудовых и политических усилий. Государство имеет огромное, иногда даже решающее взаимовлияние на этот базис, но не в качестве иной, внешней силы, а внутренне присущей, имманентной силы.

Таким образом, государство и народ суть монистическое целое, суть единый субъект. Но в своем развитии народ постоянно улучшает и совершенствует свою государственную систему в зависимости от тех социально-экономических и технико-экономических сдвигов, которые, упираясь в законстелый организм, не дают развития производительным силам, требующим новые, более прогрессивные производственные отношения. В такие исторические моменты народ и государство раздваиваются, и это раздвоение единого порождает иллюзию оторванности, метафизической противоположности и параллелизма между государством и народом. Однако, скоро разрушив старый государственный отживший себя строй, народ возводит новое величественное здание такой государственности, которое обеспечивает его развитие на протяжении новых веков. Следовательно, единство народа с государством не исключает борьбу с ним, но, наоборот, раз оно, это единство, есть диалектическое, такая борьба выступает существенным моментом развития всего общества.

Сама борьба народа с государством принимает разные формы, из коих надо выделить две основные — реакционную и прогрессивную. Аллилуйщики государства утверждают, что везде, где идет борьба между государством и народом, право государство. Аллилуйщики же народа утверждают противоположное. Историческая же истина слишком многообразна и велика, чтобы можно было бы ее поместить в прокрустово ложе подобных схем. Так как народ состоит из разных классов, имеющих разные интересы, иной раз противоположные, то, создавая государство, народ вызывает в жизнь силу, которая умеряла бы их столкновения. Выражаясь словами Энгельса,

мы могли бы эту мысль заключить такими словами: «А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновение, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство». Ленин, приводя сии слова Энгельса в своем собственном переводе, одобряет и развивает эти мысли. (См. Ленин. Соч. XXI, стр. 372)²³.

Мы видим, что Энгельс очень высоко ставит значение государства как охранительной силы по отношению тех классовых распрь, которые способны даже пожирать друг друга и все общество. Это далеко не то, что у нас привыкли принимать за постулат: раз идет борьба против государства, значит борьба эта всегда правая. Когда основы государства подрывает такая сила, которая способна и созрела для того, чтобы воздвигнуть более передовой тип государственности, то такая борьба не может не вызвать сочувствие наше как дело разумное, правое, если даже оно потерпит на время поражение. Потому и я высоко оценивал движение декабристов.

Если же сила, подрывающая государство, незрелая, отсталая, стихийная и не способна [произвести], кроме разрушительной ярости, ничего созидательного, здорового и высшего, она должна быть расценена как непрогрессивное и даже реакционное движение. Ведь мы не можем стоять на точке зрения Э. Бернштейна: «Движение — все, цель — ничто». Вот почему движения Пугачева, Кенесары Касымова и Шамиля, вызванные, правда, пороками и недостатками русского царизма, все же были по существу своему противоречащими тем прогрессивным стремлениям истории, которые вырастали из недр тогдашней государственности в лице Радищева, декабристов, шестидесятников и т. д. Здесь и ключ тому замечательному явлению, почему наши шестидесятники так враждебно относились к движению Шамиля и приветствовали каждый успех, одержанный русскими против Шамиля. Вот вам образчик из редакционной статьи «Современника»²⁴, принадлежащей, очевидно, перу Чернышевского: (цитата)²⁵. Точно так же относились такие ученики Чернышевского, как армянский революционный демократ М. Налбандян²⁶. А у нас принято создавать видимость, что все передовые силы того времени сочувствовали Шамилю. (См. работы Бушуева, Павленко).

Теперь об интересном выступлении г. Державина. Указанная группа моих оппонентов получила солидное подкрепление своих антиисторических взглядов по вопросу о соотношении государства и народа в лице уважаемого г. Державина. В своей благородной речи акад. Державин верно заявил, что русское самодержавие имеет свою диалектику, и я ожидал, что он даст нам беглый очерк восхождения, расцвета, нисхождения и загнивания государственности русской. Однако на деле оказалось, что он, подобно гг. Панкратовой, Бушуеву (из-за Шамиля) и другим, считает, что русское владычество ничего положительного не давало ни Казахстану, ни Закавказью, ни, в частности, Грузии. Притом интересно то, что это говорит ученый, знающий Закавказье, работающий там как истый патриот русской земли.

Гов. Державин прав! Применяя ретроспективный метод в анализе прошлых событий, можно попасть в ловушку оптического обмана. Он сам и стал жертвой этого обмана, ибо царизм конца XIX и начала XX в. выбрал себе критерием для определения значения царизма вообще. А так как «царизм вообще» есть абстракция, то и получилось, что русское владычество для Грузии, по мнению акад. Державина, ничего положительного не делало. Разве вся классическая грузинская литература, пышно расцветшая в течение XIX в. по образу и подобию русской литературы, не есть прямое следствие присоединения Грузии к России? А просвещение, театр, живопись, военное дело, промышленность и т. д.? Что ожидало Грузию без России, если не участь аджаров — этих западных грузин, насильно исламизированных турками? А мы ведь не так уж много делали для того, чтобы вернуть их

вековую культуру, язык, традиции и вырвать их из когтей азиатчины. Почему? Потому, что было у многих опасение разжигать местный грузинский шовинизм. Но так думать значит «волков бояться — в лес не ходить». А что ожидало бы армян без России? Участь турецких армян говорит за себя. Ведь из 1½ миллиона турецких армян целый миллион был истреблен турецко-германскими извергами в 1915 году. Можно ли пройти мимо таких умопомрачительных фактов истории? Нет, т. Державин, Вы как крупный ученый не похожи на самого себя, когда культивируете ложную теорию отрыва народа от государства, когда возводите и превозносите движение Кенесары Касымова, а стало быть, и Шамиля, когда объективно отождествляете Голицина с Ермоловым. Но мне возражают с таким, якобы «марксистским», доводом: если принять Вашу концепцию единства народа и государства, тогда прощай классовый принцип в освещении вопросов истории, тогда получается старая схема, будто государство не классовая, а надклассовая сила. Вот мы подходим ко второй проблеме наших разногласий: о роли и значении классовой борьбы в истории.

Мне кажется, что надо быть порядком ослепленным и оглуленным метафизическим методом, чтобы сделать столь несообразный вывод, будто единство государства и народа исключает классовую борьбу. Классовая борьба веками была, есть и еще будет, покуда есть классы. Игнорировать, не признавать этот фактор развития — это все равно, что отрицать в воде водород. Но надо ответить на вопрос: из одного ли водорода состоит вода и все ли водные стихии исчерпываются несложной формулой «H₂O» — вот в чем гвоздь вопроса. Государство классово, разные классы навязывают стране разные виды государственной власти. Все это — азбучные истины. Но есть и не азбучная истина — каждый господствующий класс вынужден вести страну, то есть тот монистический субъект, который является основой государства, по пути развития, прогресса, иначе он, этот господствующий класс, вынужден покинуть арену господства и уступить свое место иному, более передовому господствующему классу. Этот вынужденный уход в истории происходит, правда, не столь приятными способами, как, например, вотум недоверия в парламентах, а чаще дело доходит до того, что господствующий класс, уже не способный развивать производительные силы страны и идти по пути прогресса, расплачивается всем достоянием и кровью своей. Что же, тем лучше для прогресса и развития. Но уже здесь, в этой далеко не азбучной истине мы видим знакомую нам марксистско-ленинскую правду исторического развития, заключающуюся в том, что то, что действительно, то разумно, и если рабовладельческая система сменяется более прогрессивной — феодальной, значит старый строй потерял свои прогрессивные потенции, значит этот строй стал оковом для развития страны и значит разумна его гибель и возвышение нового классового общества. При таком взгляде история принимает закономерный характер и государство перестает выступать перед нами в образе кровавого Калигулы, а народ — в образе восставших спартаковских рабов.

Народ есть субъект истории — учит т. Сталин, так пусть каждый истый историк, окончательно не запутавшийся в социологических хитросплетениях покровщины, покажет, как этот народ-субъект в одно и то же время и производил материальные блага, и воевал с иноземными захватчиками, и боролся с классовой косностью и непомерной эксплуатацией своего труда, и создавал памятники духовной культуры. Все это народ делал одновременно, и все это было разумно несмотря на вопиющие противоречия, провалы, поражения и разорения. Государство возглавляло эти титанические усилия и борения народа, направляло их, и это вполне согласовалось с его классовой природой, ибо сам народ ведь тоже состоял из классов. Классовая борьба и классовые противоречия, таким образом, не исключают единства государства и народа как монистического субъекта, а наоборот, обуславливают их существование, ибо без классов и их борьбы не было бы и государства. Беда наших историков, в данном случае моих оппонентов, заключалась в том, что они учли лишь классовую противоречивость государства и народа и упускали их единство, взаимообусловленность, взаимный детер-

минимизм этих противоположных сил. Как истые метафизики они говорят: какое же единство, если они противоположны? Надо им ответить: именно потому они и едины, что противоположны. Диалектическое единство государства и народа с учетом того, что народ и является основой, источником для государства, отучит нас от того брюзжания, оплевывания старого, которые стали когда-то нормой оценки прошлых событий и исторических деятелей. Ведь факт, что одно время у нас о каком-либо царе нельзя было сказать хорошее слово и получилось, как у Собакевича: один разбойник, другой грабитель, третий мошенник, и лишь иногда, лишь о лучшем из них говорили в том же стиле: «Один прокурор порядочный человек, да и то, если сказать правду, — свинья».

В художественной литературе с этим вредным нигилизмом, нусиновщиной²⁷ почти покончено, и уже недавно был подытожен тот факт, что советские драматурги уже успели дать стране семь пьес об Иване Грозном, и все они превозносят этого государя не только как государственного мужа, но даже как нравственную личность. У нас иначе не принято почему-то, и в результате от одной крайности вульгарного терсидизма мы попадаем в другую — напыщенную маниловщину. Перехожу к обвинениям моих оппонентов в том, будто я «сползаю с классовых позиций», отказываюсь от классового понимания ленинизма.

Я говорил и повторяю, что главное в ленинизме — не классовая борьба. Это я доказал собственными заявлениями наших учителей. Чем вы на это ответили? Бранью, ярлыками. Значит, плохи у вас дела. В личной беседе один товарищ сказал мне: «У Вас получается, что интересы пролетариата и интересы общечеловеческие — вещи разные». Это уже серьезное возражение. Отвечу на это. Я на большом историческом материале показал, что интересы пролетариата были разные, когда выразителями их выступали машиноборцы или «экономисты», или «Рабочая оппозиция», или Вик-жель²⁸, или те рабочие, которые, созывая съезд, украсили сцену лозунгом: «Царству рабочих и крестьян не будет конца», на что Ильич подробно разъяснил и остудил жар и пылкость их классового воображения. Понятие «интересы пролетариата» слишком общё, и извольте объяснить, о чем идет речь. О тех интересах, которые мы должны вывести из существа ленинизма, или же о тех, которые якобы защищают леди Астор²⁹, многие тред-юнионисты и т. д.? И вот, отвечая на этот вопрос, я говорю, что ленинизм под интересами рабочего класса понимает не одни лишь частные узкоклассовые интересы, а возвышает рабочий класс до уровня авангарда социалистической переделки общества. Главное в ленинизме заключается именно в этих общечеловеческих задачах, поставленных перед той формой пролетарской диктатуры, которая у нас называется советским государством. Следовательно, не я противопоставляю интересы пролетариата интересам общечеловеческим, а наоборот, я выступаю за то, чтобы не было и тени подобного противопоставления, и мы, идеологические работники советского народа, сумели бы узреть величие рабочего класса именно в этой авангардной роли в деле создания бесклассового общества, борясь против всех попыток противопоставлений, имеющих место в истории.

Я привел слова т. Ленина о том, что утверждать, будто главное в марксизме есть классовая борьба, значит извращать марксизм в угоду мелкого, да и крупного, буржуа. В наши дни эти слова стали особенно пророческими. Ведь от имени классовой борьбы ратуют и геббельсы, и херсты, и мосли³⁰. Разве можно так отстать и в 1944 г. прожужжать о классовой борьбе, как 50 лет и век тому назад, когда ближайшей целью было классовое самосознание рабочего класса. Мы сильно продвинулись вперед с тех пор и то, что было ближайшей целью, ныне есть средство для более возвышенной задачи. Потому и я повторяю, что классовая борьба для нас есть средство для достижения цели — уничтожения классов вообще, построения социализма. Так следует понять и применять ленинизм, а не свести все дело к классовому антагонизму и классовой борьбе, думая, что этим мы сказали революционное слово.

Разница между мною и моими оппонентами не в том, что

я недооцениваю классовую борьбу, а они — нет, а в том, что, выражаясь фигурально, они считают себя энтузиастами по тракторостроению и говорят: «Даешь трактор, и никаких!» Я же говорю: «Трактор не самоцель, а орудие для социалистического земледелия». Этот взгляд на историю и на современность более научен, чем огульное словословие классовой борьбы и проведение классового принципа там, где он явно вреден для наших же классовых интересов. Так, например, обращаясь к товарищам из Политбюро и самому т. Сталину, я ставлю вопрос: целесообразно ли нам в нашу эпоху выступать с такими формулами, какими изощрылся недавно т. Федосеев в «Большевике»³¹, что диалектический материализм есть мировоззрение пролетариата или что диалектический материализм выражает собой пролетарское мировоззрение и т. д. Конечно, я не говорю, что это ошибка, но что этим мы суживаем значение нашей философской науки, делаем достоянием лишь одного, пусть самого передового, класса — это очевидно, хотя не очевидно, почему нужно такое суживание. Не вернее ли представить дело так, что диалектический материализм есть высший этап развития философской науки, способный убеждать и овладеть умами всех мыслящих людей, которые не извращены классовой ограниченностью и классовыми предрассудками?

Нам известно, что идеология господствующего класса — есть господствующая идеология данного общества, и это положение Маркса доказывалось во все времена. Буржуазия в период своего господства господствовала над массами и своей идеологией. Но как она достигла этого идеологического господства? Не тем, что она везде и всюду пичкала людей своей классовой ограниченностью, классовыми предрассудками, своими нищезнающими, карлейлями, шпенглерами, своими рашевичами³² из Чехова. Нет! Она для этого была слишком умна. Буржуазия выступала, пленила и покорила ум людской широкими, гуманистическими общечеловеческими идеями — классиками науки, которые были бы, вероятно, весьма оскорблены, узнав, что мы их задним числом честим как буржуазных идеологов. Мне скажут: буржуазия кривила душой, действовала коварно, нам незачем скрывать, что мы стоим за пролетариат, но тут и обнаруживается детская болезнь левизны, ибо наивно думать, что, выступая с общечеловеческими идеями, мы кривим душой, ибо такова сущность нашего учения, что застрять на точке классовой борьбы нельзя, а нужно довести ее до задач уничтожения классов, до степени советского государства, до защиты интересов всего народа, всей нации, всего исторического субъекта в его монистической цельности.

Ведь если и согласимся, что буржуазия кривит душой в данном вопросе, то и тогда получается, что буржуазия реализует свою сусальную монету за чистое золото, а мы свое чистое золото хотим сбывать за сусальное. Тут есть чему учиться, и назовите меня струвистом, бернштейнианцем и что вздумает убогая фантазия таких мелких политиканов, как проф. Ефимов, я все же скажу, что наши светлые идеалы должны выиграть сражение сначала на полях книжных, газетных, в сферах науки, а затем уж на полях битв в собственном смысле и для успеха наших битв на книжных и газетных полях мы должны подняться на высоту общечеловеческих идей, отрешиться от классовой ограниченности и понять, что в этом именно состоит бессмертное, субстанциальное нашего учения Ленина и Сталина.

Точно таким же образом я обращаюсь и по другим вопросам: у меня вызывает сильное сомнение, насколько научно и насколько целесообразно считать и подчеркивать, что наша революция в период 1918—1920 гг. была периодом гражданской войны. В свое время вызвать гражданскую войну в стране как противоядие войне империалистической было необходимо, а потому мы поднимали на щит лозунг гражданской войны, видя в ней силу спасительную, освободительную. Теперь же, оглядываясь, мы знаем, что это было противоядие, и только, и придти в восторг или удариться в пафос от того, что мы были вынуждены воевать с внутренней контрреволюцией (поддержанной внешней), незачем, как незачем выставлять на

божий свет семейные раздоры и распри, будь они даже очень принципиальные по своему характеру. Как бы то ни было, этот период войн надо было бы, скрепя сердце, назвать периодом гражданской войны, если бы не то обстоятельство, весьма немаловажное, что наша страна за эти три года воевала со всей мировой реакцией, со всей интервенционистской коалицией: кайзеровской Германией, чехословацким продажным корпусом, французскими десантными войсками, американскими десантами, японской длительной и наглой оккупацией, германо-турецкими захватчиками в Закавказье, английской агрессией, захватническими вожделениями Финляндии и особенно Польши и Румынии.

И вот наш великий народ, одерживающий легендарные победы над всей этой реакцией антирусской коалиции, нами воспевается и представляется как герой гражданской войны, как герой классовой борьбы внутри своей страны, между тем как классовая борьба внутри страны у него сочетается с более возвышенной задачей — борьбой с мировой реакцией и интервенцией, ворвавшейся в нашу землю для порабощения нашего революционного народа. Тут есть, о чем подумать и пересмотреть. Потому я, ретроспективно переоценивая этот славный и суровый период нашей революции, склоняюсь к тому, что это был период войн с мировой контрреволюцией, а гражданская война была лишь производным явлением от этого основного. Вы замечаете, что и этот вывод вытекает из того же основного постулата: главное в марксизме — не классовая борьба, а интересы монистического цельного субъекта истории, и все иные моменты мы должны рассматривать как служебные по отношению к этой возвышенной цели.

Теперь персонально о выступлении т. Минца. Есть люди, которые из длительных боев за целые десятилетия вынесли одну универсальную мораль, состоящую в том, что если спорят две стороны, то подойди к ним, и, не вникая даже в суть спора, скажи им: один из вас ошибается в том, что недооценивает, другой — в том, что переоценивает, а потому оба неправы, прав я. Если же вам хочется знать, чья ошибка опасней, то и это заранее известно мне: опасна та, против которой не ведется борьба. Все это в таком общем виде довольно мило выглядит. Однако т. Минц в погоне за схемами упустил из виду, что споры на философском участке, например, не разрешились по такому плану, и вообще повторимость в истории имеет свои пределы. Посмотрим, однако, как он борется против моей «чудовищной ошибки»? Он говорит, что я допустил нечто чудовищное в оценке пугачевщины. Почему? Потому, что я утверждал, что пугачевщина была не прогрессивное явление, так как она угрожала государственному строю, и тут же добавляет: этак получается, что и мы сделали ошибку, когда в 1917 г. подняли революцию. В этих словах наличествует весь т. Минц со всем своим теоретическим багажом, со всем грузом беспросветной ползучей эмпирики.

Во-первых, т. Минц путает вопрос, будто я критикую пугачевщину лишь за то, что она угрожала государственным устоям того времени, ибо я говорю о том, что, стремясь разрушить монархию Екатерины, Пугачев не сумел бы поставить монархию лучше, а поставил бы похуже и намного хуже. Вот почему я тут же отдаю должное декабристам, которые тоже шли разрушить самодержавие, но поставили бы на его место более прогрессивное государство. Во-вторых, не странно ли, что видный советский историк т. Минц в 1944 г. выступает таким заурядным филистером типа немецкого Эмиля Людвига, который свыше 10 лет тому назад получил от т. Сталина то, что ему следовало бы получить за сумасбродную аналогию между пугачевщиной и большевиками? Отстаеете, т. Минц! Разве трудно понять, что такие параллели обнаруживают полнейшее непонимание того, что такое историзм, что такое новое, идущее на смену гибнущего старого. Ни одна историческая формация не погибает прежде, чем в ее недрах не сформируется новый, более прогрессивный преемник. Пугачевщина не была этой новой силой, большевизм же всем ходом истории был призван быть единственным и лучшим преемником гибнущего старого. Пугачев ратовал

за лучшего царя, не будучи таковым, большевизм же ратовал за всемирно-исторические идеалы освобождения наших народов от всякого гнета и оправдал это высокое звание. Разве можно сравнить мутный дождевой поток с великим океаном или тусклую лучинку с небесным светилом? Не пора ли покончить с такой рьяной идеализацией пугачевщины?

Товарищи, с первых же дней нашей великой беспримерно героической войны с гитлеровской Германией наш народ выступал как один человек защитить не только то, что было завоевано им за 24 года, но и за все, что было приобретено за десятки веков, за долгие столетия борьбы ради достойного нас места под солнцем. Народ выступал не как 24-летний юнец, а как тысячелетний богатырь, корнями уходящий в глубь древней истории. Историческая наука ворвалась в наше национальное самосознание и вооружала его несокрушимым духом в борьбе с нацистской агрессией. При самом внимательном анализе нашей истории народов СССР мы убеждаемся, что не было ни одного века нашего саморазвития, при котором мы не делали бы новый шаг вперед по пути свободы народов и человеческого прогресса. Если и были периоды упадка, регресса, то всегда они вызваны иноземными нашествиями, чужеземным гнетом, но отнюдь не иммонентными законами развития нашей страны. В основных чертах наша история является обширным царством той разумной действительности, глядя на которое, мы можем без ложной гордости сказать, что наши предки — как низы, так и верхи, — как политически целый организм поработали неплохо, и не придется нам за них краснеть. Вполне созвучны нам слова нашего талантливого поэта, написанные в 1935 г.: «Я понял: все живо; / Векам не пропасть / И жизнь без нажива, / Завидная часть. / Бывали и войны / И поедь живьем, / Но вечно наш двойня / Гремел соловьем. / Спасибо, спасибо / Двум тысячам лет / В трудах без разгиба / Оставившим свет».

Вот почему не заслуживает серьезного ответа другой ярлычок, данный мне щедрой рукой т. Городецкого, — о великодержавном шовинизме, ибо это обвинение чаще всего играет роль фигового листка, тщетно скрывающего другой порок, имя которого — космополитический интернационализм. Вообще история знает немало примеров, когда, рождаясь, нечто новое, великое сначала расценивается незадачливыми ценителями как возврат к старому. Так было с Марксом, когда он применял метод диалектики и орава критиков начала хором утверждать, что это — назад к Гегелю. Так было с Лениным, когда меньшевики, даже Плеханов, нападали на него из-за гениального труда «Что делать?», обвиняя его в том, что он-де идет назад, к идеализму, так как выдвигает идею вождя и идею привнесения сознания в рабочий класс извне и т. д. Точно таким же образом в наши дни «Таймс» и другие маститые буржуазные органы, взирая на те идеологические сдвиги, которые переживает наш народ, говорят, что мы идем к ним, идем назад, начинаем походить на них, между тем как мы все больше и больше походим на самих себя. Там, где национальное самосознание вступает в конфликт с интересами свободы народов и человеческого прогресса, оно должно быть нами отвергнуто. Но такие моменты и ситуации — гипотетические в наши дни, когда известные слои нашего народа еще не отходили от похмелья ложного интернационализма и не знают, чем же им собственно гордиться из истории, когда даже Петр, названный всеми иными нациями и Энгельсом Великим, нами называется Петр Первый. Мопассан показал в рассказе «Пышка», что представители целого ряда сословий Франции в условиях Франко-прусской войны оказались пошлыми, раболепными обывателями перед крепким кулаком гнета. В сборище этих негодяев оказалась одна лишь патриотка, и та проститутка.

У нас же народ показал образцы сказочной героики, потому и мы так быстро идем к победе. Но ни на минуту мы не должны забывать, что были очень серьезные прискорбные провалы: в Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии. Были болезненные симптомы также и в Казахстане — там, в далеком тылу, в тех районах, на которые с вожделением взирали турецкие неознверы — прогитлеровские пантюркисты. Историческая наука немало повинна в этих брожениях и колебаниях ряда районов. В этих условиях

значение русского советского патриотизма велико тем, то он дает критерий тому, что же значит подлинный советский патриотизм для всех других наций в плане их исторического развития, ибо этот критерий есть служение задачам человеческого прогресса, а великий русский народ среди всех наших народов эти задачи выполнил больше всех и лучше всех.

Вот почему я, писатель-публицист, не русский, а армянин, считаю своим прямым долгом отдать должное роли и значению этого могучего фактора и опоры нашей государственной мощи и процветания. И когда замечательный патриот Руси акад. Державин упускает из виду эту сторону вопроса — это даже неплохо. Был бы редактором, я бы печатал его выступление на видном месте, хотя и давал бы ответ, показал, что не все, что благородно, истинно с точки зрения исторической науки, а стало быть, для нашей политики. По тому несерьезному обвинению т. Городецкого о том, что-де я стою на позиции великодержавного шовинизма, я мог бы ответить столь же, как он, голословно, но хоть с большим основанием, что он — выразитель космополитизма, у которого чувства патриотизма, национальной гордости атрофированы. Конечно, я приветствую его попытку показать негодность и фальшь историографической концепции проф. Рубинштейна, который перед самой войной выступал с книгой «Русская историография» и онемечил истоки русской исторической науки. Но ведь эта попытка была педантическая, без той принципиальности, [к] которой обязывает патриотическая совесть. Ни слова не было о том, что эта вредная книга допущена КВШ³³ в качестве учебного пособия для вузов. Книга эта еще отравляет сознание тысячам и ждет своего критика.

«Еще одно последнее сказанье». Товарищи, читать летопись живой истории — трудная задача! Не менее трудная задача читать труды и деяния того, кто, воплощая волю нашего народа, делает самую историю. Мы попытались на этом совещании так и этак читать и интерпретировать эту великую летопись. Не дернув разгадать тайну книги грядущего, я все же уверен, что те сдвиги нашей идейной жизни, которые произошли за эти последние годы, ни в коей мере не отражают те умонастроения, которые будто идут из-за рубежа. Эти сдвиги сугубо имманентные, вытекающие из сознания своей силы, своей мощи, своей растущей зрелости и мудрости. Но есть и другие сдвиги, другие процессы. Кто не слеп, тот не может не видеть, что именно за рубежом, даже в Америке, в Англии фашистский трупный смрад стал за эти годы все более усиливаться и имеет тенденцию дальнейшего усиления. Стало быть, разгром немецкой самой свирепой звериной разновидности фашизма не есть еще конец фашизма.

Вот почему после военного разгрома гитлеровской Германии мы в условиях мирного процветания должны показать такие классические образцы невиданных доселе форм демократических свобод, чтобы все силы мировой демократии видели в нас светоч и надежду на лучшую будущность. Преодолевая все детские недуги левизны, покончив с метафизическим взглядом на историю и на современность, покончив с узостью, ограниченностью нашей научной мысли (которая часто в силу этой узости и левизны является лишь полунаучной мыслью), мы выйдем на мировую арену, возглавим мировое общественное мнение, дадим образцы великих научных творений, покоряющие все академические сферы мировой науки, и докажем, что поистине великая эра Третьего Рима наступила и иному Риму не бывать, то есть что мы создали самую совершенную идеальную форму государства и иному лучшему не бывать, ибо мы позаботимся, чтобы эта лучшая форма и была также последней формой государственности.

В настоящий же день нам нужно отчетливо понять, что необходимо покончить со всякими настроениями самообольщения. Ни одна страна мира на науку, и в том числе историческую науку, не расходует столь большие средства, как наша, но нельзя сказать, что ни одна страна не дает столь высококачественных научных трудов, как наша. Мы к этому только идем и должны еще идти. Оставим заблуждения, будто раз мы пишем труды марксистско-ленинским методом, то уже тем самым чаша весов Минервы склоняется в нашу пользу. Пора понять, что самые простейшие

истины марксизма нами еще далеко не поняты, иначе не могли быть такие провалы в области разработки истории Дагестана, Казахстана, пугачевщины, севастьяпольской кампании и т. д. Иначе мы не были бы так глухи и немы к знаменитой статье т. Сталина «О статье Энгельса «Внешняя политика русского царизма», призывающей нас отрешиться от догматического извращения марксизма. Не утешим себя и количественными показателями о том, что 700 печатных листов работ, или 50 научных трудов, уже имеется в портфелях Института истории, и это уже хорошо. А что, если в этих трудах больше фальши, чем исторической правды, как в трудах т. Бушуева о движении Шамиля? Ведь в цехе историков т. Бушуев занимает далеко не последнее место! Глубокое понимание того, что требование самокритики не было лишь временным лозунгом, который отшумел и умолк, что она есть вечный спутник наших дерзаний и усилий, нас должно образумить и отрезвить.

Хорошо, конечно, когда мы там и сям приводим вещие слова Белинского: «завидуем внукам и правнукам нашим, которые в 1940 году увидят Россию, стоящую во главе всего образованного мира, дающего законы науки и искусства и принимающую дань благоговейного уважения от всего просвещенного человечества». Но чтобы действительно осуществить эти пророческие слова, нам нужно, по-моему, помнить, что уровень нашей науки еще отстает от уровня запросов народного духа, что советский народ, стоящий в центре внимания и восхищения всего мира, достоин более глубоко идейной, широкой и многогранной науки, чем та, что мы имеем. Покамест у нас признают одну грань, что выше этого — пугает наших редакторов и издателей. Чему же удивляться, если оркестр, состоящий из однострунных инструментов, не в состоянии исполнить величественную симфонию исторического прогресса и исторической современности. В потенции своей наше дарование слишком мощное и зрелое, чтобы мы боялись многострунной оркестровки. «Идти врозь и быть вместе» — таков путь развития науки, да и военного искусства. Так мы побеждаем Германию, так мы победим и в области культуры тех врагов, имя которых — узость, упрощенство, догматизм, наивный метафизический взгляд на вещи, самообольщение, перестраховка. Имея путеводную звезду — интересы монистического целого субъекта истории, имея критерием истины принцип свободы народов и человеческого прогресса, наша наука пойдет по пути блестящего осуществления мечты Белинского и выдвинет таких классиков (но уже ленинцев), каких выдвигала Россия в лице Карамзина, Чернышевского, Соловьева, Ключевского — этих корифеев науки, украшающих алтарь русской Мнемозины.

Р. С. В предыдущих страницах я ответил моим оппонентам, выступавшим в ряде заседаний нашего совещания. Необходимо, однако, дополнить картину и ответить тем, которые выступали на последнем заседании 8 июля. Тут я имею двух однозвучных по имени, но противоположных по характеру оппонентов: тт. Волгина и Волина. Тов. Волгин во мне видит носителя такой крайности, как представление русской истории в сплошных розовых красках. Тов. Волин же разразился бранью и клеветой о том, что я выступал в антирусском и антинародном духе, с какими-то «реваншистскими» (?) мотивами. Отвечу т. Волгину, что если бы он читал мою работу о движении Шамиля, работу, которая была долго в Институте истории, находящимся под его руководством, то он там прочел бы целые страницы о тех жестокостях, которые натворили царские ставленники на Кавказе, и понял бы, что ни о каких розовых красках не придется тут говорить, когда дело идет о красках багряной крови. Два абзаца я уже читал в ответ т. Волгину, и это, думаю, достаточно.

Тов. Волин своей смачной руганью постарался изобразить меня как некоего врага и контрреволюционера, который притом выступает от имени каких-то групп «реваншистских». Сколько жалкого вздора и бессильной злобы в одном выступлении, направленном против моей работы «Историческая сущность мюридизма»! И вот подобный невежда и мелкий интриган стоит во главе «Исторического журнала» и хвалится тем, что

в нем он не печатает меня. Между тем я в этом журнале печатался не раз, когда его возглавлял покойный Е. Ярославский. Я не из больших поклонников Ярославского как историка, но, сравнив его с его недостойным преемником, скажу, что это была живая вода, тогда как Волин — болотная лужа. Довольно смешно привести телефонные разговоры как аргумент, но раз это делает мой оппонент, то повторяю, что он был и остался тем же твердолобым как до войны, так и нынче, ибо он и не хочет видеть, как тяжело отразилась на горных районах Кавказа традиционная идеализация Шамиля и традиционное очернение прошлого России. Война научила нашу историческую науку более трезво относиться к этим явлениям, но т. Волин из тех, для которых закон не писан.

Более курьезно его следующее рассуждение. Раз я не считаю пугачевщину прогрессивным явлениям, значит я нахожусь в лагере Пуришкевича, а не Плеханова. Почему? Потому, что сей классический невежда знать не знает, что как раз Плеханов-то и был тот, кто неподражаемо описывал пугачевщину как силу реакционную, идущую по пути назад, а не вперед (см. «История русской общественной мысли», т. III, изд. «Мир», М. 1917). Оригинальная логика у этого ученого мужа! Товарищи Нечкина и Сидоров мне дают реплику, что Плеханов в оценке Пугачева был меньшевиком. Но кто это доказал? Никто, если не считать, наших историков типа Рубинштейна, которые не посмели вступить в теоретический спор, а ограничивались бессвязным ярлыком вроде «меньшевицкие ошибки» и т. д. Чтобы доказать, что в этом вопросе Плеханов был меньшевик, надо... быть меньшевиком. Это может казаться странным и несообразным выводом. Однако кто идеализировал стихийное движение, кто критиковал «Что делать?» Ленина за то, что Ленин там ставил вопрос о борьбе со стихийностью? Большевики! Маркс и Энгельс критиковали машиноборцев. Плеханов и Сталин критически относятся к пугачевщине (см. Беседу т. Сталина с Эмилем Людвигом). Это — явления одного и того же порядка. А вот Эмиль Людвиг считает пугачевщину явлением, аналогичным Октябрьской революции. Тов. Минц утверждает это такой же параллелью, а т. Волин выступает защитником пугачевщины с таким апломбом, что готов всех, кто критикует это движение, послать на эшафот, по невежеству не сообразив, что этим он послал бы самого Плеханова, с которым я лишь отчасти согласен в критике Пугачева. Эти явления также одного порядка.

Итак, т. Волин и с ним гг. Нечкина и Сидоров (быть может, не додумав) утверждает нечто чудовищное, будто Плеханов в критике Пугачева находится не в лагере Плеханова, а в лагере Пуришкевича. Чему же удивиться, если эти же люди так усердно оплеывали А. Яковлева, старались дискредитировать акад. Грекова, называли дворянско-буржуазными историками Соловьева, Ключевского и т. д.? Слепая ярость волиных давно испепелила бы нашу науку и культуру, если бы они имели власть и волю на это. Эти чеховские рашевичи мстят науке за свою научную неполноценность, а потому они (Волин и Ефимов) полагают, что раз они не могут быть такими историками, как Соловьев или А. Яковлев, то надо по крайней мере блеснуть уничтожающей клеветой на них. И что же, А. Яковлев остается оплеванным, но не критикованным, хотя его можно и нужно было очень умно и полезно (для науки) критиковать.

Все это, эти мелкие страсти и миазмы нравственной порчи подобных крикунов не могут остановить развитие нашей науки, ибо у нас есть вожди, и у нас есть Сталин, которые будучи зодчими истории являются также зодчими исторической науки. Они из наших выступлений поймут, где правда, где кривда, кто кривит душой и кто говорит во весь голос от всего сердца. Лично я, приняв предложение участвовать в этом совещании, поставил себе задачу сказать все, что в области исторической науки является по-моему новым, спорным, указать на то, что по-моему является устаревшим, односторонним. Если даже небольшая часть моих утверждений верна, то и в этом случае я буду вознагражден сочувствием людей науки, истины и правды, как и ненавистью людей мелкого политиканства, демагогии и клеветы. С полной верой я жду решение Центрального Комитета, и како-

во бы оно ни было, я знаю, что оно поможет нашей науке изжить свои недуги роста, так же, как и те недуги, которые я, не боясь, выставлял, ибо имел дело с высочайшей трибуной нашей партии, требующей от людей науки и творчества не безошибочности (что не бывает), а честности, прямоты. Мой долг представить верный рентгеновский снимок своих взглядов. Я это и сделал. Я знаю, что для нашей советской культуры я что-либо значу. Если в силу решения ЦК будет покончено с теми минными полями — злопыхательствами волиных, при наличии коих мудрено двигаться к вершинам науки, то и я как один из рядовых бойцов нашей культуры сумею дерзнуть и создать труды, достойные эпохи великого Сталина³⁴.

Рубинштейн³⁵. Выступая в первый раз, я не хотел отвлекаться от общих вопросов, стоявших перед нами, к вопросу о моей книге. Меня упрекнул т. Городецкий, что я обошел вопрос и повторил рассуждения о немцах и немецком засильи в русской историографии вообще и в ее изложении, данном в моей книге, в частности. Я считаю нужным ответить. Хочу только еще раз повторить, что я отнюдь не сомневаюсь, что в моей книге есть недочеты, неудачные формулировки. Вероятно, я сам отдельные вещи сейчас, через три года, изложил бы иначе. Но тт. Бушуев и Городецкий поставили принципиальный вопрос, и об этом принципиальном понимании я и хочу говорить. Прежде всего самое положение о засильи немцев обосновывается т. Городецким ссылкой на трех историков — Миллера, Шлецера, Эверса. Добавьте к ним еще 2—3 имени — Байера, Штрубеде-Пирмента и Фишера, которым отведено в совокупности около 3 страниц, и весь список будет исчерпан. Я далее решительно отвергаю тот принцип, по которому т. Городецким причислил их к разряду немецкой науки, подход т. Городецкого по признаку национального происхождения. По такому принципу можно скатиться очень далеко от марксизма и просто от здравого смысла. Если следовать за т. Городецким, то мы должны были бы из истории русского революционного движения исключить «чистокровного» немца Пестеля или немца по матери Герцена. Мы, марксисты, привыкли судить людей не по национальному признаку, а по их реальным отношениям и объективным делам. Не можем же мы механически соединять Миллера с авантюристом Шумахером, заправлявшим в Академии наук, если даже их смешал в пылу борьбы Ломоносов. Не можем мы одинаково подходить к Шлецеру и, скажем, к Шиману³⁶, который действительно принадлежит немецкой науке и с ее позиции рассматривает русскую историю и именно потому не нашел места в моей историографии.

Каковы же дела названных историков?

Начну с Миллера. Он приехал в Россию 20-ти лет и около 60 лет неутомимо работал на пользу русской науки. Он сложился как историк в России, в практической работе над русской историей, в русских архивах, в работе над текстом и материалами Татищева³⁷. Он считал себя продолжателем Татищева, а не историков-немцев. Тов. Городецкий говорил, ссылаясь на Ломоносова, что он писал в охуление России, но не сказал, что он писал о времени начала «смуты», продолжая с того места, на котором кончил Татищев. Он говорил о норманизме Миллера, но надо же было сказать, что Миллер лишь повторял теорию Татищева, его изложение летописного рассказа. С такой трактовкой, пожалуй, и Татищева как норманиста надо отдать немцам. А Миллер вообще не теоретик, и не в этом его сила. (См. мою книгу, с 113—114). Его дело — архив, археография, источниковедение, он «чернорабочий» в науке, но эта его работа сыграла большую роль в развитии русской исторической науки. Его заслуга — сохранение и издание труда Татищева, законсервированного немцами из академии, и ряда других трудов русских ученых. Он поднял вопрос и много сделал для сохранения бумаг Петра Великого. И еще характерная черточка: когда Академия назначила ему помощником Шлецера, а он узнал, что Шлецер намерен вернуться в Германию, он отказался допустить его к архивным фондам, оберегая их как национальное достояние. Где же тут немецкий агент, представитель прусского манархизма, и все прочее, что наговорил здесь т. Городецкий?

Вопрос о Шлецере может показаться сложнее: он вернулся в Германию и работал в рядах немецких ученых. И все-таки работа над русской историей, вернее, над русским летописанием, осталась самостоятельным направлением его работы и, может быть, самым плодотворным направлением его работы. И значение Шлецера для русской истории не в концепциях и теориях — в этих вопросах он далеко отстал, скажем, от Болтина (как я отмечаю, например, на с. 160), а лишь в разработке методов критики источников. И эта его работа лежит целиком в плане русской историографии, отправляется от Татищева, от Болтина и обращена к Погодину, Соловьеву, Шахматову в XIX веке³⁸. Тов. Городецкий объявляет это делом немецкой науки, но тем самым дает право немецкой науке утверждать, что эти наши ученые опираются на ее достижения. Я пытаюсь установить его принадлежность в этой части к русской науке и думаю, что моя позиция во многих отношениях крепче.

Наконец, об Эверсе. Как балтиец (лифляндец) он писал по-немецки. Но Прибалтика с Петра Первого была русской землей. Эверс был профессором русского Дерптского университета. В своей работе он был тесно связан с кружком Румянцева³⁹, в контексте с Карамзиным. Он все труды посвящал историю России. Если принять признак норманизма (мне это представляется, правда, само по себе мало удовлетворительным), то как раз Эверс был решительным сторонником «Черноморской Руси» и противником норманизма, а Карамзин был норманистом. Эверс доказывал органический процесс развития от семьи к государству, и это было утверждением новой науки XIX в., а т. Городецкий хочет сделать его ретроградом и объявил его почему-то идеологом абсолютной монархии. Такова одна сторона вопроса.

Другая сторона вопроса, какова роль этих историков-«немцев» в общем развитии нашей науки, как представляется и дано в моей книге развитие русской историографии. Я позволю себе коротко воспроизвести основные положения моей книги. Первый этап развития русской историографии — от русского летописания к началу прагматизма в XVI в., к началу критики в XVII в. и, наконец, к Татищеву, обозначившему «превращение знания в науку», — таков самостоятельный путь оформления русской исторической науки, включающейся в общую линию развития, указанную Энгельсом. Татищев «подвел итог предшествующему развитию русской историографии», стоял на базе русского развития эпохи Петра Первого и «дал направление русской исторической науке на сто лет вперед» (с. 85). Итак, Татищев — ведущая, определяющая фигура для XVIII века. Представитель Татищева — Ломоносов, «крупнейший ученый-энциклопедист», «блестящий представитель русской культуры XVIII в.»; он не будучи историком-специалистом внес ряд своих новых идей в русскую историческую науку: вопрос о славянском происхождении Руси, о древности русской культуры, об общности развития России и Запада (собственно, античного мира), о периодизации русской истории (с. 86—87 и следующие).

Но «без предварительной большой источниковедческой работы невозможен был подлинно научный исторический синтез» (с. 92), «нужна была подготовительная, частично, может быть, черновая работа по собиранию источников, по выработке научного метода, прежде всего — метода работы с источником» (с. 95). Эту работу в середине XVIII в. и взял на себя Миллер, охарактеризованный и современником Шлецером как «чернорабочий в науке». Это была самоотверженная и, безусловно, нужная работа, направление которой также дано было Татищевым. Так, от Татищева идут два направления в исторической работе. Одно — в основном техническое, архивно-источниковедческое, представленное Миллером, Новиковым, Шлецером. Другое — преимущественно синтетическое, углубляющее познание русской истории и представленное после Ломоносова Щербатовым⁴⁰, Болтиным, Карамзиным, причем я показываю, что в этом теоретическом плане, скажем, Болтин идет значительно впереди Шлецера, непосредственно предваряя науку XIX века.

В XIX в. русская историческая наука, подобно западноевропейской

и идя в ногу с ней, вступает в следующую фазу своего уже буржуазного развития под знаком идей закономерности и органического развития общества, под знаком гражданской истории. Этот переход отражен уже у Эверса (последняя немецкая фамилия на этом историографическом пути) и последовательно представлен как ведущими фигурами Каченовским, Полевым⁴¹, Погодиным, славянофилами и западниками 40-х годов. В середине XIX в. он достигает вершины в лице Соловьева — крупнейшей фигуры мировой буржуазной исторической науки. Дальше идет, с одной стороны, интенсивная разработка исторических знаний в буржуазной науке (Забелин, Бестужев-Рюмин, Никитский, Костомаров, Сергеевич⁴², народники-экономисты и др.) с последними отдельными попытками создания научной системы, как у Ключевского. С другой стороны — совершается переход на новый путь развития — через революционных просветителей к марксизму, от Чернышевского и Добролюбова — к Плеханову. И на этом пути, в частности, русская наука уже раньше Запада начинает изживать позитивизм.

В конце XIX в. и начале XX в. у нас получает свое законченное развитие марксистская историческая наука в трудах Ленина и Сталина, решительно опережая западную науку и определяя дальнейший путь советской историографии. Мне кажется, что именно здесь дан последовательный пересмотр слишком упрочившихся у нас теорий заимствования или чужеземного засилья и слишком упрощенной борьбы с этим засильем, показан действительный самостоятельный путь развития русской исторической науки. Я хотел бы отметить еще одно. Моя книга защищалась 4 года назад, она издана в начале 1942 г., она обсуждалась на кафедре истории СССР истфака в конце 1942 г. на двух заседаниях, тт. Бушуев и Городецкий — члены этой кафедры. Но потребовалось совещание в ЦК, чтобы я узнал об этих замечаниях на мою книгу.

Я хотел бы еще коротко остановиться на вопросе, поднятом здесь т. Базилевичем: о процессе превращения России в многонациональное государство. Я не могу согласиться с толкованием т. Базилевича, относящего этот процесс к XIX веку. Тов. Базилевич связывает термин «многонациональное государство» с понятием «нация» и рассматривает его как категорию буржуазной эпохи. Между тем т. Сталин в том самом докладе на X съезде партии, на который ссылается т. Базилевич, определенно связал этот процесс с «появлением национальностей на заре капитализма», с появлением первых централизованных государств как в Западной, так и в Восточной Европе. Речь идет не о нации, а о национальности или народности, о процессе, предваряющем процесс «складывания людей в нации». Он связывает этот процесс с татаро-монгольской или турецкой агрессией, что делает XVII век предельной гранью. С другой стороны, если принять вместе с Базилевичем более чем трехсотлетнее существование национального государства в России, предшествующее его превращению в многонациональное, мы могли бы получить уже, как и на Западе, только «превращение старого национального государства» в «государство многонациональное, колониальное». Это снимает специфически сталинское определение многонационального государства.

Русское государство XVI в., включая в свой состав среднее и нижнее Поволжье — Казанское и Астраханское царства, народы Приуралья и Западной Сибири, уже превращается в многонациональное. Другое дело, т. Базилевич правильно подчеркнул наличие в данном случае «одной, более развитой нации», стоящей «во главе» остальных менее развитых наций, но это лишь ставит вопрос о формах и уровне развития «национального государства» как основы многонационального государства на востоке Европы. И думается, что именно в этой связи следовало бы подойти и к другому поднимавшемуся здесь вопросу: «Многонациональные государства Востока послужили родиной... национального гнета». Но в то же время не должны ли мы учесть своеобразие сложившихся в них межнациональных отношений, изучая исторические истоки великой дружбы народов нашей страны?⁴³

Дополнительные материалы к стенограмме совещания историков
в ЦК ВКП(б)

Несостоявшиеся выступления В. М. Хвостова

В ЦК ВКП(б)
Товарищу А. С. Щербакову⁴⁴

Не имея возможности выступить на совещании историков, которое проходило под Вашим руководством, я позволил себе переслать Вам текст выступления, которое я предполагал сделать на этом совещании.

23 июля 1944 г.

В. Хвостов

Я остановлюсь на трех вопросах: 1. Пренебрежение историков к философским основам марксизма, к марксистской теории вообще. 2. Представляют ли аджемяны и иже с ними единственную опасность для нашей исторической науки? — Такой взгляд мне кажется распространенным среди историков. 3. Попутно остановлюсь на некоторых вопросах внешней политики России XIX—XX вв. (Англия и Казахстан, проливы и пр.).

Ясно, что историческая мысль не может окостенеть на тех концепциях, которые изложены в предвоенных учебниках. Тов. Сталин говорил о новаторах в науке, и именно такими учеными должны стараться быть и мы, историки. Но мы наблюдали сейчас попытки такого «новаторства», которое отводит прочь от марксизма. Чтобы двигать науку, истинную марксистскую науку, историкам надо изжить то пренебрежение к общим теоретическим проблемам марксизма, которое, сознательно или нет, но фактически имеет среди них место. Я не знаю за последние годы почти ни одной статьи, вышедшей из-под пера специалиста-историка и посвященной проблемам методологии и философии той науки, занятиям которой он себя посвятил. Историкам грозит теоретический нигилизм, иссякновение интереса и внимания к основным проблемам исторического материализма и диалектики. Неслучайно наиболее грубые ошибки, которые фигурировали в прениях на настоящем совещании, были связаны с трактовкой проблем государства и проблемы национальной, то есть вопросов, правильное решение которых немислимо без овладения философией марксизма и основами марксистской методологии.

Лишь творческое овладение методологией марксизма позволит вырваться как из слепой цитатомании, освободиться от глубоко укоренившейся идеи, будто любой научный спор решается цитатой из Энгельса, так равно и избавиться от такого «отхода от цитат», который приводит и к отходу от марксизма. Что нельзя ограничиваться цитатами из трудов основоположников марксизма, это показал т. Сталин на разборе статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма». А что отход от «цитат», к которому призывали некоторые из выступавших здесь историков, без должной теоретической марксистской подготовки приводит к ошибкам, например, к попыткам реабилитации царизма — это мы наблюдали на примере именно этих же самых историков. Итак — больше внимания вопросам теории.

Слушая выступление Аджемяна, многие историки пришли, по-видимому, к выводу, что удар по аджемянам и подобным ему исчерпывает их задачи. Это чувствуется по целому ряду выступлений. Ясно, конечно, что перед нами ряд фактов, свидетельствующих о попытках подмены марксизма чуждыми теориями, гегельянством и пр. Аджемян только в утрированной форме высказал то, что другие либо держат про себя, либо выражают более осторожно. Нет худа без добра. Аджемян заострил нашу бдительность в отношении попыток реабилитации царизма и отхода от классовой точки зрения.

Допустима ли реабилитация реакционного царизма? Абсолютно недопустима. Наоборот. Разоблачение царизма должно быть значительно углублено.

Мы, историки, до сих пор разоблачали главным образом то классовое

и национальное угнетение, носителем которого было самодержавие. Это совершенно необходимо. Но недостаточно. Нужно обратить больше внимания на то, что царизм тормозил развитие производительных сил страны, что царизм конца XIX и начала XX в. не поднимал, а уже растрачивал славные воинские традиции русского народа, что царизм, наконец, уронил государственный престиж России, превратил ее едва ли не в полуколонию западного капитала, в резерв западного империализма. Политически нам очень важно подчеркнуть все изложенное. Нам надо показать, что только Советская власть подняла нашу Родину, только Советская власть дала возможность победоносно отразить немецко-фашистское нашествие и разбить врага. Только Советская власть смогла создать такую армию, как Красная армия, обеспечить ее самым совершенным вооружением на основе индустриализации страны, вооружить ее самой передовой военной мыслью. Задача историков вовсе не в том, чтобы реабилитировать царизм, а, напротив, в том, чтобы показать, в какой тупик он заводил нашу Родину и как из этого тупика вывела ее Советская власть; и не только вывела, но и подняла на недостижимую высоту.

Последнее время мне пришлось слышать о попытках поднять на щит таких деятелей царизма, как Воронцов-Дашков, как дальневосточный наместник Алексеев. Я не упоминаю о других попытках реабилитации царизма, ибо о них уже много и верно говорилось на совещании. Вредные попытки! Итак, советским историкам надо углубить работу по разоблачению царизма, особенно XIX и XX веков.

Сложнее обстоит дело с внешней политикой самодержавия. Тут нужно учесть, что и царизм, помимо агрессии, должен был заботиться и о сохранении своих владений. Никакой реабилитации нельзя допускать и в отношении внешней политики самодержавия. Но это не значит, что ее можно трактовать «так, как в учебниках». Не прав товарищ Сидоров, что и здесь ничего пересматривать не надо, хотя я согласен с ним, что вопрос о «жандарме Европы» трактовался в основном большинством наших историков правильно и как раз тут действительно ничего пересматривать не следует. Иначе обстоит дело с вопросом о проливах. Верно, что царизм вел на Ближнем Востоке агрессивную политику. И это надо показать. Но верно и то, что другие государства (Англия, Австрия, Франция, позже — Германия) тоже вели здесь такую же или даже еще более активную захватническую политику. А раз так, то значит русское правительство наряду с собственной захватнической политикой подчас и оборонялось от попыток других захватчиков захватить такие позиции, с которых они могли угрожать самой России.

Это простой элементарный факт, который давно был бы признан в отношении любого иностранного государства, но в отношении России вредное влияние Покровского скрыто все еще довлеет над разработкой ряда исторических проблем к ущербу для науки и даже для наших государственных интересов. Нельзя отрицать, что предотвращение торжества какой-либо сильной державы на берегах Босфора и Дарданелл есть акт оборонительный, необходимый для безопасности всех стран, прилегающих к Черному морю. Отрицать это значит наносить ущерб нашим государственным интересам. Установлено документально, что в XIX в. Англия многократно стремилась установить свое преобладающее влияние на берегах проливов. Когда царское правительство мешало этому, то оно оборонялось.

Итак, у проблемы проливов наряду с проявлениями русской агрессии была для России и оборонительная сторона. Ее нужно и важно подчеркнуть. Все эти старые формулы (закрытие или открытие проливов) — они не потеряли актуального политического значения. Доказательства тому — конференции в Лозанне 1922—1923 гг. и в Монтрэ в 1936 году. Формулу Ункяр-Искелесийского договора — закрытие проливов для иностранных государств и открытие их для России — саму по себе нельзя изображать как акт агрессии Николая I. Всякий, кто понимает стратегическую обстановку на Черном море, согласится, что мы не можем и не должны так трактовать эту формулу.

Разоблачая захватническую политику царизма (в частности, и в вопросе о проливах) мы не имеем права молчать о двух вещах: 1) о том, что проливы имели и имеют значение для безопасности Причерноморья; 2) о том, что к захвату их (формальному или фактическому — все равно) стремилась не одна царская Россия, а и Англия и др. Коротко говоря, задача историков заключается в том, чтобы объективно показать внешнюю политику царизма, чтобы разоблачить царизм, когда он покушался на захват проливов, и без обвиняков сказать также и о тех случаях, когда он боролся за предотвращение захвата этой важной стратегической позиции иностранными государствами (Англией, а с 90-х годов — Германией) и тем оборонял свои владения в южной России. Затем по вопросу об удельном весе проблемы проливов в мировой политике. Покровский страшно преувеличил ее значение, и вслед за ним мы продолжаем эту ошибку. Тов. Сталин в письме о статье Энгельса указал правильное место для проблемы проливов.

О Средней Азии. Вы прочтете во всех учебниках, что Россия захватила Казахстан, Бухару, Хиву, Коканд, Туркмению. И это верно. Но редко где при трактовке русской политики подчеркивается, что одновременно Англия захватила Кашмир, Белуджистан, Афганистан (в форме протектората), покушалась на Туркмению, Тибет и пр. Среднеазиатский вопрос следует рассматривать в плане столкновения двух встречных потоков экспансии, а не изливать односторонне свое негодование по поводу русской агрессии. Такая постановка вопроса исторически односторонняя, а политически глубоко вредна. Она вредна как с точки зрения внешнеполитической, так и с точки зрения дружбы народов СССР.

Ищут архивных бумажек для установления английских притязаний на Казахстан. Уверяют, что их нет. Может быть, их плохо искали, ибо внимание было направлено не в эту сторону. Но и не в бумажках дело. Вдумаемся в политическое положение в Средней Азии в XIX веке. Ведь притязания Англии на Туркмению, Тибет, Синьцзян установлены документально с абсолютной бесспорностью. Не знаю, найдены ли до сих пор такие же свидетельства о Казахстане, но уверен, что если бы английские притязания на Туркмению и Синьцзян были удовлетворены, то в документах относительно притязаний на Казахстан не было бы ни малейшего недостатка. Как только англичане подобралась бы ближе к его пределам, так появились бы у них и притязания на эту страну, их «интересы» там и т. д. Все дело в том, что их не подпустили к Казахстану.

Есть ли разница между русскими захватами и английскими для народов Средней Азии? Да, есть. И огромная. Присоединение к Британской империи несло угнетение. Присоединение к Российской империи тоже несло страшное угнетение. Она была «тюрьмой народов». Вместе с тем и то и другое завоевания несли с собой капитализм, железные дороги, некоторый, ограниченный, экономический прогресс, правда, в обоих случаях покупаемый ценой обнищания народных масс. Мотивы русских и английских завоеваний тоже более или менее равноценны. Но присоединение к России, кроме всего этого, означало и приобщение трудящихся Средней Азии к борьбе трудящихся России. К освободительной борьбе передового рабочего класса России, к его идеям, и, наконец, к плодам победы над царизмом.

Между тем даже сам Покровский не придумал бы ни одного факта, который позволил бы сказать, что голодающие индийские крестьяне приобщились хотя бы к скромным благам британского трэд-юнионизма. Ни она организация английских рабочих не охватывала индусские массы. А передовые русские рабочие вели за собой трудящихся всех народов Российской империи. Вот в чем разница. Вот почему присоединение к России для народных масс Средней Азии было «меньшим злом» по сравнению с присоединением к Англии. Что оно являлось «меньшим злом» по сравнению с присоединением к Китаю, об этом нечего и говорить. Не вижу оснований, почему сюда не применить постановление жюри по поводу учебника Шестакова. Там говорится о Грузии и Персии, но старый Китай не прогрессивнее, чем старая Персия.

Здесь пытались оправдать русское завоевание тем, что он приносило железные дороги, хлопок и т. п. Это неверно. Такими аргументами оправдывал колониальную политику какой-нибудь Ван Коль на Амстердамском или Штутгартском конгрессах II Интернационала. Эти аргументы еще тогда были разоблачены Лениным. Русское завоевание этим нельзя оправдывать. Оно объективно оправдывается именно приобщением к борьбе передового класса России под знаменем самых передовых идей.

Тов. Сидоров говорил о том пособничестве, которое оказала Россия Пруссии в 1870 году. Он утверждал, что это сделано ради отмены Парижского трактата. Так ставил вопрос и Покровский, но это неверно. Русская политика стояла перед альтернативой. Она могла либо поддержать Пруссию, что фактически выразалось в принуждении Австрии соблюдать нейтралитет, отказавшись от реванша за 1866 год. Либо же она могла допустить Австрию присоединиться к Франции. В первом случае грозило усиление Пруссии. Во втором — победа той самой коалиции, которая разбила Россию в Крыму и в 1863 г. готовила интервенцию в Польше. Присоединение Англии ведь не заставило бы себя ждать. Первая опасность (прусская) лишь предвиделась. Вторая была уже испытана на собственной шкуре. Русское правительство сочло первую меньшим злом. Возможно, что оно ошиблось. Но то, что ясно потомкам, не всегда ясно современникам. Во всяком случае, неправильно огульно осуждать всякую попытку русско-германского соглашения и восторгаться всяким сближением с Англией, например. У дипломатии много вариантов, во внешней политике в ходе истории часто встречалась надобность в крутых поворотах, а политика великой державы должна всегда сохранять независимость ориентации.

О польских восстаниях. Нельзя трактовать их только как национально-освободительные. В учебниках нет должного разоблачения попыток восстановить границы 1772 года. Пренебрежение этой задачей есть акт политической слепоты.

Роль России в Первой мировой войне часто преувеличивалась, а вина Германии — умалялась. Сейчас в Учпедгизе пришлось с этой точки зрения пересмотреть учебник т. Панкратовой. А ведь есть письмо т. Сталина о работе Энгельса «Внешняя политика русского царизма», где ясно сказано, к каким грубым политическим ошибкам приводит преувеличение роли России в возникновении войны 1914 г.; там сказано, что международная роль царизма падала после 1856 г., что, оставаясь одним из столпов европейской и азиатской реакции, он уже не был больше ни главным ни, тем более, единственным таким столпом, что роль вопроса о проливах как фактора войны меньше, чем роль Эльзаса и Лотарингии или англо-германского антагонизма. Именно последний и сыграл почти определяющую роль в возникновении Первой мировой войны. Все эти вопросы еще не нашли у нас должной разработки. Письмо Сталина о работе Энгельса почти не изучалось. Достаточно сказать, что «Исторический журнал» не посвятил этой гениальной работе ни одной статьи.

Кстати, история Первой мировой войны дает блестящий материал для удара по царизму. Показать, как развалилась экономика, как плохо была вооружена русская армия, — это очень важно в свете современности для еще большего оттенения наших достижений.

Важно сказать, как плохо был снаряжен царизмом замечательный русский солдат, как ограничены были те средства, которыми располагали такие замечательные представители русского военного искусства, как Брусилов. Это не менее важно, чем рассказать о доблести этого солдата и о дарованиях этого генерала. Нужно решительно отделить трактовку истории русского народа от трактовки политики царизма. Разница простая и ясная, но ее иногда упускают из вида, путают. И здесь, на совещании, тоже путали в этом вопросе. Нужно показать всю героику русского прошлого, все достижения русской культуры и любовно описать жизнь народа в его борьбе с внутренними (царизм) и внешними врагами.

Тов. Сталин говорит о «великой русской нации, нации Плеханова

и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова». Далее т. Сталин говорит: «Пусть вдохновляет нас в этой великой войне мужественный облик великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина». Это ясная установка для наших историков, как писать историю. Но где книга, которая бы давала нам историю русского народа так, как этого требует товарищ Сталин? Где книга, которая бы использовала прошлое для вдохновения на борьбу, которая бы учила любить Родину за ее великое прошлое, ее исторически выросшую культуру?

Эта книга не написана. И я не уверен, что основные кадры наших историков понимают, что такая книга должна быть написана. Боюсь, что ошибки аджемянов многими историками толкуются так, что удар по аджемянам исчерпывает все задачи исторического фронта в СССР. Это глубоко ошибочно. Корни этой ошибки понятны. Аджемяны ссылаются на насущную задачу: показать весь пафос истории русского народа. И эту задачу они используют для того, чтобы извратить ее решение и протащить реабилитацию царизма. За широкой спиной русского народа они хотят втащить на пьедестал истории и его царей.

Спутав русский народ и русский царизм, они по существу хотят скомпрометировать первый, незаконно родня его со вторым. Очень боюсь, что необходимый удар по апологетам царизма скрыл от глаз многих историков другую задачу: необходимость подойти к истории русского народа так, как подошел т. Сталин в только что цитированных словах, а не так, как это сделано в учебниках истории СССР. Не забывая о классовой точке зрения, мы должны показать все героическое, все прогрессивное, что дает история народа, показать его культуру и подвиги. Значение этого поистине огромно в отношении патриотического воспитания юношества, будущих бойцов и офицеров нашей армии. И вместе с тем им надо сказать, что реакционный царизм XIX и XX вв. все это величие русского народа губил, тормозил развитие народа, а Советская власть открыла новый невиданный прогресс.

Итак, удар по аджемянам совершенно необходим. Но он не исчерпывает задач наших историков. У нас историки пренебрегают показом героики и культуры народного прошлого, в особенности прошлого наиболее многочисленного из народов Советского Союза. Если для этого и сделано что-либо ценное, то скорее представителями нашей художественной литературы⁴⁵.

В. Хвостов

Письмо С. В. Бахрушина А. С. Щербакову

Глубокоуважаемый Александр Сергеевич! Пользуюсь Вашим предложением, чтобы изложить несколько соображений, которых мне не удалось высказать, по поводу выступления некоторых из участников совещания.

Тов. Ковалев говорил о том, как не следует писать историю культуры XVII в., и критиковал соответствующий раздел учебника для вузов. К сожалению, он совершенно обошел основной вопрос — об отставании Московской Руси, так рельефно поставленный т. Сталиным, без учета которого нельзя вообще писать об этом периоде. К русской культуре т. Ковалев подошел очень упрощенно: он считает невозможным отмечать в ней что-либо отрицательное, не позволяет критически подходить к явлениям русской жизни XVII в., рекомендует голое восхваление. Помимо того, что такая голословная идеализация прошлого ненаучна, совершенно непонятно, как можно при таких условиях показать значение попыток Петра Великого вырвать страну из ее отсталости. Я не останавливаюсь на этом вопросе, так как он подробно обсуждался Отделением истории и философии АН СССР и стенограммы посланы в ЦК. Другой принципиальный вопрос — о том, как трактовать взаимодействие культур русской и западноевропейской,

тоже не получил никакого освещения. Тов. Ковалев ограничился отрицанием влияния западноевропейской культуры на русскую. Однако факты этого влияния налицо, отрицать их нельзя, это может только вызвать недоумение, а надо попытаться выяснить, как понимать это влияние.

Было бы печально, если бы русский народ развивался вне взаимодействия с другими культурными народами и отгораживался от них Китайской стеной. Наоборот, русский народ всегда стремился пробить брешь в той блокаде, в которой его держали враги, старавшиеся изолировать его от западноевропейской науки и техники; в этом — смысл деятельности таких крупных государственных деятелей, как Иван IV и Петр Великий. Сила и мощь русской культуры в том и заключается, что она воспринимала и перерабатывала все лучшее и передовое в мировой [культуре], и в результате русский народ создал свою оригинальную культуру, которая, со своей стороны, оказала могучее воздействие на Западную Европу и Америку. Если в XIX—XX вв. русские писатели, художники, музыканты, артисты, ученые, политические и социальные мыслители совершили, можно смело сказать, переворот в различных областях западноевропейской культуры, то это потому, что в прошлом русский народ не коснел в «китайской» замкнутости, а всегда стремился к знанию и к просвещению, где бы он его ни находил. Поэтому, говоря о XVII в., следует не отрицать бесспорного факта отставания, не отрицать не менее бесспорного использования русскими достижений западноевропейской науки и техники, а надо показать, как в рамках отсталости русский народ искал новых путей, рвался к знанию, работал над самоусовершенствованием. Вот что хотели показать авторы учебника.

Через всю главу проводится мысль, что внутри общества происходит большой сдвиг. Усиливаются тяга к просвещению, критическое отношение к темным сторонам действительности. Развитие русской культуры идет теми же путями, как в Западной Европе, но потребность в ускорении темпов побуждает русских не отворачиваться от примера других стран Европы. С такой точки зрения рассматриваются и первые попытки критики, и успехи науки, и развитие школы, и создание собственного русского романа, и стремление к реальному в искусстве. Возникавшие в русском обществе совершенно самостоятельно культурные запросы удовлетворялись частично путем обращения к опыту других народов — это обогащало русскую культуру, не лишая ее оригинальности и самостоятельности. Я просил бы особенно обратить внимание на главы по литературе (с. 535—537), о народных песнях и их воздействии на письменную литературу (с. 537—538), об архитектуре и живописи (с. 539—541), об успехах русских в области географической науки (с. 534—535) и т. д. Мне кажется поэтому, что суждения т. Ковалева, основанные на недостаточно, может быть, внимательном чтении учебника, несправедливы.

Остановлюсь на вопросе о Котошихине и Хворостинине. Моральная личность того и другого известны и не могут не вызвать самого отрицательного отношения, но и тот и другой занимают определенное место в истории русской культуры. Если кто читал сочинение Котошихина, а не ограничился двумя фразами, читаемыми в учебнике, то, конечно, согласится, что она является свидетельством большого ума и тонкой наблюдательности, показательными для культурного состояния русского общества. Мелкий чиновник Котошихин сумел дать превосходное описание государственного строя Москвы и нравов высшего московского общества, которое заслужило внимание выдающихся государственных деятелей Швеции XVII в. и до сих пор служит ценнейшим источником для историков. Я думаю, что не менее показательным стремление к критике, пускай даже и не вполне объективной (что, кстати, отмечено совершенно определенно в учебнике в тех же приблизительно словах, как это сделал т. Ковалев; мы читаем в учебнике: «Эмигрант, изменивший своей родине, Котошихин сгущает краски...») и жажда образования. Не менее интересен Хворостинин: в нем жажда просвещения принимает карикатурную форму полного отрицания всего русского, но это явление любопытно опять-таки как попытка найти

выход из осознанной отсталости; человек, морально неуравновешенный, не нашел этого выхода, запьянствовал, огульно бранил все окружающее, но то, что в нем выразилось в чертах отрицательных, то переживалось много глубже другими его современниками. Я, впрочем, согласен, что о нем в учебнике можно было бы не говорить, поскольку его характеристика дана очень ярко в «Курсе» Ключевского (которого, конечно, нельзя заподозрить в нелюбви к России XVII в.).

Другой вопрос, который всплыл во время прений, — это вопрос о приемах критики. Некоторые приемы, по-моему, с научной точки зрения неприемлемы. Во-первых, часто из общего контекста вырывают отдельную фразу и обрушиваются на нее. Мне кажется, что это недопустимо. Как пример приведу выступление т. Городецкого. Он упрекнул меня в том, что я ставлю очень высоко Миллера. Действительно, я отмечаю большую роль Миллера в повышении методов научного исследования, но в той же статье подчеркиваю, что его «общая концепция наивна и отзывается взглядами историков-богословов» и что в его сочинениях «детская морализующая философия еще преподносилась публике как выражение большого научного глубокомыслия, в то время как на Западе революционно настроенная буржуазия уже строила на развалинах старого феодального провиденциализма свое новое рационалистическое понимание истории» (Миллер. История Сибири, с. 41). Точно так же т. Городецкий, признавая правильность данной мною в статье для Политической энциклопедии характеристики Российской империи, острое своей критики направил против одной (может быть, и не вполне удачной) фразы, добавленной мною после разговора с ним самим как редактором, вместо того, чтобы проанализировать изложенное мною во всей статье в целом понимание империи.

Совсем не приемлем с научной точки зрения выдвинутый тем же оратором новый немарксистский критерий критики «ad hominem». Если человек — русский и гениальный ученый в области физики, химии и других естественных наук, то нельзя, по его мнению, критиковать данное лицо как историка. Думаю, что такое огульное восхваление великого человека, каким был Ломоносов, о котором идет речь, снижало бы цену наших похвал. Очень высоко ставил Ломоносова Пушкин, но как теоретика стихосложения он в некоторых случаях предпочитал Тредиаковского. Я был вправе сказать, что Ломоносов как историк стоял не вполне на высоте современной ему западноевропейской и русской науки. Он, например, не допускал критики «Начальной летописи», потому что автор ее Нестор признавался церковью «преподобным», считал непозволительным подвергать сомнению баснословную легенду об апостоле Андрее, потому что она была признана официально правительством, и т. д. Между тем его современник, выдающийся русский историк Татищев уже положил начало научной критики не только исторических известий, но даже «Священного писания», не боясь вызвать этим недовольство духовенства. Я убежден, что высказанное мною мнение ничуть не колеблет громадного значения Ломоносова не только в русской, но и в мировой науке, а только показывает, что советские ученые в своих оценках совершенно объективны. Боюсь, что если стать на точку зрения тт. Городецкого и Ковалева, то придется всех видных деятелей прошлого делить на две категории: героев, о которых, кроме хорошего, ничего нельзя говорить, и злодеев, о которых, наоборот, следует говорить только плохое. Это, конечно, очень упростит дело критики, но не повысит качества научной работы.

Опасность субъективного критерия наглядно сказалась в выступлении т. Аманжолова, критиковавшего историю Казахской ССР. Желая доказать культурное превосходство и первенствующее историческое значение тюркского племени, оратор, вероятно, бессознательно, искажал факты. Так, он отрицал участие монгольских элементов в образовании казахской народности, что противоречит твердо установленным фактам; он утверждает, что татары времени Чингисхана были тюрками, хотя крупнейший русский монголовед, акад. Владимирцев причислял их к монголам (Общественный строй монголов, с. 79). Очевидно, т. Аманжолов смешал татар времен

Чингисхана с теми тюркскими племенами, которые позже приняли их название, но ничего не имели с ними общего; утверждение т. Аманжолова, будто татары были «союзниками» Чингисхана, противоречит установленному источниками факту, что Чингисхан, мстя татарам за убийство отца, после победы велел перебить поголовно всех татар мужского пола, кто был ростом «выше тележной чеки», а самое имя «татар» присвоил своей орде. Также неверно утверждение, будто Кучум был казахским ханом; генеалогия Кучума хорошо известна, он был потомком Чингисхана и никогда казахским ханом не был. Полное недоумение вызывает утверждение, будто арабы предшествовали в Средней Азии согдийцам; согдийцы являются древнейшим населением Средней Азии, которая классическими авторами называлась поэтому Согдианой. К таким ошибкам приводит националистическая тенденция, если она оказывает влияние на критиков.

Одно из больших достижений советской науки — это развитие после опубликования замечаний тт. Сталина, Кирова и Жданова на проспект учебника научной исторической критики, но для того, чтобы она имела серьезное значение, она должна быть построена на строгих научных основах и их нее должен быть устранен элемент субъективизма.

В заключение я хотел бы внести поправку в слова одного из ораторов, бросившего упрек Институту истории Академии наук СССР, что он не подверг своевременной критике книгу проф. Яковлева. Я могу удостоверить, что дважды отдельные главы книги проф. Яковлева ставились на обсуждение Сектора истории СССР институтом (летом 1941 г. и раньше, кажется, в 1940 г.); тут взгляды А. И. Яковлева (в частности по вопросу о рабстве в Киевской Руси) подверглись в достаточной мере подробной критике; в частности с критическими замечаниями выступали профессор В. И. Пичета и я⁴⁶.

28.VII. 1944.

Чл.-корр. АН СССР С. В. Бахрушин

Примечания

1. Имеется помета: Товарищи! Посылаю направленную, перепечатанную стенограмму своего выступления. Но так как все же она печаталась не чисто, прошу перепечатать на хорошей бумаге. 11/VII 44. С. Аманжолов.
2. Еще 20 мая 1944 г., находясь в Красной Армии, Аманжолов прислал в Управление агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) письмо «О деятельности националистов в Казахстане», в котором касался книги «История Казахской ССР (Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 185—191).
3. Бартольд В. В. (1869—1930) — востоковед, академик АН СССР, труды по истории Средней Азии, Ирана, ислама.
4. Кашгари М. — среднеазиатский ученый-филолог XI в.; Словарь тюркских наречий (1072—1074) — наиболее ранний памятник тюркской филологии.
5. Левшин А. И. (1799—1879) — российский государственный деятель, автор трудов по истории казачества и народов казахских степей; Кучум (ум. ок. 1598) — хан Сибирского ханства с 1563 г., воевал с Ермаком, после поражения в 1598 г. бежал в Ногайскую орду.
6. Радлов В. В. (1837—1918) — востоковед, тюрколог, этнограф, академик Петербургской АН, один из основоположников сравнительно-исторического изучения тюркских языков.
7. Валиханов Ч. Ч. (1835—1865) — казахский просветитель, путешественник, этнограф, фольклорист, исследователь народов Средней Азии и Казахстана.
8. Бухар Жирау Калкаманев (1693—1787) — казахский поэт при хане Аблае, ратовал за создание ханства, объединявшего все казахские племена, сторонник сближения с Россией.
9. Барак султан-Барак хан (ум. 1556) — правитель Ташкента, в 1551 г. завоевал Самарканд.
10. Алтынсарин И. (1841—1889) — педагог-просветитель, первый учитель-казак, автор учебника родного и русского языков для детей.
11. Текст Щербакова имеется только в правленном варианте стенограммы.
12. Ярославский.
13. Речь идет о роли территориального расширения России в XIX—XX вв. (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, л. 134—141).

14. Текст не приведен. Вероятно, речь идет о стенограмме его лекции «Основные моменты новейшей истории русской дипломатии» от 26 февраля 1944 года. Текст ее находится в материалах Управления агитации и пропаганды ЦК ВКП(б) (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 146–165).
15. Шорлеммер К. (1834—1893) — немецкий химик, друг Ф. Энгельса.
16. «История XIX века» под редакцией проф. Э. Лависса и А. Рамбо. Перевод с французского, под редакцией Е. В. Тарле. Тт. 1—8. 1938.
17. 10 июля 1944 г. Тарле обратился к Щербакову с письмом, в котором писал, что данное «семиминутное» выступление его не удовлетворило и он хотел бы дополнить его (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 225, лл. 166–171). После Тарле, судя по записям Панкратовой, сделанным на совещании (там же, л. 122) выступал А. И. Яковлев по поводу своей книги о холопах в России XVII в.; в стенограмме запись его выступления отсутствует.
18. Текст выступления отсутствует.
19. Дьяконов М. А. (1855—1919) — историк, член Петербургской АН, автор трудов по истории закрепощения крестьян в России в XVI–XVII вв., о государственном строе в древней Руси.
20. Аджемян отвечает критикам его выступления 1 июня 1944 года. 9 и 11 июля 1944 г. он обращался с письмами на имя И. В. Сталина и в Политбюро ЦК ВКП(б) о мотивах своего выступления 8 июля 1944 года. Стенографической записи этого выступления не сохранилось; судя по записям Панкратовой, во время него произошла полемика Аджемяна с аудиторией. Щербаков заявил: «Как же Вы приходите в ЦК партии и воспеваете самодержавие» (ф. 17, оп. 125, д. 224, лл. 122–123). Публикуемый текст приложен к стенограмме и представляет собой уже отредактированное Аджемяном выступление.
21. Гамилькар Барка (ум. 229 до н. э.) — карфагенский полководец, отец Ганнибала (247–183 до н. э.); Сципион Африканский (ок. 235 — ок. 183) — римский полководец, победитель Ганнибала при Заме (202); Цезарь Г.-Ю. (102—44 до н. э.) — римский полководец и государственный деятель.
22. Шапов А. П. (1831–1876) — историк, автор трудов по истории церковного раскола и старообрядчества, земских соборов XVII в., Сибири.
23. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. с. 6–7.
24. «Современник» (1847—1866) — ежемесячный журнал, идейным руководителем до 1848 г. был В. Г. Белинский, среди авторов и редакторов — Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов.
25. Цитата не приведена.
26. Налбандян М. (1829–1866) — армянский писатель, философ демократического направления.
27. «Нусиновщина» — имеются в виду взгляды И. М. Нусинова (1889–1950) — литературоведа и критика, члена КПСС с 1919 г., репрессированного в 1949 году. В идейно-художественном содержании литературы он преобладающее значение придавал классовой тенденциозности, впадая в вульгарный социологизм.
28. Всероссийский исполком железнодорожного профсоюза (1917.1918 гг.).
29. Астор, леди Нанси Унчер (р. 1879) — первая женщина-депутат английского парламента. В 30-е годы выступала с критикой внешней политики СССР.
30. Херст У.-Р. (р. 1863) — «газетный король» США; Мосли О.-Э. (р. 1896) — в 1932 г. основал Британский союз фашистов.
31. Противоположность идеалистической диалектики Гегеля и марксистского диалектического метода. — Большевик, 1944, № 9, с. 8–19.
32. Ницше Ф. (1844–1900) — немецкий философ; Карлейль Т. (1795–1881) — английский историк, философ, публицист; Шпенглер О. (1880–1936) — немецкий философ; Рашевич — персонаж рассказа А. П. Чехова «В усадьбе».
33. Комитет по высшей школе.
34. После Аджемяна в третий раз выступала Панкратова, в стенограмме текста ее выступления не имеется. Судя по ее запискам, в своем выступлении она возражала Аманжолову, говорила о журнале «Исторический архив» и о выступлении Тарле. Это было последнее выступление на совещании: «После моего выступления совещание заканчивается. Все историки возбуждены, окружают тов. Щербакова, вступают с ним в оживленную беседу... Академик Тарле... подходит к Щербакову и говорит ему, что постарается исправить свое выступление. Тов. Щербаков замечает ему: «Вы не должны забывать, что если Вас слушают только 120 человек, то через два дня все, что Вы говорите, становится достоянием аудитории, в десять раз большей. Надо действительно помнить об ответственности перед народом» (РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, л. 224, лл. 123–124). О конце совещания Панкратова

пишет: «Все оживленно комментируют итоги совещания. Спрашивают тов. Щербакова, когда будет выработано решение. Товарищ Щербаков обещает своевременно довести его до сведения историков» (там же, л. 124). Решение ЦК выработано не было, хотя проект его имеется: «О недостатках научной работы в области истории», датирован 12 июля 1944 года.

35. В приведенной стенограмме имеется приписка: «Не получив второй раз слова, прошу приобщить прилагаемый текст к стенограмме совещания историков. 8/VII. 1944. Н. Рубинштейн». Текст был включен в стенограмму.
36. Фишер И.-Э. (1697—1771) — историк и философ, член Петербургской АН, труды по языкознанию и этнографии народов Русского севера и Сибири, в 1768 г. издал на немецком языке сокращенный вариант «Истории Сибири» Г.-Ф. Миллера; Шумахер И.-Д. (1690—1761) — секретарь Петербургской АН, в 1721 г. ездил в страны Европы для приглашения ученых в Россию; Шиман Т. (1847—1921) — историк, работал в Берлине, занимался русской историей первой половины XIX века.
37. Татищев В. Н. (1686—1750) — государственный деятель и ученый, труды по этнографии, истории, географии, автор «Истории российской».
38. Болтин И. Н. (1735—1792) — государственный деятель, автор трудов по исторической географии, источниковедению, древнейшей русской истории; Шахматов А. А. (1846—1920) — академик Петербургской АН, автор трудов по исследованию русского языка, древнерусской литературы, летописания, редактор «Словаря русского языка» (1891—1916).
39. Румянцев Н. П. (1754—1826) — граф, государственный деятель и дипломат, собиратель коллекции рукописей и книг, составивших базу Румянцевского музея, организатор кружка русских историков, археологов, этнографов — первооткрывателей исторических источников.
40. Щербатов М. М. (1733—1790) — историк и публицист, автор трудов: «О повреждении нравов в России», «История России с древнейших времен».
41. Каченовский М. Т. (1775—1842) — русский историк, основатель «скептической школы»; Полевой Н. А. (1796—1846) — писатель и историк, член Петербургской АН, его труд «История русского народа» полемически направлен против Н. М. Карамзина.
42. Забелин И. Е. (1820—1908) — историк, археолог, почетный член Петербургской АН, труды и публикации документов по истории быта русского народа XVI—XVIII вв., по истории Москвы; Бестужев-Рюмин К. Н. (1829—1897) — академик Петербургской АН, труды по древнерусской истории и летописанию; Никитский А. И. (1842—1886) — историк государственной школы, труды по древней истории Новгорода и Пскова; Костомаров Н. И. (1817—1885) — русский и украинский историк, писатель, член-корреспондент петербургской АН, труды по социальной и экономической истории России и Украины о русских царях, С. Т. Разине, И. С. Мазепе и др.; Сергеевич В. И. (1832—1910) — юрист, труды по истории русского права.
43. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 121, д. 291; машинописный текст, сверенный со стенограммой, имеющей авторскую правку (д. 290).
44. 23 июля 1944 г. текст своего несостоявшегося выступления прислал В. М. Хвостов, 28 июля дополнение к своему выступлению прислал С. В. Бахрушин. Эти тексты в стенограмму совещания не были включены. Они даются в приложении после стенограммы.
45. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 125, д. 223, лл. 2—13.
46. Там же, лл. 173—180.

* Прим. 8 (Вопросы истории, 1996, № 7, с. 87) следует читать так: Магницкий М. Л. (1778—1844) — русский государственный деятель. С 1819 г. служил в Министерстве духовных дел и просвещения. Проводя ревизию Казанского университета, предложил его закрыть и даже «торжественно разрушить» университетское здание.

Советская разведка перед войной

Л. А. Безыменский

Трудно найти другой объект исследования, которому оно было бы столь противопоказано, чем деятельность разведывательных органов. По самому своему роду разведка процесс секретный, иначе она разведкой не была бы. Любая документация разведорганов является секретной, и общество не должно ее знать, если разведка хочет сохранять свою функцию. Но несовместимость разведки с гласностью не прекращается с истечением ее оперативного срока. Когда события уходят в прошлое и, казалось, открывается возможность предать гласности хотя бы часть документации, появляется другой, не менее опасный для историка феномен: легенды о разведке, как часть самозащиты и самоутверждения государства и его спецслужб. Эти легенды, охотно воспринимаемые общественным мнением, становятся неким эрзацем исторического исследования. Имена полковника Редля, Маты Хари, Рихарда Зорге, Кима Филби, Николая Кузнецова входят в общественное сознание задолго до того, как историку стала доступной документация о них, причем общество получает легенды с «подачи» тех самых разведслужб, которые заинтересованы как в создании этих легенд, так и в сокрытии реального, документального содержания создаваемых легенд.

Деятельность разведслужб советского государства в предвоенный период (1939—1941 гг.) не является исключением из этих неписанных правил, а скорее представляет их яркий пример. Если в демократических обществах — скажем, США и Англии — операции разведслужб в предвоенный и военный период сейчас уже не являются сферой полной секретности и последующей «мифологизации», став объектом историографии, то в Советском Союзе, равно как и в постсоветский период в России исследователи находятся лишь в «начале пути».

Тем не менее, даже при нынешней скудной документальной базе представляется полезной хотя бы постановка вопросов, полные ответы на которые будут даны, вероятно, позже. Опубликованные в последние годы материалы из архивов КПСС и советского государства, в том числе из архивов бывшего КГБ, воспоминания ветеранов разведки¹ могут быть некоторыми опорами для определения политических, дипломатических и военных аспектов деятельности разведслужб в период от подписания советско-германских документов августа — сентября 1939 года до рокового дня 22 июня 1941 года. В самом обобщенном звучании вопрос гласит: насколько разведка смогла предвидеть предстоящую военную угрозу?

Безыменский Лев Александрович — профессор Академии военных наук.

И снова об этапе «мифологизации»: здесь совершались примечательные метаморфозы. Сама традиционная формула сталинской эпохи о «вероломном и неожиданном нападении» Германии как бы предполагала, что советские вооруженные силы оказались застигнутыми врасплох, и объясняла трагические неудачи первых военных месяцев. Тем самым часть вины как бы перекладывалась на разведку. Но так как советской политической доктрине была чужда какая-либо форма самокритики, то уже в публикациях военного периода и в послевоенной литературе (6-томная «История Великой Отечественной войны советского народа») престиж советской разведки не подвергался сомнению. Когда же началось преодоление культа личности Сталина, а затем — в эпоху перестройки — появились мемуарные и документальные публикации, а также публицистические работы, стало ясно, насколько велик был объем развединформации об угрозе германской агрессии против СССР и как Сталин вкупе с Берия эту информацию игнорировал. Разумеется, и эта крайность не исчерпывала реальной обстановки 1939—1941 годов, однако она косвенным образом подтверждала как наличие «информационного запаса» в архивах разведслужб, так и опасность новой идеологизации этого запаса.

В предвоенный период советская разведка имела структуру, сформировавшуюся еще в 20-е и 30-е годы. Ее военная часть образовалась первой, возникнув уже в системе органов руководства создаваемой РККА. В ноябре 1918 г. был создан полевой штаб Реввоенсовета республики (РВСР), в который было включено Регистрационное управление. Этот орган впоследствии неоднократно менял свое подчинение и название, то входя в состав генштаба, то переходя в прямое подчинение высшего военного командования. С 1921 г. он именовался Разведуправлением штаба РККА, с 1922 г. — разведотделом Управления первого помощника начштаба, с 1926 г. — IV Управлением штаба, с 1934 г. — информационно-статистическим управлением РККА, затем — Разведуправлением РККА, с 1939 г. — V Управлением РККА, с июля 1940 г. — Разведуправлением Генштаба РККА. С марта 1924 г. во главе военной разведки встал Я. Берзин (Кюзис), высокие профессиональные и человеческие качества которого определили успехи военной разведки, создавшей в 20-е и 30-е годы сеть своей информации в ряде стран Европы. Им же был создан и высококвалифицированный центральный аппарат РУ.

Вторая структурная часть разведки — политическая — появилась несколько позднее, а именно в 1920 г. в форме иностранного отдела (ИНО) ВЧК. С 1923 по 1934 г. он именовался ИНО ОГПУ, затем до 1939 г. 7-м отделом Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД, с июля 1939 по февраль 1941 г. — 5-м отделом ГУГБ. Созданный с целью выявления направленных против СССР заговоров, диверсионной и террористической деятельности отдел — в отличие от РУ — имел и внутренние функции, например, функции контроля над иностранцами в СССР. Что же касается внешних функций, то первоначально среди них основной была работа против белой эмиграции, в проникновении и в разложении которой ОГПУ — НКВД добились значительных результатов. В дальнейшем ИНО именовался 1-м управлением НКГБ (с февраля 1941 г.). С июля 1941 г. по апрель 1943 — 1-м Управлением НКВД СССР.

Подобный «дуализм» не являлся чем-то специфическим для советской разведки. Во многих государствах существовали «множественные» разведывательные службы (например, в Германии — абвер и VI управление Главного управления имперской безопасности — РСХА), в других государствах действовала централизованная разведка. В истории советских разведслужб известен период, когда Сталин хотел создать центральный разведорган (Комитет информации при Совете Министров СССР), но затем отказался от этой идеи. Что же касается предвоенного периода, то дуалистическая структура не ставилась под вопрос. Неизбежную (а для Сталина во многом желательную) конкуренцию старались преодолеть, в том числе специальным решением ЦК ВКП(б) в мае 1934 г. (в 1934 г. даже предусматривалось взаимное замещение постов руководителей ИНО и РУ).

Однако сотрудничество быстро сменилось соперничеством, а затем агрессивным стремлением органов безопасности занять ведущее место.

В течение 30-х годов обе разведслужбы смогли создать за рубежом эффективные сети, обеспечивавшие регулярный информационный поток. Так, военная разведка свою легальную сеть имела в виде военных атташатов в составе посольств (тогда они именовались полпредствами). Их численность зависела от общей численности полпредств, в крупных странах имелись наряду с военными также военно-морской и военно-воздушный атташе. Они вели «официальную» военную разведку, т. е. сбор данных о вооруженных силах изучаемого государства. Одновременно работники РУ в качестве легальных представителей направлялись под «крыши» тех или иных советских недипломатических учреждений («Интурист», ВОКС и т. д.). Третьей составной частью аппарата военной разведки были нелегальные резидентуры. Как правило, они возглавлялись советскими офицерами, проживавшими под чужими именами и с иностранными паспортами. В эпоху Берзина были созданы обширные сети, замаскированные под коммерческие предприятия. Такой сетью были резидентуры Л. Треппера во Франции, А. Гуревича — в Бельгии, Ш. Радо в Швейцарии. Формы прикрытия гибко варьировались в зависимости от индивидуальных качеств и возможностей разведчика (яркий пример — Р. Зорге в Японии). Связь с Центром осуществлялась по радио; однако ввиду несовершенства тогдашней аппаратуры использовались и курьеры. Так, на связь с Радо посылались курьеры из Москвы (М. Мильштейн) и из Бельгии (А. Гуревич).

В разведке ОГПУ — НКВД — НКГБ внешний аппарат выглядел несколько иначе, ибо руководитель легальной резидентуры не имел официального поста, а был закамуфлирован под дипломата (секретаря или советника посольства), располагавшего несколькими сотрудниками, чаще всего работавшими в консульском отделе. Последние осуществляли как вербовку, так и руководство уже существующей агентурой. Нелегальная сеть также была двух родов: под чужими именами направлялись сотрудники НКВД — НКГБ (нелегальные резиденты), создававшие свои агентурные сети и имевшие связь с Москвой через легальные резидентуры. Так, в Германии в 30-е годы были созданы две нелегальные резидентуры, одну из которых возглавлял талантливый советский разведчик В. Зарубин. Одновременно в составе этих сетей функционировали и те граждане иностранных государств, которые являлись источниками. К 1941 году во внешних сетях ИНО было несколько десятков резидентур.

Созданию и успешной работе значительных и эффективных сетей обеих «ветвей» разведки в 30-е годы благоприятствовали факторы идеологического противостояния, возникшего в мире после Октября. Во-первых, еще в период формирования аппарата военной разведки, в него пришли работники из Коминтерна, который по самому характеру своей деятельности был органом интернациональным. Из кадров Коминтерна в военную разведку пришли такие люди, как Р. Зорге, Р. Абель, А. Дейч (последнему принадлежит честь создания знаменитой английской «пятерки»). Во-вторых, идеи пролетарской солидарности и интернационального долга определяли позиции многих потенциальных источников советской разведки. Возникновение фашистской опасности в Европе и Азии заставляло и тех антифашистски настроенных деятелей, кто был далек от коммунизма, становиться союзниками советского государства.

Тем не менее, обе ветви советской разведки при поиске своих источников не ограничивались «идеологическим потенциалом». Использовались методы игры на человеческих слабостях и материальной заинтересованности. Так было, к примеру, с одним из важнейших источников разведки НКВД в Германии, носившим псевдоним «Брайтенбах». Сотрудник немецкой уголовной полиции, затем оберштурмфюрер СС, он работал за материальное вознаграждение. Был в агентурной сети НКВД на Дальнем Востоке и важнейший источник в высших сферах Японии («Абэ»), который действовал также не на идеологической, а на материальной основе.

Для оценки состояния и эффективности разведки перед войной надо

учитывать, что советский разведывательный аппарат не мог оставаться вне действия общих закономерностей развития советского общества в конце 30-х — начале 40-х годов. Репрессивная волна прокатилась по разведке с особой силой, под ударом оказался центральный аппарат. Руководство военной разведки менялось в период репрессий шесть раз. Началось с Я. Берзина, руководившего РУ с 1924 года. Его в 1935 г. сменил С. Урицкий; после краткого возвращения Берзина в 1937 г. пришел С. Гендин (сентябрь 1937 г.), после его ареста — А. Орлов (октябрь 1938 г.), после ареста Орлова — И. Проскуров (апрель 1939 г.), затем Ф. Голиков (июль 1940 г.). Репрессиям подвергалась и верхушка ИНО. Последовательно были репрессированы руководители ИНО — А. Артузов, А. Слуцкий, М. Шпигельглас.

Одновременно шел фактический разгром зарубежных резидентур. В сфере ИНО ГУГБ в 1938 г. была практически ликвидирована вся нелегальная резидентура, были отозваны в СССР и репрессированы лучшие работники закордонных резидентур. Это порой означало полное прекращение поступления какой-либо информации. Сменены были и легальные резиденты, завоевавшие себе в Центре доброе имя (например, Б. Гордон в Берлине). На их место направлялись неопытные работники. Военную разведку не спасло и то, что на руководящие посты приходили работники из НКВД, их постигала та же участь.

В одном из документов, составленном в МГБ СССР² сразу после войны с целью компрометации ГРУ, приводились многочисленные факты слабой подготовки новых разведкадров, которые пришли в ГРУ в конце 30-х годов (незнание языка страны пребывания, отсутствие специальных навыков, непродуманность легенд, низкий культурный уровень и т. д.). Но в такой же мере эти недостатки были свойственны и кадрам НКГБ.

Как ни ослаблена была разведка репрессиями, после 1939 г. обе ее части сумели наладить информацию о намерениях Германии. По линии РУ военные атташаты возглавляли опытные работники А. Пуркаев, В. Тупиков (Германия), И. Суслопаров (Франция). Действовали нелегальные сети РУ «Альта» в самой Германии, «Кент» — в Бельгии, «Отто», «Золя» — во Франции, «Дора» — в Швейцарии, «Рамзай» — в Японии, «Гарри» — во Франции и Англии, «Соня» — в Англии. 1-ое управление НКГБ располагало в Германии ценнейшими источниками «Старшина», «Корсиканец», «Брайтенбах», «Юна», «Грек», «Испанец», «Итальянец»; в Англии — «Зенхен» и другие члены «пятерки». Резидентура НКГБ в Германии была восстановлена и хотя ее возглавлял малоопытный А. Кобулов, в ее составе действовал умелый и энергичный работник А. Коротков («Эрдберг»), один из будущих руководителей внешней разведки.

Таковы были некоторые характерные особенности ситуации, в которой действовала советская разведка в один из самых ответственных периодов существования советского государства, а именно: структурная слабость, в которой принципиально приемлемый и нормальный для ряда спецслужб дуализм стал превращаться в опасное для их эффективности соперничество, кадровая слабость, вызванная волной репрессий в партии, армии и самих спецслужбах и приведшая к потере важных источников и кадровой основы обеих видов разведки.

До сих пор документально не выяснена роль обеих разведок в принятии Сталиным решения о подписании пакта 1939 года. Хотя столь авторитетный на Западе исследователь как К. Эндрью придерживается мнения, что все закулисные меры по подготовке этого судьбоносного поворота шли через разведсеть НКВД³, это мнение пока остается лишь версией, причем спорной. Весной 1939 г., когда разворачивались закулисные переговоры, берлинская резидентура НКВД практически была разгромлена. Что касается немецкой стороны, то она избрала своим основным путем дипломатические каналы (Э. Вайцеккер, Ю. Шнурре, сам И. Риббентроп). Лишь дублирующим был канал абвера (П. Клейст), который выходил на агентуру ГРУ (через группу И. Штебе). Через сеть «Корсиканец» (НКВД) поступления донесений, связанных с возможным пактом, не могло быть отмечено — ведь «Корсиканец» (А. Харнак) имел последнюю встречу с представителем

берлинской резидентуры «Рубеном» (А. Агаянц) в марте 1938 года. Другой важный источник «Старшина» (Х. Шульце-Бойзен) тогда прямой связи с резидентурой еще не имел. В советском посольстве немецкие зондажи в основном выходили на советника Г. Астахова. Астахов предоставлял свою информацию прямо в НКВД на имя В. Молотова и В. Потемкина. Что же касается полпреда А. Мерекалова, то учитывая его «чекистское прошлое», не исключается, что он использовал канал связи НКВД. Однако с апреля 1939 г. — т. е. с момента перехода немецкой стороны к активным зондажам и изложению своей «программы» — Мерекалов из переговорного процесса был выведен. Немецкая «программа» пошла в Москву в изложении Астахова, что заставляет предполагать, что в излюбленной манере Сталина варьировать неофициальные и официальные каналы, на этот раз был избран основным дипломатический путь, т. к. выводил переговоры прямо на Риббентропа и через него — на Гитлера.

Разумеется, при принятии решения о договоре могли быть и другие источники, чем в Берлине. О немецких намерениях могла сообщать лондонская резидентура НКВД, однако, учитывая крайнюю секретность немецкого замысла, это маловероятно. Единственно, что могло повлиять — и повлияло — на сталинское решение, это сообщения из Лондона о нежелании Чемберлена заключать военное соглашение с СССР.

Если говорить о тех прямых преимуществах, которые советское политическое руководство получило от пакта 1939 года, то одним из них — если не основным — стала возможность облегчения разведдеятельности против Германии. Как это ни парадоксально, для обеих разведок эпоха советско-германского сотрудничества открывала новые возможности. Берлинская резидентура НКГБ смогла восстановить многие утраченные связи (к примеру, контакт с источниками «Старшина», «Корсиканец», «Брайтенбах»); такие же возможности использовало и ГРУ (связь с «Альтой»). В Германию в этот период были направлены наши экономические делегации, которые дали важный материал для оценки немецкой военной экономики.

Иногда высказывается мнение, что подписание пакта и возникшая новая расстановка сил усыпила бдительность советских спецслужб, которые, боясь противоречить официально провозглашенному курсу, не доводили до сведения руководства разведсведения о продолжении Германией подготовки к давно задуманному нападению на СССР. Однако имеющаяся документация не дает возможности принимать на веру подобное упрощение реальной обстановки 1939—1941 годов.

Во-первых, следует констатировать достоверный и удивительный факт: в основных стратегических документах военного планирования СССР этот поворот 1939 г. ... отражения не нашел. Начиная с 1935 г., т. е. с эпохи Тухачевского в основе этих документов лежала возможность вооруженного конфликта с Германией. Об этом говорили «План стратегического распределения РККА и оперативного развертывания на Западе» (1935 г.), «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940—1941 гг.» (1940 г.). В последнем документе прямо отмечалось, что «Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией, Финляндией, и на востоке — против Японии»⁴. Эта формулировка не ставилась под вопрос при неоднократной (июль, сентябрь, октябрь 1940 г., март, май 1941 г.) переработке документа, хотя в иные его разделы по указанию Сталина вносились принципиальные изменения (например, в определении ожидаемого главного немецкого удара). Но генеральная установка изменению не подверглась. Во-вторых, установочные директивы НКВД и НКО органам разведки составлялись в соответствии с вышеуказанными основополагающими директивами. В-третьих, созданный еще в 30-е годы разведаппарат опирался на идеологически близкие источники из числа коммунистов и антифашистов, которые восприняли с удивлением и недоверием поворот 1939 г. и считали его чисто тактическим ходом. Тем с большей энергией они работали, когда увидели нарастание военной угрозы.

Практика обеих ветвей разведки подтвердила, что они достаточно быстро ощутили переход немецкого руководства к подготовке будущей войны с СССР. По линии ГРУ уже в 1940 г. такие доклады поступали 20 января, 8 апреля, 28 июня, 4, 27, 29 сентября, причем не только из Берлина, но из Бухареста, Парижа, Белграда. Если директива «Барбаросса» была подписана 18 декабря 1940 г., то этот факт был сообщен военной резидентурой («Альта») 29 декабря 1940 года. Такие же данные о немецких намерениях в течение 1940 г. поступали и из источников НКВД. Архивы 1-го Управления регистрировали сообщения подобного рода 9, 12, 14 июля, 5, 9, 24 августа, в начале сентября, 6 ноября 1940 года. В 1941 г. они буквально доминировали в разведывательной документации.

При всем различии оперативной подчиненности с нарастанием военной опасности содержание работы всех советских резидентур приобретало все большую общность. В информации, поступающей от НКВД — и особенно в информации Управления пограничных войск, стали преобладать сведения о передвижении немецких войск. В свою очередь, информация ГРУ содержала и политические данные, например, поступающие из МИД Германии через источник «Ариец» (Р. Шелия). В результате информированность советского руководства — если бы оно хотела воспринимать все предупреждения — лишь возрастала.

В этой связи следует затронуть один вопрос, относящийся не только к событиям довоенного периода. Речь идет о применении в исторической литературе широко упоминаемого понятия «Красная капелла». Оно возникло в недрах немецкой контрразведки — сначала в военной радиоразведке, затем в IV управлении Главного управления имперской безопасности (РСХА). Термин «капелла» применялся немецкими радиоразведчиками к любым сетям, подлежащим наблюдению. С момента начала войны немецкая пеленгационная служба выделила наиболее «подозрительные» и активные в связи с Москвой сети, которые получили условное название «Красной капеллы». В 1942 г. немецкая контрразведка сумела напасть на след нелегальной радиостанции в Бельгии, что впоследствии привело к массовым арестам, в ходе которых жертвами стали участники советских разведсетей — в основном ГРУ (в Бельгии и Франции, частично в Германии) и НКВД (в Германии). В документах РСХА не различались эти сети, так как РСХА не обладало необходимой информацией. Подобное смещение перенеслось и на послевоенное время, первые публикации о «Красной капелле» принадлежали немецким контрразведчикам (В. Флике)⁵ и ряду западных публицистов, обладавших только немецкими данными. В результате до сих пор в литературе понятие «Красная капелла» часто применяется собирательно, хотя в нем объединены различные и не связанные друг с другом группы различной оперативной подчиненности.

Историческая наука в СССР долгие годы была обречена на то, чтобы довольствоваться «сухим пайком» тех скудных и малодостоверных данных о деятельности разведки, которые появлялись либо в официальных публикациях («История Великой Отечественной войны советского народа», т. 6, «История второй мировой войны», т. 12), либо в беллетризованных воспоминаниях участников разведывательных операций. Некоторый сдвиг наметился в начале 90-х годов, когда в обстановке гласности некоторые органы печати, в первую очередь «Известия ЦК КПСС», стали (преимущественно по памятным датам) публиковать документы КГБ и МО СССР, относящиеся к довоенному периоду. Однако набор этих документов часто был случаен, а иногда и тенденциозен, демонстрируя лишь успехи советской разведки. Исследователи не имели (и до сих пор не имеют) возможности по-научному подойти к объективной оценке состояния и эффективности советских разведслужб.

Лишь в конце 1995 г. появились признаки сдвигов в этой сфере. Академия службы безопасности РФ приступила к выпуску многотомной публикации «Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне», первый том которой посвящен довоенному периоду и уже появился в печати. Кроме того, Служба внешней разведки РФ и архив

Федеральной службы безопасности опубликовали документальный сборник «Секреты Гитлера на столе у Сталина» (М. 1995), освещающий период марта — июня 1941 года. Согласно старинному правилу «всякое даяние есть благо» исследователь может лишь быть благодарным за эти публикации, о которых в былое время можно было лишь мечтать. Однако они далеко не устраняют дефицита в базе научных оценок, тем более, что «со стороны» трудно судить, в какой же мере развернут и был использован имеющийся в архивах Службы внешней разведки и Федеральной службы безопасности материал.

Разумеется, это использование зависит от ряда специфических качеств разведки и ее секретных источников, но понимание этой специфики не освобождает от необходимости преодоления традиционных бюрократических запретов. Последние, увы, еще действуют. Иначе трудно понять, почему в книге «Секреты Гитлера на столе у Сталина» публикаторы, печатая весьма интересные данные подслушивания и перехвата органами НКВД—НКГБ переговоров иностранных дипломатов и военных в предвоенные дни, воздержались от публикации имен беседовавших лиц, оставив в тексте многозначительные прочерки.

Хотя в обеих публикациях и повторен ряд документов, уже появившихся в 1990—1995 г., тем не менее возникающая из документов НКВД—НКГБ картина производит поистине потрясающее впечатление. Например, когда читаешь мало известные документы разведки пограничных войск НКВД. В них буквально по дням воспроизводилась реальная картина сосредоточения немецких войск, причем не в общем, а конкретном приложении к конкретным районам. Не меньше впечатляют и точные данные агентурной разведки о положении в московском дипкорпусе (особенно в посольствах Германии и Италии) и об его массовом отъезде в мае — июне.

В сочетании с разведанными из Германии (как отдельными, так и объединенными в так и не доложенном Сталину знаменитом сводном докладе 1-го управления НКГБ от 20 июня 1941 г.) эта ситуация — в нашем сегодняшнем восприятии — рисуется достаточно однозначной. Объем развединформации о немецких приготовлениях был поистине огромен и при наличии сегодня этих сообщений как-то не укладывается в голове, что тогда — в 1940—1941 годах — возможно было не обращать на них внимание. Здесь, однако, мы имеем дело с определенными особенностями использования развединформации в условиях единоличной и полной диктатуры, существовавшей в СССР в те годы.

Степень личной централизации власти в СССР перед войной была максимально высокой, причем гораздо большей, чем в тоталитарной Германии. Личная диктатура Гитлера давала бóльшую самостоятельность отдельным структурам, чем в советских условиях. Руководитель абвера адмирал В. Канарис и начальник VI управления РСХА В. Шелленберг в предвоенный период вели независимую друг от друга и от прямых указаний Гитлера работу, информируя свое непосредственное начальство — не говоря уже о том, что именно в ведомстве Канариса образовался один из нелегальных центров антигитлеровской оппозиции. В советской системе это было немыслимым.

Не будет преувеличением сказать, что советская стратегическая разведка была личной разведкой Сталина. Хотя оперативное руководство ею в сфере НКВД до войны осуществлялось Берия, все сколько-нибудь существенные донесения НКВД (равно как и РУ) направлялись непосредственно на имя Сталина (часто в два адреса — Сталину и Молотову, в определенных случаях — и другим членам политбюро ЦК ВКП(б)). При этом Сталин требовал оригинальные донесения, без комментария или аналитического обобщения. Как следствие, аналитические аппараты в НКВД или РУ были слабыми. Как свидетельствуют ветераны, Сталин оставлял выводы за собой. Составление обобщающих документов не поощрялось (за исключением РУ, где регулярные сводки принадлежали к принятому штатному методу работы). Но даже в тех случаях, когда РУ по традиции было обязано предоставить свои выводы, эта традиция претерпела метаморфозу.

20 марта 1941 г. доклад Ф. Голикова «Высказывания, оргмероприятия и варианты боевых действий Германии против СССР», который содержал все данные об ожидавшемся между 15 мая и 15 июня 1941 г. нападении, завершался выводом, что «наиболее возможным сроком начала действия против СССР будет являться момент после победы над Англией», а слухи о войне в 1941 г. «необходимо рассматривать как дезинформацию»⁶. Тем самым в противоречии с изложенными разведданными Голиков следовал хорошо известной ему концепции Сталина.

В этой связи возникает совсем иной вид дуализма, чем тот, который обычно применяется при описании деятельности советских разведслужб (дуализм НКГБ и НКВД). Представляется, что в сталинскую эпоху вся советская разведка вела двойное существование. Первое ее существование — в той мере, в которой она использовалась Сталиным. Второе — ее существование в «служебных рамках» тех ведомств, которые ее вели. В принципе первая функция разведки не представляет собой ничего неестественного. Наоборот, она в условиях диктатуры закономерна. Но в данном случае она означала, что диктатор выбирал из разведданных только то, что представлялось ему нужным для обоснования уже сложившейся у него концепции. Так произошло не только в случае с определением срока нападения. В упоминавшемся выше случае изменения (в сентябре — октябре 1940 г.) определения главного немецкого удара Сталин приказал произвести это изменение вовсе не на базе данных и выводов разведки, а по собственному волевому решению.

Это вовсе не означало недооценки Сталиным разведслужб. Для него (еще со времени дореволюционного подпольного периода деятельности партии) разведка была важным средством, причем он иногда передавал разведорганам не свойственные им функции политических зондажей — так было, например, в 1935 г. с миссией Д. Канделаки в Германии или с миссией Б. Рыбкина (Ярцева) 1938 г. в Финляндии. Своей собственной «разведоперацией» мог Сталин считать и поездку Молотова в ноябре 1940 г. в Берлин, в ходе которой тот мог и должен был установить подлинные намерения Гитлера. Учитывая, что непосредственно перед поездкой Молотова произошло утверждение основных советских стратегических документов, эта «разведывательная миссия» приобретала особое значение. Кстати, сопровождал наркома и полковник А. Василевский, будущий маршал Советского Союза, являвшийся в оперативном управлении Генштаба непосредственным исполнителем стратегической документации.

Из воспоминаний ветеранов разведслужб явствует, что Сталин очень заинтересованно относился к этим службам и считал себя специалистом в данной области, способным оставить за собой последнее и неоспоримое слово как в политической оценке разведданных, так и в организационных вопросах. Сталин не принадлежал к числу политиков, которые пренебрегали сбором информации для принятия решений. Скорее наоборот, он пускал в действие все каналы сбора информации и ревностно следил за тем, чтобы никто из властной верхушки не имел большей информации, чем он. В объеме информированности он конечно превосходил руководителей Красной Армии (Г. Жуков отмечает это явление), да и руководство НКВД. Это позволяло ему делать выбор в пользу той или иной информации. В то же время этот выбор был ограничен той жесткой идеологической заданностью, которая была — при всей тактической гибкости — свойственна сталинской политике. Вторым пределом такой гибкости была глубокая уверенность в правоте, в верности однажды принятого решения. Так было после принятия решения о «дипломатическом повороте» в 1939 году, на длительность действия которого Сталин рассчитывал минимум до 1942 года.

«Идеологической заданностью» в данном случае можно считать принципиальный подход Сталина к мировым войнам и роли в них Советского Союза. Еще в 1925 г. он сформулировал роль СССР как «смеющегося третьего» в военном столкновении крупнейших капиталистических держав⁷. Из материалов созданной на I съезде народных депутатов СССР комиссии А. Н. Яковлева стало известно, что объясняя Г. Димитрову в 1939 г. смысл

советско-германского пакта, Сталин говорил: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.), за передел мира, за господство над миром. Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались». Убежденный в том, что своим маневром 1939 г. он обеспечивает интересы Советского Союза, который извлечет пользу из войны, Сталин в 1940 г. не хотел видеть, что на этот раз он из инициатора «драки» превращается в жертву и даже после окончания войны, принесшей СССР огромный ущерб, Сталин придерживался своей прежней концепции. «Кризис капитализма, — говорил он в беседе с югославскими и болгарскими гостями в 1945 г. — проявился в разделении капитализма на две фракции — одна фашистская, другая — демократическая. Получился союз между нами и демократической фракцией капиталистов, потому что последняя была заинтересована не допустить господство Гитлера, так как это brutальное господство привело бы рабочий класс до крайности и до свержения самого капитализма. Мы теперь с одной фракцией против другой, а в будущем и против этой фракции капиталистов».

Можно считать, что именно такой расчет (включая расчет на «свержение капитализма» в результате военных потрясений) заставлял Сталина отбрасывать все реальные данные разведслужб и надеяться, что Гитлер и после разгрома Франции продолжит свою войну на «расшатывание капитализма», т. е. против Англии. Эту уверенность поддерживал в нем Гитлер в своих беседах с Молотовым, ее же с немецкой стороны подкрепляли в ходе дезинформационных акций, шедших непосредственно для «потребления» их Сталиным и Берия. Тем самым вся напряженная и полная трудностей работа советской разведки практически сводилась на нет, ибо она могла отражаться на военных решениях только с ведома самого Сталина. Нарастание военной угрозы заставляло принимать подобные меры, но далеко не в адекватном масштабе и с расчетом времени на 1942 год.

Однако как бы параллельно с функцией разведслужб на «обслуживание» Сталина существовала и другая их «жизнь»: внутренняя и функционировавшая по своим правилам. Именно она предстает перед исследователем, который регистрирует сейчас огромное и по-своему убедительное число сведений, собранных в свое время обеими разведслужбами (к ним следует добавить и сведения дипломатической службы) о подготовке Германии к войне.

Позитивным результатом подобного дуализма являлось то, что пограничные военные округа — в первую очередь Киевский и Белорусский — обладая собственными разведсредствами могли собирать и эффективно собирали данные о сосредоточении и выдвижении немецких войск. Регулярная информация на эту тему собиралась и командованием пограничных войск, взаимодействовавших с регулярными частями округов. Такую же собственную оценку произвело и командование ВМФ (Н. Кузнецов), своевременно принявшее решение о боевой готовности.

Эта «внутренняя жизнь» обеих разведок объясняет и другой феномен: несмотря на то, что на высшем уровне шла борьба чекистского руководства за приобретение контроля и за практический контроль военной разведки, обе ветви в ходе повседневной работы плодотворно сотрудничали. Основы этого сотрудничества были заложены еще в эпоху Берзина — Артузова. Например, сотрудник военной разведки А. Гиршфельд, познакомившись с А. Харнаком, показавшимся ему интересным, информировал об этом Артузова, в результате чего дальнейшая связь с Харнаком («Корсиканцем») перешла к ИНО. В предвоенный период известны случаи, когда 5-е управление РККА и 5-й отдел ГУГБ обменивались сведениями и просили о их проверке. 9 июля 1940 г. 5-й отдел ГУГБ направил в 5-е управление РККА полученное им донесение и 7 августа получил положительный ответ о достоверности. С такой же просьбой ГУГБ обратилось к военным и 28 августа.

В марте 1941 г. военная разведка просила перепроверить свои данные. Обе разведслужбы не расходились в своих оценках, о чем сообщали друг другу (на деловом, а не начальственном уровне). Когда же началась война и значительная часть агентуры НКГБ в Германии была потеряна, а РУ сохраняло ряд своих резидентур и радиосвязь с ними, то 1-е Управление обратилось к военным за помощью, которая была оказана. Это, впрочем, не помешало НКГБ впоследствии арестовать и репрессировать офицера ГРУ А. Гуревича («Кента»), который, рискуя жизнью в 1941 г. восстановил связь с группой «Старшина» — «Корсиканец».

Окончательный ответ на вопрос: как Сталин относился к столь значительному объему развединформации о надвигающейся угрозе, видимо, станет возможным после анализа архива политбюро и личного архива Сталина (оба — в Архиве Президента РФ). Наличные же данные свидетельствуют о следующем. Ряд донесений фактически дезавуировались самими руководителями разведведомств, в особенности Голиковым. Что касается разведки НКГБ, то ее руководитель П. Фитин проявлял большую настойчивость, однако не имел прямого выхода на Сталина (только через Наркома госбезопасности В. Меркулова). Позиция же Берия достаточно известна своими резолюциями на докладах того же Фитина (с угрозой «стереть в лагерную пыль» неугодных информаторов)⁸ или заявлениями в адрес Сталина: «Я и мои люди, Иосиф Виссарионович, твердо помним Ваше мудрое предначертание: в 1941 г. Гитлер на нас не нападет»⁹. Авторитет ряда источников, в их числе Р. Зорге, был к тому времени в глазах Сталина подорван. Что касается немецких источников, то зафиксировано (со слов Фитина) такое высказывание Сталина: «Нет немцев, кроме Вильгельма Пика, которым можно верить». Вполне возможно, что ряд донесений оставались в секретариате Сталина, поскольку его руководитель А. Поскребышев знал настроения «хозяина». Наконец, кроме донесений, предупреждавших об опасности, в адрес руководства поступали сведения противоположного характера¹⁰. Представляется, что последнее открывает нам путь к пониманию столь абсурдного на первый взгляд нежелания Сталина реагировать на предупреждения, ибо он имел от НКГБ информацию иного, желательного для него свойства. В частности, разведка НКГБ стала прямой жертвой хорошо спланированной дезинформационной операции немецкой стороны, в ходе которой к берлинской резидентуре был подведен работавший на СД латвийский журналист О. Берлингс. Резидентура, возглавлявшаяся в этот период малоопытным А. Кобуловым, братом близкого к Берия Б. Кобулова, завербовала Берлингса (кличка «Лицеист»), а Центр считал нового агента ценным источником. Через него шла дезинформация о подготовке действий против Англии, о верности договору 1939 года, о «большом впечатлении» Гитлера от беседы с Молотовым и т. д. Лишь после войны подлинный характер «Лицеиста», как «подсадной утки», был установлен показаниями пленных¹¹, а затем немецкой документацией.

Одним из крупнейших успехов дезинформационной операции «Лицеиста» было блокирование сведений о подписании Гитлером 18 декабря 1940 г. директивы «Барбаросса». Несмотря на высшую степень секретности, сведения о документе не остались секретом для советской разведки. 29 декабря советский военный атташе в Берлине сообщил в Москву о том, что по сведениям от источника из министерства иностранных дел, «Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР, и война будет объявлена в марте будущего года». РУ доложило информацию наркому обороны С. Тимошенко и начальнику генштаба К. Мерецкову. После этого было дано указание срочно перепроверить данные, на что 4 января Ильзе Штёбе («Альта») в сообщении в РУ их уверенно подтвердила, после чего сообщение было доложено Сталину, Молотову и Берия¹².

Берия, видимо, имел эти сведения раньше. 30 декабря 1940 г. Кобулов вызвал к себе «Лицеиста» и поставил перед ним вопрос: Гитлер 18 декабря произнес речь перед военной аудиторией в Спортпаласте, которая якобы содержала «антисоветские тенденции». «Лицеисту» поручалось достать текст речи. Эта же просьба была повторена Кобуловым и 13 января. В свою

очередь, Берлингс (как свидетельствует немецкая документация) доложил об этом своему руководителю, бригадефюреру СС Р. Ликусу. Тот поставил в известность Риббентропа (называя своего осведомителя «агентом ГПУ»¹³). Для Кобулова была подготовлена соответствующая «информация», в которой сообщалось, что Гитлер на основе бесед с Молотовым пришел к убеждению, что СССР «имеет абсолютно серьезные намерения относительно дружественных отношений с Германией». Затем сообщалось, что «Германия сделает все от себя зависящее, чтобы избежать войны на два фронта, и только особые обстоятельства могут принудить ее к этому». В последующие недели «Лицеист» передавал умело составленные «информации», в которых содержались намеки на недовольство Гитлера тем, что СССР думает «только о собственных интересах» и заигрывает с Англией и Америкой.

Деятельность разведслужб в рассматриваемый период не сводилась только к сбору военной информации о подготовке гитлеровской Германии к нападению на СССР. «Сталинский» уровень разведки как бы предполагал, что возможности секретных служб, и в первую очередь, разведки НКГБ могут (и могли) быть использованы для политических маневров, призванных обеспечивать цели высшего руководства, в данном случае — лично Сталина.

До сих пор мы не располагаем документами о том, как каналы разведки использовались в период «медовых месяцев» советско-германских отношений и в какой мере они давали (или не давали) материал для укрепления тенденций к развитию концепции долговременного раздела сфер влияния между Германией и СССР. Многие в этом смысле могло бы дать изучение того, как использовались средства «личных агентов» Берия — к примеру, немецкие связи князя Януша Радзивилла, одного из крупнейших польских аристократов. В 1939 г. в результате его личных контактов с Берия Радзивилл стал действовать в вышеуказанном качестве и неоднократно встречался с Г. Герингом и другими высшими чинами третьего рейха.

Более благоприятным в отношении документальной базы является другой период, а именно весенние месяцы 1941 г., когда для Сталина факт о сосредоточении немецких войск стал очевидным и предупреждения начали поступать со всех сторон — включая германского посла в СССР Шуленбурга, встречавшегося 5, 9 и 12 мая 1941 г. в Москве с временно находившимся там советским послом в Германии В. Деканозовым. Именно в ходе этих встреч родилась идея о том, что дальнейшего обострения советско-германских отношений можно избежать путем обмена письмами между Сталиным и Гитлером. Недавняя публикация записей этих бесед свидетельствует, что советская сторона придавала подобному обмену исключительное значение¹⁴, что логически вытекало из авторитарного характера мышления Сталина, полагавшего, что его «личное» вмешательство снимет все проблемы. Советские и немецкие архивы не содержат материалов об осуществлении этого замысла, что, однако, не может служить доказательством того, что таких писем не было. Следует в этом контексте придать особое значение свидетельству Г. К. Жукова о том, что знаменитое заявление ТАСС, опубликованное 14 июня, было результатом обмена письмами между Сталиным и Гитлером и содержало прямое изложение аргументов Гитлера. Это сообщение Г. К. Жуков делал несколько раз, в том числе в беседах с К. Симоновым, Е. Ржевской и автором данной статьи. Но если такой обмен имел место, то он мог пойти только по каналам разведслужбы НКГБ. Косвенным подтверждением может служить наличие канала Кобулов — Риббентроп.

В драматической истории последних предвоенных недель особую роль сыграла и другая идея, пошедшая по тем же каналам разведки НКГБ. Речь идет о том, что советская сторона (вплоть до последнего момента встречи Молотова с Шуленбургом на рассвете 22 июня 1941 г.) надеялась, что с немецкой стороны ей будет предъявлен некий «ультиматум», на основе которого можно будет вести переговоры. Подобное сообщение впервые появилось в информации берлинской резидентуры НКГБ в начале апреля со

сылкой на окружение Геринга. Согласно ей, Советскому Союзу будет предъявлен ультиматум — например, об отторжении от СССР Украины или о присоединении СССР к «тройственному пакту». Это же сообщение было подтверждено и 11 июня 1941 года. Ожидание каких-то дипломатических шагов со стороны Германии выражалось и во время беседы в Москве и Берлине (в том числе, во время приема Шуленбурга 21 июня) и в постоянных указаниях Деканозову в Берлин. В упоминавшемся выше дневнике Димитрова есть запись его беседы с Молотовым, состоявшейся утром 21 июня после того, как Димитров передал ему сообщение от Чжоу Эньлая о предстоящем немецком нападении. Молотов ответил: «Положение неясно. Ведется большая игра. Не все зависит от нас». Когда же Сталин на следующий день пригласил Димитрова к себе, он начал сообщение о войне словами: «Напали на нас, не предъявляя никаких претензий, не требуя никаких переговоров». О том, что скрывалось за формулировкой о «большой игре» может свидетельствовать и запись в дневнике Геббельса от 21 июня 1941 г. о том, что «Молотов просил о визите в Берлин, но это отвергли»¹⁵. Поздний отзвук темы «переговоров» можно видеть и в тех контактах, которые были предприняты по указанию Сталина через НКГБ сразу после начала войны (июль 1941 г.), в ходе которых речь шла о так называемом «втором брестском мире» с Германией на основе эвентуальных уступок СССР¹⁶. Та же тема переговоров затрагивалась в том «личном послании» (видимо, Сталина), которое Шуленбург увез в конце июня 1941 г. из Москвы в Берлин и которое 15 июля было отвергнуто Гитлером¹⁷. По свидетельству Жукова, Сталин предпринимал попытку использовать каналы Берия и в начале октября 1941 года. В любом случае следует констатировать, что подобное использование разведканалов Сталиным лишь способствовало девальвации данных о предстоящем нападении, собранных теми же разведслужбами.

В трудном выборе между достоверными и недостоверными сведениями о противнике Сталин очень медленно склонялся к тому, чтобы все-таки принимать меры для укрепления пограничных округов и подтягивания резервов. К чести разведки надо отнести, что она в общем сумела определить масштабы развертывания немецких войск. В документах РУ численность немецкой группировки была определена на 1 июня 1941 г. в 120—122 дивизии; в действительности она составляла к началу реализации плана «Барбаросса» 152 дивизии. Что касается сосредоточения войск, то РУ определяло его на 4 апреля в 83—84 дивизии, на 25 апреля в 95—100, на 5 мая в 103—107, на 1 июня 1941 года — в 120—122... Если взглянуть на подлинные немецкие данные, то они дают на апрель — 103, на 20 мая — 120, на 2 июня — 129, на 22 июня — 152. Таким образом, военная разведка была близка к реальным цифрам. Если учесть, что подчиненные Голикова в своих докладах показывали цифру 170 (он не хотел ее докладывать) и эту же цифру называл Р. Зорге, то следует признать, что военная разведка была на достаточной профессиональной высоте. Правда, несмотря на большой объем оперативной информации, ей безусловно не хватало источников из центрального аппарата Германии. Хотя в литературе сейчас принято считать, что текст плана «Барбаросса» был известен советскому руководству, документальное подтверждение тому отсутствует. Более того, Г. К. Жуков после войны вспоминал, что о плане узнал лишь в 1945 году¹⁸.

Трагическое начало Великой Отечественной войны явилось неизбежным следствием заложенного в процессе принятия военно-политических решений системного противоречия между свойственной личной диктатуре переоценке собственной интерпретации обстановки и действиями исполнительных органов диктатуры — в данном случае разведывательных служб. Эти службы по мере своих сил и возможностей — а последние были подорваны все той же системой — смогли собрать большой объем разведывательных данных со всех уровней. Но воздействие этих данных при принятии решений оказалось недостаточным, чтобы спасти страну от катастрофических военных событий лета — осени 1941 года.

Примечания

1. См. БЛАНК А. В сердце «третьего рейха». М. 1974; КОРОЛЬКОВ Ю. Где-то в Германии. М. 1974; ВОЛКОВ М. Ф. Подвиг Рихарда Зорге. М. 1981; АРХАНГЕЛЬСКИЙ В. Свет над Дорой. Ташкент. 1984; КЕГЕЛЬ Г. В бурях нашего века. М. 1987; РАДО Ш. Под псевдонимом «Дора». М. 1988; Наши жертвы были не напрасны. М. 1988; ТРЕППЕР Л. Большая игра. М. 1990; ФЕКЛИСТОВ В. За океаном и на острове. М. 1994; КИРПИЧЕНКО В. Из архива разведчика. М. 1992; ДРОЗДОВ Ю. Нужное дело. М. 1994; COSTELLO J., TSAREV O. Ten Days to Destiny. N. Y. 1991; eiusd. Deadly Illusions. N. Y. 1993.
2. См. Источник, 1994, № 4.
3. GORDIEVSKI O., ANDREW CH. KGB. München. 1990, S. 313.
4. Центральный архив Министерства обороны РФ, ф. 16а, оп. 2951, д. 175, 239, 199.
5. FLICKE W. Die Rote Kapelle. Kreuzlingen. 1949; ROEDER M. Die Rote Kapelle. Hamburg. 1952. Первое документальное исследование о «Красной капелле» по материалам советских архивов было предпринято в 1994 г. В Пещерском, данные которого с его разрешения нами использовались.
6. Цит. по Новая и новейшая история, 1995, № 1. См. также ЖУКОВ Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М. 1974, с. 259.
7. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее — РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 2, д. 162, л. 60—64.
8. См. Правда, 8.V.1988.
9. См. Известия ЦК КПСС, 1990, № 4, с. 189.
10. Весьма важно, что в предисловии к книге «Секреты Гитлера на столе у Сталина» публикаторы особо подчеркивают это обстоятельство.
11. См. ПЕЩЕРСКИЙ В. Л. Гитлер водил за нос Сталина. — Новое время, 1994, № 47; его же. «Большая игра», которую проиграл Сталин. — Новое время, 1995, № 18; ВИШЛЕВ О. Почему Сталин медлил в 1941 году? — Новая и новейшая история, 1992, № 1, 2.
12. Однако кодовое название плана «Барбаросса» осталось Москве неизвестным.
13. Akten zur deutschen Auswärtigen Politik. Serie D. Bd. XI, 2. Baden—Baden. 1948, S. 816.
14. Дипломатический вестник, 1993, № 11—12, с. 75—78.
15. Tagebücher von J. Goebbels. Sämtliche Fragmente. München, 1987. Т. 1. Bd. 3, S. 706. Геббельс назвал это пожелание Молотова «наивным». Советских материалов об этой просьбе Молотова не обнаружено. Немецкая сторона, как видно из документов МИД, очень боялась каких-либо советских предложений о переговорах. См. Weizsacker-Papiere. Frankfurt a/M. 1974, S. 260.
16. Смысл контактов — действительный зондаж или дезинформационный маневр? — до сих пор неясен. См. SUDOPLATOV P. Special Tasks. N. Y. 1994; ВОЛКОГОНОВ Д. Сталин — триумф и трагедия. Кн. 2, ч. 1. М. 1989, с. 172—173.
17. FLEISCHHAUER J. Diplomatischen Widerstand gegen «Barbarossa». Brl. 1991, S. 411.
18. Коммунист, 1988, № 14, с. 97—99.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Записки для немногих

А. В. Головнин

Действия Черноморского флота

В продолжение этого времени начались военные действия в Черном море, и Черноморский флот украсил морскую историю новыми победами. Истребление турецкой эскадры при Синопе, взятие пароходом «Владимир» египетского парохода, мужественная защита фрегата «Флора», на который нападали три турецкие парохода, бой парохода «Колхида» под стенами Николаевского поста и дело под Исакчи навсегда останутся в памяти наших моряков. Главным распорядителем действиями Черноморского флота был генерал-адъютант князь Меншиков, который со времени возвращения из Константинополя жил в Севастополе, учредил крейсерства, правильные сообщения и, сообразуясь с получаемыми сведениями о неприятеле и повелениями из Петербурга, посылал суда и эскадры для поисков. Исполнителями его распоряжений были морские офицеры, воспитанные адмиралом Лазаревым и оживленные воинственным духом, который он умел вселить в них. Суда Черноморского флота были все времени Лазарева, которому принадлежит честь отличной постройки и вооружения оных. Великий князь генерал-адмирал находился в постоянной переписке с князем Меншиковым, объявлял ему высочайшие повеления, докладывал государю его донесения и при каждом случае старался сделать что-либо в пользу черноморских моряков, ходатайством за раненых, испрашивал особенные пособия семействам убитых, награды отличившимся и проч. Вообще, в продолжении четырех последних месяцев 1853 г. его высочество находился в непрерывной деятельной переписке с князем Меншиковым.

Приготовления к войне в Балтийском море

Ожидание войны в Балтийском море требовало и на севере заблаговременных подготовлений. Государь повелел сообразить средства для обороны берегов Балтийского моря и готовить к весне 1854 г. все три дивизии Балтийского флота. По первому предмету был учрежден под председательством его высочества особый комитет из специальных лиц. По второму предмету великий князь соображал подробно все потребности по случаю экстренного, усиленного вооружения и делал необходимые распоряжения по части кораблестроительной, комиссариатской и артиллерийской.

Отправление судов в дальнее плавание

В продолжение того же времени отправился для присоединения к эскадре генерал-адъютанта Путятин фрегат «Диана», разбился шедший в Камчатку транс-

---

Продолжение. См. Вопросы истории, 1996, №№ 1—2, 4—6.

порт «Неман», и получены были известия из Англии, что фрегат «Аврора» и корвет «Наварин», отправлены в августе сего года в дальнейшее плавание, требуют значительных исправлений. Известия о гибели транспорта и о дурном состоянии последних двух судов глубоко огорчили великого князя. В особенности последнее обстоятельство опечалило его, показав, так сказать, осязательно, в каком жалостном положении находится Балтийский флот, ибо помянутые суда были избраны как лучшие и наиболее способные к дальнему плаванию. <...>¹

Преобразование «Морского сборника»

К важным переменам и улучшениям следует отнести изменения в «Морском сборнике», который с осени 1853 г. увеличился официальной частью и представил много любопытнейших статей о действиях флота, административных распоряжениях и т. д. Великий князь сам заботился о доставлении редакции дельных и любопытных статей, поручал разным лицам составление оных, напоминал о том и, должно сказать, что все сколько-нибудь любопытные и важные статьи, появившиеся в «Сборнике» за сентябрьскую треть, составлены по вызову и указаниям его высочества.

Предположение описи Каспийского моря

В то же время великий князь занимался весьма деятельно и основательно предположением составить новую опись Каспийского моря. Проекты по сему предмету, составленные несколькими лицами, были рассмотрены генерал-майором Рейнке и с замечаниями его переданы для составления общего окончательного плана капитан-лейтенанту Ивашинову, которого великий князь избрал в начальники описи.

Памятная книжка на 1854 год

К новому году напечатана была по воле его высочества и разослана министрам и другим государственным сановникам памятная книжка, содержащая разные статистические сведения о флоте.

С 1854 г. его высочество приказал рассылать многим лицам «Морской сборник», дабы ознакомить более с деятельностью нашего флота и морского управления.

В числе важных поручений, данных его высочеством разным лицам, поручено было капитан-лейтенанту Соколову продолжать труд вице-адмирала Головина об истории кораблекрушений.

Заказы судов и машин

Предположения его высочества относительно состава флота в кораблях разного ранга на несколько лет вперед заключаются в особой записке, представленной его высочеством еще в сентябре 1853 года государю наследнику. Согласно с этими предположениями заказаны были заводчику Мальцову три винтовых механизма для Черноморского флота и три заводчику Нобелю для Балтийского. На этой записке государь наследник изволил написать: «Весьма любопытно и удовлетворительно. Честь и слава тебе». <...>¹¹

Любимые занятия великого князя

Среди постоянных и разнообразных занятий по Морскому министерству любимой работой великого князя было изучение чертежей военных судов. За этим делом он просиживал целые часы и время бежало быстро и незаметно. Когда его высочество решался доставить сам себе удовольствие он отправлялся в чертежную Адмиралтейства и занимался там с истинным наслаждением. <...>¹¹¹

[О великом князе Константине Николаевиче в отношении к политическим событиям 1854 года]

Чтобы легче и полнее обозреть деятельность великого князя в эти 8 месяцев 1854 г. и значение его в русской истории этого времени, мы разделим изложение наше на несколько отделов и будем говорить особо: 1) о великом князе Константине Николаевиче в отношении к политическим событиям, которые совершились в эту достопамятную годину; 2) о деятельности его на флоте; 3) о занятиях по министерству; 4) об участии в других отраслях администрации.

1854 год навсегда останется памятным горькою славой в русской истории. Много стоил он крови, много жертв материальных, но еще более перечувствовано в это время русскими, которые любили отечество и мыслили о судьбах его. В течение немногих месяцев изменилось положение России в ряду европейских держав. Она имела в начале года значение первой, сильнейшей, непобедимой, могучей армиями и флотами, и решения государя русского решали политические вопросы в Европе. Находясь в тесном, искреннем, по-видимому, союзе с державами германскими, она была в дружбе со всеми прочими. В Германии правительство русское рассчитывало на главных друзей своих и союзников. События 1854 г. показали вскоре, что эти предположения были ошибочны, эта дружба несколько неверна и не только неискренна, но что она есть только личина чувства противоположного, которому нужен был случай, чтобы выказаться. С другой стороны, те же события доказали, что искренних друзей должна искать Россия не там, а на православном востоке, между племенами единоверными, о которых перед тем она мало заботилась.

Великий князь Константин Николаевич еще прежде начала событий доказывал эту истину неоспоримыми фактами, признавал оную, сочувствовал православию, чуждался союзов и вообще близких сношений с Германиею. События, быстро одно за другим следовавшие, и, к сожалению, дорого нам стоившие, подтверждали непрестанно правильность его взгляда и укрепляли в нем убеждения, которые давно родились в нем. Западные державы и народы Германии соединились против нас, а мы не приготовили себе заблаговременно союзников, не укрепили их, и если, где и проявлялось сочувствие к России, то друзья ее скоро дорого платили за оказанное расположение к ней.

Зимой 1854 г. явились таинственно в С.-Петербург посланцы греков с просьбой к государю императору восстановить Царство Византийское и даровать им в императоры сына его Константина, которому они привезли голубое знамя византийское и чашу с эмблематическими изображениями народов новой империи. Просьба сия была отклонена, и вскоре промысел показал, что России не предстоит еще стяжать новую славу в победах или освобождением православных от власти неверных, но тяжкими испытаниями и бедствиями очиститься, узнать себя, своих истинных друзей и врагов, изменить ложное направление и приуготовиться к будущим, отдаленным подвигам.

Занятия собственно на флоте

Выше сего сказано, что в продолжение зимы редкая проходила неделя, чтоб великий князь не побывал в Кронштадте, а в течение лета он ездил туда ежедневно. Он смотрел на флот как бы на одну тесную семью и усвоил себе ее мнения, взгляды и чувствования. Все, что радовало флот и его радовало, все, что огорчало моряков и его огорчало. Во время поездки на флот, он без всякого стеснения разговаривал с флагманами, капитанами и офицерами, входил в подробности службы их, спрашивал их надобности и везде и все старался улучшить, упростить и облегчить. Каждый имел к нему доступ, мог свободно излагать свои надобности и был уверен, что найдет полное содействие. Во время работ вооружения это живое участие главного начальника было драгоценно для капитанов, которые желали, чтоб у них работа шла успешно.

Своим обращением с морскими офицерами и старанием доставить им почетные преимущества и материально улучшить быт их и положение великий князь возвышал флот и выводил его из того второстепенного положения, в котором он издавна находился. Сверх того его высочество во время пребывания на флоте всячески заботился о введении всевозможных собственно в морском отношении технических усовершенствований, и по сему предмету с января и по сентябрь

сделано было многое, особенно для улучшения морской артиллерии на этих двух дивизиях, которые оставались в Кронштадте.

Обстоятельства, также число наших кораблей и особенно неимение между ними винтовых, не позволили флоту выйти против неприятеля и принудили его оставаться в продолжении всего лета 1854 г. в Кронштадте и Свеаборге на рейде. Это насильственное бездействие, которое тяготило весь флот, было горестно и для генерал-адмирала, но делать было нечего. Соединенный англо-французский флот был сильнее, чем когда-либо какой флот в мире, и было бы совершенно безрассудно выходить против него на явную гибель, хотя, впрочем, и не подлежало сомнению, что русские моряки в отчаянной битве сохранили бы честь своего флага. Правительство обязано было сберечь для будущего свои корабли, офицеров и команды, ибо ни тех ни других нельзя создать мгновенно, а нужно для сего много времени и долгое изучение.

Великий князь вполне сознавал это, но тем не менее сожалел, что не представляется случая вести флот под флагом генерал-адмирала против неприятеля. Особенную деятельность выказал он при неизменно быстром сооружении канонерских лодок и сформированию для них ополчения.

Будучи на флоте, он нисколько не щадил себя и подвергался при случае опасностям наравне с другими. Таким образом, он всегда присутствовал при пробе машин собственно из любви к делу, из интереса и любознательности. В июле построена была по его приказанию и под особенным наблюдением контр-адмирала Истомина шлюпка по образцу американской, которая изумляла в Америке своею быстротою. 17 числа великий князь решился попробовать оную в Кронштадте на восточном рейде при довольно сильном ветре. В шлюпке были: его высочество, контр-адмирал Истомин, адъютанты великого князя — князь Голицын, Лисянский и Юшков и унтер-офицер. Ветер был довольно сильный и волнение порядочное. В шлюпке по числу сидевших было слишком много балласта, порыв ветра накренил ее, она зачерпнула и пошла ко дну. Великий князь и Юшков, нисколько не потеряв присутствия духа, бросились вплавь к шедшему за ними на всякий случай катеру его высочества и благополучно вышли на оный, причем великий князь не потерял даже очков и фуражки. Истомин, Лисянский и унтер-офицер схватились за мачту и были спасены бросившимися к ним людьми с катера, а князь Евгений Голицын закричал и пошел ко дну. Горестное событие это произвело сильное впечатление не только на весь флот, где не могли без содрогания представить себе, что ожидало бы флот, если б жертвой моря сделался генерал-адмирал, но и на часть общества, а именно на настоящих русских.

Маститый представитель православной церкви митрополит Филарет в письме к великому князю из Москвы со всею силою своего красноречия выразился по поводу этого события. Вот письмо его от 27 июля: «Благоверный государь! Есть ли кто, вследствие внезапного страха или радости, не удержится от восклицания пред теми, пред которыми прилично было бы хранить смиренное безмолвие: ему сие прощают.

Так простите, благоверный государь, и меня, есть ли после утраченного слуха, при радостном известии, не могу сохранить молчание.

Благословен создавший север и море, владычествующий державою морскою, возмущение же волн его укрощающий. Благословен восприявший Вас от вод многих! Благословен напустивший опасность, да молимся ему и уповаем на него, и сохранивший от опасности, да благодарим и славим его!

Благословен сохранивший Вас и сохранивший августейшего родителя Вашего от новой печали среди многотрудного подвига, и сохранивший Россию от новой печали в дни заботы.

Владыка жизни да речет ангелу хранителю Вашему и сей да воспомянет Вашему сердцу, что храня мужество и неустрашимость для подвигов на пользу отечества, имеет также обязанность беречь себя для Вашего семейства, для Ваших августейших родителей и для России.

Благоверный государь Вашего императорского высочества всенижайший слуга и богомолец Филарет, митрополит Московский».

Московский литератор Степан Петрович Шевырев по поводу того же события выразил чувства свои в стихах^{IV}.

Новые меры

Политические обстоятельства 1854 г. потребовали большого развития морских сил наших и с тем вместе усиленной деятельности морской администрации.

Прежде обыкновенно вооружались и выходили в море на несколько недель две очередные дивизии. В 1854 г. нужно было вооружить и снабдить всеми потребностями на всю навигацию все три дивизии Балтийского флота, что потребовало множества распоряжений. Великий князь непрерывно ездил в Кронштадт на работы вооружения.

Для защиты шкер и мелких фарватеров в Кронштадте потребовалось выстроить в несколько месяцев около 200 канонерских лодок и, чтоб снабдить их гребцами, государю угодно было повелеть образовать морское ополчение из охотников по найму. Для сего потребовались новые заботы и новые усилия.

Война с Англией и Францией лишила нас возможности приобретать за границей для флота винтовые механизмы, разные машины и инструменты, проволоочный такелаж, каменный уголь и т. д. Оказалась необходимость получать все сие в России и для этого нужно было распорядиться всем заблаговременно. Его высочество приказал вызывать заводчиков, сам объяснялся с ними, принял особенные меры для доставления с Дона антрацита, испытания угля, найденного в Новгородской губернии и т. д.

По мысли его высочества устроены были вдоль берегов Финского залива телеграфы до Дагерорда и до Гангута, которые действовали в продолжение целого лета и оказались весьма полезными. Для сбережения здоровья морских чинов великий князь принимал также разные особенные меры — приказал давать всему флоту по утрам горячий сбитень, построил госпитальные бараки в Ораниенбауме и т. п.

Участие в других отраслях администрации

С января по сентябрь 1854 г. участие великого князя в других отраслях администрации было весьма незначительное. Все внимание его, все время было поглощено морскою частью и едва оставались свободные минуты для отдыха и чтения. Поэтому его высочеству случалось часто пропускать заседания Государственного совета и Комитета министров, а с начала весны он и вовсе не бывал в них. Впрочем учреждения сии занимались только делами текущими и особенно важных дел в течение этого времени не было. Но великий князь оказал в это время большое содействие предприятиям генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева, и благодаря его высочеству Муравьев получил дозволение идти с войском вниз по Амуру, чтобы изведать и укрепить за Россией богатый край, который со временем принесет нам величайшую пользу.

Весь год с сентября 1854 по сентябрь 1855 прошел для великого князя Константина Николаевича в непрерывной, усиленной административной деятельности по морскому ведомству, которая почти исключительно занимала все его мысли и время. Деятельность эта и плоды оной изложены большею частью в отчете, который был представлен великим князем государю императору Александру Николаевичу летом 1855 г. и за который его высочество получил от августейшего брата своего и государя милостивейший благодарственный рескрипт.

В этом отчете находятся между прочим следующие замечательные места: «Морское министерство старалось разными мерами уменьшить болезненность и сохранить физические силы матросов. С этою целью розданы всем чинам Балтийского флота теплые шерстяные фуфайки, заведены суконные зипуны, в сырое время давали сбитень, при всякой возможности свежую зелень и мясо, и следствием этого было значительное уменьшение цинги. Впрочем результаты этих распоряжений скажутся еще в будущем...

Для улучшения быта офицеров Морское министерство также приняло разные меры. Кроме назначения прибавочного жалованья за продолжительное командование судами, как делалось прежде, выданы были эти деньги за все прошлое время с процентами тем офицерам и семействам умерших, которые получали оные по заведенному прежде порядку не со дня выслуги, а со дня назначения; учрежден особый наградной капитал, из которого денежные награды выдаются два раза в год;

отделен капитал для выдачи из процентов одного помянутого прибавочного жалованья за сбережение судов, а сумма, которая отпускалась на сей предмет из Государственного казначейства, обращена на пособие бедным морским офицерам в разных случайностях жизни и раздается им по назначению Адмиралтейств — совета; прекращен вычет квартирных денег на летнее время с офицеров, бывающих в кратковременных кампаниях, и около ста девиц, дочерей морских офицеров, размещены по разным учебным заведениям большею частью пенсионерками Морского министерства...

Для оказания пособий раненым в Севастополе морским чинам и семействам убитых были командированы в Севастополь особые чиновники, которым вменено в обязанность видеть каждого раненого, посетить семейства убитых, узнать их нужды и желания, выдать немедленное пособие из сумм, получаемых большею частью Морским министерством от частных благотворителей, и обо всем подробно доносить министерству. Таким образом, Морское министерство имеет в настоящее время самые подробные сведения о каждом раненом матросе и офицере и почти каждому что-нибудь уже сделано...» (Из ведомости приложенной к отчету его высочества за 1855 год видно, что в Крымскую войну было убито морских чинов 3936 и ранено 13.345).

В заключение отчета за 1853 и 1854 годы между прочим сказано о старании великого князя, чтобы средства, предоставляемые Государственным казначейством Морскому министерству употреблялись преимущественно на боевые силы флота, т. е. на корабли и на чинов, предназначаемых для вступления в бой с неприятелем, и сколь можно менее расходовались на прочие учреждения морского ведомства, и о стараниях изыскать средства к улучшению состояния лиц, служащих в действующем флоте, которые до сего времени, к сожалению, пользуются несравненно меньшими преимуществами, чем лица, занимающие покойные береговые должности.

Осень 1854 г. великий князь провел отчасти в Стрельне и Гатчине, но большею частью в С.-Петербурге, где усиленно занимался делами Морского министерства и откуда ездил к родителям и супруге в Гатчину раза два в неделю. Всю зиму его высочество оставался в С.-Петербурге, но весьма часто ездил на два и на три дня в Кронштадт. В мае и июне 1855 г. его высочество провел несколько недель в Кронштадте, а потом на Кронштадтском рейде на пароходе «Рюрик» и остальную часть лета в Стрельне, откуда ездил в Кронштадт и С.-Петербург.

Зима 1855 г. ознаменовалась для России событием, которое глубоко всех поразило. Кончина государя императора Николая Павловича, независимо от сердечной скорби, которую причинила царевичу как сыну, имела последствием для него более самостоятельное положение и вызвало его к более самостоятельной деятельности. Последние часы жизни государя императора описаны подробно статс-секретарем графом Блудовым, и описание это, напечатанное на нескольких языках, разошлось в числе десятков тысяч экземпляров. Посему, хотя эти горестные часы и близко касаются жизни великого князя, но подробно говорить о них здесь было бы излишне.

Вслед за кончиной государя явились в Петербурге и Москве толки о том, что великий князь должен стараться приобрести влияние на все вообще дела государственные. Но подобные мысли были далеки от его высочества. Он считал себя только первым подданным своего государя и отнюдь не искал какого-либо влияния, а, напротив того, удалялся всяких дел, которые не входили прямо в круг его обязанностей по званию управляющего Морским министерством, а эти обязанности старался выполнять по совести, со всевозможным рачением и усердием. Посему великий князь в первое время нового царствования держался совершенно в стороне и предоставлял другим искать влияния и власти. В то же время иностранные журналы и общее мнение в Европе выставляли его как бы во вражде с царственным братом своим, как бы главой и представителем партии, которая соединяла в себе коренных русских и желала войны, в противоположность к партии нерусских, которые желали мира. Подобное мнение доказывало только неведение настоящего положения дел в России. Великий князь был с братом своим, императором, в дружеских чистосердечных отношениях, и не бывало случая в их жизни, когда бы произошла между ними не только размолвка, но даже охлаждение. Вместе они читали помянутые газетные статьи и вместе смеялись над ними, и великому князю случалось нередко выражать свою задушевную мысль, что тесный союз в царствен-

ной семье может быть благом для России, а что раздоры между членами этого семейства будут для нее непременно большим несчастьем.

Что касается особой партии, партии будто бы коренных русских, то достаточно побывать в России, чтобы убедиться, что в пятидесятых годах нынешнего столетия у нас еще не могло быть особых партий, и не было к тому необходимых элементов; великий князь любил все русское, держался во всей строгости правил православной веры, предпочитал русский язык всякому другому, требовал, чтобы во дворце его говорили по русски, покровительствовал русским, которые оказывали особенные способности, но по всему этому он не был главою какой-либо отдельной организованной партии, враждебной правительству. Лица, которые имели одинаковый образ мысли, которые также хотели быть русскими и православными, естественно любили его, любили говорить о нем и произносили имя его с уважением.

Скромное отдельное положение великого князя продолжалось однако недолго, ибо вскоре сам государь вызвал его к другой деятельности, и сам составил ему положение и придал другое значение. Первым действием к этому было повеление великому князю принять начальствование над всем Российским флотом и высшее заведование Морским министерством по званию генерал-адмирала, звание, которое до того времени было только почетным титулом, но не сопрягало с собою действительной власти. Вслед за тем по избранию великого князя назначен был особый управляющий Морским министерством, непосредственно его высочеству подчиненный (вице-адмирал барон Врангель), и тогда великий князь, освободясь от второстепенных работ и мелочных распоряжений по управлению Морским министерством, мог обратить всю свою деятельность на флот, как на предмет первостепенной важности и на прямую цель его трудов. Этим самым не уменьшилась работа, но получила другое направление и другое значение. В то же время государь император стал призывать великого князя в совещания по делам государственным высшей важности и в этих совещаниях голос его высочества имел вес и значение, а вслед за тем, манифестом 23 мая 1855 г. объявлено было всенародно, что в случае кончины государя во время малолетства наследника престола великий князь Константин Николаевич назначался правителем государства.

Важнейшее из помянутых совещаний было то, в котором во время Венских конференций рассуждали об инструкциях нашим полномочным в Вене. Для сего были собраны в кабинете государя: генерал-адмирал, государственный канцлер иностранных дел граф Нессельрод, граф Орлов, граф Киселев, граф Блудов и военный министр князь Долгоруков. Великий князь, прочитав донесение посланника нашего в Вене князя Горчакова, обсудил дело предварительно наедине с графом Орловым, графом Киселевым и графом Блудовым. На совещании этом был прочитан проект соглашения с Турцией, несовместный с достоинством и значением России, и его высочество смело и гласно выразил свое негодование и затем уже никто не решился возвращаться к этому проекту. Инструкции нашим полномочным были даны сообразные мысли его высочества, и хотя им дозволялись значительные уступки, но уступки сии не переходили границы тех обязанностей, которые русский государь сознавал в себе к России и к собственному достоинству.

В продолжение той же зимы его высочество участвовал в заседаниях комитета, которому было поручено начертать план военных действий в Балтийском море в 1855 г., и здесь голос его имел следствием, что многие предположенные полумеры были отвергнуты и что в противность системы 1854 г. решено было защищать в 1855 г. только те пункты Балтийского побережья, которые защитить мы в состоянии, не оставляя небольших укрепленных пунктов, которые не будучи в силах держаться против превосходного неприятеля, предоставляют ему легкую добычу. Наконец, его высочество стяжал искреннюю признательность всех друзей порядка и спокойствия своими знаменательными словами в Государственном совете весной 1855 г., когда рассуждали о введении инвентарей в западных губерниях. Одобрив вообще мысль инвентарей как переходную меру от крепостного состояния к сословию вольных хлебопашцев, имеющих некоторые поземельные участки в неотъемлемой собственности и пользующихся другими участками, принадлежащими помещикам, его высочество опровергал однако предположенное ошибочное применение этой мысли и указывал на необходимость действовать в этом деле более сообразно с местными обычаями и заведенным порядком, дабы не восстановить одно против другого два сословия в то самое время, когда при борьбе с врагами внешними России необходимо более всего внутреннее единство и согласие.

Слова великого князя, который явился в этом заседании как бы председателем совета (ибо сидевший возле него дряхлый и больной председатель князь Чернышев не мог вовсе говорить) имели решительное влияние и остановили поток несвоевременных распоряжений, которые возмутили бы тишину внутреннюю и, не доставив благоденствия крестьянам, восстановили бы их против помещиков, а сих последних расположили бы против правительства. При этом случае, кстати сказать, что великий князь отнюдь не противник улучшений в положении крестьян, но, сознавая необходимость отмены крепостного состояния как противного достоинству человека, обоюдным выгодам помещика и крестьянина и выгодам торговым и промышленным, его высочество полагал, что учреждение прожившее целые века, не может быть вдруг отменено и что едва ли отмена сия может последовать одним и тем же способом и порядком в разных местностях. Посему его высочество находил нужным предварительно полное изучение предмета и допускал только такие меры, которые были бы основаны на совершенном знании дела.

Еще более решительное влияние, чем в деле инвентарей, имел великий князь на дела сибирские, причем он поддерживал намерения генерал-губернатора Муравьева утвердиться на Амуре, открыть свободную торговлю с Китаем и приобрести влияние на северные области Китая. В глубоком сознании всей важности Амурского края для будущности России его высочество решился изложить мысли свои прямо государю и, найдя в его величестве полное сочувствие и одобрение, исходатайствовал для генерал-губернатора Муравьева право: 1) войти в сношение с китайцами и всячески склонять их к формальной уступке нам всего левого берега Амура и к дозволению нам свободно торговать в Китае и 2) а между тем, завести вооруженные селения на левом берегу и всеми способами усилить судоходство по Амуру и укрепление устоев его. Все эти распоряжения тем особенно замечательны, что они были прямо противоположны усилиям нашего министерства иностранных дел, которое не сознавая выгод для России от водворения в южных пределах Сибири и от свободного судоходства по реке, соединяющей центр Сибири с Восточным океаном, противилось всем действиям генерал-губернатора Муравьева и опасалось, что они поведут к разрыву с Китаем и что усилят недоброжелательство к нам Англии, с которою мы были уже в открытой войне.

Вне круга деятельности по Морскому министерству следует еще упомянуть об участии великого князя в делах учреждения, которое имело в нем весьма ревностного покровителя и которое несмотря на его горячее сочувствие должно было прекратить свои действия в 1855 году. Будучи после кончины герцога Максимилиана Лейхтенбергского попечителем Общества посещения бедных, великий князь близко узнал это учреждение, которое, не получая никакого пособия от правительства, собственными средствами собирало деньги и раздавало истинно нуждающимся, оказывая им помощь также многоразличными другими способами. Присоединенное к Человеколюбивому обществу, которое, получая денежные средства от правительства, действовало как правительственное учреждение, Общество посещения бедных встречало ежеминутные затруднения в своих распоряжениях вследствие канцелярской отчетности, медлительности и требований, которых по своему особенному устройству не могло исполнить. Все сие повело великого князя к весьма неприятным столкновениям с советом Человеколюбивого общества, и это обстоятельство было для его высочества тем прискорбнее, что в совете председательствовал митрополит С.-Петербургский, высшее духовное лицо, к которому великий князь желал бы иметь безграничное уважение и отнюдь не входить с ним в разногласие по каким бы то ни было делам. Следствием всего этого было то, что великий князь решился просить о дозволении вовсе упразднить Общество посещения бедных, хотя был твердо убежден в пользе сего учреждения, и на закрытие оно последовало высочайшее соизволение. Одною из важнейших причин, которые побудили великого князя к подобной решительной мере, было обстоятельство, что вследствие бывших некогда подозрений будто некоторые члены Общества посещения бедных имеют неблагонамеренное политическое направление, все члены оно подвергались особому полицейскому надзору и, следовательно, случалось, что вполне благонамеренный человек, войдя в общество, состоящее под покровительством великого князя, и полагаясь на это покровительство, подвергался весьма неприятному обстоятельству подпасть под особый полицейский надзор.

В продолжение зимы 1855 г. его высочество особенно отличил себя необычно-

венно благородным и высоким образом действий относительно бывшего начальника Главного морского штаба и главнокомандующего в Крыму князя Меншикова. В то самое время, когда при дворе и в с.-петербургском обществе лица весьма сильные открыто порицали действия князя в Крыму и обвиняли его во многом весьма легкомысленно и неосновательно, великий князь Константин Николаевич открыто защищал его и потом, когда князь Меншиков воротился в С.-Петербург уже лишенный командования и министерства, великий князь убеждал государя подробно расспросить его, дабы не основывать своего приговора на одностороннем суждении. В то же время великий князь исходатайствовал пожалование князю Меншикову дома начальника Главного морского штаба, подобно тому как в минуты высшей милости князю Чернышеву был пожалован дом военного министра.

Главною чертою управления великого князя собственно в морском ведомстве была благородная доверенность к своим подчиненным, и вследствие того — стремление уменьшить излишнюю централизацию и дать каждому начальнику большие права в круге его обязанности, но в то же время определить и его ответственность и поверять действия подчиненных открытыми ревизиями. Действуя ревизиями великий князь не ограничивался чинами морского ведомства, но приглашал также лиц других управлений. Так например, морские учебные заведения ревизовались по приглашению его высочества двумя комиссиями от военно-учебных заведений и от Министерства народного просвещения.

В продолжение описываемого периода времени великий князь действовал по морскому ведомству гораздо более самостоятельно и самобытно, нежели в прежнее время, в том смысле, что он уже не ограничивался одобрением и исполнением мер и предположений, предлагаемых другими, но сам, следуя собственным целям и видам, составлял предположения и приводил их в действие с энергиею и терпением. Главное распоряжение его, сделанное в этом смысле, была постройка к весне 1855 г. 40 винтовых канонерских лодок для усиления обороны Кронштадта. Это дело задумано было им самим, сам он избрал к тому способных исполнителей и ежедневно следил за работами. Подобная постройка в столь короткое время почиталась до этого совершенно невозможною, но его высочество доказал, что невозможное бывает возможным и что небывалое бывает, если взяться с умением и выйти из обыкновения.

Вся тайна этого дела состояла в том, что вместо постройки лодок казенными средствами и обыкновенным путем департаментских распоряжений, которые бывают скоры на бумаге, но медленны на деле, его высочество обратился к частной промышленности и поручил дело доверенным лицам вне обыкновенного бюрократического порядка. Явились и заводы и строители, и лодки были готовы к сроку. Польза их для нашего флота весьма значительна. Не говоря уже о том, что они служат весьма сильным подкреплением обороны Кронштадта, но они возбудили у нас частную заводскую и кораблестроительную промышленность, необходимую для будущих важнейших сооружений, и послужили школой для молодых офицеров, механиков и машинистов. Успех этого дела дал великому князю смелую мысль построить к весне 1856 г. еще 20 винтовых лодок и 14 корветов, которые во время войны доставили бы нам господство в шкерах, а в случае мира могли бы отправиться к берегам Амура и образовать отличных офицеров и команду.

Великий князь горячо сочувствовал положению своих подчиненных, входил в их обстоятельства, и никогда чины морского ведомства не получали столько существенных наград и пособий, как во время его управления. Особенно замечательна попечительность его о раненых. В «Морском сборнике» за 1854 и 1855 гг. изложены подробно все распоряжения его высочества по этому предмету, и утешительно видеть, что, наконец, и сухопутное ведомство последовало примеру морского и стало делать подобные распоряжения. В это же время случалось, что великий князь тайным образом платил долги своих подчиненных из собственных сумм, когда долги сии были сделаны по стечению несчастных обстоятельств и могли повести к гибели неосторожного виновника (например, за престарелого генерал-майора Баранова его высочество заплатил издержанных им казенных денег более 3000 руб. серебром).

9 сентября 1855 г. минуло его высочеству 28 лет. День этот он встретил в Николаеве, куда отправился перед государем для устройства дел Черноморского

морского управления, которые после истребления нашего флота в Севастополе и оставления южной стороны города требовали многих распоряжений высшего морского начальства; возвратясь в ноябре в С.-Петербург, его высочество провел там зиму и только ездил по временам в Кронштадт и сопровождал государя в поездке в Гельсингфорс и Свеаборг. Весной 1856 г. его высочество ходил на пароходе в Свеаборг, лето провел в занятиях морскою частью и для этого из Павловска и Стрельны, где жила великая княгиня, ездил часто в Кронштадт, ходил на несколько дней с эскадрой в море, а в августе отправился в Москву на коронацию.

Таким образом, весь год можно разделить на осень в Николаеве, зиму в Петербурге, весну и лето в Павловске, Стрельне и Кронштадте и август 1856 г. в Москве.

[Занятия, путешествия и другие события в жизни великого князя Константина Николаевича в 1855—1857 годах]

В Николаеве великий князь провел почти два месяца. Перед тем он был в Черном море еще в первой молодости, оставался недолго и потому мало знал черноморских офицеров. Притом в последнее время между ними явилось много таких, которые перед тем были весьма малоизвестны и уже во время последней войны составили себе знаменитость. С другой стороны, многие из прежних деятелей перешли в историю, заплатив жизнью за свою славу. Черноморский флот погиб, защищая 11 месяцев Севастополь, суда наши, за исключением весьма небольшого числа мелких и старых судов, небольших пароходов и транспортов, которые оставались в Николаеве, уже не существовали, и только немногие из храбрых матросов прежнего времени составляли уцелевшие команды. Но в Николаеве находились обширные хозяйственные заведения, адмиралтейство, верфи, большие запасы материального имущества, рассчитанные по-прежнему огромному флоту. Номинальный начальник флота был дряхлый и болезненный старик, адмирал Берх, а настоящий распорядитель на деле был интендант вице-адмирал Метлин. От такого устройства главного управления происходило много неудобств: местные начальники не знали, что следует им делать, какие постройки продолжать и что приостановить, как и где распределить оставшихся людей и проч. По всему этому великому князю было необходимо приехать в Николаев, познакомиться на месте с главными личностями, узнать состояние морских учреждений, видеть имеющиеся запасы, разрешить разные недоумения и вопросы и устроить в Николаеве управление морскою частью, сообразное с видами правительства и с тогдашними обстоятельствами. Вот в чем заключалась в Николаеве в продолжение почти двух месяцев деятельность генерал-адмирала.

В сентябре ожидали в Николаеве сильного нападения со стороны неприятеля, который имел огромный флот в Черном море и целую армию в Крыму. Нападение казалось тем вероятнее, что город был защищен только весьма слабыми батареями и имел мало войска, а местное положение его при впадении Ингула в Буг и огромные расстояния при недостаточности мостов и средств сообщения вообще содействовали защите Николаева со всеми находившимися в нем большими морскими заведениями и запасами при тогдашних средствах обороны невозможной. Неприятель мог весьма легко подняться по Бугу на мелких судах с бомбардами и канонерскими лодками и в то же время идти по правому или левому берегу, обманывая наши войска, которые, не зная, где будет главное нападение, не могли там сосредоточиться. Затем он мог бомбардировать город, оставаясь вне наших выстрелов, или, сбив наши ничтожные батареи, овладеть городом штурмом и окончательно разрушить наши морские заведения, а с ними и морскую силу России на юге. Опасность эта выказалась весьма ясно с прибытием государя в Николаев, и немедленно приняты были самые деятельные меры для сосредоточения в Николаеве значительных сил, для сооружения со всевозможной поспешностью мостов, земляных укреплений и для ограждения Буга посредством мин, бонов и затопленных судов.

В это время великий князь Константин Николаевич был особенно полезен государю разумным направлением к одной общей цели средств морского ведомства и посредничеством между начальством сухопутным, инженерным и морским. Первые два часто больше требовали от последнего, чем сколько следовало, а последнее,

видя весьма часто бесполезную трату вещей и рабочих сил, иногда отказывало в том, что было действительно необходимо. Присутствию и деятельности генерал-адмирала обязан Николаев тем, что эти взаимные столкновения разных ведомств не имели дурных последствий. В самое короткое время морское начальство построило через Бут при Спасском превосходный мост и тем удвоило силу войск, доставив им возможность действовать на том или другом берегу, смотря по надобности. Рабочие морского ведомства изготовляли большое количество артиллерийских принадлежностей и устроили мины на Буге, а морские команды под наблюдением и по указаниям сухопутных инженеров воздвигли земляные сильные укрепления. Сверх того, при самом расположении батарей и начертании всего плана укреплений, светлые мысли его высочества служили нередко руководством инженерам.

Ближайшее изучение на месте всех обстоятельств морского управления и знакомство с лицами послужили для великого князя основанием целого ряда распоряжений, сделанных его высочеством. Главные из них были следующие:

— Старик адмирал Берх был назначен членом Адмиралтейств-совета, а заведование морской частью в Николаеве было поручено со всеми правами прежнего главного командира вице-адмиралу Метлину, который во все время войны хозяйственными распоряжениями своими оказал большую услугу флоту и много сберег казенного имущества.

— Остановлена до дальнейшего приказания постройка судов большого ранга, производившаяся в Николаеве.

— Предписано передать в сухопутные войска более 9000 рекрутов, принятых во флот.

— Возвратившиеся из Севастополя флотские экипажи отправлены частью в Кронштадт, частью в Архангельск и Астрахань, куда посланы также два рабочие экипажа. В Николаеве оставлено было только необходимое число морских команд для службы на тамошних судах. При этих распоряжениях явилось вновь все человеколюбие великого князя и заботливость его о матросах в том, что приказано было оставлять по возможности женатых в Николаеве, отсылая только холостых, и снабдить всех отправляющихся теплою одеждой, не щадя издержек.

— Чинам морского ведомства, бывшим в Николаеве, исходатайствованы особые монаршие награды за усиленные труды их по снабжению Севастополя разными военными и другими припасами во все время войны. Заслуга их была действительно велика, но до приезда великого князя никто не заметил и не оценил оной.

— Офицерам и вообще чинам морского ведомства, бывшим в Севастополе и возвратившимся оттуда в весьма бедственном положении, исходатайствованы годовые оклады жалованья.

— Учрежден в Николаеве комитет из доверенных лиц для распределения пособий тем лицам морского ведомства, которые во время войны потеряли свое имущество. Сумма на этот предмет, составившаяся из пожертвований, вызванных генерал-адмиралом и вырученных от продажи домов морского ведомства и из других источников, составила около 900 тыс. руб. серебром¹.

Этим значительным пособием, которое во многих случаях почти вознаграждало всю потерю и почти всегда главную часть оной моряки обязаны были попечительности о них генерал-адмирала. В других ведомствах мы не находили ничего подобного.

Сверх того, великий князь нашел, что некоторые черноморские офицеры из храбрых защитников Севастополя не были достаточно награждены за совершенные ими подвиги. Он тщательно разузнавал подобные случаи, предстательствовал за наших героев перед главнокомандующим и перед самим государем, и следствием того бывали всегда достойные награды отличившимся (в том числе два Георгия 3 ст. капитанам 1-го ранга)².

Во все время пребывания своего в Николаеве государь ежедневно утром заходил к генерал-адмиралу, сообщал ему получаемые известия, советовался с ним о важнейших делах и прежде других доверенных лиц сообщал свои намерения. В это время получались из Петербурга журналы Особого комитета, состоявшего за отсутствием генерал-адмирала под председательством генерал-адъютанта князя Воронцова, для начертания полной системы обороны берегов Балтийского моря в 1856 году. В комитете нередко встречалось разногласие между членами, или комитет не вполне разделял мысли и предположения главных местных начальников — графа

Ридигера и генерала Берга. Государь каждый раз передавал в Николаев эти журналы великому князю и решал дело по мнению его высочества.

По отъезде государя из Николаева великий князь оставался еще там несколько времени и каждый день приглашал к себе морских офицеров обедать и проводить вечера. Собрания эти были весьма приятные и навсегда останутся в памяти тех, кто в них участвовал. Великий князь умел своим свободным ласковым обращением изгнать всякое стеснение. Разговор был всегда оживлен и касался или морского дела или разных случаев достопамятной обороны Севастополя. Посему каждый из моряков имел случай или выказать свои познания и опытность, или рассказать славный подвиг, в котором сам участвовал, или рассказать и выставить в надлежащем виде подвиг отсутствующего или убитого товарища. Во время этих бесед генерал-адмирал узнал и заметил многих достойных офицеров и мысленно определил себе, где и как употребить их для пользы флота.

По возвращении в Петербург следовало немедленно озаботиться важнейшими предметами в ожидании военных действий в Балтийском море в 1856 г., а именно: сильной обороны Кронштадта, которая сделала бы тщетными самые громадные покушения на него неприятеля. Две главные коренные меры по этому предмету принадлежат великому князю. По его мысли назначен был генерал-губернатор Кронштадта адмирал князь Меншиков, который не пользовался в то время благоволением государя и сильные враги которого старались всячески чернить. Другое распоряжение состояло в принятии для заграждения фарватеров системы частных свай, придуманной вице-адмиралом Шанцем. Великий князь тотчас же понял и оценил эту мысль и, получив соизволение государя, с величайшею деятельностью принялся за осуществление оной. В продолжении зимы подступы к Кронштадту были заграждены и можно было смело ожидать неприятеля с открытием навигации.

Между тем великому князю предстояла борьба административная по случаю бюджета морского ведомства на 1856 год.

С уничтожением Черноморского флота и вследствие разных сокращений, введенных великим князем по хозяйственной и строительной части в Николаеве, смета черноморская уменьшилась на 7 млн. руб. серебром, но в то же время явилась необходимость создать в Балтике новый винтовой флот и для этого флота следовало сохранить и вновь приготовить опытных морских офицеров. В последние 15 лет до вступления великого князя в управление морским ведомством из ежегодного наличного числа 3600 офицеров более 1000 вышли в отставку или перешли в другие отрасли государственной службы, потому собственно, что тягость службы морской ничем не вознаграждалась и что скудного жалованья, которое получали на флоте, едва доставало на существование холостого офицера, не говоря уже о женатых, а ничтожная пенсия после долговременной службы на море, не доставляла даже средств для насущного пропитания. Генерал-адмирал, не увеличивая итог бюджета, желал на счет сокращений в сметах черноморских, увеличить жалованье морских офицеров вообще, помочь семействам на воспитание детей и доставить морскому ведомству возможность учредить эмеритальную кассу для увеличения пенсий. Эти статьи бюджета встретили весьма сильное сопротивление со стороны некоторых государственных сановников. Великий князь писал опровержения на их возражения и, наконец, нашел вынужденным доложить все дело государю. Его величество признал предположения генерал-адмирала весьма дельными и соизволил утвердить их.

Почти в то же время великий князь походатайствовал для одного из адмиралов награду неслыханную во флоте, ибо моряки наши не были вообще приучены к щедрым наградам. Вице-адмирал Путятин возвратился из славной экспедиции своей в Японию, заключив с японцами в самых трудных обстоятельствах торговый трактат, который обеспечивал России в будущем все выгоды и преимущества, которые когда-либо будут предоставлены там какой-либо другой нации^{VI}. Орден белого Орла^{VII}, аренда и графское достоинство были наградою для Путьятина. При исходатайствовании ему графского достоинства великий князь следовал мысли, что награда, переходящая в потомство награждаемого, должна быть жалуема за подвиги и заслуги, память коих сохранится в истории, и что поэтому графское и княжеское достоинство могут быть жалуемы, не соображаясь с чином и с орденами, которые имеет награждаемый. Взгляд этот весьма правильный и рациональный не был согласен с принятым у нас порядком и бывшими примерами, ибо в графское

достоинство были возведены многие лица, о которых история никогда не скажет но которые дослужились до чина 2 класса VIII получили Владимира I степени IX. После графского достоинства им давалась Андреевская лента X, затем алмазы на Андрея, портрет государя, а после того они возводились в княжеское достоинство.

В отчете, представленном государю по морскому ведомству за 1855 г., великий князь, между прочим, говорит: «Я еще более убедился, в том, что необходимо для пользы службы доставить лицам, которые по физическим силам уже не в состоянии служить, достаточную пенсию, чтоб они могли жить в отставке спокойно и почетно, а лицам, которые находятся в полном развитии сил, и для тех, которым предстоит доканчивать свое образование следует доставить постоянную морскую деятельность и тем самым создать поколение моряков, опытных, знающих свое дело и любящих море и ремесло свое. Достигнуть первой цели предполагается посредством эмеритальной пенсионной кассы XI, положение коей составляется особым комитетом, а для достижения второй, т. е. для образования офицеров и команд, будут служить дальние экспедиции...

Касательно нижних чинов флота должно заметить вообще отношение между чинами строевыми, т. е. настоящими воинами, которых служба есть военная морская и которых в общем числе всего две трети, и нестроевыми, которые состоят из рабочих, мастеровых, портовых служителей, сторожей и т. п., исполняющих работы, не имеющие ничего общего с военной службою и для которых в других государствах употребляются вольнонаемные люди. Нестроевые составляют целую треть всего числа морских чинов и непомерно увеличивают число рекрут, которые берутся с крестьян, а труд, который они делают, несравненно хуже и обходится часто дороже труда наемных людей. По сему они невыгодны для казны и тягостны для народа. Основная мысль рекрутской повинности как налога личного и самого тягостного состоит в том, что народ обязан выставить из среды своей воинов на защиту отечества, но отнюдь не людей на разные мирные работы, как например, чтобы быть дворниками при казенных домах, очищать снег и нечистоты, возить воду, служить кучерами, мастеровыми и т. п. От постоянного обращения на подобное дело большого числа казенных людей² у нас вышло, что казенный человек или личная услуга его ценится гораздо дешевле денег, т. е. что начальнику или ведомству, имеющему в своем распоряжении нестроевых чинов, весьма легко назначать их на разные работы, тогда как трудно ассигновать казенные суммы. Это обстоятельство уменьшает уважение, которое следует иметь к солдату и человеку, и обращает его в какую-то рабочую силу, которая народу и казне стоит весьма дорого, а в глазах начальства составляет самое дешевое средство. Соображения сии побудили меня предписать по морскому ведомству составить подробное предположение об уменьшении числа нестроевых нижних чинов и о замене их вольнонаемными работниками...

К нижним чинам относятся также кантонисты XII, которые составляют для — морского ведомства большую тягость, а сами непомерно страдают от своего положения. Действительно, для всякого другого русского подданного военная служба есть случайность, которой он подвергается в совершенных летах, если до него дойдет очередь, или если на него падет жребий, а кантонист с детства обречен ей. Рожденные и воспитанные в казармах они представляют в физическом отношении самое жалкое и болезненное племя и не приносят службе той пользы, которая сколько-нибудь соответствовала бы издержкам на их воспитание, составляющим в 20 лет по 777 руб. на каждого, а всего кантонистов в морском ведомстве более 14.000 человек. В нравственном отношении они представляют еще более неудовлетворительный результат, ибо, составляя 8% всего числа морских чинов, они составляют 20% ежегодного числа преступников из этих чинов. Посему, как для них самих, так и для выгоды морского ведомства было бы полезнее постановить, что казна дает на матросских детей до известного возраста паек, и что они вправе избирать себе род жизни, какой пожелают, подобно вольноотпущенным.

К личному составу морского ведомства относятся еще чиновники разных департаментов и канцелярий и охтинские поселяне. Первых считается во всем морском ведомстве 951, а поселение Охты состоит из 3.400 человек обоюбого пола. Относительно чиновников я желал бы значительно сократить все канцелярские учреждения Морского министерства, уменьшить нынешнюю письменную работу. С этой целью в последние три года упразднено уже 105 разных штатных мест

и теперь составляются соображения для еще более значительного сокращения. Охтинские поселяне происходят от плотников, поселенных на берегу Невы и Охты Петром Великим и обязанных работать топором на Адмиралтейство взамен всякой другой повинности. Таким образом, они составляют род крепостных крестьян Адмиралтейства, которые ходят на барщину не в поле с сохой и бороной, а на верфь с топором. В то время, когда место нынешнего Петербурга было диким пустырем и когда для доставления возможности строить здесь каменные дома были остановлены все каменные постройки во всей России и были пригнаны сюда все русские каменщики, в то время действительно было полезно прикрепить к Адмиралтейству плотников, ибо в противном случае оно осталось бы без рабочих, но по мере населения Петербурга мера эта стала оказывать вредные последствия как для охтинских поселян, которые не могли переходить в другие сословия, так и для самой казны, ибо люди эти стоили дороже, нежели сколько приносили пользы, и уже морской министр Чичагов представлял об освобождении от них Морского министерства. Теперь ясно оказывается необходимость передать охтян в ведение Министерства внутренних дел, приписав их к городу, или в Министерство государственных имуществ, дозволив Морскому министерству нанимать вместо их плотников.

Общий недостаток воспитания в морских учебных заведениях, частных пансионах и в домах родителей есть то, что вообще у нас слишком мало обращается внимания на физическое развитие и телесное укрепление детей и что успехам умственного образования приносится постоянно в жертву здоровье физическое и силы. Этому обстоятельству должно приписать, что вырастающее ныне молодое поколение не отличается здоровым, крепким телосложением, не имеет достаточно развитых мускулов, а напротив, болезненно, вяло и никак не может сравниться с родителями своими и особенно с дедами. Я потребовал от начальников учебных заведений подробных соображений об устройстве воспитания так, чтоб развитие умственное и физическое шли параллельно и не вредили друг другу, а, напротив того, помогали бы одно другому».

В продолжение зимы 1856 года великий князь по обыкновению своему весьма часто ездил в Кронштадт. В Петербурге особенно занимало его сооружение к лету 1856 г. винтовых корветов и канонерских лодок, также винтовых механизмов для судов большого ранга. Наблюдение за постройкой корветов было поручено адъютанту его высочества Шестакову, а лодок другому адъютанту — Лисянскому, а распоряжения по хозяйственной части возложены были на Кораблестроительный департамент. Бесперывные поездки великого князя на верфи и заводы, личное наблюдение его, разговоры с заводчиками и подрядчиками, поощрение их ласковым словом сообщали делу этому неслыханную быстроту.

Зимой 1856 г. происходили переговоры о мире, по поводу коих государь несколько раз собирал в своем кабинете несколько доверенных лиц из высших государственных сановников и предлагал им на обсуждение требования наших врагов и известное министрам состояние и средства России. Лица эти были: граф Нессельрод, князь Воронцов, граф Орлов, граф Киселев, барон Мейендорф, граф Блудов и князь Долгоруков. Великий князь генерал-адмирал каждый раз приглашался в эти собрания. Общее мнение в Европе и весьма многие лица в России считали тогда великого князя поборником войны и полагали, что он будет непременно настаивать на продолжение оной. Иностранные газеты называли его «le chef du vieux parti Russe, du parti de la guerre»^{xiii}. Это доказывало совершенное незнание настоящего образа мыслей его высочества. Он отнюдь не увлекался обыкновенными воинственными порывами молодости, для которой слово «война» имеет столь много заманчивого, что при мысли о предстоящих опасностях, о возможности приобрести славу военную, совершить знаменитые подвиги и т. п., забывается самая цель войны, последствия оной и сопряженные с нею жертвы и тягости народные.

Великий князь видел уже близко войну с Венгрией. Зрелище страданий храбрых солдат наших и вид разоренного войной края глубоко врезались в его памяти и в его сердце и вследствие того воинственная пылкость молодости покорялась в нем рассудку и сердцу. Он, не как молодой военный генерал, но как государственный муж, как министр, хладнокровно рассуждал о тех последствиях, которые имело бы по всей вероятности продолжение войны, о пожертвованиях, которых она бы потребовала, о способах наших и результатах, которых мы могли бы достигнуть даже в случае нескольких удачных дел против неприятелей, число коих возрастало.

Все сие приводило его к убеждению, что было бы выгоднее согласиться на требуемые от нас уступки, чем упорствовать и продолжать борьбу. С этими мыслями он разговаривал прежде собрания помянутых лиц с графом Орловым, к которому сам ездил для этого, графом Киселевым и графом Блудовым, коих приглашал к себе, и в этом смысле выразил мнение свое у государя. Суждения вышепоименованных лиц, из коих только старик Блудов настаивал на продолжении войны³, в сущности были согласны с мыслями великого князя и повели к тому, что австрийские предложения были приняты и что вслед за тем граф Орлов был послан в Париж для участия в конгрессе о мире. Затем был подписан и ратификован Парижский мирный договор, который определил, между прочим, число и ранг военных судов, которые мы будем вправе содержать в Черном море и подтвердил правило закрытия для военных судов Босфора и Дарданелл^{XIV}. С заключением мира и новою эрою для нашего морского ведомства явилась для великого князя генерал-адмирала необходимость обсудить и разрешить некоторые коренные для флота вопросы, которых разрешение послужило бы главным основанием всей последующей правительственной деятельности по морской части.

Способ участия флота нашего в войне 1854—1856 года, бездействие судов в Балтике, гибель их в Черном море, бессмертные подвиги моряков на бастионах Севастополя и в Камчатке, быстрое сооружение винтовых судов при живительном участии генерал-адмирала, незначительность морского бюджета нашего сравнительно с бюджетами других государств, доказанное последнею войною превосходство в военном отношении наших морских офицеров и матросов перед офицерами сухопутными и солдатами — все это возбуждало вопросы о том: в чем именно должны состоять цель и назначение русского военного флота или, другими словами, для чего именно он нам нужен при теперешнем положении дел в Европе и соотносясь с величиною и значением морских сил других держав?

Разрешение этого вопроса разрешало уже само собою другой вопрос: в каком размере нам нужен флот и, следовательно, какое число судов и какого ранга следует иметь в Балтике, Белом и Каспийском море, в Восточном океане у берегов Амура и в Русской Америке? Затем определение числа и ранга судов определяло уже само собою число офицеров и матросов, также состав морских учебных заведений, а на всех этих данных можно было вычислить морской бюджет наш и потом уже соотносить его с средствами Государственного казначейства. Для разрешения помянутых вопросов великий князь собирал мнения нескольких адмиралов: князя Меншикова, Литке, Мелихова, барона Врангеля, графа Путятина, Шаица и Истомина. В нескольких пунктах мнения их были различны. Его высочество разрешил случаи разномыслия по своему внутреннему убеждению и представил государю предположения свои о составе флота, которые были удостоены высочайшего одобрения. Одновременно с этим предположением его высочество представил государю отчет свой по управлению морским ведомством за 1855 год, изложив в нем также некоторые предположения свои на счет будущего. Государь прочел отчет с большим вниманием, сам принес его великому князю и от души благодарил за добросовестные и усердные труды его высочества на пользу России для славы царя ее. Мысль государя выражена сверх того в собственноручной резолюции на подлинном экземпляре отчета.

В числе работ по морскому ведомству, которые производились в 1856 г. по указаниям великого князя, многие законодательные проекты, как то: проект учреждения Морского министерства, Портовый регламент, Устав госпитальный, Положение для Черноморского ведомства и другие были разосланы его высочеством на рассмотрение разным лицам с тем, чтоб осенью 1856 года, по получении их замечаний, приступить к пересмотру и исправлению проектов. К тому же времени великий князь поручил разным лицам морского ведомства представить его высочеству соображения их по разосланным им вопросам, касающимся разных улучшений во флоте и министерстве. Из этого видно, что его высочество, испытав на деле превосходство системы, которой он следовал при составлении Морского устава, применил оную и к вышепоименованным законодательным трудам.

В 1856 г. происходил между его высочеством и несколькими высшими государственными сановниками в Комитете министров спор, продолжавшийся несколько длинных бурных заседаний и касавшийся предмета весьма важного, а именно учреждения обширного пароходного общества в Черном море. Последняя война

чрезвычайно уменьшила влияние России на Востоке и ослабила связи ее с единоверцами нашими, а Парижский мирный договор, заключенный по необходимости, определил слишком незначительное число военных судов и притом слишком малого ранга, которые мы можем иметь в Черном море. Посему становилось необходимым изыскать средства к приобретению утраченного влияния, возобновлению и укреплению связей наших с православными племенами на Востоке и к тому, чтобы иметь в Черном море по возможности большие морские способы, если не в виде линейных кораблей и фрегатов, то по крайней мере в виде пароходов и транспортов, которые в случае надобности можно бы употребить для перевозки войск и притом, которые могли бы соорудить, не нарушая трактата и не возбуждая подозрений. Пример самих иностранцев указывал нам, что следовало делать для достижения помянутых целей. Во время последней войны весьма важную услугу оказали Франции и Англии их частные пароходные общества, которые существовали там при помощи ежегодных весьма значительных субсидий от правительства. Американские транс атлантические пароходные общества также доказали, что подобные учреждения не могут удержаться без субсидий и поименованные три морские державы платили ежегодно по несколько миллионов в пособие пароходным обществам. Австрийский «Ллойд» также получал пособия в виде разных льгот, привилегий и т. п. Нам следовало учредить подобное общество, которое при ежегодном пособии от правительства содержало бы настоящее сообщение между разными пунктами Черного и Средиземного моря.

Мысли эти были развиты великим князем государю императору, одобрены его величеством и по высочайшему повелению флигель-адъютант Аркас, при пособии опытного учредителя и директора Волжских пароходных обществ Новосельского, составил проект Черноморского пароходного общества. Великий князь для рассмотрения этого проекта мог учредить у себя особый комитет и затем поднести исправленный комитетом проект на высочайшее утверждение и тем решить это важное дело. Его высочество, имея в виду, что по коренным законам нашим предметы, касающиеся нескольких ведомств и притом особенно важные, должны обсуживаться в Комитете министров и что от несоблюдения этого правила и учреждения по каждому отдельному важному вопросу каждый раз особых комитетов происходили неисчислимо вредные последствия, исполнил в точности закон и внес предположение свое в Комитет министров, а дабы облегчить членам рассмотрение оного, приказал напечатать оное в числе экземпляров по числу членов и разослал им оное. Этот образ действия, основанный на соображениях самых здравых, показал, в каком детском возрасте в отношении к администрации находятся у нас многие седовласые чиновники, которым вверены высшие отрасли государственного управления.

Комитет министров не понял поступка генерал-адмирала, не понял его намерений, и великий князь встретил вместо благодарности и посильного содействия сильную оппозицию. Некоторые члены видели в учреждении пароходного общества нарушение мысли и духа Парижского трактата, другие оспаривали пользу этого учреждения, многие восставали против ежегодного пособия обществу, хотя предполагалось производить оное на счет уменьшенного черноморского бюджета и хотя пример иностранцев указывал, что подобные учреждения без пособия от правительства существовать не могут. Наконец, были члены, которые опасались, что обсуждение этого дела в Комитете министров и особенно рассылка министрам печатной записки придает ему неуместную гласность и сожалели, что великий князь не учредил для этого особого секретного комитета. Наконец, не доверяя, что тайна может быть сохранена, если помянутая записка останется в их кабинетах (трудно верится, а так было) гг. министры возвратили все экземпляры оной его высочеству. Казалось, что Комитет министров, привыкнув рассуждать только о предметах самых ничтожных, как то; небольших пенсиях, мелочных наградах чиновникам и т. п., устранился, когда великий князь, уважая цель этого учреждения и повинаясь мысли и букве закона, внес в комитет дело государственной важности, политическое и военное.

В то самое время, когда дело это рассматривалось в комитете, великий князь получил разные предложения иностранных обществ, которые желали учредить у нас пароходные сообщения и требовали за то пособия несравненно большего, чем сколько просили русские учредители. Мысль проекта его высочества так проста, необходимость предполагаемого учреждения так осязательна, что не удивительно,

что мысль эта родилась одновременно и в России и у многих лиц за границей. В этом случае расчеты иностранцев доказали, что расчеты русского проекта были вполне верны, а самый факт, что иностранцы явились с подобным предложением, много содействовал тому, что русское предположение было окончательно принято. Но прения в Комитете министров были самые жаркие и продолжались несколько заседаний, великий князь горячо отстаивал свои мысли. Наконец, главные основания проекта были одобрены согласно его мысли. Во второстепенных предметах его высочество легко согласился на все указанные комитетом изменения.

Эти бурные заседания, которые происходили в апреле и мае 1856 г., лишили великого князя возможности ездить в Кронштадт столь часто, как бы он того желал. Он деятельно занимался в это время изготовлением канонерских лодок и в июле представил государю на Кронштадтском рейде 75 винтовых канонерских лодок. В числе командиров судов государь видел многих черноморских героев, которые отличились на бастионах Севастополя, а теперь вновь начали в Балтике службу, настоящую морскую. На торжественном обеде, данном морякам в Петергофе, государь выразил им свое удовольствие и особенно благодарил брата своего генерал-адмирала.

В продолжение лета великий князь ходил на несколько дней в море на пароходе «Рюрик» и занимал флот эволюциями, а в августе отправился в Москву, где присутствовал при короновании государя императора и где встретил 9 сентября 1856 года.

Одно исчисление предметов занятий великого князя и сделанных им распоряжений доказывает кипучую деятельность, проявившуюся у него в 1853—1856 годах.

По весьма многим из этих предметов и распоряжений производилась более или менее продолжительное время переписка в Собственной его канцелярии, которою заведовал Головнин и которая состояла всего из трех писарей и двух курьеров. Посему вся работа лежала на Головнине. Он должен сказать, что вследствие отношений его к великому князю, доверия, которое его высочество ему оказывал, и собственного убеждения в том, что работа была действительно полезна, она составляла для него удовольствие, но тем не менее она очень утомляла его. Почти во все время службы своей при великом князе он приходил к его высочеству каждое утро в 8 или 9 часов, оставался в канцелярии до 4-х и каждый день работал по вечерам или там же, или дома. Чтоб несколько отдохнуть и освежиться, он поехал весной 1856 г. за границу. В мае месяце он отправился на почтовом пароходе в Штетин, оттуда поехал в Берлин, где остановился у своего лицейского товарища Рейтерна⁴ и вместе с ним ездил в Дрезден, Саксонскую Швейцарию, Лейпциг, Гоф, на Констанское озеро, Цюрихское, Четырех кантонов, в Интерлакен, на Женевское озеро, в Базель, Баден, Франкфурт, из Бибериha по Рейну до Кельна, в Париж и Дьепп. После купаний в Дьеппе Рейтерн отправился в Америку, а Головнин поехал в Дрезден и оттуда через Варшаву в Петербург, куда он прибыл поздно осенью и, пробыв едва несколько недель, 25 декабря опять отправился за границу с великим князем в Ганновер, где уже находилась княгиня Александра Иосифовна.

Путешествие 1856 г. с Рейтерном было для Головнина приятною прогулкою. Он ездил как турист, располагая совершенно свободно своим временем, с товарищем молодости и притом приятным и остроумным собеседником. Рейтерн прожил перед тем зиму в Берлине и потому мог многое рассказать интересное о прусской администрации и берлинском обществе. В Дрездене Головнин каждый день ходил в картинную галерею любоваться несколькими картинами, которые особенно ему нравились. Швейцария не могла не произвести на него большого впечатления своею чудною природою; и впоследствии он всегда старался заезжать в этот восхитительный край, любоваться его живописными горами, озерами, лесами, но сверх того его привлекало административное устройство страны, свобода, которою пользовались жители, их большое участие в управлении и особенно распределение доходов государства. Не имея вовсе двора, мало долгов, и то еще сделанных только на производительные расходы, издерживая весьма немного на войско и администрацию, Швейцария употребляла значительную часть доходов своих на народное образование, на призрение больных и престарелых и на улучшение путей сообщения. Эта разница против других государств в распределении доходов становится особенно поразительна при сравнении с германскими государствами, которые по своей величине и населению подходят к Швейцарии.

Плавание по Рейну представляет живописную картину берегов его, но людные города, где съезжаются летом любители рулетки, не нравились Головнину. Балы, концерты, визиты, изысканные туалеты — все это казалось ему неуместным летом, где, особенно северному жителю, хочется ловить каждую минуту, чтобы наслаждаться воздухом полей и лесов, любоваться природой, спокойствием и удалиться от искусственных зимних развлечений.

Морской воздух в Дьеппе, живительное купанье, спокойная жизнь, занимательное чтение ⁵ — вот воспоминания, которые ему оставило пребывание в Дьеппе.

В Париже он оставался тогда недолго, также в Дрездене и только три дня в Варшаве. Следовательно, ничего не мог видеть там особенно интересного. Он бывал каждый день у наместника князя Горчакова, виделся с несколькими русскими из своих прежних знакомых, но ничего не слышал, что могло бы заставить предполагать, что в Польше продолжают в тайне и весьма деятельно замыслы против русского правительства. Все казалось спокойным по наружности, хотя впрочем ему тогда же говорили, что польское общество в Варшаве держится отдельно и неохотно сближается с русскими, ограничиваясь необходимым исполнением светских обязанностей к официальным лицам.

Возвратясь в Петербург по печальному, унылому и пустынному Варшавскому шоссе, Головнин нашел великого князя уже в городе, в приготовлениях к поездке на всю зиму за границу.

По возвращении из Москвы после коронации императора Александра Николаевича великий князь поселился в Стрельне с великой княгиней и детьми своими, а в октябре переехал в Петербург, в Мраморный дворец. В октябре великая княгиня с двумя дочерьми отправилась за границу, а его высочество остался в Петербурге и в продолжение ноября и декабря занимался преимущественно сметами морского ведомства на 1857 год. Первоначально смета была составлена в 23 млн. руб. и эта цифра требования сообщена была предварительно министру финансов. Великий князь тщательно пересмотрел смету во всех подробностях с директорами департаментов, стараясь сократить требование до последних пределов возможности, имея в виду затруднительное положение наших финансов, и довел оное до 19 млн. Министр финансов лично благодарил его высочество за умеренность требования ⁶.

В декабре собиравшийся состоявшийся под председательством великого князя Комитет финансов и рассмотрел, между прочим, представление министра финансов о положении наших финансов и видах на 1857 год. Из этого представления следовало, что министр предвидел дефицит в 30 миллионов и указывал на средства, которыми полагал покрыть оный. В то же время смета морского ведомства была ассигнована, и великий князь, оставив управляющему министерством инструкцию для управления морскою частью, 25 декабря отправился за границу. Его высочество поехал чрез Динабург, где был задержан переправой, причем дормез его, к счастью пустой, провалился сквозь лед. Из Динабурга его высочество поехал в Кенигсберг, оттуда в Берлин и Ганновер, куда прибыл накануне нового 1857 г. и где встретил год с великой княгиней. Из Ганновера он ездил в продолжение января в Берлин, Ольденбург, Альтенбург, Дрезден и Веймар и везде был принят владетельными особами, связанными с ним более или менее родством, радушно и со всеми почестями, которые принадлежали его сану. В Ганновере, он занимался делами морского управления, которые привозили ему из России фельдъегеря, и делами по нашим заказам за границей, с которыми являлись к нему из Франции вице-адмирал граф Путятин и капитан 1 ранга Лисянский. Сверх того, он рассмотрел в продолжение этого времени многочисленные ответы, поступившие со всего флота на 90 вопросов, разосланных по флоту по его приказанию и касавшихся разных специальных частей морской службы. По этим ответам последовало множество резолюций, которые были сообщены тогда же в Петербург для исполнения. Предполагая съездить в продолжение лета и осени 1857 года на Волгу, Кавказ и в Черное море и желая извлечь из этого путешествия всевозможную пользу, великий князь поручил Русскому географическому обществу составить для него путеводитель или род указателя не только предметов, которые следует осмотреть, но и предметов, о которых было бы полезно поговорить с местными жителями и которые они лучше кого-либо в состоянии разъяснить по части местного управления, народных нужд, потребностей, желаний и т. п. ⁷.

В это самое время генерал-адъютант граф Путятин представил князю

в Ганновере записку, в которой, излагая приготовления французов и англичан к войне против китайцев и делаемые ими приспособления большого числа канонерских лодок к океанскому плаванию, указывал на необходимость предупредить их в Китае, и неотлагательно послать туда уполномоченного, дабы прежде прибытия англичан и французов, побудить китайцев признать за нами формальным трактатом право на владение всем левым берегом Амура и Приморскою областью на правой стороне Амура. Путятин, основываясь на успехе своего посольства в Японию, и испытанном на деле умении обращаться с народами крайнего востока, предлагал себя для исполнения помянутого поручения в Китае. Поступок графа Путятина доказывал большое самоотвержение, ибо независимо трудности дела, которую он надеялся преодолеть, он оставлял в то время жену свою в Париже, большую после родов, в положении весьма горестном. Потеряв зрение одним глазом, она со дня на день хуже видела другим. Путятин нежно любил жену свою и потому поступок его заслуживает полного уважения. Великий князь, пораженный его доводами, немедленно отправил нарочным курьера в Петербург к государю с письмом, в котором подкреплял предложение Путятина, и вследствие этого состоялась командировка сего адмирала в Китай. Он был вызван по телеграфу в Петербург, и приезжал к великому князю в Дрезден для получения последних приказаний.

В феврале великий князь отправился из Ганновера чрез Франкфурт, Дармштадт, Карлсруэ, где познакомился с невестой великого князя Михаила Николаевича принцессой Цецилией Баденской, Штутгарт, где провел два дня у сестры своей великой княгини Ольги Николаевны, в Базель, Берн и Женеву, где провел сутки у сестры своей великой княгини Марии Николаевны. Отсюда его высочество поехал в Турин и Геную. Здесь он нашел нашу эскадру, состоявшую под флагом контр-адмирала Беренса из винтового корабля «Выборг», винтового фрегата «Палкан», парусного фрегата «Кастор» и парохода «Олаф»... Осмотрев эти суда, генерал-адмирал отправился на «Олафе» в Ниццу и прибыл туда 17 февраля в последний день нашей масляницы. Здесь великий князь нашел императрицу Александру Федоровну, которая занимала прелестную виллу Avigdor, великую княгиню Ольгу Николаевну — в вилле de Orestis и великую княгиню Елену Павловну — в вилле Bergmond. Великий князь поселился в Ницце весьма скромно в трех комнатах третьего этажа дома Lavi возле виллы Avigdor, и провел весь великий пост и первый день Пасхи почти беспрестанно с родительницей своей. Здоровье императрицы видимо поправлялось и прежние опасения на ее счет казались напрасны. Великий князь приходил к императрице каждый день к утреннему кофе, потом сопровождал ее во всех прогулках, обедал с ее величеством и проводил с нею вечер. В продолжение этого времени его высочество уходил на 10 дней в море с нашей эскадрой и посетил Специю и остров Эльбу. В те немногие часы, когда он оставался дома в своей комнате, он просмотрел замечания, полученные со всего флота и от многих других ведомств, на проект учреждения Морского министерства, составленный в 1856 г. юрисконсульту Морского министерства бароном Врангелем и разосланный для рассмотрения. Но основании этих замечаний великий князь составил совсем новый проект на других началах и отправил его в Петербург для печатания и рассылки вновь разным лицам на обсуждение.

Во время пребывания своего в Ницце великий князь получил из Петербурга от государя императора, от великого князя Михаила Николаевича и от члена Государственного совета тайного советника Тенгоборского весьма прискорбные известия о состоянии наших финансов. Выше сего было сказано об успокоительных представлениях министра финансов, сделанных в декабре 1856 года. В январе 1857 г. тайный советник Тенгоборский, не доверяя этим представлениям, занялся подробными исчислениями и вывел, что в продолжение последней войны государственный долг наш возрос на 566 млн., что обеспечение звонкою монетою и слитками бумажных денег уменьшилось на 55 $\frac{1}{3}$ %, что дефицит 1857 г. предвидится в 64 млн., а не в 30 млн. и что на средства, которыми министр финансов полагал покрыть его, рассчитывать нельзя. Из этого следовала явная необходимость принять неотлагательно самые решительные меры к сокращению расходов как в 1857 году, так и в 1858-м, ибо в противном случае государственное банкротство было неминуемо. Государь решался уменьшить значительно не только армию, но даже гвардию и предлагал портфель министра финансов адмиралу князю Меншикову и генерал-адъютанту

Чевкину. Оба отказались, и министром финансов остался тот же статс-секретарь Брок, который впрочем и сам просил уволить его от этой должности. Государь, описывая великому князю бедственное положение финансов, просил его как брата и друга помочь ему в этих обстоятельствах и значительно сократить морской бюджет как в 1857 году, так и на будущий год. Тайный советник Тенгоборский писал великому князю о том же и прислал ему подробную записку, из которой ясно следовало, что мы находились на краю гибели. По расчетам его выходило, что бюджет Морского министерства следовало сократить еще на 5 млн. и вместо 19 млн., которые были обещаны и за умеренность коих благодарили, получить только 14 млн. руб. И этот результат был сообщен в конце марта, когда морское министерство с декабря имело право рассчитывать на 19 млн. Важность обстоятельств не позволяла задумываться и великий князь тотчас же решил по морскому ведомству на меры героические. Отказавшись немедленно от тех 8 тыс. руб., которые он сам получал по управлению морским ведомством, он предписал управляющему Морским министерством сделать следующие распоряжения: 1) отменить на 1857 г. вооружение и плавание парусных судов; 2) отменить на 1857 г. посылку эскадры в Средиземное море; 3) рассрочить платежи по разным заказам и многие заказы вовсе отменить; 4) уволить из флота сколько возможно более нижних чинов, оставив только потребное число для комплектования паровых судов, но не парусных и т. д. и 5) представить предположение всяких других сокращений, дабы буде возможно довести оные до суммы 5 млн. Известие о подобных распоряжениях великого князя произвело в Петербурге весьма выгодное впечатление и многие лица почувствовали к нему глубокое уважение, ибо видели весьма ясно, что он жертвует в настоящем случае общей государственной потребности осуществлением своих прекрасных предначертаний по морскому ведомству и желанные им столь горячо улучшения по флоту отлагает на неопределенное время. Надобно сказать, что пожертвование это было весьма прискорбно для великого князя и крайне огорчало его.

Сообщая государю свои предложения о сокращении расходов по морскому ведомству, великий князь в то же время указывал на необходимость открытия новых источников государственных доходов и писал министру иностранных дел князю Горчакову, что с этою целию было бы весьма полезно продать правительству Северо-Американских штатов наши владения в Северной Америке и что это было бы тем удобнее, что в настоящее время доход Штатов превышает расходы их и что у них остается в год 22 млн. долларов, с которыми они не знают, что делать, и что известно, что Соединенные Штаты непременно желают соединить под своею властью всю территорию Северной Америки и, конечно, если займут наши владения силой, то мы не будем в состоянии ни воспротивиться этому, ни возвратить нашу собственность и потому даже благоразумие требует продать оную.

Головнин сопровождал великого князя во всем этом путешествии и таким образом имел случай близко видеть многие небольшие германские дворы и жил во дворцах и замках владетельных особ. Впечатление, которое он вынес из них, было грустное. Ему казались странны обряды старинного придворного этикета и парады войск, и слишком огромны расходы, которые на все это требовались. Ему казалось, что придет время, когда народы поймут, что эти миниатюрные монархи слишком дорого им обходятся, а пользы не приносят, а что армии, на которые тратится столько денег, не в состоянии защитить отечества. Путешествия эти были для него крайне утомительны, ибо с необходимостью исполнять светские придворные обязанности, у него еще соединялся кабинетный умственный труд по делам, которыми великий князь продолжал заниматься. Поэтому Головнин не многое мог видеть в местах, которые посещал.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Впоследствии сумма эта дошла до 1 400 000 руб.
2. С 1829 по 1855 год, т. е. в 27 лет, взято с народа для одного флота 108 737 рекрут, из коих только $\frac{2}{3}$ были обращены в настоящую морскую службу, а $\frac{1}{3}$ для постороннего труда, или в так называемые нестроевые, и, следовательно, более 34.000 человек были отвлечены от правильного вольного труда.

3. Суждения происходили по-французски. Великий князь находил, что лучше всех выразился князь Михаил Семенович Воронцов. Военный министр князь Долгоруков сказал, что для продолжения войны в тех огромных размерах, которых следует ожидать от возрастающего числа врагов наших у нас не достанет пороха и нет возможности приготовить достаточное количество. Граф Блудов, выходя из кабинета государя и продолжая доказывать, что народная честь требует продолжения войны, сказал: «Quand on n'a plus d'armes on se defend avec ses ongles» («Когда больше нет оружия, защищаются ногтями» — *Сост.*)
4. Рейтерн, по выходе в декабре 1837 г. из Царскосельского лицея, где получил чин IX класса и серебряную медаль, поступил на службу в Министерство финансов и служил несколько лет в канцелярии по кредитной части. Затем служил в Министерстве юстиции и, имея много свободного времени, продолжал заниматься любимым своим предметом — финансами, много читал и при неоднократных поездках по России старался изучать экономические условия края. Когда великий князь Константин Николаевич вступил в управление Морским министерством, Рейтерн обратил на себя внимание его высочества статьями своими об иностранных морских бюджетах, напечатанными в «Морском сборнике» и получил приглашение перейти на службу в морское ведомство. Здесь великий князь употреблял его на разные ревизии по счетной части. Во время службы по Министерству юстиции и Министерству морскому Рейтерн побывал с разными поручениями в Риге, Киеве, Крыму, Москве, Астрахани, Архангельске и на Нижегородской ярмарке. Следовательно, он имел случай узнать разные края России. Великий князь, заметив его специальные знания и способности, испросил ему командировку на несколько лет в Германию, Францию и Америку для изучения финансов этих стран. Рейтерн воспользовался этим, чтоб познакомиться преимущественно с кредитною частью, которая получила в последнее время огромное развитие и значение. По возвращении в Россию он был назначен членом разных финансовых комиссий, управляющим делами высшего Финансового комитета, а в начале 1862 г. министром финансов. Замечательно, что для этой должности не находилось лица, специально подготовленного в самом Министерстве финансов и надобно было искать в числе лиц, окружавших великого князя Константина Николаевича.
5. Любимое чтение Головнина было чтение сочинений исторических. Он с лицея еще помнил слова Цицерона об истории: «Testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustatis... Nescire quid arte quam natus sis acciderit id est semper esse puerum...» (Свидетельница времен, свет истины, жизнь памяти, учитель жизни, вестница старины... Не знать, что случилось до моего рождения — значит всегда оставаться ребенком. — *Сост.*)
6. Военное министерство поступило в то же время наоборот. Потребовав сначала только 80 млн. руб., увеличило свою смету еще на 13 млн. и потребовало 93 млн.
7. Путеводитель этот был составлен и напечатан, но путешествие его высочества не состоялось и он послужил впоследствии наследнику Николаю Александровичу при его путешествии по России.

Примечания публикаторов

- I. Далее опущен текст: «Общий взгляд на административную деятельность», в котором говорится о трудолюбии великого князя, о его занятиях по сметам Морского министерства на 1854 г. и о передаче Департамента корабельных лесов из Морского министерства в Министерство государственных имуществ. (ф. 851, оп. 1, д. 4, лл. 126 об. — 129 об.).
- II. Далее опущен текст: «возвращение недоданного добавочного жалованья морским офицерам», перемены в личном составе (именные), устройство в учебные заведения пенсионерками дочерей малоимущих офицеров (ф. 851, оп. 1, д. 4, лл. 131—133).
- III. Далее опущено: «Поручения данные великим князем разным лицам» (ф. 851, оп. 1, д. 4, лл. 133 об. — 135 об.).
- IV. Стихи С. П. Шевырева опущены, и далее опущен текст о составлении отчета за 1853 г. (ф. 851, оп. 1, д. 4, л. 142—145 об.).
- V. Военный орден св. Георгия. Учрежден 26 ноября 1769 г. для награждения воинских чинов «за храбрость, ревностность и усердие к воинской службе и для поощрения в военном искусстве». С 15 мая 1855 г. награждение производилось «единственно за особое мужество и храбрость и отличные воинские подвиги». Орден имел 4 степени. Им награждались лишь офицеры, генералы и адмиралы. Для награждения нижних чинов за храбрость 13 февраля 1807 г. был учрежден Знак отличия Военного ордена (с 1913 г. — «Георгиевский крест»), также имевший 4 степени.

- VI. Путятин Ефимий Васильевич (1803—1883 гг.), адмирал, генерал-адъютант. В 1852 г. был командирован с экспедицией в Японию, где, несмотря на препятствия и политические затруднения вследствие разрыва Англии и Франции с Россией, сумел заключить в г. Симодэ, в январе 1855 г., выгодный для России торговый трактат, открывавший русским купцам японские порты. По возвращении из этой экспедиции, важной и в научном отношении (участниками ее было сделано описание восточных берегов Кореи и южных островов группы Бопим-Сима) Е. В. Путятину был пожалован графский титул.
- VII. Орден Белого Орла — первоначально — один из старейших польских орденов, учрежденный в 1325 г. С 1815 г. с присоединением Царства Польского к России Александр I стал сначала награждать этим орденом польских граждан, а 17 ноября 1831 г. орден Белого Орла причислен к российским орденам. Награждение производилось за воинские подвиги и государственную службу.
- VIII. Согласно «Табели о рангах» 2 классу соответствовали чины: в армии — генерала (так называемый «полный» генерал с указанием рода войск: генерал от кавалерии, генерал от артиллерии, генерал от инфантерии, инженер-генерал), во флоте — адмирала, на гражданской службе — действительного тайного советника.
- IX. Орден св. Владимира. Учрежден 22 сентября 1782 г. Имел 4 степени. Высшей была первая степень. Награждение производилось за воинские подвиги и государственную службу.
- X. Орден св. Апостола Андрея Первозванного — первый по времени учреждения (учрежден Петром I в 1698 г.) и высший среди российских орденов. Награждение производилось за воинские подвиги и государственную службу. Орден имел знаки: крест, шелковую, муаровую голубую («андреевскую») ленту, надеваемую через правое плечо, восьмиконечную звезду и золотую цепь. С 1797 г. орден украшался бриллиантами, что означало высшую степень ордена.
- XI. Эмеритальная касса. От латинского — *emeritus* — заслуженный. Эмеритура — в дореволюционной России — специальная пенсия уволенным в отставку государственным служащим и военным, пособие их вдовам и сиротам из сумм эмеритальной кассы, средства которой составлялись из обязательных отчислений от жалованья государственных служащих и военных.
- XII. Кантонисты (от немецкого — *kantonist* — военнообязанный). В 1805—1826 гг. в России кантонистами называли солдатских сыновей, со дня рождения числившихся за военным ведомством. По достижении 18 лет кантонисты зачислялись в солдаты на 20 лет.
- XIII. «Глава старой русской партии, партии войны».
- XIV. Согласно этому договору, подписанному 30 марта 1856 г. в Париже после поражения России в Крымской войне, она лишалась устья Дуная и части Южной Бессарабии. Черное море объявлялось нейтральным. Россия и Турция лишались права иметь на Черном море военный флот и военно-морские арсеналы. Подтверждался принцип закрытия проливов для военных кораблей иностранных держав, но Турция получала право пропустить легкие суда дружеских держав. Россия возвращала Турции Карс в обмен на Севастополь и Балаклаву, захваченные союзниками. Договор содержал и ряд других ограничений для России. В 1870 г. она отказалась признавать ограничительные статьи этого договора и добилась восстановления своего суверенитета на Черном море. После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. система международных отношений, установленных Парижским мирным договором, была коренным образом изменена.

ИСТОРИКИ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

Дневник Николая Михайловича Дружинина

1921 год

1.1.

Первый день Нового года — обычное желание обновления и совершенствования. Под впечатлением вечера, посвященного вооруженному восстанию, воспоминаниям о 1905 г., удачного доклада и похвал окружающих — оживившийся интерес к современности, тяга к книге Бухарина, желание успеха начинающему хозяйственному творчеству.

По-прежнему я далеко не коммунист, считаю утопичными многие из пунктов программы, безобразными и нецелесообразными — многие из действий власти. Стою на независимой позиции — в идейных предпосылках и практических выводах, одинаково далекий от последовательного большевизма (в его современной форме) и всякой контрреволюции (открытой и замаскированной). Но я уверен, что мы уже начали изживать период распада, что силы жизни берут перевес, что только коммунисты, одухотворенные великой идеей, способны идти вперед и преобразовывать ломающуюся жизнь в союзе с примыкающими к ним элементами. Мир преобразовывается; начался великий и долголетний кризис, и мы — одно из звеньев в этой развертывающейся цепи событий. Логика естественно-экономического процесса возьмет свое, и немало уступок сделает современная власть под напором настоятельных потребностей дня. Но ломка старых экономических устоев неизбежна и совершается не только у нас, но и на Западе. Промежуточные течения потерпели полное банкротство и не могут служить никакой точкой опоры. Жизнь — за тех, у кого сила, воля и бодрость; энергия и подъем РКП — показатель жизнеспособности и победоносности ее основных идей, оправдание и объяснение ее деятельности. Невольно и постоянно я прибегаю к аналогии из времен Великой французской революции: диктатура якобинцев, ее творческое значение и великая историческая роль прекрасно объясняют современную фазу развития.

Я вижу развертывающийся перед собой процесс творчества, меня увлекает широкая и своеобразная постановка очередных задач, от всей души, сознательно и действительно, я сочувствую новой хозяйственной ориентации власти. Я хочу жить, работать и идти к будущему. И несмотря на все преступления, недостатки и промахи коммунистов, односторонне-мрачных и беспощадно-жесточких, я хочу идти с демократией и во имя демократии, следовательно, с коммунистами и под руководством коммунистов. Конечно, это не исключает возможности многих разногласий и отречения от того, что противоречит очевидным доводам разума и нравственным требованиям сердца. Но это налагает на меня моральное обязательство «выпрямить» свою политическую линию, то есть быть яснее и решительнее в выражении

Продолжение. См. Вопросы истории, 1995, №№ 9—12; 1996, №№ 1—4, 7.

своих мнений, стараться избегать той двойственности, которая бывает у меня при соприкосновении с представителями различных лагерей.

В первый день Нового года хочется не только подвести итоги, но и наметить задачи будущего. Пока я связан с Военкоматом и 7 час. в сутки посвящаю административной работе, моя научная работа должна ограничиться подготовкой к лекциям в Костромском университете. Параллельно идут занятия иностранными языками, усложнение курса по истории революционного движения, составление курса по истории социализма, и, наконец, занятия современностью. В эту «программу» врывается светлый образ, который пробуждает в моей душе давнюю мечту о личном счастье, о женской ласке, о семье. Но ее отношения ко мне так неясны, ее недуг и современные условия жизни так осложняют вопрос о нашем сближении... Пока я не решаюсь ставить перед собой этого вопроса. А там — пусть будет, что будет!..

2.I.
Вчера, в первый день Нового года, — два заметных впечатления: посещение Гали Филатьевой (она обрадовала меня бодростью духа и оживившимся интересом к современности) и спектакль Худ[ожественного] театра (я был там с О. Н.). Впечатление из театра я вынес самое грустное: пьеса «На всякого мудреца», когда-то блиставшая сочностью исполнения, значением общественно-исторического момента, поблекла и потеряла прежнюю яркость; Ершов после Качалова — одно недоразумение!.. О. Н. была бледной и утомленной; в черном платье, плотно облегавшем ее изящную фигуру, с открытой шеей и вьющимися локонами — она была обвеена духом страдания. Возвращаясь, я убеждал ее уехать — отдохнуть и полечиться, но она сдержанно и упорно отклоняла все мои советы. Волну сочувственного страдания, охватившую меня, ощущаю я до сих пор.

3.I.
Сильный мороз. В комнатах, в Военкомате — холодно!.. Только и слышишь о заболеваниях. Неприветно и тяжело. Чувствую утомление и неудовлетворенность.

7.I.
Первый день Рождества. Я встретил его, как раньше, «в своем кругу»: чужом, бесхитростно-простом гнезде, к которому прилепился как одинокий холостяк. Милая Елизавета Петровна, как всегда, своими хлопотами, заботами и искусством хозяйки вносила уют и тепло; первый раз мы отметили сочельник устройством елки, небольшой, но хорошенькой, пышно-зеленой. Леля укрепил ее на подставке, и мы разукрасили ее яблоками, крендельками, конфетами, рождественскими открытками. После праздничного ужина зажгли 9 свечей, укрепленных на зеленой хвое, и они оживили комнату своим теплым и мягким светом. Когда зазвонили рождественские колокола, я почувствовал Рождество «по старой памяти», хотя влечение к «семейному» и к традиции у меня значительно ослабело сравнительно с двумя последними годами — годами личного аполитизма и реакции (антиобщественное настроение, разрыв с современностью или резкая оппозиция ей всегда увеличивает притягательную силу семьи — этого последнего прибежища, смягчающего душевные раны).

Вчера у меня было новое чувство — горькой грусти при воспоминаниях об О. Н.; ее образ неотступно носится передо мной, все время думалось о наших последних встречах, ее неясно-сдержанном отношении, невозможности увидеться и неудаче с моим подарком; она чуждается меня, желания видеть меня и сблизиться со мной у нее нет; даже на вечер, где она декламировала, она не пригласила меня; желание освободиться на две недели перевесило в ней все остальное; А. Б. явился ходатаем за нее, устроившим ее отпуск. Зачем же быть навязчивым, непрошенными заботами — быть может, назойливыми и тягостными — унижать себя?.. И я отбросил взлелеянную мысль — о посылке ей поздравительного письма и сочинений Ибсена, постарался затушить неотступную мечту о возможном сближении. Пусть наши отношения останутся отношениями хороших знакомых — и только; не надо подчеркивать своего внимания и заботливости; если в ней есть чувство симпатии, оно подскажет ей, что нужно делать. И все-таки... было щемяще-грустно, и мысль возвращалась к одному и тому же. Греясь перед пылающей печью, закутанный в шубу, я мысленно составлял ей откровенное письмо, которое никогда не будет написано, и чувствовал страстное желание — сделать ей приятное, смягчить остроту ее страданий... Каждую минуту моего времени, не занятого книгой или делами, я думаю о ней — днем и ночью, просыпаясь и засыпая...

10.1.

Промелькнули дни отдыха, свободного, ни чем не стесняемого чтения и посещения старых знакомых. С сегодняшнего дня — снова служебная лямка, толпы посетителей и вечерние занятия — урывками... Мне всюду были рады — у Мензбир, у Голубцовых, у Филатьевых... Любовное отношение Люли и Гали Филатьевых, их дружеская откровенность тронули меня, но тягостное впечатление их душевной надломленности, уныния, неуверенности в себе осталось после поездки.

Сегодня я чувствую себя примиренно-грустно. Была О. Н. (я ждал ее прихода и предчувствовал его), она казалась взволнованной — она угадывала причины моей сдержанности. Наш короткий деловой разговор, после обмена рукопожатиями, прощаясь, она заключила приглашением к себе, в гости... Что это — порыв навстречу или желание смягчить и сгладить впечатление последних дней?

14.1.

Первый день «старого» нового года. День моего рождения, о котором мне напомнил С. П. Мне — 35 лет! Прожито больше полжизни, прошла вся молодость, полная труда и невзгод, не озаренная лаской любви и личного счастья... Что впереди?.. Такая же суровая и тяжелая «школа», тысячи препятствий на пути к поставленной цели и личное одиночество. Не нужно жаловаться, не надо тосковать! В сознании сделанных достижений — источник моей бодрости и силы. Нужно стремиться вперед и завоевывать будущее!

Я — дома несмотря на будний день. Простуда и острые желудочные боли приковывают меня к квартире. Я не прочь «отдохнуть» за подготовкой к лекциям, плохо одно — из-за боли я не мог пойти к О. Н. А как я ждал этого вечера, как надеялся на нашу откровенную беседу! Сколько мягкого и светлого тепла разливает вокруг меня ее прелестный девический образ! Мое влечение к ней глубоко и нежно, в мечтах мы — вместе, соединенные и слившиеся на всю жизнь. Меня не пугает ее болезнь, предстоящие трудности, новые заботы. В нашем союзе, в нашей любви я почерпнул бы новые силы для предстоящей борьбы и лишений.

16.1.

Вчерашняя встреча с О. Н. — мимолетная встреча на лестнице ее квартиры — наполнила меня настоящим ощущением счастья. Она была так прекрасна, — в светлом простом костюме, в изящной позе, с обворожительно приветливой улыбкой на устах!.. От нее веяло жизнью, теплом и любовью. Она была со мной так ласкова!..

Я не остался, считая это невозможным: в доме — тяжело больна, при смерти, ее мачеха. Но этих нескольких минут было достаточно, чтобы создать в душе ощущение высокого подъема. Я почувствовал прилив настоящей глубокой любви, и все остальное — моя наука, мои познания, моя «общественность» — потускнели и сжались в свете этой внешней и внутренней красоты. Какая радость — стать достойным ее любви и стать с ней близким на всю жизнь!.. Без колебаний, без сомнений я сделал бы этот выбор, хотя бы... ценою уступок своим научным планам!

Сегодня, на саночках, я перевез от Мензбир часть своих вещей — тетради и записи университетских лет, письма ко мне и от меня, альбомы, фотографические снимки. Начал разбирать — и белая полоса моей жизни воскресла в воспоминаниях; тяжелая полоса аскетического самоотречения, суровой житейской борьбы, упорного впитывания знаний и прорывавшихся сердечных порывов к людям. Мне тяжело вспоминать мою молодость: в ней слишком много книжности, холодного стоицизма, подавленных стремлений; борьба за существование и сознательный отказ от «полноты» жизни во имя ее «цельности» сужали и леденили впечатления. Правда, ценою этих тяжелых усилий я приобрел знания, умственное развитие, возможность заниматься любимым делом. «Даром ничто не дается, судьба»... и т. д. И все-таки не хочется вспоминать это прошлое, это состояние обособленности и обреченности; настоящее несмотря на кризис, оскудение и пр. кажется полнее и лучше.

22.1.

Вчера я был на партийной дискуссии в Большом зале Консерватории: собрание было созвано М[осковским] К[омитетом] и заключало в себе цвет московских коммунистов. На это интимное собрание, из своих, я прошел с удостоверением Агитотдела. Длиннейший хвост чающих доступа, растянувшийся по Никитской; тщательная проверка входных и партийных билетов; в вестибюле — часовые с винтовками; зал ярко освещен и полон живой, но сдержанной толпой — рабочих, красноармейцев, интеллигентов, на которой лежит особый отпечаток сухого и суро-

вого демократизма. Мелькают знакомые лица. На эстраде медленно собираются признанные вожди. Собрание открывается с опозданием на два часа. Председательствует Каменев. Докладчики — Зиновьев и Троцкий, их дополняют представители различных точек зрения, на которые раскололась еще недавно крепко спаянная, единая партия. В речах ораторов, в настороженном внимании переполненного зала, в горячих аплодисментах чувствуется горячее биение жизненного пульса. Расколовшиеся вожди апеллируют к массе; в воздухе носятся слова о болезни и кризисе партии, о возможности ее раскола; цитируют статью на эту тему Ленина, только что опубликованную в «Правде»; сталкиваются различные принципиальные воззрения, и к этим идейным разногласиям примешивается уязвленное самолюбие отдельных личностей и полемический задор увлекающихся противников.

Дипломатическая позиция Зиновьева, выражающая воззрения Ленина и других вождей из Ц. К., — обща и расплывчата; его длинная речь, произнесенная тонким охрипшим голосом, была защитой «рабочей демократии» против идеи «перетряхивания»; речь Троцкого была ясна, последовательна и сильна; он дополнял ее резкой и несколько угловатой жестикуляцией, много оправдывался и старался перевести вопрос в новую плоскость — изжитие кризиса профсоюзов и их усиления на новой основе — «производственной демократии». Интересную и своеобразную струю внесла «рабочая оппозиция» с ее синдикалистским уклоном, борьбой против бюрократии и государственности (по-видимому, это — то скрытое, могущественное течение, которое оказывает решающее влияние на группировки вождей). Остроумно, ярко и внутренне-последовательно говорил Рязанов, правильно формулировавший марксистскую точку зрения на профсоюзы. Выступление Ногина отразило оппозицию советских главков против синдикализма масс; речь Томского — оппозицию передовых рабочих против советского бюрократизма.

Почему этот вопрос стал «роковым», вызвал такую страстную и резкую полемику, такое принципиальное расхождение, такое обилие статей, собраний, тезисов и платформ? Троцкий поставил точку над «I»: в его проекте огосударствление профессиональных союзов получило логическое завершение; профсоюзы как независимая организация рабочей массы обречена на гибель, она мертвоет под гнетом давящей государственности, которая поглощает в себе все проявления жизни. Эта государственность, эта диктатура была необходимым условием победы, теперь против ее уродливых и давящих проявлений выступает «рабочая оппозиция», несущая в себе живое начало массового творчества; против комиссарства, назначенства, приказов сверху поднимается волна демократической оппозиции, которая желает воскресить старые заветы, а частью таит в себе анархические задатки. И главные вожди испугались грозящей перспективы — разрыва с передовым авангардом, а вместе с тем и с беспартийной массой. Отсюда — отбой, реакция и половинчатая позиция «дипломатов», Ленина и Зиновьева.

Гражданская война прервалась, наступил период «мирного хозяйственного строительства», самый опасный для коммунистической партии, когда в процессе приспособления к отсталой русской действительности, в мучительных колебаниях, метаниях и кризисах, она должна изжить ошибки и крайности своей программы. Она вобрала в себя живые силы рабоче-крестьянской демократии, и эта молодая сила должна перебороть эти внутренние трения. А там?.. Там новая грозная опасность со стороны капиталистического Запада, вопрос о хозяйственном взаимодействии противоположных миров, о давлении со стороны передовых экономических стран.

30.1.

В моем положении намечается перемена, которая обещает мне освобождение от томящей, поглощающей силы административной работы. Политпросветотдел Военкомата растворяется в Губполитпросвете, сливаясь с Моно и другими органами. Филимонов предложил выставить мою кандидатуру в помощники на[чальника] агитационного отделения. Я просил освободить меня от этого, ссылаясь на предложение из Архива снова вернуться на прежнюю работу (на этот раз в Архив XIX в. и Октябрьской революции). Филимонов согласился. Труднее было убедить Л. А. Воскресенскую, которая настояла на том, что я останусь консультантом и лектором. О службе в Архиве я вел переговоры с Максаковым, который должен был поднять вопрос в коллегии (возникает вопрос о моем офицерстве и поездках в Кострому...). Я лично предпочел бы, не поступая в Архив, остаться штатным лектором Губполитпросвета. Так или иначе, намечается желанный перелом в моей жизни — возможность более полно отдаться научной работе.

В среду я был у Корша с О. Н. (она пригласила меня накануне, в Комиссариате). Шла пьеса «Сирано де Бержерак» Ростана — поэма нежно-рыцарской любви и одиночества, настоящая французская пьеса, неглубокая, но увлекательная, проникнутая культом чести и обожания женщины. Меня волновала близость О. Н.; она была так мило-ласкова со мной. Мы возвращались обратно, дружески беседуя о театре (наша обычная тема при встречах). Вчера она пришла в Военкомат после бессонной ночи, проведенной у изголовья больной мачехи; пришла измученная, но бодрящаяся. Она изнемогает под тяжестью семейных забот и непрерывного труда, ее нервы расшатаны, но она сдерживается и мечтает о будущем. Меня мучают ее страдания, томит неизвестность — о любит она или не любит? Порою кажется, что да, порою кажется, что нет. Она то приближается, то отдаляется от меня; я ловлю проблески симпатии и мягкой ласки, которые сквозят в ее речах и взоре; но моментами она принимает сухой и холодный тон,.. кажется недоступной принцессой, которой нужен молодой и веселый принц, которой серо и скучно в окружающей обстановке... Неотступно преследует меня ее образ, мечта о жизненном союзе с этой прелестной девушкой толкает на решительное объяснение. Как бы мне хотелось помочь ей, освободить ее от гнетущих забот, от подневольного труда — для любимой неторопливой работы во имя искусства!..

20. II.

Моя последняя поездка в Кострому была удачнее предыдущей: несмотря на проблемы в моей подготовке, лекции и семинарии прошли хорошо — содержательно и с подъемом. Образовался кружок студентов и студенток, которых интересует мое изложение и наши совместные практические занятия. Главное — они работают: изучают первоисточники, представляют письменные рефераты; образуется живая внутренняя связь, которая дает глубокое нравственное удовлетворение. Идеология декабристов оживила мои студенческие занятия, которые я «округлил» изучением Пестелевской конституции. Правда, моя подготовка была торопливой и недостаточной, но все же мне удалось внести творческую струю в свои объяснения, раздвинуть научный горизонт моих слушателей. Они отзывались живо и самодеятельно, завязывая оживленный обмен взглядами, углублялось понимание сухих юридических формул. В частной беседе после одной из лекций — в уютном кабинете педагогического факультета — невольно перешли на современность. Моя утешительная бодрость встречала возражения, одна из студенток уличила меня в «коммунизме», но остальные — живая молодежь — слушали сочувственно, и мы расстались добрыми друзьями.

В квартире Вожинского я чувствовал себя спокойно и уютно, защищенный от бедствий нашего времени: было тепло (даже жарко), питали меня более, чем достаточно, «по-буржуйски». А кругом — тихая провинциальная жизнь на фоне красивой зимней природы — синее небо, яркое солнце, белый ослепительный снег... Особенно красивы были утренние и вечерние зори, с переливами голубого и розового снега. Хотелось оставить книги, идти на Волгу, бродить по улицам, любоваться старинными особняками и чудными храмами города. Но книги держали меня прикованным к моей маленькой комнате, и только урывками, ходя в Университет, я ловил освежающие впечатления бодрящего зимнего дня. Уехал из Костромы нагруженным, и только с помощью нанятых санок доставил на квартиру свой объемистый багаж.

Зато Москва встретила меня угрюмо и неприветливо — холодной квартирой, известием о болезни Лели (он слег в больницу от воспаления легких) и общим пониженным настроением. Все — под впечатлением нового неожиданного кризиса, который перепутал все расчеты и резко изменил мирную ситуацию налаживающейся жизни. Острый недостаток топлива, приостановка и перерывы железнодорожного движения, сокращение подвоза, отмена пайков всем служащим военных и гражданских учреждений... Рухнули недавние утешающие перспективы, и обнаружился полный крах «планомерного хозяйства». Эта крутая перемена совпала с усилением морозов, с развитием болезней и с окончательным закрытием свободного рынка. Чувствуется острый, еще небывалый ранее недостаток во всем необходимом, цены взвинтились страшно, всюду — глухая или явная оппозиция, обывательские толки «о близком перевороте», слухи о южных восстаниях, об усиливающемся брожении в деревне. Даже в советской прессе говорят о наблюдающемся утомлении и апатии. Рабочие волнуются, вспыхивают стачки, и будущее окутывается мрачной тенью.

Я не сдаюсь перед этой психической реакцией, чувствую себя бодро, стараюсь развить энергию в Военкомате и стойчески переношу 4—5°-ную температуру в наших комнатах (как на грех, все мои занятия сосредоточиваются теперь дома). Но что будет дальше?..

Наше служебное слияние тормозится внешними препятствиями (отсутствие дров в Моно), болезнью нашего начальства, а главное — полным отсутствием какого бы то ни было плана. Задумана широкая реформа — объединения всей просветительной работы в центральном руководящем органе, даны директивы «сливаться», но никаких инструкций, указаний, никакого руководства. Во всем — разброд, бессмысленное метание из стороны в сторону и полная неосведомленность. Мы начинаем «сливаться» снизу — взаимной информацией о работе различных просветительных органов. На днях было собрание в Моно, и мой доклад несмотря на все пробелы нашей работы произвел впечатление. Могло ли быть иначе? Повсюду — в Моно, в ГСПС, в С. М. — почти пустое место. На собрании участвовала молодая коммунистка Додонова, которая произвела на меня впечатление умной, одухотворенной, энергичной девушки, с которой приятно и легко работать; в ней чувствуется живая вера, и ей чужда эта мертвящая могильная реакция.

Мое личное положение оказывается неопределенным, тем более, что в Архиве дело не выгорает. Максаков уже виляет, ссылаясь на мои поездки в Костромской Университет. И я не особенно форсирую «события»: весна не за горами, политическое положение неопределенное, а 1-е апреля — день проверки военно-обязанных. Мне мало улыбается перспектива — уйти из Военкомата и попасть на строевую службу.

О. Н. больна и не была вчера в Комиссариате. Наши последние встречи были такими ласковыми и радостными! Я чувствовал ее симпатию, и мне было хорошо. Меня влечет к ней все сильней и сильней. Ее болезнь не ослабляет, а укрепляет мою привязанность. Я не могу о ней не думать, и если бы ее не было в моих мыслях и в моем сердце, моя жизнь опустела и обесцветилась бы. Как редко мы встречаемся, и как хотелось бы достигнуть с ней сближения — физического и духовного, полного и безраздельного.

27. II.

Неделя тревоги и страданий — за нее, мою любимую дорогую девушку... При первой вести об ее тяжелой болезни я испытал мучительное ощущение и ясно понял, насколько она близка моей душе, моему сердцу. Бывая у нее, около ее постели, видя ее страдающей, задыхающейся, в борьбе с недугом, я чувствовал одно преобладающее желание — спасти ее, помочь ей! Без колебаний, без рассуждений я был готов все бросить, всем пренебречь, чтобы добиться этой цели. И было так легко и радостно проявлять к ней заботу — в хлопотах о лекарствах, в покупке нехитрых гостинцев, в сношениях с врачами; так радостно сознавать, что ее начинающееся выздоровление отчасти, небольшой долей, обязано и моему участию! Это сознание смягчает тяжесть положения; верится в ее молодые силы, и роковой диагноз («неврастения», «порок сердца», «затронуты верхушки легких») теряет в моих глазах свою безнадежность. Был момент, когда я остро ощутил возможность ее утраты; проснувшись утром, я представил себе картину ее смерти, меня охватила мучительная тоска и слезы неудержимо полились из моих глаз.

Она выздоравливает, то есть смягчается и проходит острая форма ее болезни, но она еще страшно слаба, ей трудно думать, и долгая беседа утомляет ее. Она бывает рада моему приходу, мое участие заметно трогает ее, и наши откровенные и тихие беседы у ее изголовья проникнуты дружеской теплотой. Больная — она так же прекрасна со своим страдальческим лицом, окаймленным золотистыми локонами, неподвижная и мягко-нежная. Она страдает не только телом — болит ее молодая раненая душа, полная таинственных мистических предчувствий. Какая-то гнетущая роковая тайна тяготеет над ее духом, быть может, затаенное ожидание ранней гибели... Но ее душа так чиста и светла, так идеально-прекрасно ее внутреннее нравственно-цельное существо... Готовясь к семинарию в Костромском университете, я занимаюсь сейчас славянофилами и западниками, и впечатление благородной одухотворенности от образов Станкевича, Киреевского, Белинского сливаются у меня с впечатлением от ее физического и духовного облика. Оно — индивидуальное, и сила ее личности — в сердечно-сложной глубине, в той «скрытой чувственно-волевой сердцевине», которая составляет основу нравствен-

ного характера, по верному взгляду Ивана Киреевского. Любовное и чуткое отношение к людям — ее основная черта, которая осложняется невольным сосредоточением на самой себе и в связи с личными страданиями болезненным уклоном в мрачный мистицизм. Мне кажется, что это — временный уклон, одно из проявлений современности, что в своей сокровенной основе ее душа здорова и сильна, что перемена внешних условий и личное счастье вернут ей и бодрость и жизнедеятельность. Любит она или не любит, соединимся мы или нет — я навсегда сохраню к ней глубокое и нежное чувство, и никогда ее образ не потускнеет и не исчезнет в моем сознании.

Ее болезнь заслонила от меня тревожные события дня. Кризис хозяйственный переходит в политический кризис. Рабочие забастовки и демонстрации, брожение красноармейцев, успехи с.-р. — их лозунгов, неопределенность международного положения, банкротство экономической политики соединились вместе, чтобы создать тревожную атмосферу, насыщенную обывательскими слухами и предчувствием возможного переворота, близится весна, которая сулит возобновление гражданской войны; по целому ряду признаков, Европа хозяйственно возрождается, и подъем социальной революции отсрочивается на неопределенное будущее, упадок нашего хозяйства — и сельского, и городского — доходит до кульминационной точки; в рядах коммунистов чувствуется усталость и распад, в рабочик массах — сплоченная оппозиция. Сумеет ли правящая партия путем разумных уступок удержать власть? Или в упорной борьбе за свои принципы она создаст благородную почву для стихийного движения, которое через период мучительной анархии приведет к восстановлению реакции?

«Зеленое Кольцо» во 2-й студии пробудило во мне целый рой воспоминаний и захватило меня силой своего нравственного настроения. Выходя из театра, хотелось воскликнуть: «Да здравствует молодежь, да здравствует жизнь!»

20. III.

Весна, весна!.. Солнце — яркое, теплое — заливает мягкий и свежий воздух; уголок синего неба сияет между каменными громадами стен; чирикают пичуги, слышны детские голоса... В открытую форточку врывается чистая и свежая струя весеннего воздуха, веет молодостью, жизнью и пробуждением! И снова, как раньше, рождается в душе ощущение подъема и света, которое смягчает щемящую боль.

Три недели я не видел О. Н. и, может быть, никогда не увижу ее, не услышу ее ласкового мягкого голоса... После нашей последней встречи у ее постели, после разговора о А. Б. мне стало ясно, что она тяготится моими заботами, что я остаюсь для нее чужим и далеким, что А. Б. к ней ближе, быть может, очень близок... Она просила не приходить к ней и только издали, через него, присылала свои приветы и благодарность. «Благодарю за все, за все», — в этих словах звучали ноты прощания и скрытое желание отстранить мои непрошенные стесняющие заботы.

Я понял, что она меня не любит, не чувствует желанья видеть меня и ощущать мою близость. И снова меня охватило чувство горечи и тоски, вернулось привычное сознание своего душевного одиночества, и натянутая нить душевного напряжения внезапно и больно оборвалась. Но я не могу забыть ее, не в состоянии отогнать ее образ; в воспоминаниях переживаю наши встречи, бесплодно ловлю А. Б., чтобы узнать о ее здоровье (он заметно меня избегает), стараюсь понять ее отношение, моментами ласкаю себя иллюзией и надеждами. Но в общем «свыкаюсь» с мыслью об ее равнодушии, стараюсь заполнить опустевшее сердце впечатлениями мимо текущей жизни и мыслью о научной работе. «Судьба» мстит мне за мою прежнюю холодность, за отвергнутую любовь других! Мне кажется, что с этим чувством — единственным проблеском глубокой и нежной любви — я хороню свою молодость, и впереди — безысходное одиночество и неудовлетворенная жажда личного счастья.

В первый момент я испытал мучительную тоску, полное равнодушие к жизни, спокойное желание умереть; будущее сделалось для меня базразличным, и если бы поднялась кровавая волна, я бросился бы в нее, не раздумывая, «с храбростью отчаяния». Оздоровляющая жизненная волна смыла это первое ощущение; я слишком люблю и жизнь, и людей, чтобы отдаться резиньяции; я чувствую в себе способности и силы, люблю науку, творчество и верю в будущее. Костромская поездка, лекции в Университете, внимание окружающих смягчили остроту первого чувства. Его сменило ощущение мягкой покорной грусти, которая с особенной силой захватила меня на «Анриенне Лекуврер».

Поэтические страдания Андриенны, ее любовь и ревность, ее святая «мечь» и ранняя гибель взволновали и потрясли меня, она и Андриенна слились в моем сознании в один прекрасный художественный образ; глубина и тонкость Андриенны, колебания и переходы ее чистой и светлой души, обвеянной поэзией Корнеля и Расина, нашли сочувственный отголосок в моих собственных чувствах, правда, менее ярких и более примитивных.

Я желаю ей счастья, — быть может, с любимым. И постараюсь ничем не выдать своей душевной горечи. Я никогда не забуду ее, прекрасное сочетание физической прелести и душевной чистоты. И если мне суждено остаться одиноким и девственным, у меня будет утешение и опора: научное творчество и бескорыстная любовь к людям. Я благодарен ей за нашу жизненную встречу, за ее приветливую ласку, за красоту и радость блеснувшего обогащающего чувства, пускай неразделенного, но одарившего меня духовным подъемом последних месяцев. Перед этим богатством бледнеет горечь уязвленного самолюбия и сила пережитой тоски. И снова, как раньше, я кончу бодрым призывом к своей душе: «Es lebe das Leben!» — «Да здравствует жизнь!»

26.III.

Сегодня — день радости и счастья!.. Мы встретились в первый раз после долгой разлуки. Она пришла ко мне на службу — слабая и утомленная, но прекрасная в своем волнении, обвеянная духом перенесенных страданий, изящная и нежная, как всегда. «Вы позабыли меня», — в этих словах, в тоне ее голоса звучала любовь и тревога. И сразу рушились все мои мрачные мысли, вся моя тоска и «отреченность». Я чувствовал такой прилив любви и жалости, такое страстное желание успокоить, утеплить и поддержать ее — мою дорогую, прекрасную, светлую!..

Еще вчера, после беседы с А. Б., я «окончательно» убедился в их сердечной близости, поставил крест на наших отношениях и вынес «смертный приговор» своей «личной» жизни. «В душе было мрачно и холодно, все окружающее казалось серым и обесцвеченным, и только где-то, далеко-далеко в глубине сердца, теплилась слабая надежда. Сегодняшняя встреча воскресила мои надежды, наполнила меня подъемом и бодростью, и все засияло в блеске яркого солнечного весеннего дня. «Как могли Вы подумать?.. Мне будет хорошо, когда Вы придете», — это были ее слова. А в глазах, больших и глубоких, светился затаенный вопрос. Я смотрел на ее уставшее лицо, на изящную шляпу с темною вуалеткою, слушал ее мягкий и слабый голос и чувствовал бесконечную любовь и бесконечную ласку.

В понедельник я буду у нее; я мечтаю об этой встрече, на которой скажу ей о моей любви и всех моих «глупых» мыслях. Но как сделать, чтобы не взволновать ее, не причинить ей вреда?.. Неужели открывается новая страница моей жизни, и это счастье сближения с прелестным существом станет для меня реальной действительностью?

19.IV.

Тоска, тоска!.. Все выяснилось, все определилось — и лишний раз я почувствовал, как сухо и холодно вокруг. Эта любовь не принесла мне новой жизни. Снова и снова я ощутил всю горечь одиночества, всю недоступность иной, богатой, внутренней жизни. «Я уважаю и люблю Вас, но в то же время я люблю другого человека, и не могу сказать, кого из вас люблю я больше». В этих словах звучали ноты затаенного страдания, а на глазах ее были слезы. Наше объяснение было коротким, прощание — дружеским. А потом я шел с опустошенной душой и третий день не могу очнуться от сознания утраты. Чувствую душевный упадок, все валится из рук, ничто не мило. Сразу и круто изменилось все душевное настроение, все восприятие мира стало иным.

Хуже всего, что научные занятия не привлекают, не притягивают, как раньше. То же ощущение холода, какое я переживал в последнем классе гимназии, после «романа» с А. К., после разрыва с Ж. То же ощущение своей слабости и своей отреченности. Вчера я послал ей прощальное письмо о своем уходе. Напишет ли она ответ?

1.V.

Пасхальная ночь. Тепло и тихо. В окна веет распутившийся зеленью, освеженную весенним дождем, со стола — ароматом черемухи, которая бросает вниз свои легкие белые лепестки. В нынешнем году — удивительно ранняя весна и поздняя Пасха, Пасха — в зелени и цветах, с яркою синевой неба и ослепительным солнечным светом. Но я плохо чувствую — и Пасху, и весну. Ничего похожего на

прошлогодний подъем, на радостное и ясное раскрытие души. Я как-то далек от внешнего окружающего мира, равнодушен к его явлениям, весь погружен в мысли об О. Н., о наших объяснениях, письмах, страданиях. Все кругом окрасилось в грустные серые тона, и чувство щемящей боли, не исчезая, ноет в груди. Ее письмо неожиданно пробудило во мне надежду и бодрость, и я ответил на него новым письмом, на который ждал ее последнего разрешающего ответа. Какая-то тяжелая тайна тяготеет над нею, терзает ее душу и парализует ее сердечный порыв. Она беспощадна к себе и покорна своей «судьбе», ищет очищения в страданиях и уходит в одиночество и тоску. Как поэтически-трогателен ее образ, обвеянный страданием и самоотречением...

Я ждал ее письма с такой надеждой и таким душевным нетерпением... Впереди еще два праздничных дня и, вероятно, во вторник я получу ответ. Но разве он принесет мне счастье любви, радость безмятежного здорового чувства, полное слияние сердец?.. В лучшем случае — право на дружбу и на сочувственное переживание ее тяжелых страданий. Последние дни я чувствую себя душевно утомленным, хочется покорно и безропотно отдаться потоку грусти, выйти из круга этих «личных» впечатлений. Занятия темой успокаивают и заинтересовывают. Как хочется отдаться им целиком, «с головой»!..

Первый день Пасхи совпал с «пролетарским праздником 1 мая». В советских газетах — статьи о встрече двух сталкивающихся миров, прошлого и будущего. Нужно признать, что в этом году «будущее» отстывает перед «прошлым», и старая христианская Пасха заставила поблекнуть призыв и лозунги коммунизма. Это соответствует общему тону политической жизни.

Мы — «на ущербе», и помощь пролетарского Запада становится все проблематичнее; все реже и глуше раскаты революционной грозы, которая еще гремит над Европой. Пролетариат выходит не победителем, и наступает переходный, промежуточный период, который может продлиться долго... Проза действительности отмечает поэзию смелых порывов, широких идейных взлетов; процесс «приспособления», не вчера начавшийся, принимает все более наглядные и «серые» очертания. Наступает то, что было предвидено и предсказано ранее.

3.V.

Вчера я был у ее постели, и снова — после долгого перерыва — видел ее прекрасное лицо, слышал ее слабый страдальческий голос, ощущал ее близость. Утром, неожиданно, ее товарищ принес мне в белом запечатанном конверте ее коротенькую сжатую записку. «Не могу собраться с мыслями и силами, чтобы написать Вам. Опять слегла. Может быть, зайдете? Буду рада». Это было ответом на мой вопрос — должен ли я уйти для ее спокойствия и счастья? Когда она увидела меня с букетом черемухи и фиалок, ее лицо засияло, и — бледная, слабая — она улыбнулась мне ласкающей мягкой улыбкой. Я просидел около нее больше двух часов, поддерживал простой и дружеский разговор, стараясь не волновать ее мучительными темами наших писем. Она лежала передо мной — прекрасная в своей светлой и чистой красоте; изящные обнаженные руки скользили по белой ткани ее кофточки; открытая шея переходила в нежные изгибы девической груди. Я чувствовал в себе трепетание любви, но ничего темного и мутного не примешивалось к этому ощущению подъема и волнующей радости. От содержания и формы ее слов, от ее взглядов и жестов веяло такой чистотой, почти святостью... В эти два часа, рассказывая о своем говенье, о желании идти в монастырь, о чтении Евангелия, она более всего напоминала тургеневскую Лизу.

Я чувствовал ее искренность, ее дружеское любовное влечение, сдержанное, замкнутое, но прорывавшееся в волнении и краске ее лица. Она уезжает далеко — в Сибирь, в санаторий, и там должна найти оздоровление и новые душевные силы. Я вспомнил Женю, ее путешествие на Амур и от души пожелал О. Н. той же освежающей и возрождающей силы сибирских впечатлений. Быть может, там она изживет свой внутренний кризис и вернется с душой, открытой для любви и счастья... Я не хотел вызывать ее на объяснения, но чувствовал, что временами она хотела, но не могла передать мне свои мысли о самом главном. Мы расстались дружески-ласково до новой и скорой встречи. Уходя, я уносил с собой впечатление примиренной и сладкой грусти, сознавал возможность ее самоотречения и ухода, но в душе горела надежда на полное и вечное сближение. Было и радостно, и хорошо; отлетели тоскливые мрачные мысли, а радостный

подъем ее подруги, М. Л., смеющиеся глаза ее отца и мачехи говорили, что она меня любит, что я ей дорог и близок. Вчера и сегодня я был полон впечатлениями нашей встречи и жил ее образом, его физической и духовной прелестью.

5. V.

Последняя встреча с О. Н.! Завтра я уезжаю в Кострому, а через 6 дней О. Н. уезжает в Акмолинскую область — быть может, на все лето. Я принес ей сирени и книг; застал ее в кресле, еще очень слабой, бледной, больной. Мы живо, непринужденно и задумчиво беседовали на разные темы — ни слова о наших отношениях! Ей не хотелось расставаться. Мы вышли на улицу и медленно, осторожно я довел ее до памятника Гоголю. Мы просидели здесь с час, снова беседовали и вернулись обратно, сохраняя свободное дружеское настроение. Только при прощании я попросил ее ответить на мое последнее письмо, если она соберется с силами и мыслями. Я старался не придавать нашему расставанию волнующего характера, ничего интимно-проникновенного и вскрывающего таящиеся в нас чувства. И ушел, оставаясь по-прежнему в неизвестности — в чем ее тайна и каково ее теперешнее отношение ко мне? Но я не могу простить себе, что не попросил у нее фотографической карточки.

8. V.

Я — в Костроме. Выехал в пятницу, полный тяжелых душевных предчувствий. И всю дорогу не мог освободиться от гнетущего настроения; мысли об О. Н., о ее болезни и наших неясно-надломленных отношениях преследовали меня все время. Но весна — весна врывалась в душу своими освежающими впечатлениями. Мы проезжали мимо распустившихся лесов, их зелень была так нежна, их аромат так благоуханен!.. В Ярославле я любовался чудесным липовым бульваром, зеленеющей набережной и Волгой-красавицей, которая капризно вздымала белые гребешки, рассерженная порывами ветра. Зато ночью, когда я переезжал ее в Костроме, она лежала передо мной успокоенная, только слегка подернутая набегавшею рябью, таинственно-синяя, сливаясь с темными грядками облаков на далеком западном горизонте. Весна во всем — в живом потоке волнуемой толпы, переполнившей паром, в молодой беседе девушек-экскурсанток, засыпанных цветами, в воздухе, напоенном ароматом черемухи и сирени... Кострома преобразилась, стала красивее, лучше, наряднее. Хорошо было и в Ярославле, который весь звенел веселым пасхальным перезвоном; самые разрушения эпохи «мятежа» казались случайными пятнами на общем весеннем молодом фоне. Ах, время излечивает всякие раны! И рана моей души постепенно закроется и перестанет болеть. Останется только горечь неутоленного чувства и сладостно-тяжелое воспоминание о ней — прелестной, страдающей...

10. V.

Устроил себе занятия в саду, в беседке. Здесь очень хорошо, совсем по-деревенски. Действительно, чувствуется природа, и в душу нисходит мир и спокойствие. Сейчас — чудесное весеннее утро. Кругом меня — яркая свежая зелень, цветущие яблони, вишни, сирень. Щебечут птицы, жужжат шмели, со дворов доносятся деревенские звуки — крик петухов, кудахтанье кур, и только изредка слышатся отдаленные отголоски городской жизни — то лошадиный топот, то свисток отходящего парохода. Небо безоблачно, и солнце ярко сияет. В прозрачно-ароматном воздухе носятся легкие пушинки, протягиваются паутинные нити. Еще блестит росой невысохшая трава и верхние листья деревьев... Весна, весна!.. А как здесь хороша Волга — ее спокойная широкая гладь, по которой скользят медлительно-плавно буксирные пароходы! Как ароматно пахло тополями на городских улицах после пронесшейся грозы! Как хорош был вчерашний вечер, его прохладная свежесть и сине-розовые тона на погасающем небе!

И все-таки я чувствую себя каким-то надломленным... нет прежней бодрости и подъема. Вчерашняя лекция о декабристах вышла тягуче-мертвой и отвлеченно-неясной. Меня стесняло мое собственное смущение, и не было живой одухотворенной связи с моей небольшой аудиторией. Некоторые из моих слушательниц были весенне-взволнованны. Из них симпатичнее всех — Елиз. Павл. Слободская, в которой — жажда знания, серьезно-сосредоточенное отношение к науке и сознание невозможности отделиться ей до конца. Как всегда, мысли об О. Н. — невеселые, нерадостные. Чувствуется, что не бывать моему «счастью», и впереди — тяжелая жизненная полоса, омраченная ее болезнью и нашей разобщенностью. Настроением Достоевского веет над ее образом...

13.V.

Совершенное лето!.. Температура на солнце достигает 30°. В суконном костюме невозможно ходить по улицам — жарко, обливаешься потом!.. Все зелено и в цвету! Но уже осыпаются лепестки фруктовых деревьев, уже нет кистей лиловой сирени — все оборвано! Всюду — весенние настроения. Весна — в костюмах, позах, на лицах молодых девушек. Чем-то весенне-затуманенным веет от моих слушательниц, они так мило застенчивы в своих беседах... Кругом разлиты тишина и спокойствие. «Огородная кампания» и бедствия нашего времени не мешают Костроме оставаться укромным городом «доброе старого времени». До сих пор здесь чувствуется патриархальная старая вотчина, с ее исконным бытом, которого не сокрушат никакие революционные бури. Коммунистические течения скользят на поверхности привычных вековых отношений; весь общественный и семейный уклад остается почти не тронутым. Это особенно чувствуется среди «стариков» — в застольных беседах с Александром Константиновичем, на ветхой террасе барского дома Се-раф. Николаевны.

Кострома успокаивает и примиряет. Все дни я провожу за подготовкой к лекциям, за книгами и тетрадами, среди цветов и деревьев «нашего» сада. Но лекциями своими недоволен. Правда, обзор внутренней политики Николая I, особенно крестьянский вопрос, прошли хорошо — одушевленно и ярко. Но вчерашние (последние!) лекции о внешней политике и духовной жизни — самые неудачные из всех моих костромских лекций: нудно, мертво и дробно, а последняя — даже малосодержательна. И это чувствовалось — по отношению моих слушателей. Вся беда в том, что не успел подготовиться, как следует, материал не был «пережит», и недостаточно составления одного конспекта! Сегодня и завтра — последние семинарии.

По-прежнему ощущаю в себе надлом; все время мысленно возвращаюсь к О. Н., перебираю воспоминания наших встреч и иногда — тоскливо и страстно — мечтаю о нашей полной физической и духовной близости. Вчера она должна была уехать из Москвы — уехала ли?.. Тревога за ее здоровье не оставляет меня. Хочется вернуться и найти ее письмо. Если она оставит — значит любит, а если нет — значит между нами добрые отношения хороших знакомых, и только...

16.V.

Опять в Москве... После успокаивающих впечатлений Костромы, ее весенней природы и тихой жизни — утомительный переезд в душном вагоне, пыльная духота столицы, назойливая пестрота беспокойно шумных городских впечатлений. Тяжелый и резкий контраст, которого не могут уничтожить любовная забота Е. П-ны и приветливая встреча в Губполитпросвете.

Последние дни в Костроме оставили во мне два ярких впечатления: интимно-дружеские, обвеянные научным идеализмом собрания нашего университетского семинария (о Чернышевском и Лаврове) и неожиданная встреча с А. Д., так много пережившим, душевно опустошенным и озлобленным на всю жизнь. Я понимаю его ненависть, но чувствую, что в этом отречении и холоде «реального политика» умерла его душевная юность и его любовь к людям; осталось самоуверенное любовование своим «я» и желание во что бы то ни стало отомстить и взять реванш за понесенное поражение.

Когда я подходил к дому, у меня мелькала слабая надежда — найти у себя в квартире письмо О. Н. Конечно, этого не было. Если она написала, то передаст через М. Л. Уехала ли она?.. Как холодно-равнодушен я стал к политике!

Как расплывчато дрябла и неопределенна стала современная политическая линия! Нудная история с Московским Губполитпросветом — одно из частных проявлений общего упадка. Сравнительно с этим прозябанием — сколько огня, определенности жизни было в работе Военкомата, в период подъемов и падений ужасной, но трагически напряженной гражданской войны. А сейчас машина работает по инерции, но где прежняя свобода инициативы и смелость в размахе?

17.V.

Сегодня была М. Л., сообщила об отъезде О. Н. (к сожалению, не в Сибирь, а на Крымское побережье), об ее слабости и дурных предчувствиях перед отъездом. Она не принесла мне никакого письма, ни одной строчки! И у меня дурные предчувствия, тревога за спокойствие и здоровье О. Н. и тяжелое ощущение прежней неясности наших отношений.

Единственное приятное впечатление сегодняшнего дня — повышение шансов на

мой скорый уход с административной должности. Она тяготит меня, особенно в связи со всеми последними переменами, с создавшейся обстановкой. Хочется вырваться из этого кольца, обновить свою жизнь, свою душу, уехать дальше, дальше, в иные, новые края!

Прочел сегодня статью Ленина «О государственном капитализме в пределах Советской России». Да, это — полная капитуляция, последовательное и смелое признание своего внутреннего поражения и всех вытекающих отсюда выводов. И это сознание передается широким кругам рядовых коммунистов, вызывает душевный кризис и неустойчивость в действиях. Можно бояться, что такое состояние душевного разлада подорвет живую силу партии, а ведь в ее психическом подъеме — залог возрождения и оздоровления России.

23.V.

День за днем — все в той же повседневной работе, среди утомительно-шумной обстановки Лекционного бюро, от лекции к лекции, от «конспекта к конспекту». Иногда более яркие впечатления — то доклада Радека, то поездки за город. В Москве голодно, серо и нудно. Коммунизм — на ущербе, и официальный оптимизм не может скрыть растущего сознания разверзающейся экономической пропасти, падения волны зап[адно]-европейской революции и последовательной капитуляции нашего большевизма. Кругом так много страданий!.. И все-таки подавленная, стесненная жизнь рвется наружу, сияет и блещет яркое лето, напрягается и крепнет личная воля. В природе — расцветающая и зреющая жизнь, она переливает свои соки в утомленных и озлобившихся людей, она бодрит и поднимает.

Я не перестаю помнить и думать об О. Н. — каждую свободную минуту моего времени. В сознании реет ее изящный образ, и сковывающая холодная тоска охватывает душу.

25.V.

«Нет повести прекраснее на свете, / Чем повесть грустная Ромео и Джульетты»... Этот заключительный аккорд шекспировской трагедии не исчезает из моей памяти после вчерашнего спектакля. Новая постановка Камерного театра — как она красива и трогательна!.. Со сцены веяло эпохой Итальянского Возрождения, и образы влюбленных героев были проникнуты таким глубоким и тонким изяществом... Особенно хороши были некоторые моменты: дух жизнерадостной светлой влюбленности Ромео, сцена первого поцелуя, истома любовного счастья на балконе и мертвые объятия в гробнице. Красота последней полунемой картины растрогала зал и вызвала горячие аплодисменты. Исполнение Коонен и Церетелли было достойно шекспировской трагедии. Мог ли я не думать о ней, в которой отразились для меня и Джульетта, и все прекрасные девушки в мире?.. Со слезами на глазах я следил за перипетиями любовной драмы, чувствуя силу неотвратимого, которое нависло и над моей любовью.

Письмо из Мариуполя от Ек. Дионис. Хаджиновой — второе письмо, проникнутое тоской любви и разлученности. Оно оставило меня равнодушным, так же, как и любовная симпатия Вал. Мих. Соколовой, которая посетила сегодня наше Бюро. Она так одухотворена, так изящна, так искренна в своем мистически-любовном влечении «Изольды». И все-таки она не вызывает во мне никакого ответного отклика. Так же, как мое влечение к О. Н. не встречает в душе моей любимой самостоятельного страстного любовного порыва.

1.VI.

Сегодня первый день моего освобождения от двухлетнего «административного плена». Два года почти непрерывного сидения в Лекторском Студе — напряженной суеты, сношений с самыми разнообразными людьми, порой — мучительно-утомляющей маяты. С сегодняшнего дня я — только лектор, могу посвятить дневные часы научным занятиям, неторопливой подготовке к лекциям, личной работе; освобождаются психические силы, которые на три четверти поглощались напряженной и трудной организационно-технической работой. Остаюсь дома и намечаю план ближайших занятий и дел: на очереди — урегулирование моего отношения к Университету, подготовка к костромским лекциям, составление методического доклада об ист[орико]-ревлюц[ионном] курсе, выполнение целого ряда мелких дел. А там — последняя поездка в Кострому, маленькое «tournee» в Петербург и возобновление прерванной работы по подготовке к экзаменам и по иностранным языкам. Отдаться любимой работе, погрузиться в мир мыслей и отраженных чувств...

Свобода, свобода!.. Я чувствую ее всем своим существом. Сажу один в пустой квартире; из окна пышет зноем, птицы заливаются несмотря на городскую обстановку; доносятся детские голоса. Я делаю что хочу и как хочу: хорошо!.. Несмотря на кризис, лишения и мрачные перспективы можно работать и нужно работать! Я еще молод и силен, и свет впереди, а не сзади!

Последние дни — у меня заботы о возможном будущем. Несмотря на всю неясность наших взаимных отношений во мне живет твердая надежда, почти уверенность — в наше сближение. Эта мысль возбуждает во мне целый рой новых мыслей, прежде всего и больше всего — о внешнем самоочищении; я начинаю обращать больше внимания на свое тело, и недостатки моей физической организации тревожат и волнуют меня. Раньше я забывал о них, пренебрегал ими, поглощенный мыслями о внутреннем, об умственной работе, о борьбе за существование. Теперь они заботят меня и вызывают боязнь оказаться недостойным ее выбора.

Никаких вестей, ни одной строчки!.. Но я выдерживаю характер и решил не заходить к М. Л. до своего отъезда. Неужели О. Н. не напишет!?!..

9. VI.

Первые дни моего «досуга» прошли довольно беспорядочно; правда, я заранее отвел их на историю революц[ионного] движения, и часть этой задачи мною выполнена: составлены конспекты, библиография и тезисы доклада для Губполитпросвета; прочитана часть намеченных книг (но очень небольшая!). Часть времени ушла на лекции (за это время прочел 7 лекций), часть — на устройство своих личных дел. Вчера был у Мих. Мих. Богословского и беседовал с ним о своем дальнейшем оставлении¹; формально вопрос зависит не от профессуры, а от факультета, куда необходимо направить свое заявление. Меня охватывает сильное и глубокое желание заниматься и во что бы то ни стало, ценою каких-угодно усилий сдать магистрантские экзамены. По возвращении из Костромы я приступаю к этой работе и веду ее регулярно и, по возможности, непрерывно! Правда, здесь возникает вопрос о моей личной жизни, но... молчание О. Н. все более и более убеждает меня, что настоящей любви у нее нет, что она колеблется, не хочет разорвать связи, но не может (по внутреннему инстинкту) сказать мне: «Да!» Я чувствую, что снова обрастаю панцирем стоицизма, что рука становится твердой, и в глубине души крепнет желание и решимость, не отклоняясь в сторону, довести свой корабль к намеченной цели. Долой слабость, уныние и сентименты! Да здравствует воля, энергия и победа!

Сколько бодрости и света внесли в мою душу прекрасные воспоминания Морозова! Его открыто-жизнерадостное отношение к миру, разносторонность интересов, несокрушимый оптимизм, любовь к природе и к людям — как раз то, что я считаю идеалом человека. К нему так же приложим эпитет «обаятельный». Достигнуть такого умонастроения — достигнуть самой высшей ценности в жизни.

12. VI.

Со вчерашнего вечера я снова в Костроме. Снова ощущаю спокойствие и мир, которые бодрящей струей вливаются в душу. Воздух — «зеленый», дачный — от массы деревьев, напоминающих большие сады. Сегодня чуть-чуть припахивает гарью — точь-в-точь как в Богородском памятным летом 1914 года. Сад при квартире А. К-ча выглядит по-летнему: плодовые деревья обвешаны фруктами, малинник разросся и унизан крупными, еще зелеными ягодами, кусты акации гнутся под тяжестью густых свисающих стручков. На огородных грядках поднимается молодые картофель и свекла. Травой заросли боковые дорожки. Но уже нет той ранней весенней свежести, которая так трогала меня месяц назад. И птицы уже не поют так звонко, как раньше. Зато Волга так же прекрасна, так же привольно широка и в сочетании с развернутой панорамой города, его чудесными белыми храмами, озаренными вечерним солнцем, — так же приковывала вчера мой восхищенный взор.

На этот раз я приехал неудачно: ядро моих слушателей уехало в экскурсию в Петроград, с ними — мой «пестун» Алек. Констант., квартира — пуста, осталась одна старуха Арина Родионовна, которая прислуживает мне. Сегодня утром уезжает наше университетское начальство — и ректор, и декан, и его заместитель — хлопотать о сохранении Университета. Чувствуется наступление мертвого летнего сезона. Не знаю, будут ли у меня слушатели?..

Все время, неотступно — мысли об О. Н. Вчера мне сказал Шишмарев, что

больных в южные санатории фактически уже не отправляют — там голодно и плохо. Неужели и ей пришлось попасть в такие условия?.. Чем больше я думаю о ней, тем больше крепнет во мне уверенность, что не бывать нашему союзу, что нет у нее любви ко мне, что жизненные обстоятельства разрушат мои надежды. Ее молчание подтверждает эти догадки. Я хотел бы одного — скорее решить этот вопрос, чтобы окончательно и навсегда вырвать эту страницу своей жизни. Что может быть томительнее этой затяжной неопределенности?..

14. VI.

В связи в продовольственными затруднениями в Костроме стало как-то тоскливее... Все стонут и жалуются. Лесные пожары, которые застилают дымною мглою синие небеса, усиливают это впечатление. Университет висит на волоске, и это чувствуется в беседах с местными профессорами и служащими. Огородная кампания снова отвлекает студенческую молодежь от посещения лекций. Мой курс, предназначенный для студентов всех факультетов, афиширован плохо. Тем не менее, на первую лекцию собралось 15—20 слушателей, которые внимательно следили за моим изложением. Я не составлял новых конспектов и читал по старым, московским. Напрасно волновался и торопился. В общем, впечатление «так себе».

Снова обложил себя книгами — по истории революционного движения, читаю Кульчицкого, Лядова, Бурцева. Но даю себе больше свободы в пользовании своим временем: сегодня иду в театр, собираюсь «экскурсировать» в окрестностях Костромы. У меня — хорошие отношения с окружающими, и это мне приятно. Все время — мысли о предстоящей научной работе и об О. Н. Они сливаются неразрывно, но все чаще и чаще — сталкиваются между собой. И постепенно я подготавливаю себя к предстоящей уединенной напряженной работе, к полному отречению от личного счастья — быть может, навсегда!..

Сколько волнующего — юного и дорогого — всколыхнула во мне книжка Обнинского, которую я перелистывал вчера дома! Какое-то особенное, близкое и милое, интенсивное до боли чувство поднялось из глубины души и охватило все мое существо. Да, 905 и 906 годы — самая яркая и светлая страница моей жизни; она обвеяна юным подъемом и чистым бескорыстием, а это самое дорогое!

16. VI.

Никогда мои лекции не возбуждали во мне такого внутреннего волнения и такой душевной реакции. В этом курсе наслонилось много продуманного, прочувствованного, пережитого; с ним связана моя юность, ее первые и чистые порывы, первые шаги самостоятельной жизни, личное участие в революционной борьбе, вдохновения и страдания великих дней. Кроме того, я технически овладел материалом, и моя речь льется свободно, живо и увлекательно. Правда, я слишком тороплюсь, и это нехорошо. Аудитория полна студентами, это волнует и возбуждает меня. Много медиков, которые слушают «по обязанности». Есть зевающие фигуры. Но большинство, особенно, девушки, слушают с затаенным вниманием и, кажется, довольны.

После лекций я чувствую себя страшно утомленным, сон беспокоен и нервы возбуждены. Я часто просыпаюсь, а вчера (странно и стыдно признаться) я, проснувшись ранним утром, беспричинно, но неудержимо разрыдался. Моя первая мысль была об О. Н. — не случилось ли с ней какого-нибудь несчастья? Душевный ток передается на расстоянии; мы, вероятно, одинаково думаем друг о друге, и острое чувство одного может ощущаться другим. Но нужно быть мистиком, чтобы поверить в это «чудо», примеров немало в литературе и в жизни. У меня лично пример на глазах: «прозрение» Е. П.

Вместо экскурсий и прогулок я по-прежнему сижу за книгами, и охотно не отрывался бы от них: так увлекают меня перипетии революц[ионного] движения. Отсюда я черпаю яркость красок и оживленность тона. Что сказал бы Ал. Ив. Некрасов, услышав мои «агитационные» выступления?.. Впрочем, такой тон «ко времени»: Университету нужно быть революционно-благонадежным, чтобы зарекомендовать себя в «сферах». А это определяет их отношение к работе. Стало свежее, но дымная мгла по-прежнему застилает небо: горят леса, торфяники; сейчас этот «сухой туман» не навеивает тоску, как раньше, жаль только ясности воздуха.

Вчера я просмотрел сказку Андерсена «Огниво», о которой говорила О. Н. Я думал, что здесь символ, намек на наши отношения. Почему она говорила об этом многозначительно? В этой сказке смелость дерзания завоевывает личное счастье — бесстрашный солдат овладевает прекрасной принцессой. Значит ли это,

что и мне нужно быть более смелым и дерзким?.. Ах, я не могу о ней не думать!.. В мечтах я непрерывно объясняюсь с нею, обнимаю и целую ее; порою представляю себе наше будущее в чистых формах девственной дружбы по примеру Абеяра и Элоизы, а иногда — невольно! — воображаю себе ее отказ, разрыв нашей сердечной близости и мое гордое отречение от отличного счастья. В эти минуты, которых все больше и больше, я лелею мысль о науке, этой непрременной, неизменной и верной подруге жизни; она — моя невеста, мы обручились с ней давно, и наш союз должен быть закреплен навеки, она заменит мне любовницу, жену, она возьмет мои нетронутые мужские силы и даст мне радостное сознание достигнутой жизненной задачи. Та же дилемма: наука или любовь?.. Зачем разделять эти два понятия?.. О, как хотелось бы гармонически примирить эти великие жизненные силы! Наука дает содержание, осмысливает любовь, жить только семейной жизнью — тоска и бессмыслица. Любовь оплодотворяет чувство и одухотворяет науку; замкнуться в узкий круг сухой кабинетной работы — значит уйти от жизни и ее красок. Но здесь поднимается новая, мрачная и давящая сила, которая мешает соединению мысли и сердца: суровая житейская невзгода, повседневная проза действительности, которую можно и нужно преодолеть самостоятельным напряжением личной энергии.

Милая! Только скажи мне «люблю и согласна» — и я, не задумываясь, поставлю на карту свою научную «карьеру», свою творческую работу, не отрекаясь, не разрывая с ними, а влагая максимум воли в осуществление манящего идеала: «союз любви и науки во имя личного счастья, во имя счастья человечества». Ведь мелкая крупица моей жизни войдет одним из плодотворных зерен в жизнь человечества, и если это зерно будет здоровым и сильным, оно поможет великому процессу мирового творчества!
28.VI.

Ее письма... Полные нежной благоуханной поэзии, гимном любви и красоте! От них веет и солнцем, и морем, и дыханьем южного лета!.. В них яркие, художественные образы, облеченные в причудливую сказочную ткань. В них отразилась ее душа, прекрасная и чистая, как драгоценный нежный цветок, озаренный блестящим солнцем. Душа полюбившая, плененная чудесной мечтой, вдохновленная внутренним ярким подъемом! Но эти письма — не мне... Эти письма — ее друзьям, студийцам. И я не знаю, о ком она говорит в своих письмах: «тот, кого я люблю»... Мне — ничего... По-прежнему глухая тайна лежит между нами. Почему же не сказать просто и прямо: «Я люблю другого, и только его. Уйдите». Иногда доброта бывает более жестока, чем самая лютая злоба.

И все-таки я желаю ей только счастья, здоровья и радости. Ее сердечные припадки, приковывающие ее к постели, волнуясь и мучают меня. Они наполняют мою душу тревогой и мрачными предчувствиями. И если действительно я — избранник ее полюбившего сердца, то нашу любовь окрыляют черные вороны... Они навевают тоску и печаль на наши молодые души, они держат в когтях мою милую и с жадным клекотом хотят разорвать ее мягкое теплое сердце.

Моя душа — в черном и душном сне... Темною мглой он заволакивает кругом меня весь мир, все обесцвечивает, все обесценивает; он угащает порыв, он подавляет волю, и все кругом покрывается могильной тенью... Или впечатления этой неприятной операции, это сознание моего бессилия, лежание в постели, разрыв налаженной работы вызвали во мне такое тоскливое состояние? Не знаю... Но понимаю ее, мою милую, когда обессиленная и задыхаясь, она лежала на постели, с трудом реагирую на окружающее. Она была в таком же сне, и так же душила ее мертвящая и грозная болезнь...

10.VII.

Вчера, после долгих приглашений, я был у С. Н. Даниловой. Она очень культурна, очень благовоспитанна, очень мягка; у нее разнообразные живые интересы, любовь к духовности, хорошие традиции высокообразованной интеллигенции. Беседа — живая и непринужденная — с ней и с ее бывшей ученицей, балериной Большого театра, доставила мне большое удовольствие, оживила меня, но... ей не хватает простоты, в ней — специфическая закваска институтки, молодой дамы «хорошего тона», что-то искусственное, натянутое. И, по-видимому, она много думает о себе несмотря на ее внешнюю скромность. Но она очень откровенна и много знает. С ней чувствуется не так свободно и просто, и несмотря на разнообразие затронутых тем вечер у М. А. Додоловой доставил мне больше удовольствия. В Додоловой — больше углубленности, серьезности, простоты, даже несколько грубоватой, в ней чувствуется ее деревенское происхождение, которое не могут убить в ней и пройден-

ные курсы, и общение с художниками, и влияние городской культуры. У С. Н. Даниловой все проникнуто культом тонкого эпикуризма, у Додоловой — тяга к стихии, к земле, к первобытному Востоку. Она более индивидуальна, черты ее духовной личности ярче и резче. Но по-своему они обе интересны.

Я часто возвращаюсь к мысли о поездке в Петроград. Мне хочется туда. Хотя все у меня расписано и размерено — по-старому, по-студенчески, но я охотно пожертвую двумя неделями моих систематических занятий, чтобы окунуться в новый мир, свежий и обновляющий, красивой опозитизированной старины. Особенно сильно это желание после книги Морозова. Она произвела на меня большое и хорошее впечатление, в ней столько юности и света, особенно в III части!

Мои занятия идут непрерывно и планомерно. Несмотря на отвлекающие дела я обгоняю свою намеченную программу. Вчера составлял перечень пособий для подготовки к костромским лекциям и семинарию. Новая история тянет и увлекает меня. Как раз эпоха Александра II — самое яркое место в истории револ[юцион-ного] движения со всей народнической и «нигилистической» литературой. Все остальные занятия я сведу к *minimum*'у. Необходимо концентрировать силы на главном — на магистрантских экзаменах и Костромском университете.

Странно, во мне нет сильного стремления в деревню, к природе, подобного прежнему; неужели оно атрофировалось? Или свежесть лета, спокойствие жизни парализуют это желание?

13.VII.

Я понимаю, насколько могущественно влияет на этот ход мыслей личное положение. По-видимому, мои страдания последнего времени — физические и душевные — в связи с растущей нуждой и сомнениями в достижимости научных целей определили мое настроение. Но это — не только мое личное чувство: всюду видишь унылые лица, всюду слышишь стоны и жалобы. Даже коммунисты, даже юный дух верующей Л. А. поддаются общему упадку. Это — слабость, и с этим нужно бороться. Бороться во имя жизни, во имя света, во имя торжествующего человеческого духа. Ибо в нем — высшая вечная ценность, которая поднимается над всеми страданиями и треволениями житейской действительности. Больше энергии, больше веры и больше любви!

20.VII.

Сегодня от М. А. я получил сведения об О. Н. Ее положение тяжело: легкие зарубцевались, но участились сердечные припадки и ухудшилось состояние нервов; условия санаторного лечения — отвратительны, продовольствие плохо, медикаментов нет, она лежит и не в состоянии пройти полтора верст до берега моря; оторванная от родных и друзей тысячами верст, она не получает из Москвы ни одной строчки, и это волнует и тревожит ее; она бессильна написать мне письмо, и это еще тяжелее для нее. Когда я узнал эти подробности, во мне исчезло недавнее чувство горечи, вызванное ее упорным молчанием; в приливе глубокой любви, покорной и безнадежной, я ощутил в себе одно желание — написать ей теплое дружеское письмо, постараться вдохнуть в нее надежду и бодрость, личным близким участием постараться утешить ее сердечную боль. [...]

Сегодняшняя встреча унесла с собой эти мысли и чувства. Когда она вышла ко мне, озаренная радостью и подъемом, когда в полумраке ее уютной комнаты она рассказывала мне задушевым тоном о своих студийных печалях, я чувствовал такой прилив любви и влечения!.. В душе рождалось страстное желание — прижать ее к сердцу, поцеловать ее горячим крепким поцелуем и, слившись в общем порыве, разорвать отделяющую нас цепь...

Впечатление этой встречи не покидает меня весь вечер. Оно пробуждает во мне заснувшие надежды и окрыляет прежним подъемом. И над всеми чертами ее личности возвышается ее душевная чистота и тонкая одухотворенность. В такие моменты хочется решительно и вновь поставить перед ней прежний вопрос — да или нет? Хочется отдаться влекущему потоку личного чувства, вопреки всем доводам холодного и бесплодного «благоразумия».

(Продолжение следует)

Примечания

1. Оставление при Университете для подготовки к профессорскому званию.

Грузинская демократическая республика (1918—1921 гг.) и западные державы

А. Ментешашвили

Провозглашение 26 мая 1918 г. Грузинской демократической республики позволило начать работу по восстановлению грузинской государственности. Парламент страны — Грузинский национальный совет занялся вопросами административного устройства, создания грузинской регулярной армии, своей финансовой системы, установления государственных границ, налаживания дружеских отношений с соседними республиками и международным сообществом.

Между тем осенью того же года поражение Четверного союза в первой мировой войне вызвало смену немецких войск на территории Грузии, вступивших туда в мае — июне 1918 г., английскими, которые в ноябре — декабре заняли Баку, Тбилиси, Батуми. Антанта придавала Закавказью огромное значение. В ее планы входило овладение природными богатствами края, ведущими в глубь Азии стратегическими дорогами, превращение Закавказья в плацдарм для борьбы против советской России. 6 декабря 1918 г. в Батуми прибыл представитель командующего британскими войсками в Баку генерала Томсона капитан Уэбстер. В тот же день он имел беседу с уполномоченным грузинского правительства в Батумской области Д. Топуридзе и подчеркнул, что прибыл в Батуми узнать о состоянии нефтепровода, по которому шли бакинская нефть и керосин. В отчете своему правительству от 7 декабря Топуридзе писал: «Уэбстер постепенно объяснил мне цели и программу англичан... Несмотря на союзнические и дружеские отношения между Англией, Францией и Америкой, у них у всех имеются свои собственные интересы, и... Англия неуклонно стремится осуществить свои интересы. Так как у Англии имеются в Южной Азии большие интересы, она не допустит, чтобы какое-нибудь другое государство имело влияние на Кавказе. В расчеты Англии не входит, чтобы в Закавказье, особенно в Грузии, Россия играла бы какую-либо роль»¹.

Англия вела двойственную политику на Кавказе. С одной стороны, помогала войскам А. И. Деникина, целями которого были восстановление «единой и неделимой» России и борьба с большевиками, с другой — поддерживала иллюзии местных правительств, стремившихся с помощью Англии утвердить свой суверенитет. В зависимости от конкретных обстоятельств Лондон лавировал, действуя по принципу «разделяй и властвуй», и до поры до времени это удавалось. Отношение же правительства Грузии к англичанам и оценка их деятельности могут быть охарактеризованы словами главы грузинского правительства Н. Жордания, который в своих мемуарах писал: «В то время враги сменяли один другого. С одной стороны, место ушедших турок заняли англичане, с другой — их союзники,

---

Ментешашвили Автандил — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России Тбилисского университета (Грузия).

Добровольческая армия. Мусульманская Грузия [так называли тогда Аджарию. — *А. М.*] стала ареной английских интриг, а берега Черного моря — Деникина. Английское командование представляло у нас не только интересы Англии, но также и интересы Деникина. Их главная миссия была упразднение независимости Грузии. Они предлагали нам союз и подчинение Деникину с обещанием, что после победы над большевиками Белая армия даст нам автономию. С таким предложением однажды обратился ко мне генерал Бич... Мы не согласились. В отместку за это англичане устроили нам блокаду: никаких съестных припасов и вообще никаких сношений с Европой мы не могли иметь. Эта мера была принята с целью нас запугать. Но мы не испугались! Мы нуждались во всем, но нужду переносили стойко. Здесь проявилась воля нашего народа, стойкость его характера и уравновешенность. Народ всецело поддерживал нас и наше правительство. С англичанами мы вели борьбу на два фронта: один — в дипломатической сфере на Версальской конференции, а второй, активный — в самой Грузии. Эта вторая борьба была опасной, весьма опасной, и требовалась чрезмерная предусмотрительность. Мы должны были вести эту борьбу, не впадая в крайность, чтобы не восстановить окончательно английское правительство против себя и в то же время чтобы достигнуть своей цели. Наша же цель была только одна — присоединение мусульманской Грузии, признание нашей независимости де-юре, наше вхождение в Лигу Наций и принятие нас под ее покровительство»².

Вместе с англичанами в Закавказье прибыла американская миссия, которая собиралась изучить обстановку в регионе. 14 декабря эта миссия оказалась в Батуми. Там состоялась беседа ректора Чикагского университета, главы миссии, проф. Джедсона с Топуридзе. Джедсон интересовался аграрной политикой правительства Грузии, численностью и составом ее вооруженных сил, способностью правительства обеспечить внутренний порядок. В ходе беседы он отметил, что США могут оказать Грузии помощь, если грузинское правительство само обратится с такой просьбой³.

В середине марта 1919 г. в Тифлис прибыли представители США Смит и Мур. Первый хорошо знал Грузию, так как весной 1918 г. исполнял обязанности консула США в Тифлисе. 22 марта состоялась беседа американских представителей с министром иностранных дел Грузии Е. Гегечкори и министром внутренних дел Н. Рамишвили. Вот стенограмма этой беседы, найденная нами в фондах архива Грузинского правительства, который хранится в Хоугтонской библиотеке редких рукописей Гарвардского университета (США).

«Гегечкори: Когда мы, уважаемый мистер Смит, потерпели поражение, Вы были здесь. Вы очень хотели нам помочь, но это было невозможно. Батуми пал, турки вторглись на нашу территорию, нам пришлось для спасения нашего физического существования согласиться на то, чтоб германцы вступили в Грузию. Надо признаться, что нам, грузинам, они во многом помогли. Было очевидно, что они, безусловно, проводили свою программу, но события на Украине им помешали. Мы имеем уже организованный государственный аппарат. Мы довели свой народ до Учредительного собрания, сформировано правительство, имеется администрация. Вкратце, имеется все для продолжения начатого нами дела нашей государственности. Нам уже пришлось воевать в армянами⁴, вести военные действия против так называемого Юго-Западного государства⁵, также в Сочи с добровольцами⁶ и т. д.

Что нас теперь особенно занимает и что у нас болит — это наше финансовое положение и перспективы продовольственного вопроса. Всем известно, что в выпуске наших бон участвовали три государства. Так было до прихода англичан, но с прибытием последних Азербайджан отказался участвовать в дальнейших выпусках бон, отсюда и финансовые неурядицы. Что касается продовольственного вопроса, надо сказать, что в прошлом году грузины засеяли всю свою площадь и урожай был хороший, но наша страна никогда не прокармливала себя, и, с другой стороны, события в Сочи еще более затруднили наше положение. Ясно, что такое маленькое государство просуществовать исключительно своими силами не может. С прибытием англичан я по поручению моего правительства обратился к ним, но нам сделать ничего не удалось. Англичане плохо были осведомлены о нас и наши соседи [имеется в виду армянское правительство. — *А. М.*] пристрастно, в отношении нас, информировали их. Англичанам также было непонятно и то, что германцы были у нас. А потому и отношения их к нам были в начале неясны, но в конце концов отношения улучшились, но общая поддержка с их стороны до сих пор не налажена. Мы готовы работать с Союзниками, но для этого им надо знать наши права. Мы

готовы выполнять наши обязанности, возложенные на нас по соглашению, но и мы должны знать наши права. Нам нужна Ваша помощь, надо спешить, надо своевременно сделать это, потом может быть поздно. Мы переменили свою прежнюю ориентацию на Россию, мы были к этому принуждены.

С м и т: Я, признаться, удивляюсь тому успеху в работах, который замечается у Вас. Помню, раньше были две ориентации — русская и германская, несколько осталось еще и той и другой. Но Германия не может помочь Вам и она вряд ли придет к Вам на помощь еще в течение многих лет. Относительно Союзников вообще я не говорю, но мое Правительство искренне желает независимости Грузии. Но Грузия маленькое государство, не может жить без помощи извне. Вам нужна помощь... Вы должны сами указать форму, в которую должна вылиться эта помощь с нашей стороны. Что касается финансов, я просил бы министра финансов познакомить меня с этим вопросом. Я должен несколько раскритиковать положение железных дорог. Полагаю, необходимо объединение закавказских железных дорог. На счет продовольствия и товарообмена скажу, что надо искать экспорт. Я с удовольствием помогу, чем могу, в этом отношении.

Р а м и ш в и л и: Мы понимаем Вашу помощь в самом широком смысле. Нужна помощь в организации армии, нужна помощь культурно-просветительская, школы, университеты, возможность свободного выхода на Северо-Американские Соединенные Штаты. Вопрос, поставленный Вами, кардинальный. На всем пространстве бывшей Российской империи только у нас сохранились все возможности: частная собственность, неприкосновенность личности, частная инициатива, большевизма совершенно нет. Рабочий вопрос разрешается введением законодательства наподобие австралийского: правительство имеет возможность влиять на рабочие союзы и предъявление чрезмерных требований. Условия для нормального развития контакта у нас имеются.

Определенное соглашение с Вами необходимо. Нас не знают; армян, даже в худших случаях, знают. У нас нет коренных расхождений с армянами, с мусульманами дело обстоит несколько хуже, с ними должны быть соглашения — культурное, финансовое, военное. Независимость существования должна быть гарантирована, опять-таки в относительном смысле. У Держав Согласия [Антанта. — А. М.] не должно быть никаких опасений насчет влияния Германии в Грузии. Никто здесь на Германию не возлагает надежд, все надежды устремлены на Великобританию. Она имеет здесь войска. Надеемся иметь деловые отношения с Америкой для товарообмена и культурно-общественных отношений. Вы уже, как друг Кавказа, в частности, оказали нам содействие.

С м и т: Лига Наций предполагает дать мандат одной из великих держав на вновь возникшее государство.

Г е г е ч к о р и: Как понимать мандат — протекторат? Если это руководство и есть, это одно и то же. Мы могли бы согласиться, если бы это не уничтожило политической независимости страны.

С м и т: Мандат не есть протекторат, никаких посягательств на физиономию страны совершенно нет, новизна государственного дела, слабое экономическое положение — вот поле деятельности страны, имеющей мандат. Не мешает сообщить Вашим делегатам о необходимости работать в направлении мандата. Всем предоставляется возможность выразить желание относительно того, кому этот мандат может быть выдан. Я нахожу — для Закавказья необходим один общий мандат ввиду единства и общности экономических интересов Закавказья.

Г е г е ч к о р и: Грузия уже имеет это в виду. Она созвала конференцию Закавказских государств по вопросу об объединении экономической жизни страны, мы даже получили одобрение англичан.

С м и т: В Париже этого не знают.

Г е г е ч к о р и: Нет, инструкции были даны нашим делегатам. При наличии гарантий активного участия в судьбах своего народа мы согласны на мандат, ведь мы люди политического расчета, мы готовы платить, за наши прекрасные глаза нам никто ничего не даст. Мы рассчитываем на развитие капиталистического строя. Не мыслить так — это безумствовать. Мы должны быть обеспечены капиталом. Наше правительство должно быть кредитоспособным.

Р а м и ш в и л и: Понятие о мандате различное. Есть разные страны, возьмем хотя бы Азербайджан и Грузию. Выступление помещиков в Азербайджане принима-

ет характер антиармянского выступления. Выступление помещиков в Грузии — характер борьбы за аграрный вопрос. Мандат может выразиться в одной форме в Азербайджане и в совершенно другой — в Грузии. Мы выразители народной воли, для нас не секрет трения на Парижской конференции. Восторжествует ли точка зрения Вильсона? Вильсоновский мандат мы желаем, не вильсоновского мы боимся, в последнем случае мы в правительстве оставаться не можем.

С м и т: Разрешите телеграфировать об этом в Париж, в Париже это произведет большое впечатление, ведь это вопрос не торга, а желаний.

Р а м и ш в и л и: Но мы будем членами Лиги Наций?

С м и т: Не знаю, войдут ли малые народы в Лигу Наций.

Г е г е ч к о р и: Мы с Вами вполне согласны, что нам прежде всего надо наладить железнодорожный вопрос, продовольственный и товарообмен. У нас есть лес, шерсть, марганец, шелк и пр.

С м и т: Пришлите письмо относительно шерсти, табака, марганца, я протелеграфирую своим в Константинополь.

Р а м и ш в и л и: Я предлагаю натуральный обмен товарами.

С м и т: Согласен. Конференция затягивается, а жизнь не ждет.

Р а м и ш в и л и: У нас нет больше реквизиций, а запрет на вывоз выражается только в гарантии ввоза эквивалентного количества товаров. Если будут ввозить, то, конечно, будут и вывозить»⁷.

Рашишвили отметил, что Грузия согласна на мандат США. Были затронуты и вопросы товарообмена. Представители США пообещали Грузии продовольственную и финансовую помощь. После этой встречи грузинское правительство вошло в соглашение с прибывшей в Тифлис комиссией американского Комитета помощи пострадавшим от войны. Согласно этому соглашению, помощь в снабжении хлебом должна была выразиться в поставках одновременно 40 вагонов с зерном и мукой и затем еженедельно по 20 вагонов, расчет за что производился по принципу товарообмена.

Осенью 1919 г. в Закавказье, в связи с вопросом о мандате, была направлена американская военная миссия во главе с генералом Д. Харбордом. Она имела встречи с представителями правительства Грузии и общественности. В докладе государственному секретарю США от 16 октября 1919 г. Харборд писал: «С точки зрения Запада все три правительства [в Тифлисе, Ереване и Баку. — А. М.] абсолютно не обладают никакой властью, не пользуются доверием и, несомненно, коррумпированы. Каждое из них находится в крайне запутанном финансовом положении. Ко всем этим сложностям добавляются религиозные различия, что постоянно грозит раздорами, если над ними не будет установлен общий контроль. Две из республик не имеют выхода к Черному морю — только по железной дороге через Грузию. У них нет единой денежной системы, так же как почтовой или таможенной; нет единого контроля и единой системы управления жел. дорогой; и между ними постоянны неурядицы в связи с вопросами о границах. В Азербайджане нет специально обученных людей, способных осуществлять управление; в Грузии постоянна угроза большевизма; Армения вся в руинах и частично голодает. Мы убедились, что каждый из этих народов с удовольствием согласился бы на передачу своего государства под мандат любой державы»⁸.

Ввиду выявившихся межгосударственных противоречий ни одна из великих держав мандат на управление Закавказьем не получила. Что касается доклада Харборда, то никак нельзя согласиться с утверждением, что правительство Грузии «не обладало никакой властью» и «не пользуется доверием». В Грузии в феврале 1919 г. были проведены всеобщие выборы на многопартийной основе. Подавляющая часть избирателей проголосовала за власть представителей социал-демократии, которые и сформировали правительство. Именно с его представителями встречался Харборд. Этот генерал преследовал конкретные цели, и именно «с точки зрения Запада» правительство Грузии пользовалось доверием. Тем не менее, по политическим соображениям страны Антанты в 1918—1919 гг. не признали независимость закавказских республик. А внешнеполитическая обстановка определялась для Грузии почти исключительно состоянием «русского вопроса».

Министр иностранных дел Англии Дж. Керзон подчеркивал тогда: «Вопрос о признании Грузии связан и с признанием других закавказских республик, что в свою очередь связано с решением всего русского вопроса и, хоть и в меньшей

степени, с условиями мирного договора с Турцией»⁹. В меморандуме МИД Великобритании от 24 декабря 1919 г. давались рекомендации своему правительству «продолжать воздерживаться от признания независимости Грузии и Азербайджана до тех пор, пока не определится окончательно положение генерала Деникина»¹⁰. 12 января 1920 г., когда стал ясен крах деникинцев, Верховный совет Антанты (за исключением США) признал де-факто независимость Грузии и Азербайджана, а впоследствии и Армении. Эти три республики по плану Антанты должны были служить буферами между РСФСР и другими странами Востока. 10 февраля 1920 г. главы делегаций Грузии и Азербайджана в Париже направили послу США во Франции письмо. В нем говорилось: «Две закавказские республики — Грузия и Азербайджан получили как независимые государства признание «де-факто» Верховным советом союзнических держав в Париже, то есть Францией, Великобританией и Италией, а затем и Японией. Это признание «де-факто», безусловно, официальное и определенное, до сих пор не было подтверждено державой, которая в глазах народов закавказских республик является воплощением великих принципов свободы и справедливости, — Соединенными Штатами Америки. Американские миссии за последнее время множество раз посещали эти республики, получив всемерную информацию. Федеральному правительству хорошо известно желание закавказских народов наладить прочные связи с великой американской демократией». В заключение выражалось сожаление по поводу такого непризнания со стороны США независимых Грузии и Азербайджана¹¹.

Очень важное значение для укрепления международного статуса Грузии имел мирный договор между РСФСР и Грузией от 7 мая 1920 г., подписанный в Москве зам. наркоминдела Л. М. Караханом и членом Учредительного собрания Грузии Г. Уратадзе. РСФСР стала первой великой державой, которая признала Грузинскую демократическую республику де-юре и установила с ней дипломатические отношения. Сразу же после этого правительство Грузии предприняло шаги для выяснения возможности принятия Грузии в состав Лиги Наций. Совету Лиги Наций в Риме была представлена нота правительства Грузии. А летом 1920 г. министр иностранных дел Грузии Гегечкори выехал на переговоры с ведущими западноевропейскими странами. Его турне началось с Италии. 30 августа состоялась встреча Гегечкори с министром иностранных дел Италии К. Сфорца. В тот же день он был принят главой правительства Италии Д. Джолитти. В ходе беседы обсуждались двусторонние отношения между Италией и Грузией, затрагивались экономические и политические аспекты этих отношений¹².

В те дни в европейской прессе была опубликована нота государственного секретаря США Б. Колби, которая являлась официальным ответом на запрос итальянского посла в Вашингтоне о точке зрения правительства США на события в Польше. Колби, излагая позицию США относительно Польши и советской России, затронул и Грузию. США отказывались одобрить постановление Верховного совета Антанты о признании де-факто «так называемых республик Грузии и Азербайджана».

А в беседе с Гегечкори политические деятели Италии подчеркивали, что они не разделяют позиции США относительно Грузии, высказанной в упомянутой ноте. В своем ответе, адресованном Вашингтону, правительство Италии сообщило, что «оно не может не считаться с существованием независимой Грузии», тем более что «грузинский народ не принадлежит к славянской расе и имеет свою собственную тысячелетнюю культуру, дающую ему право располагать собой». Наконец, в меморандуме грузинской делегации, представленном в Лондоне по поводу ноты США, говорилось: «Вопреки духу американской ноты формальное признание независимости Грузии никоим образом не содействует «распаду» России... Грузия убеждена в том, что великие державы, признавшие ее «де-факто» и лучше информированные для того, чтобы составить верное представление о Грузии, никогда не будут ни прямо, ни косвенно участвовать в разрушении независимой республики, созданной грузинским народом»¹³.

27 января 1921 г. все страны Антанты кроме США признали юридически независимость Грузии. Впоследствии взгляды по этому вопросу претерпели в США трансформацию, о чем свидетельствует билль, внесенный на обсуждение Конгрессом в сенат США 23 апреля 1929 года. Этот билль дважды рассматривался ранее и был передан в комиссию по международным отношениям. Он касался вопроса

«О назначении дипломатического представителя в Кавказские республики, состоящие из национальных республик Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа». Там, в частности, отмечалось: «Грузинское Царство в течение многих веков сохраняло свое независимое существование, расовое единство, самобытность языка, государственных институтов, законов, несмотря на почти постоянные агрессии и частые вторжения врагов, и его территория населена народом, принявшим христианскую веру с IV века;

Царство сменилось национальной Грузинской Республикой, созданной на законном основании и свободно, со своей конституцией, 26 мая 1918 года. Существование республики было признано государствами, за исключением США;

Несмотря на явное признание республики Российским правительством в 1920 г., это правительство предприняло вторжение в Республику¹⁴, установило и по сей день осуществляет на ее территории свой контроль, вынудив этим местное правительство покинуть сначала Тбилиси, а потом Батуми и уехать во Францию, где оно продолжает свою деятельность;

Подобная же катастрофическая ситуация сложилась с национальной республикой Азербайджан и национальной республикой Сев. Кавказа;

Конгресс и Правительство США считают, что должны выразить неодобрение таким действиям Российского правительства и поддержку народам упомянутых республик. Учитывая все сказанное:

1. Сенат и Палата Представителей США, собравшиеся на конгрессе, постановляют: определить сумму, разрешенную законом, на оплату расходов, связанных с назначением дипломатического представителя в Кавказские республики Грузии, Азербайджана и Северного Кавказа, как только президент найдет целесообразным сделать такое назначение»¹⁵.

В целом билль предлагал законодателям США исправить ошибку их предшественников и подтвердить неотъемлемое право грузинского народа на его самостоятельность и независимое развитие.

Примечания

1. Центральный государственный исторический архив Грузии, ф. 1864, оп. 2, д. 42, л. 15.
2. ЖОРДАНИЯ Н. Моя жизнь. Стэнфорд. 1968, с. 94—95.
3. Борьба за победу Советской власти в Грузии. Док. и мат-лы (1917—1921). Тбилиси. 1958, с. 358.
4. Имеется в виду конфликт 1918 г., возникший после того, как дашнаки потребовали передать им Ахалкалакский и Борчалинский уезды со смешанным населением. Военные столкновения длились с 9 по 31 декабря.
5. Юго-Западная Кавказская демократическая республика была провозглашена в Карсе 1 декабря 1918 г. протурецким Национальным советом Юго-Западной Кавказской территории после ухода оттуда турецких войск. Ее отряды воевали против войск Армении и Грузии. В марте 1919 г. там возник местный парламент (Милли-Шура), а в апреле это новообразование было ликвидировано.
6. В июле 1918 г. грузинские войска заняли Адлер, Сочи и Туапсе. Но 8 сентября в Туапсе вступили деникинцы. 26 сентября они подошли к Сочи, а в феврале 1919 г. дошли до р. Бзыбь. Грузия помогла действовавшим в тылу белых «добровольцев» партизанам и не раз потом конфликтовала с Деникиным. В 1920 г., в связи с наступлением Красной Армии, этот конфликт прекратился.
7. Georgian Archive (GA), Harvard University, Reel 6, box 3, book 23.
8. Ibid., Reel 88, box 27, book 60.
9. Documents of British Foreign Policy 1919—1939. 1st. ser., vol III. Lnd. 1949, p. 647.
10. Ibid., p. 701.
11. GA, Reel 89, box 27, book 66.
12. Ibid., Reel 100, box 31, book 29.
13. Ibid., Reel 74, book 84.
14. Имеется в виду вступление частей Красной Армии в Тифлис в феврале 1921 г.; 17 марта правительство Грузии сложило в Батуми свои полномочия.
15. GA, Reel 99, box 31, book 23—24.

Самоубийство перед поражением

А. И. Цюрупа

Исследователь тихоокеанского театра Крымской войны 1854—1855 гг. Б. П. Полевой указывал на то, что вплоть до последнего времени в литературе бытовало, или не исключалось, мнение, что английский контр-адмирал Дэвид Прайс был смертельно ранен в день первой перестрелки между русскими и англо-французами — то ли снарядом, то ли случайным выстрелом из собственного пистолета¹. Истина же состояла в том, что командующий объединенной англо-французской эскадрой совершил самоубийство, но не после битвы и понесенного в ней поражения, а до того, сразу же после первого обмена пушечными выстрелами.

Кто же такой был контр-адмирал флота британской королевы Виктории Дэвид Прайс? Могила его затерялась где-то на побережье Тарьинской бухты (Тарья, ныне бухта Крашенинникова)², одного из боковых заливов величественной Авачинской губы. На родине адмирала, в Уэльсе, в церкви селения Силиким находится красивая мраморная плита со следующей надписью: «Эта плита установлена в память Дэвида Пауэлла Прайса, эсквайра, контр-адмирала флага Британского военно-морского флота, рыцаря ордена освобождения Греции, мирового судьи графства Брекконшир. Он был вторым сыном Риса Прайса из Булчребанна, в этом же приходе, дворянина, от Анны, дочери покойного Дэвида Пауэлла из Аберсенни, в приходе Дифинок, дворянина»³.

Его карьера военного моряка началась с бомбардировки Копенгагена в 1801 году. С этого события и в последующие 14 лет во многих эпизодах, в которых он принимал участие, Прайс проявлял умение, храбрость и преданность долгу британского моряка. Он был прекрасным семьянином: в его достоинствах как сына, мужа и брата его не превзошел никто. Умер Прайс будучи командующим объединенной англо-французской эскадрой под Петропавловском 29 августа 1854 года в возрасте 63 лет⁴.

Но ошибется тот, кто совершит примитивное действие вычитания и сделает вывод, что против гарнизона Петропавловска и его командира В. С. Завойко выступил военачальник с 53-летним стажем. Юный Дэвид начал службу как волонтер первого класса на линейном корабле «Аднт»⁵. В 1803 г., 13-ти лет отроду, был произведен в мичманы и служил на малых судах в Вест-Индии. В 1805—1808 гг. воевал против Ла Рошели на «Центурионе» под командой С. Худа и — снова под Копенгагеном, под командой Гамбье, где был ранен. В 1809 г. — временный лейтенант, впрочем, уже в сентябре этого года звание было подтверждено. В 1811 г. отчаянно дерется на малых судах при Барфлере, тяжело ранен и на целый год выведен из строя. По выздоровлении служит на больших судах под Шербуром и Тулоном и в 1813 г. произведен в капитаны 3-го ранга⁶.

Прайс был участником англо-американской войны 1812—1824 годов. Командуя плавучей батареей «Вулкан», осуществлял знаменитую бомбардировку форта Мак-Генри (защищавшего

Цюрупа Алексей Игоревич — кандидат геолого-минералогических наук, доцент исторического факультета Камчатского педагогического института, г. Петропавловск-Камчатский.

подходы к Балтиморе) 13-дюймовыми разрывными снарядами. Именно они упомянуты в американском национальном гимне «Звездное знамя» как «бомбы, разрывающиеся в воздухе». Таким образом, Прайс вместе со своим кораблем вошел неотъемлемой составной частью в историю Соединенных Штатов⁷. При нападении Пакнэма на Нью Орлеан Прайс был снова ранен, но успел вернуться в строй, чтобы принять участие в захвате форта Бойер в южной Алабаме (ныне форт Морган).

В 1815 г. Прайс был вновь повышен в должности и --- выведен за штат. Лучшие годы своей жизни, с 25 до 44 лет, Прайс провел в отставке. «В полном разводе с профессией, в которой так отличился, — пишет биограф Прайса М. Льюис, — он не только утратил непрерывность профессионального опыта, но даже ощущение его... Если судить по тому, что мы знаем об его современниках, вероятно, он без толку отирался возле Адмиралтейства, тщетно домогаясь назначения»⁸.

Назначение нашло его только через 19 лет. В возрасте 44 лет Прайс получил в командование 50-пушечный корабль «Портленд» из состава Средиземноморской эскадры⁹. И Прайс снова проявил себя с наилучшей стороны. На этот раз — в ходе войны за независимость Греции. В 1837 г. король Греции Отто наградил его высшим орденом и распорядился написать его парадный портрет в капитанском мундире на борту корабля. На заднем плане картины — панорама Афин¹⁰.

История многократно демонстрировала, что геополитико-меркантильные интересы ведущих европейских держав — Франции, Англии, в другие времена — Германии — несмотря на христианскую фразеологию часто ставили их на сторону мусульманской Турции, а не ее христианских противников. Так было даже во времена, когда религиозные связи и противостояния неизменно выдвигались на первый план. Так было и во время войны Греции за независимость. Вероятно, британское Адмиралтейство не разделяло восторгов греческого короля по поводу успехов Прайса в этой войне, на которой погиб другой известный англичанин — великий поэт Дж. Байрон.

И вот Прайс снова на берегу, без должности. Он становится мировым судьей графства Брекнокшир, кстати, даже не имеющего выхода к морю. Еще восемь лет дисквалификации. Но на шестом году этой сухопутной жизни, в 1844 г., в возрасте 53 лет, Прайс женится. Избранница стареющего отставника — племянница адмирала У. Тайлора. Это — перелом, но какой поздний! Спустя всего лишь два года, в 1846 г., Прайс возвращается на службу, но не на море — он назначен комендантом доков в Ширнессе (порт на о. Шепли, вплотную примыкающем к побережью графства Кент). К своему 60-летию Прайс — контр-адмирал. И снова отставка. Но в 1853 г. он получает последнее назначение — командующим Тихоокеанской эскадрой.

Не слишком ли стар и далек от моря этот моряк, прошедший на суше уже 34 года из 53-х? Из них 30 лет — вне службы? Для Англии — нет. Командующему эскадрой на Балтике Напье было 68 лет, а Дандасу, также командующему эскадрой на Черном море, — 69¹¹.

Объявление войны с Россией застало Прайса 7 мая 1854 г. в перуанском порту Кальяо. Все три флота — англичан, французов и русских — были рассредоточены по самой большой акватории мира. Но мир тесен! Всего лишь 24 апреля Кальяо покинул русский Фрегат «Аврора» (официально война была объявлена еще 28 марта). Неподалеку, в Вальпараизо, видели «Диану». Где была «Паллада» под флагом адмирала Е. В. Путятина, где были остальные суда, были ли среди них пароходы? Неизвестно. И вместо немедленной погони за «Авророй» Прайс и французский адмирал, престарелый Феврие-Депуант в течение десяти дней собирались с мыслями. Они покинули Кальяо только 17 мая и, достигнув Гонолулу, узнали, что «Диана» ушла оттуда две недели назад, уже получив известие о состоянии войны! Взяв подкрепление в виде двух корветов, англо-французы продолжили путь на север 25 июля.

Надо отдать должное мастерству союзных навигаторов. Плывая в густом тумане с 14 по 27 августа, эскадра не растерялась, как корабли В. Беринга веком раньше, и уже 28 августа в полном составе обнаружила себя в открытом море, близ входа в Авачинскую губу, в видимости заснеженных вулканов. Однако навигационная точность не могла компенсировать огрехи стратегии: «С первого взгляда адмирал Прайс понял, какую серьезную ошибку совершили союзники, промедлив с преследованием фрегата «Аврора». «Аврора» была здесь и «Двина», вооруженный транспорт, оба пришвартованные к песчаной косе (отделявшей ковш гавани от внешнего рейда Петропавловской бухты. — А. Ц.), одним бортом к противнику. Орудия другого борта были сняты на наземные батареи. Появись союзники у Петропавловска месяцем раньше, положение русского командующего Завойко оказалось бы безнадежным»¹².

Последующие события развивались так: штиль 29 августа воспрепятствовал немедленному продвижению эскадры, но не помешал осуществить рекогносцировку на пароходе

«Вираго». Замаскировавшись американским флагом, «Вираго» подошел к бухте Петропавловска, увернулся от высланной навстречу шлюпки и тут же ретировался¹³, однако разглядел и батареи и оба подготовленные к обороне судна за песчаной косой.

Посоветовавшись, оба адмирала решили ввести флот в акваторию губы и подойти к Петропавловску, что и было сделано 30 августа утром. Тогда же «рано утром адмирал (Прайс. — А. И.) отправился на «Ла Форт», чтобы обсудить с французским адмиралом план атаки. Он вернулся на борт в приподнятом настроении и какое-то время изучал береговые батареи в подзорную трубу. Потом он спустился вниз... Я находился в одной из гамачных сеток, когда услышал хлопок, похожий на выстрел. В следующее мгновение снизу появился капитан и выпалил: «Адмирал застрелился! Ради бога, проследите, чтобы команда не знала!» Но было уже поздно... Адмирал оставался в сознании еще 2½ часа, непрерывно говоря о жене и сестрах. Он говорил о том, что совершил свой поступок, предвидя адские мучения... и умер, получив святое причастие»¹⁴.

Как известно, христианство осуждает самоубийство. Право распоряжаться жизнью принадлежит только тому, кто дал ее, — Богу. Однако познакомимся с записями того, кто по своей профессиональной обязанности все же принял у умирающего адмирала исповедь в грехах, капеллана флагманского фрегата «Президент» Т. Хьюма: «Мне сказали, чтобы я поторопился на главную палубу, поскольку, кажется, адмирал застрелился и зовет меня. Это оказалось правдой. Несчастный человек, расставшись со мной, спустился в маленькую каюту, где находились его пистолеты, наставил один из них себе на грудь, слева, и попытался прострелить себе сердце. Пуля, однако, отклонилась и вошла в легкие, причинив смертельную рану, но не такую, от которой смерть наступает моментально. Он был в полном сознании и, как только увидел меня, вскричал: «О, мистер Хьюм, я совершил страшное преступление. Простит ли меня Бог?» Он сказал, что причиной его преступления была неспособность перенести мысль о том, что ему предстоит повести в бой столько благородных и доблестных людей... которых любая его (адмирала. — А. Ц.) ошибка может подвести к гибели»¹⁵.

Преднамеренность поступка адмирала и опасения поражения или тяжелых потерь в качестве его причины прозрачно выводятся из собственных слов покойного, независимо друг от друга переданных двумя свидетелями. Таким образом, остается попытаться восстановить сопутствующие обстоятельства, которые, может быть, побудили Прайса именно к такому, а не иному, выходу из коллизии.

Способствовать этому могла нерешительность пожилого адмирала. Лирическое подтверждение такой мысли дает Хьюм: «Вообще-то, бедный старикан всегда был очень слаб и склонен к колебаниям по поводу всего, что делал». О том, что «тревога и нерешительность, насколько мы могли судить еще до прохождения Рио, владели адмиралом», писал и Дж. Палмер. Однако единственное подтверждение такой нерешительности, помимо медлительности в Кальяо и последующих гаванях на пути на Камчатку, — это указание Дж. Стефана на посланное 25 июля с пути между Гавайями и русскими колониями сообщение о намерении идти в Ситку, при том, что вплоть до 14 августа эскадра продолжала идти на северо-запад, курсом на Камчатку. После этого, когда эскадра на две недели вошла в густой туман, вопрос о смене курса отпал сам собою.

Действительно, бывает, что неспособность принять тривиальные, но логичные решения побуждает человека к решению нетривиальному, даже нелогичному, смертельно опасному, в том числе к самоубийству.

Адмирала могли мучить страдания жалости. Имеется в виду жалость к подчиненным, которым предстояло ввязаться в опасное, возможно, в безнадежное, дело. Такие настроения прямо прозвучали в собственных словах умирающего. Однако М. Льюис справедливо указывает, что выбранный им метод (самоубийство) и момент его исполнения менее всего способны были изменить эти обстоятельства к лучшему. Исходя из этих соображений, Льюис ставит вопрос о душевном нездоровье Прайса. Он пишет прямо: «Что произошло с адмиралом? Ответ на этот вопрос — дело, скорее, психиатра, нежели историка».

Накопленные переживания также могли сыграть зловещую роль в этом деле. Дж. Лафтон, автор статьи о Прайсе в «Словаре национальной биографии», считает его, «крепкого веселого человека, для которого лицезреть врага было не внове», не способным к болезненным переживаниям по поводу будущего боя или упавшего накануне с мачты матроса. На взгляд Льюиса, Лафтон «полностью игнорирует факт, что последний раз Прайс видел врага 40 лет тому назад». «Все они — капеллан, Лафтон, тогдашнее общественное мнение, — по-видимому, не заметили обстоятельство, которое не пропустил бы современный психиатр»: а именно, несколько тяжелых ран и смену яростной юности нескончаемым периодом разочарований¹⁶.

В целом его жизнь стала отражением жесткой сословной структуры английского

общества. Высокие должности были закреплены де-факто за элитарной аристократией, «в отвратительной тогдашней привычке которой было покупать патент на командную должность»¹⁷. Ни больших средств, ни знатных предков у простого сельского сквайра Прайса не было. Матримониальный прорыв принес не только определенные дивиденды, то и социальные обязательства, выполнение которых военное поражение могло сорвать. Словом, поводов для беспокойства было хоть отбавляй, так же как и причин к исчерпанию запасов «прочности», обычного терпения и надежд.

Последние впечатления были получены, как отмечают свидетели, с помощью бинокля во время наблюдений за русскими позициями. Вспомним, что Прайс отнюдь не был моряком линейного боя — всю свою жизнь его корабли «штурмовали бастионы». Именно в предстоящем виде столкновения он обладал уникальным опытом. Поэтому он в состоянии был оценить по особенностям рельефа и расположению русской артиллерии опасности предстоящего дела и вероятность неуспеха.

Ожидаемые последствия также могли усугубить психологические переживания Прайса. Любой знающий историю своей страны англичанин помнит случаи, когда военное поражение, иногда даже не ахти какое существенное, приводило неудачливого начальника на эшафот. И это происходило не в результате каприза абсолютной монархии, а в рамках парламентских процедур. Упущенная выгода империи расценивалась в самом старом парламенте мира как серьезное преступление. 8 марта 1856 г. в Палате общин прозвучало предложение отдать под военный трибунал виновников благополучной эвакуации на Амур адмирала Завойко и камчатского гарнизона в начале лета 1855 года. А ведь главной причиной, помешавшей англичанам перехватить флотилию русских, явилось в первую очередь тщательно скрытое Россией от всеобщего сведения островное положение Сахалина, то, что в устье Амура можно было попасть не только с севера, из Охотского моря, но и с юга, из Татарского «залива», оказавшегося проливом. Здесь нет и не могло быть субъективной вины никого из англичан.

Конец войны, бесславной на восточном театре, погасил интерес к этой истории. Кровавое поражение под Петропавловском в 1854 г. было воспринято тяжелее.

Останься Прайс в живых, он, чужой в высших сферах Адмиралтейства, мог бы не только жестоко пострадать сам, но и навлечь болезненно ощущаемую немилость света на жену, кузин и прочих близких ему людей. Во всяком случае, предположение о том, что спину верблюда сломала именно соломина подобных опасений, представляется мне самой вероятной причиной трагического решения. То, что сменивший его молодой (сорокалетний) капитан Ф. Никлсон, принявший на себя ответственность за последующие боевые действия, не пострадал, ничего не означает — он был как раз из «того» круга своих: баронет, сын прославленного генерала и т. д. Впрочем, то, что фактически случилось «потом», Прайсу узнать уже не довелось — он предупредил события, которые могли бы обернуться для него куда менее счастливо, чем они обернулись для Никлсона и других.

Примечания

1. ПОЛЕВОЙ Б. «Несчастное дело», или фиаско (неизвестные английские источники о Петропавловской обороне) — Камчатская правда, 22.VIII. 1992. Конец этому заблуждению положило письмо духовника (капеллана) флагманского корабля англичан Т. Хьюма (Holme), опубликованное через 109 лет после сражения, в 1963 г. (подробнее об этом письме ниже). Однако, не могу не отметить, что Дж. Стефан (см. прим. 13), автор наиболее подробного из зарубежных описаний событий на Тихоокеанском театре Крымской войны, однозначно пишет в первом же упоминании о «смерти британского главнокомандующего от своей собственной руки» (с. 261). Упоминание Стефаном трех обстоятельств, которые «не обязательно подкрепляют версии преднамеренного самоубийства» (с. 265), делает честь его тщательности как исследователя, но ничего не меняет в выраженной им самим последовательности вероятностей. И немудрено: Стефан — американец, а не англичанин, тогда как именно сердца англичан «не грело и не может греть» это самоубийство перед сражением. Недаром они «все подумали, что произошел несчастный случай при зарядке пистолетов» (свидетельство лейтенанта Дж. Палмера, бывшего в этот момент на берегу адмиральского корабля «Президент», см. прим. 14).
2. Тарьинская бухта значительно больше собственно Петропавловской, но расположена на противоположной от последней южной стороне Авачинской губы. Можно предположить, что выбор последней в качестве гавани будущего Петропавловска-Камчатского был обусловлен тем, что, окруженная склонами южных экспозиций, эта часть сухопутной перифе-

- рии Авачинской губы освобождалась от снега несколько раньше, чем склоны северных экспозиций на юге. Вместилищем флота стала именно Тарья. Интенсивное освоение ее не видимого с зеркала Авачинской губы побережья в условиях резко ограниченного доступа «непосвященных», к которым, конечно же, принадлежали историки и археологи, привело в числе прочего к исчезновению следов захоронений, среди которых была и могила Прайса.
3. Текст надписи был прислан мне Э. Джеффри Джеффрисом из г. Мобила, штат Алабама, США. Будучи внуком по отцовской линии племянницы адмирала Прайса, он сохранил контакты с родиной предков, а самое главное — снабдил меня неоценимыми материалами по биографии своего прадеда. Он же проконсультировал меня относительно транскрипции головоломных валлийских топонимов.
  4. Дата смерти Прайса, указанная на памятной плите, усугубляет расхождение между датировками событий лета 1854 г. по русским и зарубежным источникам до двух суток. Систематическое суточное расхождение между ними объясняется тем, что день исчез за счет выбора направления огибания земного шара вдогонку солнцу. Крохотное удлинение каждого дня после завершения кругосветного путешествия суммировалось в целые сутки. Подлинная же дата смерти адмирала Прайса по современному летосчислению (по «новому стилю») — 31 августа.
  5. Из письма Джеффриса от 10 октября 1990 года.
  6. Формальные данные, если иное не оговорено, заимствованы из послужного списка Прайса, опубликованного Люисом: LEWIS M. An Eyewitness at Petropaulovski 1854. — *The Mariner's Mirror*, Vol. 49, November 1963, p. 267.
  7. SAMMIE E. Mобilian's forebear in War of 1812 from Fort McHenry to Fort Bowyer. — *Mobil Press Register*, 9.XI.1980.
  8. LEWIS M. *Op. cit.*, с. 268.
  9. Джеффрис считает, что его прадед командовал всем Средиземноморским флотом, но данные Люиса, основанные на архивных источниках, более надежны.
  10. Как сообщил Джеффрис, этот портрет находится в его бывшем доме в г. Джексоне, штат Миссисипи, США. Хозяин передал его цветную копию в городской музей Мобила — города, возле которого воевал его английский предок. К сожалению, подпись художника на портрете неразборчива.
  11. LEWIS M. *Op. cit.*, p. 267.
  12. Защитники отечества. Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1654 году. Сб. док., восп., ст. Петропавловск-Камчатский. 1989, с. 271.
  13. STEPHAN J. The Crimean War in the Far East — *Modern Asian Studies*, 1969, т. III, № 3, pp. 257—277, 263. Редакция русского «Морского сборника», опубликовавшего перевод статьи французского автора Э. Дю Аيي «Тихоокеанская кампания. Петропавловская экспедиция» (1860, № 2, с. 470—505) отметила его «снисходительность» к этой хитрости, которую союзники, не смущаясь, именуют «унизительной», коль скоро сами становятся объектом ее применения со стороны третьих держав. Впрочем, поведение парохода мгновенно выдало его принадлежность противнику (это отражено во многих материалах вышеуказанного сборника).
  14. «Извлечения из писем и судового журнала моего деда, адмирала Джорджа Палмера», составленные полковником Е. Палмером для своих внуков и присланные им мне в письме от 26 сентября 1990 года. Главным документом этих «извлечений» является письмо Дж. Палмера, написанное им 8 сентября 1854 г., сразу после сражения, своим родителям. Цитата из этого письма показывает, что он, будучи тогда капитаном судна, был непосредственным свидетелем самоубийства Прайса и, следовательно, альтернативные оценки происшествия, бытовавшие в последующие десятилетия, вероятно, имеют охранительно-идеологический умысел.
  15. Из письма Хьюма, датированного 12 сентября 1854 года. Письмо это было предоставлено Люису в копии, исполненной, видимо, сразу после получения письма женой Хьюма с очевидной целью разослать друзьям. Все то, что относится к смерти Прайса, скопировано полностью, но последующие события изложены конспективно, так как они, как догадывается Люис, лишь что-то добавляли к материалам, публикуемым в прессе. Люис полностью воспроизводит присланный ему текст (LEWIS M. *Op. cit.*, pp. 268—269, 271—272).
  16. *Ibid.*, с. 269—270.
  17. Открытое письмо для прессы Джеффриса, написанное в январе 1991 г. и присланное мне.

Западноевропейская средневековая городская геральдика и эмблематика *

А. П. Черных

Средневековая городская геральдика изучена пока что недостаточно. Это связано с состоянием источников: кодификация гербов шла неравномерно, а ряд источников, подобных турнирным гербовникам, для города отсутствует. К тому же источниковая база очень разобцелна. Из-за этого создается впечатление меньшего употребления городом гербов и эмблем, хотя они были достаточно распространены.

В конце XIV в. в Кёльне имелся особый цех вышивальщиков гербов. Обилие бытовавших в городе гербов было таково, что число печатей города и всех его братств и цехов, приложенных к Кёльнскому союзному договору от 14 сентября 1396 г., достигало 25¹. Гербы городов встречаются и в гербовниках, но не на первых местах, а после личной геральдики, например в гербовнике 1459 г. герцога Альбрехта VI². В литературе существует мнение, что город усваивает гербы вслед за благородным сословием, подражая этому первичному и полноправному обладателю гербов. Но с этим можно согласиться лишь в том смысле, что город занимал действительно не первое место в средневековой иерархии. Если же говорить о том, что стало основой изображения в городском гербе (оно нередко восходит к изображению на городской печати), то тут городские гербы самостоятельны.

Что касается их статуса, то определенное тождество городского и сеньориального гербов подтверждается их близкой правоспособностью: городской герб, как и любой другой, мог быть подвергнут диффамации за преступления обладателя. Такое наказание постигало городские гербы за измену или нелояльность, за что наказывались и личные гербы. Хотя подобные примеры редки, они все же существуют. Таков герб португальского конселью Ф. де Каштелу Родригу: серебряный, с перевернутым щитком герба Португалии. Старый герб был дарован донной Беатриш Кастильской и диффамирован по приказу короля Жоана I за то, что при династическом противостоянии, во время кризиса конца XIV в., принял сторону Беатриш.

Зафиксированные в правовом отношении городские гербы известны с XV века. Первоначально герб города существовал в виде печати и в виде знамени, не обязательно совпадавших по изображению. Например, во Флоренции употреблялся для знамени разделенный вертикально белый и алый знак коммуны и знак пополо — белое поле с алым крестом, а белое поле с алой лилией стало употребительным с 1251 года. Печать же появилась в городе очень рано. Практика употребления печати восходит к древнеримской традиции. Но средневековая городская печать возникает на иной основе, чаще всего христианской.

В XII в. в германских землях уже были известны печати Кёльна, Майнца, Аахена, Трира,

---

* Работа финансируется Российским гуманитарным научным фондом (проект № 95-06-17180).

Черных Александр Петрович — кандидат исторических наук, заместитель директора Института всеобщей истории РАН.

Вормса; в бельгийско-нидерландском регионе печатями обладали Льеж, Утрехт, Куртре, Гент, Ипр; в Южной Франции — Арль, Перигё, Авиньон; для Италии примеры многочисленны. В XIII в. в германском регионе стали известны еще 27 городских печатей, в бельгийско-нидерландском — 34, в Южной Франции — 21.

Связь городских печатей с городскими гербами была подмечена давно. Наиболее ранними были печати с изображением святого покровителя города, перекочевавшим затем в городские гербы, что имело место повсюду в Западной Европе, хотя большинство их впоследствии видоизменилось. Это первый из распространенных типов городских гербов, самый ранний по времени.

Известны и два других употребительных типа. Во-первых, гербы приморских торговых городов с изображением корабля. Тут можно назвать Ля Рошель (около 1200 г.), Любек (1226 г.), Винчесли (ок. 1270 г.), Домм (1275 г.), Киль (1283 г.), Данциг (1294 г.), Ипсвич (конец XIII в.), Штральзунд (1301 и 1329 гг.), Фавершем (начало XIV в.), Эльбинг (1350 г.) и др. Герб Парижа, несмотря на удаленность города от моря, тоже относится сюда, ибо там существовала влиятельная корпорация «Братство купцов, ведущих торговлю по воде» с монопольным правом плавания по Сене³.

Второй тип городского герба, с изображением городских стен, ворот и воротных башен, также происходит от городских печатей. Геральдические стены и башни не надо принимать за буквальное отражение их облика. Это эмблема, отражающая правовой статус города, подтверждаемый наличием подлинных стен, то есть демонстративное конституирование города во внешнем мире: использование стен в печати и гербе есть свидетельство статуса поселения. Стены, башни и ворота в качестве эмблем города появились уже на монетах Магдебурга, Мюнстера и Кёльна в 1197 году. Эмблематическое выражение города посредством стен впоследствии настолько укоренилось, что таким знаком пользовались в гербах даже города, никогда стен не имевшие, например Наунхоф⁴.

Появление городской геральдики было вызвано конкретной потребностью как в сфере внешних сношений и в военных мероприятиях, во взаимоотношениях с сеньорами и другими городами (пример: договор Генуи с Венецией 1242 г., по которому в целях безопасности корабли того и другого города должны были нести щиты с гербами обоих городов), так и ради внутригородских проблем, поскольку они были связаны с гербами и знаками городских обитателей.

Прежде всего речь идет о ремесленниках. Известны многочисленные знаки каменщиков, например строителей аббатства Сен-Дени во Франции. Часть их простых эмблем напоминает буквы, часть — геометрические знаки: круги, треугольники, квадраты, кресты, часть похожа на рунические письмена или не вполне понятые географические изображения. Для удостоверения качества изделия такими марками пользовались не только каменщики, но и другие ремесленники. В середине XIV в. кузнецы ставили на мечах и других изделиях знаки, «по которым узнаются изделия этого мастера, и потому данные товары лучше продаются и охотнее покупаются»⁵. Такова же одна из известнейших оружейных марок — золингенский волк. Аналогично поступали изготовители бумаги, помечая каждый лист знаком мастерской, в которой он сделан.

Геральдическая эпоха в Западной Европе являлась временем не анонимных, а криптонимных (тайнописных) мастеров. Однако средневековая криптонимность существует лишь для нас. А для ее современников система, при которой вся ремесленная продукция маркировалась, естественна. Если изделие делалось на заказ, то оно снабжалось личным знаком или гербом заказчика-владельца. Если же изделие предназначалось для обезличенной продажи, то оно метилось эмблемой мастера, мастерской, цеха или города, в зависимости от характера изделия.

Существовали изделия особой точности: весы, гири, меры. Они снабжались эмблемами, как бы удостоверявшими их точность. Городской герб Нюрнберга был помещен на здании весовой. Сюда же относится монета, правом чеканки которой в качестве сеньориального права обладал город. Изображение герба на ней было призвано гарантировать качество монеты. Тут гербы тоже оказывались сертификатом качества и обеспечивали контроль за ним.

Несложными знаками геометрического характера пользовались купцы для обозначения принадлежности товаров. Их эмблемы могли основываться на инициалах имен купцов, но могли и не совпадать с ними. Простота исполнения вызывалась тем, что ими маркировались тюки, бочки и другие товары, отправляемые морем. После маркировки они могли быть распределены между несколькими судами или загружены на одном судне с товарами других владельцев. Эти марки регистрировались и тщательно сохранялись. В ганзейских городах

такие эмблемы рассматривались как доказательство законного владения. Со временем они из личных и семейных превращаются в марки торговых домов и компаний.

На ранних этапах ими пользовались так же, как пользовались своими гербами представители благородного сословия: младшие члены семьи получали в фамильные эмблемы некоторые дополнения и при собственных коммерческих операциях пользовались фамильными эмблемами с отличиями. С XV в. такие эмблемы стали применять на окнах, стенах и надгробиях, чтобы всем было видно. Впоследствии, если представитель бюргерского рода приобретал знатность, это клеймо могло попасть в гербовый щит. Так было в Швейцарии и Германии. Иногда при бракосочетании купца с обладательницей герба его знак соединялся с ее гербом⁶.

Широкое распространение имела корпоративная эмблематика. Существовали лондонские компании и ремесленные корпорации XIV—XV вв. с эмблематически определенной одеждой своих членов — «ливрейные компании». Булочники носили ливрею оливково-зеленого и оливково-коричневого цветов, ювелиры — белого и алого, кожевники — желтого и алого. В XIII в. известна одна такая грамота, в XIV — восемь, в XV — 18. Это была лишь церемониальная, а не повседневная одежда. Корпоративные эмблемы складывались повсеместно и постепенно приобретали традиционный вид гербов. Город тяготел к тому, чтобы выразить себя посредством герба не только как сеньор, но и как некая корпорация, городское единство. Кроме того, город наполнялся личными гербами горожан, особенно в Германии и Швейцарии.

Такие гербы возникали разными путями. В 1371 г. король Франции Карл V позволил парижанам носить гербы, весьма им желанные. За помощь, оказанную жителями Экса марсельцам в отражении Альфонсо Кастильского, решившего разграбить Марсель, Людовик III герцог Анжуйский и граф Прованский в 1431 г. даровал им право поместить в их эмблемы главу его собственных гербов. Хотя городскую эмблематическую среду формировали в первую очередь горожане, принимали в этом участие не только они. В городе постоянно жили сеньоры, традиционные обладатели гербов. Они помещали гербы на фасадах собственных и общественных зданий. В 1434 г. коммуна Ареццо решила увековечить на фасадах общественных зданий гербы всех подеста и капитанов, которые справлялись со своей должностью. В результате фасад Палаццо Претории в Ареццо насчитывает более 80 гербовых изображений⁷.

В городской эмблематике присутствовали и религиозные эмблемы. Ведь большинство городских корпораций вело происхождение от ремесленно-приходских объединений или религиозных братств с патронажем конкретного святого. Поэтому в их эмблемах сохранялись изображения религиозного содержания или благочестивые девизы. В эмблеме лондонской компании ткачей имеется изображение Девы Марии; в эмблеме компании торговцев тканями присутствуют три короны Богородицы. Из 25 патентов лондонских торговцев за 1439—1500 гг. пять полностью состояли из религиозных эмблем, а пять сочетали их с торговыми.

Одновременно существовали личные эмблемы и гербы клириков и орденская геральдика. В помещении церкви присутствовали и гербы суверенов, и личные гербы дарителей, и гербы патронируемых братств, гербами были снабжены надгробия. Фасад здания тоже нередко оказывался местом изображения гербов, как фасад коллегии Сан-Грегорио в Вальядолиде. Иногда фасад храма превращался в один гигантский герб, как у церкви Санта-Мария-делле-Грации на юге Италии. Во дворце Сапиенция и церкви Св. Ива в Риме элементы герба папы Александра VII (гора и звезда) увеличились до размеров архитектурных сооружений. Сюда же отчасти примыкает и эмблематика отдельных частей города, кварталов и приходо-в. Примером такой визуальной внутригородской топографии служит праздник палио в Сиене — реликт средневековой эмблематической повседневности.

В 1264 г. Кёльн обладал городской печатью, но кёльнский капитул пользовался в то же время своей. Однако произвольности в пользовании гербами не было: высшим по уровню оставался герб всего города. Показательно само отношение к городской эмблеме: в цеховой грамоте Аугсбурга 1386 г. утверждается, что печать, наряду с книгой и грамотой, это «все, ...в чем выражена свобода нашего города»⁸. К складыванию высокого уровня герба города вели его отношения с другими городами и с сеньорами, причем город либо усваивал герб сеньора, либо гербом становилась его старинная эмблема. Иногда эти принципы совмещались, тогда город получал от суверена почетные дополнения в герб. Король Франции Карл V 19 июня 1396 г. пожаловал жителям Аббвиля право присоединить к полным гербам области, чьей столицей был Аббвиль, главу Франции: золотые лилии на голубом поле («в знак признания их верности»). Бургундский герцог Филипп Смелый 22 сентября 1391 г. наделил жителей Дижона «за верную и добрую службу» правом включать в алое поле их герба главу Бургундии. Граф Фландрский Филипп Добрый 15 марта 1429 г., в ответ на представленный цехами Гента запрос, даровал

городским ремесленникам право ношения знамени, разделенного вертикально, с гербами Фландрии на первом месте и города — на втором.

Происхождение городских гербов порою было овеяно легендой, как в случае с гербом Эрфурта, с помещенным в алом поле серебряным тележным колесом с шестью спицами. Оно напоминало о колесе, которое смиренно поместил в своей опочивальне один из горожан, сын тележника Виллигиз, достигший затем архиепископского сана в Майнце. Возникновение герба Лиссабона легенда связывает с переносом останков покровителя города, св. Винцента. После его смерти на пустынном берегу при нем находились два черных ворона. Когда его останки перенесли на корабль, птицы опять не оставили его. И когда корабль показался в виду городских причалов, его сопровождали те же верные птицы. На лиссабонских печатях 1233 и 1248 гг., где изображено одномачтовое судно с развернутым латино-арабским парусом, птиц не видно. Но на миниатюре 1502 г., хранящейся в Историческом архиве лиссабонского муниципалитета, один ворон сидит на носу, другой — на корме, а между ними на палубе покоится тело святого. Таким остался герб Лиссабона поныне.

Герб Рима — это пурпурный или алый щит с уширенным золотым крестом в верхнем левом углу и аббревиатурой SPQR (*senatus populusque romanus*: сенат и римский народ) в виде косой перевязи, диагонально от креста в правый нижний угол. Крест — вообще не редкость в европейских городских гербах. Герб Лондона — алый прямой крест в серебряном поле; в левом верхнем углу, в образуемом частью креста кантоне, помещен острием вверх алый меч. Герб Тулона — золотой прямой крест в голубом поле. Герб Марселя — голубой прямой крест в серебряном поле. «Стеновые» изображения на гербах иногда похожи, как близнецы, а иногда очень индивидуальны. Герб Фрейбурга — серебряная крепость с двумя серебряными башнями и открытыми воротами под алой кровлей в голубом поле; герб Бергена — алая башня с запертой дверью на трех зеленых холмах в серебряном поле, над башней виден восстающий черный двуххвостый лев в золотой короне.

Города не стремились с течением времени перегружать поле своего гербового щита и сохраняли лаконичную основу изображений. Так, герб Меца весьма строг: разделенные вертикально половины серебряного и черного щитов. Гербом Лилля, напоминая собой флорентийскую эмблематическую традицию, служит серебряная лилия в алом поле. Герб Блуа — золотая лилия в голубом поле. Добавим, что городские гербы нередко близки сеньориальным как по происхождению, так и геральдическими фигурами. Серебряный щит с горизонтальным алым поясом — герб Бетюна. В золотом поле герба Гренобля — три алые геральдические розы. В золотом поле герба Арнштадта — черный орел с алым языком и когтями.

Средневековый город обладал несколькими эмблематическими уровнями. Их иерархия различна и связана со сферами бытования и использования. Можно говорить о формировании городской эмблематической среды. Она создавалась на основе раннекорпоративной эмблематики, где огромное значение принадлежало печати, и на нее влияло присутствие геральдизированных сеньоров в городе, а также принятие эмблем городским патрициатом. После этого происходила геральдизация города в целом, причем городская эмблематика постепенно начала господствовать над личной. В португальской Эворе лишь в 1475 г. должностным лицам, которые имели личные печати, пользование ими было запрещено решением кортесов и под угрозой штрафа предписано пользоваться печатями городского совета. Важность такой печати была велика. Например, в 1481—1482 гг. она хранилась в ящике, закрытом тремя разными ключами, находившимися у трех разных должностных лиц совета⁹.

Причиной заката городской геральдики было исчезновение тех специфических условий функционирования, которым обязана средневековая культура. С их уходом потерял свое значение и герб, что связано с общим процессом городского развития: ростом централизации, усилением бюрократии, сокращением политической автономности. Город все более становился административным элементом в централизованном государстве с преобладанием государственной эмблематики. Сюда надо добавить книгопечатание и распространение грамотности. В результате средневековая эмблематика заменялась текстовой информацией. Общегородские гербы уходили из жизни раньше личных, сохраняясь как пережиток, хотя были и попытки реанимации в XVII и в XIX веках.

Если говорить о форме выражения городской геральдики (форма щита, композиция гербов), то известная ее вторичность несомненна. Если же говорить о том, как складывалась вся городская эмблематическая среда, то база была шире и многообразнее, чем у сеньориальной личной геральдики. Это означает, что городская эмблематическая среда в XIV—XVI вв. включала в себя городскую геральдику благодаря своим разнообразным функциям. То есть

особенность средневековой городской геральдики состояла именно в наличии эмблематической среды, а не в появлении непосредственно городского герба, причем город служил единственным местом встречи разных проявлений геральдики.

Примечания

1. Немецкий город XIV—XV вв. М. 1936, с. 130, 132, 134.
2. Die Wappenbücher Herzog Albrechts VI von Österreich. Bohlau. 1986.
3. BASCAPÈ G. C., DEL PIAZZO M. Insegne e simboli: Araldica pubblica e privata medievale e moderna. Roma. 1983, p. 14—28; СТОКЛИЦКАЯ-ТЕРЕШКОВИЧ В. В. Основные проблемы истории средневекового города X—XV веков. М. 1960, с. 136.
4. Lexikon Städte und Wappen der Deutschen Demokratischen Republik. Leipzig. 1979, S. 305, 514.
5. CROSBY S. M. Masons' Marks at Saint-Denis. In: Mélanges offerts à René Crozet. T. 2. Poitiers. 1966, p. 714—717; САССОФЕРРАТО Б. ди. О знаках и гербах. — Средние века, вып. 52, 1989, с. 314.
6. A New Dictionary of Heraldry. Lnd. 1987, p. 241.
7. Encyclopédie méthodique. T. 1. Paris — Liège. 1784, p. 13; CHABANNE R. Le régime juridique des armoiries. Lyon. 1954, p. 294; BASCAPÈ G. C., DEL PIAZZO M. Op. cit., p. 534—537.
8. Средневековое городское право XII—XIII веков. Саратов. 1989, с. 92—93; Немецкий город, с. 149.
9. SOUSA A. de. As Cortes Medievais Portuguesas (1385—1490). Vol. 2. Porto. 1990, p. 436, 484.

Отечественная историография второй мировой войны.

Некоторые итоги и проблемы

А. Н. Мерцалов, Л. А. Мерцалова

Важные моменты истории второй мировой войны уже освещены в ряде трудов отечественных и зарубежных исследователей¹. В данной статье преимущественное внимание уделяется работам, увидевшим свет в последние годы.

Советская литература о второй мировой войне возникла на основе «руководящих установок» Сталина, его суждений о событиях и людях. Историки под неусыпным партийным контролем иллюстрировали «идеи вождя». Их концепция была достаточно примитивной. До вступления СССР в войну последняя определялась ими как империалистическая. Ведение Советским Союзом войны считалось во всех отношениях безукоризненным, как и проводившаяся им экономическая и социальная политика, а также дипломатия. «Некоторые трудности» объяснялись исключительно происками врагов.

Провозглашалось, что СССР сумел один на один разгромить самого сильного, коварного, беспощадного врага при ничтожной помощи союзников. Считалось, что победа эта была достигнута благодаря «мудрому руководству» Сталина и за счет преимуществ существовавшего в СССР режима. Политические и военные руководители, их креатура в науке и прессе использовали победу как своеобразную индульгенцию. Очередное «первое лицо» в советском государстве объявлялось чуть ли не главным творцом победы, суть пакта 23 августа 1939 г. скрывалась, как и причины и виновники поражений Красной Армии в 1941—1942 годах, неудачных операций последующих лет; размеры людских и материальных потерь СССР, судьба военнопленных. Строго хранилась тайна о репрессивной системе, жестокости и некомпетентности в руководстве военными действиями. Среди соответствующих мифов фигурировали утверждения об «изменниках», «перепуганных интеллигентах», «недисциплинированных красноармейцах», «заблаговременно подготовленной активной обороне». В условиях «холодной войны» и идеологической монополии не могло быть и речи о какой-либо борьбе мнений. Любая точка зрения, не совпадавшая с официальной, отвергалась. Хвалебное описание войны опиралось на скудную источниковую основу. Документы были недоступны историкам, воспоминания отсутствовали.

Сталинизм предал забвению важнейшие идеи Г. В. Жомини и других классиков военной теории, в первую очередь — о научной основе всего военного дела, в том числе и истории войн, общепринятые еще в XIX в. положения: «военное искусство состоит в том, чтобы, располагая более слабой армией, чем у противника, всегда иметь больше сил, чем у него, на пункте, где его атакуют или он атакует нас» (Н. Кудрявцев); «решительные результаты с минимумом пролитой крови» (Ж. Л. Леваль). Были отброшены требования, которые наука предъявляет к полководцам; снят вопрос об ответственности политиков и военных (в т. ч. проблема преступного приказа). Неприемлемыми оказались и гуманные

Мерцалов Андрей Николаевич — доктор исторических наук; *Мерцалова Людмила Андреевна* — доктор исторических наук, профессор Воронежского государственного института искусств.

идеи о «справедливых пределах войны» (правовых и нравственных принципах ее ведения). Классическая военная историография служила разработке военной теории, историческое и теоретическое в ней было слито воедино. Военным классикам был чужд мнимый «академизм». Они смело обращались со своими советами непосредственно к главнокомандующим и императорам. Не восприняты были советскими историками примененный еще в начале XIX в. метод сравнительного анализа, глубокое уважение к предшественникам, логическая дисциплина. Непреодоленные и поныне синдром классового врага, комчванство поразили советскую военную историографию еще на рубеже 20—30-х годов. С классиками и наукой вообще покончили, «разгромив» А. А. Свечина. М. Н. Тухочевский в заглавном докладе на специальной созданной в 1931 г. конференции обвинил его в «защите империализма и пораженчестве». Дело в том, что Свечин, трезво проанализировав прошлые войны и соотношение сил в современном ему мире, рекомендовал СССР воздержаться от наступательной стратегии².

Первая значительная научная работа — 6-томная история Великой Отечественной войны — появилась лишь к 20-летию победы. Это произошло в условиях частичных реформ, связанных с решениями XX съезда КПСС. Многотомник был определенным шагом вперед: получили некоторое освещение поражения 1941 г., более или менее четко было показано, что среди 20 млн. погибших граждан СССР свыше половины служили в Красной Армии³. Проблему руководства военными действиями по-прежнему обходили молчанием или искажали. Партийные и армейские лидеры выдвинули тезис о единоличной вине Сталина, что напоминало схему из немецко-фашистской военной мемуаристики («плохой Гитлер — хорошие генералы»). До отстранения от должности Н. С. Хрущева критика Сталина была довольно широко распространена и не была заслугой одного лишь А. М. Некрича, как пытаются ныне представить⁴. Его книгу избрали лишь в качестве повода для расправы с инакомыслящими (1966). Новые властители стремились придать грубой фальши некое подобие правды. Так, сконструировали тезис об объективных и субъективных причинах поражений 1941 года. Историки и мемуаристы охотно восприняли спорные или ложные суждения: история-де отвела СССР «мало времени», Германия использовала в момент нападения возможности «всей Европы», советская экономика отставала, вермахт был отмобилизован, владел опытом современной войны. В действительности же главную роль сыграл чисто субъективный фактор — грубые просчеты Сталина, его политических и военных советников В. М. Молотова, С. К. Тимошенко, Г. К. Жукова. Писать об их «ошибках» позволялось только строго ограниченному кругу авторов. Критика не посягала на главное. Советское общество должно было знать лишь славные страницы истории.

На этой убогой основе в противовес «слишком либеральному» 6-томнику была издана 12-томная «История второй мировой войны». Ее создавал Институт военной истории Министерства обороны СССР (ИВИ, начальник П. А. Жилин, позднее Д. А. Волкогон). Н. Г. Павленко, А. М. Самсонов и другие видные специалисты от участия в труде фактически отстранялись как негодные начальству. В многотомник был включен специально отобранный фактический материал, который бы не нарушал принятой в те годы концепции истории второй мировой войны. В первых томах чудом еще сохранились некоторые спорные положения, например, разные трактовки характера войны в 1939—1941 гг. со стороны Великобритании, Франции, Польши. Хотя в целом 12-томник был выдержан в сталинистском духе, его апологеты до сих пор называют этот труд «первым» в мире «фундаментальным обобщением» истории войны. Но даже они вынуждены признавать пороки этого издания⁵. Помимо ИВИ в 70—80-е годы в разработке истории войны участвовали и другие историки. Но тон задавали члены политбюро ЦК КПСС и послушные им маршалы. Несколько оживили литературу о войне воспоминания ее участников, в первую очередь генералов и маршалов. Однако и эти мемуары «редактировались» и цензуровались так, что и они не изменили общей картины.

На рубеже 80—90-х годов военно-историческая работа активизировалась. Развернулась дискуссия по актуальным проблемам новейшей истории. Ряд авторов обосновывали новые подходы. Вышли в свет ранее запрещенные документальные и мемуарные публикации, научные работы по конкретно-историческим темам. В историографических трудах были сформулированы новые важные исследовательские проблемы. Среди наиболее значительных публикаций следует назвать книгу Н. Г. Павленко «Была война» (М. 1994), первый том очерков о войне, подготовленный Министерством обороны Российской Федерации и РАН⁶, 12—15-й тома Русского архива, содержащие материалы совещания руководителей Красной Армии (в 1940 г.), приказы Наркомата обороны (НКО) (1937—1941 гг.), документы советско-польских отношений, Берлинской операции. Однако, вполне ли соответствуют эти сборники документов требованиям научного источниковедения; чем, например, руководствовались составители, отобрав лишь 123 приказа НКО из 3000? Преодолен ли был здесь субъективизм?

Остаются закрытыми, по крайней мере, для «рядовых» исследователей архивы президента, ГРУ⁷.

Документальные публикации способствовали изучению важных проблем. Это видно на примере изучения Берлинской операции, дискуссия о которой началась сразу после войны. Был подвергнут критике ряд крупных просчетов руководителей этой операции. В 60-е годы В. И. Чуйков поставил вопрос, можно ли было наступать на Берлин без остановки на Одере. Его обвинили в «чистейшей аванюре», недооценке угрозы правому флангу 1-го Белорусского фронта. Но оказалось, что наступать на Берлин с ходу предложил Ставке военный совет этого фронта еще 10 февраля 1945 г., что опасности справа никогда не было. Враг не имел сил для контрудара. Остается неясным, почему Ставка не приняла предложения фронта; когда советские руководители узнали о подлинных намерениях и силах вермахта; кто скрывал «неудобную» часть показаний В. Кейтеля о невозможности германского контрудара. Документы, воспоминания, исследования показали: Берлинская операция не была «венцом блистательных побед», как и не был «самым удачным» выбор направления главного удара. Операция была «одной из самых дорогостоящих и затратных» (потери только убитыми, по разным источникам, составили от 78 до 300 тыс.), хотя Красная Армия во всем превосходила вермахт. Многие действия 1-го Белорусского фронта (лововой штурм огромного города, применение целых танковых армий в прорыве укрепленной обороны на подступах и в самом городе и др.) противоречили военной науке и конкретной обстановке. Для советских военачальников противник вновь оказался неожиданно сильным. Они ухитрились «сэкономить» на крови огромное число артиллерийских снарядов. Повлияли и ложные представления Сталина о намерениях союзников, стремление использовать соперничество Жукова и Конева, которое Павленко назвал «нелепым и преступным»⁸.

В литературе наряду с научной и псевдомарксистской появилась и открыто антимарксистская тенденция. «Новые историки» рьяно взялись разрушить все «до основания». Они не исследуют, а разоблачают всех и вся в интересах политической конъюнктуры. Методологически «новые» и старые историки близки друг другу. Подчас обе эти внешне враждебные тенденции уживаются в одной и той же работе⁹. «Новые» историки объявляют СССР главным, чуть ли не единственным виновником войны, изображают действия советской армии исключительно в темном свете, даже победу под Москвой называют «поражением» из-за очень больших потерь, а войну в целом — «проигранной» Советским Союзом. Эти авторы преувеличивают вклад западных союзников в разгром фашизма, требуют пересмотреть итоги войны. Они пишут об антинародной сущности партизанского движения, будто бы с самого начала инспирированного ВКП(б), НКВД, ставят на одну доску партизан и фашистских карателей. Воспринято мнение о Коминтерне и Национальном комитете «Свободная Германия» (НКСГ) как «инструментах» Сталина¹⁰.

Наиболее одиозным фактом явилось издание книг В. Б. Резуна (Суворова) «Ледокол», «Аквариум» и др. В научном и нравственном отношении они не выдерживают критики. Специалист не найдет в них новых фактов или суждений. Составившая их основу гитлеровская легенда о «превентивной» войне уже подвергнута анализу в СССР и за рубежом¹¹. К сожалению, многие рецензенты не заметили, что под антисталинистской маской Резун и люди, стоящие за его спиной, фактически реабилитируют фашизм, противопоставляют реальной его агрессии предполагаемые, но не доказанные намерения Сталина, вслед за неофашистскими публицистами смешивают чисто политическое с сугубо военным. В справедливой и несправедливой войне армия может и наступать, и обороняться, вести боевые действия в своей стране и за ее пределами. Любой генштаб обязан разрабатывать любые варианты действий, в том числе и превентивные. Еще К. Клаузевиц писал о «прекрасном использовании упреждения» как «преимуществе наступления»¹².

Поражает реакция на книги Резуна некоторых наших ученых. Наука на Западе давно и недвусмысленно отвергла его опусы. В Москве же в ущерб настоящей критике охотно вернулись к давно решенным вопросам. В некоторых опубликованных журналом «Отечественная история» статьях говорится, что эти книги восполняют «информационный вакуум», служат «катализатором исследований». Спорный характер носит сборник «Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?» Выделив эти слова в заглавии, в своих статьях и примечаниях авторы по существу говорят о войне агрессивной со стороны СССР. В ряде статей критикуется эта ложная версия, но господствует в сборнике все же антинаучная тенденция¹³.

В статье А. Н. Сахарова «Война и советская дипломатия: 1939—1945 гг.» (Вопросы истории, 1995, № 7) проводится идея о «небывалом возрастании роли низов общества». Она не согласуется с чем-либо известным о сталинизме, кроме его демагогии. Тем более, что

автор сообщает и о «безоговорочном контроле» генсека, возрождении им (спустя 15 лет после краха царизма) «авторитарной власти» с ее, как считает автор, «колоссальными внешнеполитическими преимуществами». Не может быть принят и его тезис о том, что «народной» Отечественная война была до 1944 года. Но мог ли измениться ее характер из-за того, что союзные дивизии СССР и Польши в одном из сражений перешли на другую сторону Буга?

Сахаров ставит «кардинальный вопрос», какую войну готовил СССР, «оборонительную или наступательную». Сравнение с 1812 г. не усилило его позиций. Гитлер качественно отличался от Наполеона и других захватчиков. Сам автор пишет: «враг был настолько силен, беспощаден, коварен», что и «логика борьбы», и сложные взаимоотношения с союзниками диктовали СССР разгромить врага на неприятельской территории. Автор утверждает, что такой удар в 1941 г. «спас бы миллионы жизней». Однако при многих преимуществах Красной Армии перед вермахтом она была неспособна нанести такой удар. Кстати, ни А. М. Василевский, ни Жуков не считались «мастерами упреждающих ударов».

Мы разделяем мнение Сахарова о «глубоком воздействии на весь характер сопротивления революционно-социалистических народных ценностей, соединенных с традиционным русским (не только русским. — *Авт.*) патриотизмом». Идеи Октября еще жили в народе. Но мы не можем принять пронизывающую всю статью мысль о мировой революции как цели Сталина в войне. Впрочем, у автора встречаются и прямо противоположные суждения: Сталину присущи были царистские устремления; «вечные национальные интересы» вышли «на первое место». Фактически автор признает, что еще в 30-е годы не только во внутренней, но и во внешней политике Сталин отказался от революционной романтики, лозунгов и тем более целей! В частично опубликованной в «Новом мире» записи его речи 19 августа 1939 г. и записке И. М. Майского «О желательных основах будущего мира» 11 января 1944 г. («Источник», 1995, № 4) за псевдореволюционной риторикой четко прослеживается стремление занять позицию третьего радующегося¹⁴.

Сахаров недооценивает специфику германского фашизма, чья глобальная захватническая программа исключала «союзы» с другими великими державами. К коалиции с СССР США и Великобританию побудили в первую очередь не их общественное мнение и не «сталинское руководство» (Запад «вождю» не верил), а сознание огромной опасности фашизма. Нельзя считать «во многом однотипными» цели гитлеризма и сталинизма, как и представлять СССР чуть ли не главным агрессором. Была ли когда-нибудь его внешняя политика «всемирной»? В статье есть и другие спорные положения. Так, автор пишет, что защищать или обличать сталинскую дипломатию якобы «совершенно бессмысленно». «Мораль здесь ни причем. В политике есть лишь результаты — победы или поражения». Но не возвращает ли нас такая постановка вопроса к первобытному праву: «победителей не судят»? «Умиротворение» лишь частично отражает суть сталинистской дипломатии первой половины 1941 года. Она не «действовала вполне в духе времени, решительно, масштабно, инициативно», как пишет автор. На деле Сталин, его политические и военные советники вели себя крайне нерешительно и противоречиво. Они пребывали в состоянии шока. Немецкие части пересекли оговоренные ранее границы не только в районе Нарева. Это не было «звонком к столкновению». Сталин сам оттягивал переход Красной Армией советско-польской границы. Пакт СССР и Японии (апрель 1941 г.) не мог стать «первым дипломатическим актом в развязывании второй мировой войны». «Советские аппетиты точно укладывались в геополитические российские приобретения XVIII—XIX веков»; «СССР вернул себе все, что ослабленная Россия утратила» в период гражданской войны, утверждает автор, забывая, что Сталин отказался от Люблинского и Варшавского воеводств, населенных поляками, и сохранил независимость Финляндии.

Как могла одна битва определить и «начало перелома», и переход стратегической инициативы из одних рук в другие? Неверно и политически вредно выделять «упорный характер (лишь. — *Авт.*) славянских народов». Вступление СССР в войну на Дальнем Востоке было, по мнению Сахарова, «грубейшим нарушением» пакта о нейтралитете. Но разве Япония соблюдала этот пакт, оказывая существенную помощь Германии, главному противнику СССР, и воюя с США, его главным союзником? «Холодная война» — не только ответ на победы СССР, но и продолжение традиционной политики Запада. И в 1941—1945 годы антисоветская, антироссийская линия определенных западных кругов подчас парализовала антифашистскую коалицию.

Ссылаясь на эту статью Сахарова, Ю. Н. Афанасьев также стремится представить, будто бы у Сталина были некие определенные и последовательно осуществляемые политика и стратегия. Но это — идеализация «вождя». Уже в начале 1941 г., тем более после краха его

курса 22 июня, на деле были неуверенность и метания из стороны в сторону, неадекватная реакция на быстро меняющуюся обстановку¹⁵.

Как показали посвященные 50-летию победы различные публикации, музейные выставки, в освещении войны господствуют старые представления. Они снова стали официальными. Сотни научных сотрудников исследовательских центров Министерства обороны и РАН не создали ни одной новой монографии. Институт военной истории сообщает лишь о планах своих будущих трудов. Еще в 1987 г. он выхлопотал в ЦК право издать новый многотомник по истории Отечественной войны, не имея ни концепции, ни трудов по многим важным проблемам. Мы не приемлем тезиса Э. П. Бройде-Треппера о «вылазках неофашистов, сталинских реваншистов», «зарезавших правдивую историю войны», написанную под руководством Волкогонова. Эту рукопись критиковали не только с консервативных, но и с научных позиций. Многотомник не состоялся. Лишь в конце 1995 г. взамен его Министерство обороны и РАН издали первую (из намеченных четырех) книгу очерков. Ее нельзя оценить однозначно. Конечно, официальные историки сделали шаг вперед. Однако очерки — это скорее пересказ упомянутого выше 12-томника, особенно в том, что касается разделов об экономике и дипломатии СССР.

Авторы обещали новые документы, выводы. На деле же они привлекли лишь некоторые, но далеко не все достижения отечественных и зарубежных ученых. Они отказались от дискуссии по давно решенному вопросу о характере фашистской войны против СССР; воздержались от мифа о «первом полководце» и даже продолжили критику действий и суждений Жукова; приняли наши замечания о сборнике «Гриф секретности снят» (о потерях РККА); поддержали тезис о том, что многие акции противника были неожиданными для советского руководства и после 1941 г.; привели дополнительные доводы против суждения ряда маршалов о том, что многие поражения армии произошли по экономическим причинам; повторили известные выводы о неспособности РККА 22 июня и наступать, и обороняться, о Московской битве как начале перелома в ходе мировой войны; подтвердили мнение о том, что приказ № 227 не вносил ничего принципиально нового по сравнению с приказом № 270 (заградотряды, расстрелы без суда и следствия применялись и в 1941 г.). Но заявив, что они «опираются на плечи предшественников», авторы не назвали ни одного из них, фактически посягнули на их приоритет.

Очерки отличаются противоречивостью суждений. Так, в одном из них говорится об исключительной власти Сталина, «единолично управлявшего всеми Вооруженными Силами страны», в другом — о власти «нескольких лиц», «номенклатуры» и даже «партии». Пишут о преимуществах авторитаризма и приводят многие факты, свидетельствующие о его вреде. Довольно часто признают пороки сталинистского руководства войной, пишут даже о преступлениях Сталина, но воздерживаются от общего научного, критического анализа проявлений сталинизма в военных вопросах. Авторы вскользь отмечают «неспособность и неготовность маршалов и генералов противостоять диктаторскому авторитету Сталина», приводят вопиющие факты их безответственности, и в то же время выдвигают на первый план вину именно политиков.

Не освободились авторы и от попыток смягчить пороки сталинского руководства. Так, явный провал сталинской дипломатии и стратегии в 1941 г. назван неким «структурным кризисом военно-политической системы СССР», откровенный авантюризм часто выступает под видом «излишне оптимистической» оценки обстановки, «самонадеянности», «переоценки возможностей». Порой авторы даже открыто оправдывают жестокость, противоправные приказы Сталина и его порученцев, находят нечто положительное в сталинских «чистках».

Противоречива периодизация истории войны. Основу ее составляет тезис Сталина о «коренном переломе». Историки однако по-разному трактуют его временные границы. Некоторые даже относят захват стратегической инициативы лишь к 1945 году. По-разному оценивается значение наступательной фазы Московской битвы. Противоречивы суждения о роли ленд-лиза в достижении общей победы.

На оценку важных моментов истории оказала влияние современная риторика. Так, исключив из своего труда ленинское учение об империализме, кстати, воспринятое многими немарксистскими историками, авторы очерков разделили зарубежные государства на «буржуазно-демократические» и «тоталитарные», подчас к последним относят и СССР. Отбросив социально-экономический подход, авторы объясняют возникновение войны то Версальской системой, то реваншизмом, то политическими эгоизмом и аморализмом. Напомним, что и НСДАП оправдывала Версальем свою глобальную захватническую программу. Авторы далеко не освободились от апологетической характеристики внешней политики сталинизма. О невысоком теоретическом уровне книги свидетельствует и многое

другое. Авторы, в частности, не сумели подняться до самых необходимых обобщений. Описание неудачных наступлений Красной Армии 1941—1942 годов пестрит ссылками на «превосходство противника»¹⁶. Но где это видано, чтобы слабая сторона наступала?

Тон в литературе о войне до сих пор задают генералы. Их труды преобладают и численно. Ведомственный, даже кастовый подход к прошлому, стремление соблюсти «честь мундира» во многом определяют их позицию: крайне осторожны критические замечания, часто присутствует прямое или косвенное восхваление сталинизма; фактически отсутствует анализ руководства вооруженными силами, соотношения потерь сторон на советско-германском фронте. На «научных» и «научно-практических» конференциях в который раз берутся они изучать, например, роль СССР, сопоставлять Сталинград и Эль-Аламейн, нападают на «беспринципных политиканов», стремящихся «развенчать подвиг народа и армии»¹⁷. В этот разряд часто зачисляют и тех, кто с научных позиций критикует сталинизм. Некоторые из авторов отдадут дань времени, например, намекают на безжалостное отношение Сталина и его ставленников к людям на войне¹⁸. Псевдомарксизм они спешно меняют на «государственный патриотизм» и православие.

Среди новейших публикаций — работы генералов Д. А. Волкогонова, М. А. Гареева, Ю. А. Горькова, Г. Ф. Кривошеева, В. Г. Куликова, М. П. Колесникова; трехтомник «Живая память», М. 1995 (статьи участников войны, журналистов, историков); серия брошюр «Полвека назад» (М. 1995). Выступления генералов на одной из конференций 1995 г. опубликованы в книге «Мифы и факты»¹⁹. Некоторые ее участники были не довольны представленным будто бы в литературе «зловещим и одновременно карикатурным образом Сталина-палача, растерявшегося и испугавшегося в первые дни войны». Они высоко оценили сталинистскую «систему», «блестяще приспособленную для решения одной задачи — мобилизации экономики на нужды военного производства», забыв при этом принудительный труд, образцово организованный голод десятков миллионов людей и другие необходимые опоры этой «блестящей» системы.

Следует отметить, что Гареев в отличие от большинства коллег существенно способствовал исследованию истории войны, в частности, неудачных операций РККА. Им сделаны важные наблюдения о том, что «положение военно-исторической службы крайне унижено», а «военно-историческая наука далеко отделилась от подлинной правды». Вывод об отрыве военной науки от правды подтверждают и статьи из главного теоретического журнала Министерства обороны. Так, Колесников, вместо обещанного анализа развития советской военной стратегии 1941—1945 годов, на деле привел давно известные по этому поводу общие положения, мимоходом упомянув «ошибки» руководства. Призвав учитывать «все без исключения обстоятельства, влияющие на ход и исход войны» автор на основе одного лишь факта победы повторяет давно провозглашенный, но никем не доказанный тезис о «полном и несомненном превосходстве» советской военной стратегии над германской. Гареев поддержал мысли о «завалах сталинизма», «недооценке» методологической работы, «некомпетентном вмешательстве» и настаивал на необходимости «до конца и беспощадно развенчать сталинизм». В некоторых публикациях автор не разделяет тезисов о вине одного Сталина и сплошных удачах Красной Армии после Сталинграда. В провале наступательных операций Западного фронта в октябре 1943 — феврале 1944 гг. он обвинил Ставку Верховного командования, а также командование фронтом и армиями. Автор приводит красноречивое осуждение У. Черчиллем, «красивых и дурацких фронтальных атак, кровью и телами заваливающих пулеметы»²⁰.

Однако Гареев часто останавливается на полпути, смягчает оценку отрицательных явлений и тенденций, впадает в противоречия. Можно ли сводить к «ошибкам» провал расчетов на быстрый разгром Финляндии в 1939—1940 гг., катастрофу 1941 года? Странно звучит суждение: «к концу третьей недели» (после 22 июня) удалось «в основном стабилизировать фронт». Абсурдное и вредное требование Сталина 10 января 1942 г. «полностью разгромить» противника в этом году автор бесстрастно оценивает как «не совсем реальное»²¹. Такая манера изложения часто перерастает в косвенную или прямую апологию. По словам Гареева, и самым знаменитым полководцам не удавалось избежать поражений. Но все дело в том, по каким причинам они терпели поражения. Игнорируя критику приказа № 227²², Гареев оправдывает его. Об операциях Красной Армии в 1945 г. автор пишет как о «грандиозных, небывалых по своим масштабам». Но разве уступали им действия вермахта в 1941—1942 годах? Можно ли игнорировать влияние капитуляции Японии перед США на ход и исход Маньчжурской операции? Характерно, что японские потери убитыми были 84 тыс., а пленными — около 600 тыс.²³.

Гареев по-старому трактует генезис войны, преувеличивая значение идеологических

влияний на политику держав и приуменьшая геополитический, экономический и другие факторы. «Главной целью фашистской Германии» и то на определенном этапе ее борьбы за мировое господство было не только «уничтожение» СССР, как пишет Гареев, но и покорение Восточной Европы. Фашисты стремились не «истребить» целиком народы СССР, а не допустить на его территории советской, царской, любой иной государственности, кроме германской; уничтожить или выселить часть населения, остальную — эксплуатировать. Анти-советизм не был «ведущей и интегрирующей тенденцией в политике капиталистических государств», не было и «чистой» войны «капитализма против социализма». В конечном счете возобладали национально-государственные интересы, противоречия — не пролетарско-буржуазные, а межимпериалистические. Они главным образом и привели к созданию антифашистской коалиции, а вовсе не «мудрость вождя».

Вслед за Сталиным автор утверждает, что пакт 23 августа предотвратил нападение на СССР в 1939 году. Но кто это доказал? Пакт «разорвал единый фронт империалистических государств»? Но такого фронта не было. Гареев утверждает, что пакт отрицал насилие. Но суть этого пакта проявилась как раз не в нападении, а именно в насилии над Польшей, ее разделе. Это стало явным уже через месяц, когда советская печать опубликовала схему разграничительных линий Красной Армии и вермахта. Неуклюже отрицая в течение десятилетий наличие секретного протокола к пакту, в СССР лицемерили. Пакт не был «достижением советской внешней политики», наоборот, он препятствовал созданию антифашистской коалиции. СССР долго воевал без союзников. Японская агрессия повернула на юг не после пакта, а после Смоленского сражения. «Пакт позволял улучшить оборону СССР». На деле же его военное положение к 22 июня ухудшилось. Пакт изначально противоречил праву. Наивно отрывать его от договора 28 сентября и неких последующих «ошибок Сталина и Молотова». Мы не можем принять и общего суждения Гареева: «в области внешней политики (СССР. — *Авт.*) было меньше деформаций и грубых извращений, чем во внутренней политике». Но оборона — это также внешняя политика. Она сопровождалась «извращениями», с которыми не сравнятся все «деформации» 30-х годов. Не стремится ли автор уйти от больной темы о вине военных? Ему близко и суждение об «объективных» причинах поражений²⁴.

После нескольких статей Ю. А. Горькова вышла в свет его книга. Автор публикует выписки из журналов посещений Сталина в Кремле, но ему не удалось извлечь из них что-либо существенное. Он заявляет, что стремился показать многогранную деятельность командования Красной Армии до и в ходе войны. Но автор не выполнил своих обещаний. Его обобщения не радуют ни свежестью, ни глубиной. Горьков признает, что ему не по чину критиковать «великих полководцев», в первую очередь, Сталина. «Трудно, а порой и невозможно сказать, оправданы ли были жестокие меры, .. легко рассуждать о бесчеловечных приказах». Объявив непознаваемой сталинскую войну, автор, тем не менее призывает учиться на ее опыте. Лишь вскользь касается он пороков «верховного». Тому «особенно нравились генералы, отличавшиеся грубостью, а иногда и крепкими кулаками». Автор сообщает о «типичном представителе этой породы» А. И. Еременко, о диком самоуправстве В. И. Чуйкова — расстреле офицеров (трибунал задним числом оформлял приговоры, инкриминируя им измену). Более близкие генсеку лица в этой связи не упоминаются. В главе «Из военно-научного наследия Г. К. Жукова» автор пересказал «найденные и отредактированные» им рукописи. Их однако нельзя отнести к «научному наследию». Упомянув доклад Жукова о наступательных операциях (1940 г.), автор промолчал, что он был написан группой офицеров под руководством И. Х. Баграмяна²⁵.

Чем объяснить, что полвека спустя у нас нет научной историографии войны, хотя по этой теме и написаны многие тысячи работ? Почему робкие подъемы сменяются новыми спадами? Очевидно, дело — в идеологизировании, в низкой профессиональной подготовке историков, их оппортунизме. В лучшем случае они видят свою обязанность в заготовке материала для начальственных докладов, постановлений и пр.

Антикоммунисты пытались исторгнуть из настоящего и прошлого все связанное с Октябрем, ВКП(б), СССР. Влияли и другие факторы. Известный английский историк Дж. Эриксон отмечал «капитулянтский курс на демонтаж принципиальных итогов войны». По его мнению, это вызывает гнев населения и вооруженных сил²⁶. Нелепой и противоречивой является попытка писать историю войны, не упоминая о роли КПСС (отдав ее место, например, церкви); даже неофашисты признавали, что миллионы коммунистов — это лучшие бойцы, рабочие, крестьяне.

Изъяны нашей литературы особенно ярко проявились в оценке Жукова. О нем опубликован большой и неоднозначный материал, науке предстоит еще изучить истинную его роль. Но за ученых уже решили. Наши суждения о сталинизме как порочном методе

руководства, органическом единстве Жукова со Сталиным опровергнуть никто не сумел, их просто обошли молчанием²⁷. Жукову приписали все победы, Сталину — поражения, назвав первого «главнокомандующим крупнейшей армией и победителем вермахта». Его жестокость и самовластье, «трофейную кампанию» при этом проигнорировали. Чтобы «поставить на место» критиков мифа, организовали заседания советов военных академий, конференции ветеранов и писателей, десятки публикаций.

Мифотворцы ссылаются на Запад. Но там превалируют сдержанные суждения²⁸. Слова *great captain* из названия книги У. Спара (США) Н. Н. Яковлев, поклонник маршала, перевел как «великий полководец», что однако не соответствует ее содержанию. «Основной источник его книги», признает Спар, это — мемуары самого маршала, что вдвойне некорректно: они наполовину написаны «соавторами» из ГлавПУРа. Спар пытается быть объективным. Противоречиво изображает он Жукова как деятеля, стоящего вне идеологии, и одновременно как приверженца сталинизма. Спар сообщает о «провалах» маршала: не сумел окружить врага под Ельней, разгромить группу армий «Центр» зимой 1941—1942 годов, достичь цели на Северокавказском фронте и др. Автор глухо намекает на секрет успехов маршала — львиная доля подкреплений шла на «его» фронты. Спар в очень мягкой форме сообщает о «различном отношении Жукова и Д. Эйзенхауэра к количеству людских потерь в военных операциях», т. е. о различных методах ведения войны.

Спар находит в маршале «воплощение чести и мужества русского народа» и одновременно сообщает об «откровенной грубости», «приступах ярости», «хамском отношении» к подчиненным, зависти даже к своему родственнику Василевскому, злопамятстве, эгоцентризме, стремлении «приписать себе почти все победы», а поражения — политикам. В армии его звали «маршалом-тройчаткой» (понижить, снять, уволить). Но какое отношение имеет всё это к «честью русского народа»? Характерно, что вспоминая «обходительных» Б. М. Шапошников и К. К. Рокоссовского, биограф замечает, что жуковский стиль «преобладал в среде высшего советского военного руководства»²⁹. Миф породил новые и усилил старые искажения прошлого, затормозил освещение негативных сторон многих событий, к которым причастен Жуков. Так, извращены значение и цена разгрома на Халхин-Голе одной и к тому же не первой классной пехотной дивизии Японии. Кстати, Сталин в речи 5 мая 1941 г. требовал не преувеличивать этот боевой опыт Красной Армии³⁰.

Литература о войне и раньше была слабее других разделов отечественной науки. Ныне разрыв увеличился. Не выполняются элементарные требования. Стало не обязательным анализировать взгляды предшественников (что позволяет прослыть первооткрывателем), четко сформулировать в соответствии с этим свою исследовательскую задачу, грамотно назвать книгу, главу, статью. С застарелой недооценкой теории связано повышенное внимание к частным моментам: почему не Сталин принимал парад Победы, кто первым ворвался в рейхстаг (а нужно ли было вообще устраивать это кровавое состязание?)³¹. Конъюнктурный бум с многотомниками сменился забвением общих проблем войны.

Антитеоретичность проявляется в ставших привычными попытках рассматривать историю войны вне связи со сталинизмом и гитлеризмом, в размытых о них представлениях. Сталинизм — это не «ярко выраженная форма национал-большевизма» (Я. Грей) и не только культ личности. Это — контрреволюционная авторитарная система, основывавшаяся на государственной собственности, распространявшая свое влияние на все стороны общественной жизни. Сохраняя некоторые приобретения революции, прикрываясь марксистской фразеологией, тиран захватил власть, цинично эксплуатируя многовековую традицию самодержавия и православия, почитания властей и другие не лучшие качества. Он опирался главным образом на чиновников — в партии, государстве, армии, экономике, культуре, науке, церкви. Сталинизм носил многие порочные черты своего создателя.

Военные историки не сумели воспринять современное понимание фашизма, они не учитывают, в частности, тезис о достаточно широком круге общественных сил Германии, содействовавших власти НСДАП³², трактовку целей фашизма в Восточной Европе. В новейших изданиях исчезла критика антинаучной доктрины тоталитаризма. Д. Байрау (ФРГ) подчеркивал, что в Западной Европе эта версия была «отброшена как неудовлетворительная», но в Восточной Европе «подхвачена как боевой клич». Некоторые ученые, бездумно отождествляя сталинизм и гитлеризм, их «геополитические цели», игнорируют попытки сравнительного анализа этих авторитарных систем³³.

Военные историки оперируют многими нечеткими определениями. Некоторые из них, чтобы оправдать поражения Красной Армии 1941 года, вслед за Сталиным пишут о внезапности нападения фашистской Германии на СССР. Но какое нападение можно считать внезапным? Которого никто не ожидал или к отпору которого оказались не подготовленны-

ми, хотя и ожидали его? Какой была внезапность 1941 г., стратегической, тактической, психологической, всеобщей? Каковы были ее последствия — некоторое замешательство или катастрофа? Когда они были преодолены, за три недели после 22 июня 1941 г. или их пагубное влияние сказывается до сих пор в виде громадных социальных и демографических потерь? Еще в XIX в. наука считала, что «генерал, застигнутый врасплох, есть уже генерал опозоренный». Справедливо и целесообразно ли, что первые лица, «подарившие» противнику в 1941 г. фактор внезапности, не только не были наказаны, но и возвеличены?

Наибольший вред наносит односторонний подход к изложению истории второй мировой войны: фактически лишь с позиций СССР. Показана лишь парадная сторона войны. Военные историки слабо владеют методом сравнительного анализа. Тщетны их попытки, например, сопоставить руководство СССР и Германии, СССР и западных союзников.

Анализ отечественной и зарубежной историографии различных направлений приводит к выводу: для воссоздания истинной истории войны нужно раскрыть взаимосвязь и взаимодействие всех противоположных тенденций, принципов, приемов, идей — демократических и авторитарных, подлинно- и ложно- социалистических, народной инициативы и принуждения, цивилизованных и диких, нормальных и чрезвычайных, целесообразных и абсурдных, интенсивных и экстенсивных, гуманных и зверских, героических и подлых. И дело не только в этой полярности. Например, взаимоотношения народа и власти характеризовались самыми различными позициями — от органического сотрудничества до активного протеста. Но были и совпадения интересов режима с подлинными интересами народа. Не изучены и такие противоречия: одним из главных достижений советской системы был разгром фашистского агрессора, но этот разгром сопровождался и преступлениями режима: усилением авторитаризма в СССР.

С антитеоретичностью связано непонимание социального предназначения военной историографии. Его нельзя ограничить лишь «образованием, просвещением и воспитанием». Важнейшую задачу составляет изучение опыта прошлого, извлечение политических и иных уроков. Вместе с политиками и военными историки ответственны за многие социальные издержки (формирование синдрома 1941 г., бессмысленная гонка вооружений, закрепление, начиная с 1941 года, за дилетантами верховной военной власти и др.). В условиях авторитаризма этот вопрос даже не возникал. Тщетными были надежды, что где-то в Генеральном штабе изучается и используется драгоценный опыт.

Теоретический уровень военных историков характеризуется также их отношением к инакомыслящим. «Разоблачение империалистических фальсификаторов», как чуть ли не главная задача историков, сменилось таким же тенденциозным восхвалением зарубежной историографии. «Новые» критики западной историографии утверждают, что будто бы на всех их предшественниках «лежит налет идеологического груза». Конечно, что-то должно быть пересмотрено. Так, понятие «буржуазная историография» применялось часто неудачно. Но зачем отбрасывать весь опыт «старой» критики? Вопреки своим обещаниям «новые» авторы рассматривают зарубежную историографию вне ее развития, дифференциации, национальных особенностей³⁴. Издаваемые ныне зарубежные книги лишены необходимых предисловий и примечаний, без чего и опытному читателю трудно, например, по ранней книге Гитлера составить верное представление о фашизме, который, как и сталинизм, наиболее полно проявил себя во время войны. Под названием «Вторая мировая война: два взгляда» изданы труды Г.-А. Якобсена (ФРГ) и А. Тейлора (Великобритания). Но почему их существенно сократили, лишили научного аппарата? Положительным фактом являются совместные издания отечественных и западных историков: «Барбаросса» (Эдинбург. 1994), «Сталинград. Событие. Воздействие. Символ» (М. 1994), «Россия и Германия в годы войны и мира (1941—1995)» (М. 1995).

Складывается ложное представление о легкости рассматриваемой нами темы, которая привлекает к себе многих непрофессионалов. Конечно, беллетристика и публицистика (в их числе — радио и телевидение) играют важную роль в распространении исторических знаний. Но как найти истину, если в том или ином произведении художественное, мемуарное, документальное, монографическое настолько перемешались, что отличить их, зачастую, не может и сам автор? Число «документальных» романов и повестей, очерков и «мозаик» о войне бурно растет. Многие их авторы называют эти сочинения «исследованиями» — писательскими, журналистскими, статистическими и т. п. Знатоками войны считают себя очень многие — от участника боев до журналиста. Дилетанты смело решают любые проблемы истории.

В отечественной литературе о войне и через 50 лет после нее многое изображено

ложно или вообще не освещено. Это относится к периодизации войны (ее принципам, временным рубежам), ее происхождению, ходу и исходу, и другим проблемам, казалось бы давно решенным. До сих пор у военных историков нет четкого представления, например, о важных аспектах знаменитых Ленинградской, Московской, Сталинградской, Курской битв. Выдвигая на первый план «битву за Москву», не преуменьшают ли роль всего советско-германского фронта — от Ростова до Мурманска? А ведь именно советское сопротивление в июне — ноябре сорвало план германской скоротечной войны, а значит и расчет на разгром СССР в целом. Кто в действительности возглавлял оборону Москвы? По чьей вине контрнаступление под Москвой не достигло намеченных целей?

Библиография публикаций о советском тыле составляет несколько томов. Но многие важнейшие проблемы остались не освещенными. В их числе — нужно ли было переводить экономику СССР на военные рельсы, если она и раньше была военной, чем отличались друг от друга экономика СССР, Германии, США? Е. С. Сенявская в книге «1941—1945. Фронтовое поколение» (М. 1995) и М. С. Зинич в книге «Будни военного лихолетья» (М. 1995) положили начало освещению повседневной жизни простых людей в годы войны. Но в целом эта огромная тема у нас в отличие от Запада остается еще не изученной. Огромна литература о партизанском движении, но коренные его проблемы не исследованы. Это же можно сказать и о литературе, посвященной итогам войны. Каково место отечественной войны в истории СССР, истории сталинизма, как повлияла она на дальнейшее развитие страны, почему СССР в полной мере не смог воспользоваться плодами победы, как велика ответственность за это руководителей армии, ВПК? Даже в отражении такой темы, как преступления фашизма, много темных мест. До сих пор в стране не опубликованы полностью материалы Нюрнбергского процесса.

Особая задача историков — осветить темы, ранее запретные. В их числе — правовой произвол сталинизма во время войны, карательные органы (ГУЛАГ, СМЕРШ, военные трибуналы, штрафные и заградительные части); военные преступления в Красной Армии; Красная Армия и население освобождаемых ею стран; Красная Армия и восстание в Варшаве (1944 г.); коллаборационизм в СССР («власовская армия», ОУН во время и после войны, антисоветские движения в других республиках) и неадекватные меры режима, депортации; судьбы советских, германских и иных военнопленных³⁵.

Однако самой неотложной задачей военных историков является исследование сталинистского руководства военными действиями. Его основные черты: некомпетентность, авантюризм, бюрократизм, правовой произвол, жестокость. Многие авторы касаются лишь отдельных черт этого, избегая обобщения. Однако нельзя останавливаться на частном, не замечать органической связи этих черт с системой самовластья в целом. Отметим основные спорные моменты проблемы. Произошло ли в военные годы «смягчение режима», осталось ли позади «самое страшное преступление Сталина» (репрессии 30-х годов), правомерно ли исключать войну из истории преступлений сталинизма? Разве не было тягчайшим из них руководство войной — по масштабам, числу жертв и материальных потерь? Сталинистские методы управления сложились до войны, а во время ее они стали еще более жестокими. Не важно, действовал ли тиран руками НКВД или НКО, прикрывался идеями социализма или защиты родины. Писавшие об этом военные историки выдвинули на первый план карательные меры (согласно приказам №№ 270, 227). Но и поныне приглушены главные принципы военного руководства: «стоять насмерть» (при любой обстановке!), не считаться ни с какими потерями, бросать в бой неподготовленные батальоны, воевать числом, а не умением.

Не решен многосложный вопрос о взаимоотношениях и полномочиях диктатора и его политического и военного окружения. Были ли «коллективное руководство» или глухое единовластие; существовала ли оппозиция Сталину или имело место всеобщее послушание; присущи ли были «новой военной элите» независимые суждения, как считают авторы книги «Генералы Сталина», или это были люди, которыми тиран манипулировал? Мы полагаем, что вся политическая и военная власть в СССР была сосредоточена в руках Сталина, далеко не «достойного главковерха» (как считают до сих пор Горьков и другие); да и централизация хороша только в меру. Уже Д. А. Милютину было ясно, что самодержавие — главное препятствие на пути прогресса и в военном деле³⁶. Фактически у Сталина были не соратники, а исполнители, в большинстве своем лишенные не только военного, но и общегражданского мужества. Никто из командующих фронтами не был полководцем в традиционном смысле слова, поскольку они были лишены власти на поле сражения; их воля была ослаблена репрессиями, многие из них не владели военной теорией, не отличались нравственностью и гуманностью. Военные классики отвергали рассуждения о таланте от бога, чем

обычно, по их мнению, прикрываются «наглые или ленивые». Классики считали, что «образованные вожди армий всегда побеждали необразованных гениев»³⁷.

Многим из приближенных к Сталину политиков и военных в той или иной мере были свойственны низкий профессионализм и просто невежественность, самоуверенность и ограниченная способность воспринимать объективную информацию, беспринципность и лицемерие, мздоимство и страсть к роскоши, подозрительность и доносительство, нетерпимость к инакомыслящим, вельможная спесь и презрение к «нижестоящим», убеждение в собственной исключительности и праве на привилегии, грубость и сквернословие, волюнтаризм, склонность достигать цели любыми способами и безответственность, злопамятство и мстительность, трусость и готовность к покаянию по первому требованию начальства. Но равные в страхе перед Л. П. Берией, они тем не менее по-разному выполняли повеления Сталина. Среди командующих четко выделяются прогрессивные, типа Василевского и К. К. Рокоссовского, а также и безнадежно отставшие от жизни, вроде С. М. Буденного и К. Е. Ворошилова. Большинство же пыталось соединить «простые» и жестокие приемы с некоторыми достижениями военной науки.

Тезисы о коллективном руководстве и единоличной вине несовместимы. Нельзя говорить о полном участии в руководстве генералов, а обвинять в неудачах армии политиков, промышленников, союзников. Эту нелепость отверг Н. Г. Кузнецов еще в 50-е годы³⁸. Признавая подчиненную роль «генералов Сталина», мы тем не менее считаем, что многие из них ответственны за его дела и приказы, которые они послушно выполняли. В армиях демократических стран даже новобранец думает, выполняя приказ. Маршалы — не новобранцы. Германско-фашистским генералам не удалось реабилитировать себя в Нюрнберге с помощью ссылок на фюрера и антидемократичность его режима. Жрецы Фемиды не поставили тогда вопрос об ответственности генералов антифашистской коалиции за выполнение преступных приказов. Молчат и жрецы Клио. Здесь мы не нарушаем требований историзма. Еще Наполеон оставлял за командующим право пренебрегать приказами, которые привели бы армию к гибели. Демократическое право военнослужащего не выполнять преступный приказ было в России провозглашено в 1917 г., отменено в 1940 г., восстановлено в 1992 г., но вскоре снова отменено. Странно звучит мысль Гареева о Жукове — будто бы продолжателе реформ Милютин. Известно ли этому автору, что Милютин резко осуждал обскурантизм и «систему террора» в армии России, где «все, не исключая старых заслуженных генералов, безропотно покорялись произволу старшего начальства»³⁹. Сталин и его преемники отбросили армию на сто лет назад.

С уровнем руководства непосредственно связаны неоправданное затягивание Отечественной войны (выдавливание, а не разгром противника) и огромная ее цена. Большинство военных историков стремится затушевать эту связь, преуменьшить потери СССР, особенно Красной Армии, преувеличить потери врага, скрыть истинное соотношение потерь сторон, поддержать миф о сокращении потерь вследствие чудесной «перестройки вождя» (после Сталинграда), обойти молчанием общее обесценение человеческой жизни и невнимание к учету людских потерь во время и после войны, придать окончательный характер имеющимся данным о жертвах, затушевать причины и скрыть виновников потерь Красной Армии и населения и даже заявляют, что чем больше жертв понесла страна, тем больше будто бы был ее вклад в победу. Эти попытки, по меньшей мере, наивны. Разве можно говорить о каком-то «триумфе вождей» даже при вымышленном соотношении боевых потерь 1 : 1,37 (На самом деле оно равно примерно 1 : 5). Ныне и некоторые генералы признали, что потери Красной Армии составили свыше половины общих потерь (около 14 млн.). Потери вермахта убитыми на Восточном фронте — 2,8 млн. Мы не приемлем формулы Кривошеева «потери списочного состава». Он не учитывает жертвы ополченцев и других реальных фронтовиков, сопоставляет потери Красной Армии без союзников с потерями всего фашистского блока, потери убитыми — с общими потерями⁴⁰.

Некоторые военные отстаивают устаревшие представления о беспредельной жестокости как неизбежной спутнице войны. По Горькову, у военных лидеров — «своя мораль, отличная от общечеловеческой», «их цель всегда оправдывает средства ее достижения». Но кроме войны 1941—1945 годов, сформировавшей эту несложную психологию, есть многовековая гуманистическая традиция, развитая уже в XIX в. военная мораль, международные соглашения об обычаях и законах войны, а также решения Нюрнбергского трибунала. Следует прислушаться к голосу западных экспертов: «страшное количество жертв» СССР не укладывается в обычные стереотипы, необходимо подходить к цене войны с иным «жизненным стандартом»⁴¹.

Таким образом, несмотря на некоторые успехи, рано говорить о «переломе»

в исследовании истории войны. Необходимо коренное переосмысление, разработка научной концепции, многих важных проблем. Необходимо преодолеть сталинистскую традицию, невежественное, а зачастую прямое политическое вмешательство в дела исторической науки. В массовом сознании, не без участия ученых, сохраняются историческое невежество, готовность вновь и вновь поддаться обману. В преподавании истории в средней и высшей школе старое упрощенство заменяется новым. Действительная роль советского народа и Красной Армии в достижении победы до сих пор не раскрыты. Препятствуют и другие ненаучные тенденции. Между тем в мировой литературе все больше утверждается сравнительно трезвая точка зрения: изменить ход событий на советско-германском фронте удалось не вследствие каких-то «великих военно-стратегических свершений», но лишь благодаря тому, что «удалось в последний момент мобилизовать огромные материальные и моральные резервы народов СССР для решающей битвы против захватчиков»⁴². Весьма важной задачей историков остается изучение последствий и уроков войны, влияния невиданной растраты физических и духовных сил народа на дальнейшее развитие страны в условиях сохранения авторитарной системы.

Примечания

1. ГАРЕЕВ М. Актуальные проблемы военной истории. — Мужество. 1992, № 5; Вопросы истории, 1995, № 5—6; ГОРОДЕЦКИЙ Г. Миф «Ледокола». М. 1995; ГЛАНЦ Д. «Забытые» страницы Великой Отечественной войны (1941—1945). — Вопросы истории, 1995, № 5—6; Восстанавливать истину о второй мировой войне. Там же; МЕРЦАЛОВ А. Н., МЕРЦАЛОВА Л. А. Сталинизм и война. М. 1994; SCHAUFELBERGER W. Von der Kriegsgeschichte zur Militaergeschichte. — Schriftenreihe der Gesellschaft fuer Militaerhistorische Studienreisen. Zuerich. 1992; Barbarossa. Edinburgh. 1994; Deutsch-russische Zeitwende. Baden-Baden. 1995; Die Umwertung der sowjetischen Geschichte. Goettingen. 1991, S. 167—187; DAVIES R. W. Perestroika und Geschichte. Muenchen. 1991; ERICKSON J. New Thinking about the Eastern Front in World War II. — The Journal of Military History. 1992, № 2, p. 284—286.
2. См. ЖОМИНИ А. Очерки военного искусства. Т. I, II. М. 1939; КУДРЯВЦЕВ Н. Наполеоновские отзвуки. СПб. 1912, с. 38; Военная библиотека. СПб. 1871. Т. 1, с. 441—443; Против реакционных теорий на военно-историческом фронте. М. 1931.
3. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945. М. 1965. Т. 6, с. 29—30.
4. НЕКРИЧ А. М. 1941, 22 июня. М. 1995, с. 3, 215—217.
5. Великая Отечественная война (историография). М. 1995, с. 21—22.
6. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. М. 1995.
7. Москва военная 1941—1945. М. 1995; НАУМОВ О. В. Вопросы доступа, пользования и использования документов РЦХИДНИ. — Отечественные архивы, 1996, № 2, с. 3—9.
8. Новая и новейшая история, 1965, № 2, с. 6—7; Военно-исторический журнал, 1965, № 3, с. 74—76, 80—81; № 4, с. 62—64; Русский архив. М. 1995. Т. 15; ПАВЛЕНКО Н. Г. Была война. М. 1994, с. 408—414.
9. См., напр.: Kriegsgefangene — Военнопленные. Duesseldorf. 1995, S. 20—29; ЗАМКОВОЙ В. И. Сталинизм. М. 1995.
10. См. напр.: Мифы и факты. М. 1995, с. 85—89.
11. См., напр.: Из истории нового и новейшего времени. Воронеж. 1965, с. 202—216; Большая ложь о войне. М. 1971, с. 325—328; Вторая мировая война: два взгляда. М. 1995, с. 24.
12. ЖОМИНИ А. Ук. соч. Т. I, с. 32, 34; КЛАУЗЕВИЦ. О войне. М. 1932. Т. II, с. 113, 123; Т. III, с. 93—94.
13. Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? М. 1995.
14. См.: Коминтерн и вторая мировая война. М. 1994, с. 3; 50 лет спустя. Уроки войны и современность. М. 1995, с. 8; Новый мир, 1994, № 12, с. 232—233; Источник, 1995, № 4, с. 124—144; АЛЕКСАНДРОВ-АГЕНТОВ А. М. От Коллонтай до Горбачева. М. 1994, с. 54—55.
15. Война 1939—1945: два подхода. М. 1995, с. 12—14.
16. Великая Отечественная война 1941—1945 гг., с. 3—9, 17—27, 39, 55, 56, 62—64, 70, 98—101, 170, 190, 194, 209, 232—233, 243, 281, 288, 292, 337, 343—347, 357, 362—367.
17. Военная мысль, 1995, № 3, с. 2 (см. например, ст. М. П. Колесникова о советской военной стратегии в 1941—1945 гг.).
18. КУМАНЕВ Г. А. Трудный путь к победе 1941—1945. М. 1995, с. 72.
19. ГАРЕЕВ М. А. Неоднозначные страницы войны. М. 1995; ЕГО ЖЕ. Если завтра война. М. 1995; ЕГО ЖЕ. Моя последняя война. М. 1996; ГОРЬКОВ Ю. А. Москва. Ставка. Генштаб. М. 1995; ДОБРОВ П. В. Народное ополчение. Донецк. 1995; Вестник границы России, 1995, № 5 (интервью Г. Ф. Кривошеева); Военная мысль, 1995, № 3, с. 2—3, 11 (статья М. П. Колесникова о советской военной стратегии); см. также: Сталинградская битва. Волгоград. 1994.

20. ГАРЕЕВ М. А. Если завтра война, с. 47; ЕГО ЖЕ. Неоднозначные страницы войны, с. 293—294, 298, 302, 306.
21. ГАРЕЕВ М. А. Неоднозначные страницы войны, с. 143, 153, 157, 213, 233—240. Ср.: ГЕЛЛЕР М., НЕКРИЧ А. Утопия у власти. М. 1995, с. 426, 494.
22. Нашу критику приказов №№ 270 и 227 см.: Politik und Unterricht, 1993, Н. 1, S. 56—62; Sozialwissenschaftliche Informationen, 1993, Н. 1, S. 12—22.
23. ГАРЕЕВ М. А. Неоднозначные страницы войны, с. 38, 47—75, 103, 104.
24. Там же, с. 16, 21, 22, 28, 101.
25. ГОРЬКОВ Ю. А. Ук. соч., с. 25, 84—85, 96, 105, 106, 125, 156, 221, 222; БАГРАМЯН И. Х. Так начиналась война. М. 1971, с. 16—18.
26. Цит. по: Правда, 16.XII.1993.
27. См. Блокада рассекреченная. СПб. 1995, с. 81, 84, 85, 87.
28. См., напр.: Grand Dictionnaire encyclopedique Larousse. Т. 66. P. 1984, p. 5886; Meyers Grosses Universal Lexikon. Bd. 12. Mannheim. 1984. S. 474; Brockhaus Enzyklopaedie. Bd. 19. Mannheim. 1992, S. 536. В некоторых известных энциклопедиях и специальных исследованиях вообще Жуков не упоминается (The New Encyclopaedia Britannica. Vol. 10. Chicago. 1990); STANEL A. A. Klassiker der Strategie. Zurich. 1995, S. 279—280.
29. СПАР У. Жуков: Взлет и падение великого полководца. М. 1995, с. 18, 55, 78, 81—86, 116, 126—128, 144, 149—150, 187—190, 235, 252, 275.
30. КУМАНЕВ Г. А., ШКЛЯР Э. Э. До и после пакта. — Свободная мысль, 1995, № 2, с. 12.
31. См., напр.: КУМАНЕВ Г. А. Ук. соч., с. 9.
32. ГРЕЙ Я. «Сталин». ТРОЦКИЙ Л. Д. «Сталин». М. 1995, С. 8; BPOSZAT M. Der Staat Hitlers. Muenchen. 1969; KERSHAW J. Der NS-Staat. Reinbek, 1988; KUEHNL R. Faschismus Theorien. Heilbronn. 1990; Nationalsozialismus und Modernisierung. Darmstadt. 1991; Nationalsozialistische Diktatur 1933—1945. Bonn. 1986; Deutschland 1933—1945. Bonn. 1992. Сравнительный анализ гитлеризма и сталинизма см.: Diktatur und Emanzipation. Essen. 1993, S. 96—110. Ср.: БЕССОНОВ Б. Н. Фашизм. Кн. 1, 2. М. 1995; РОГОВИН В. З. Сталинизм и неонэп. М. 1995.
33. См., например: Мифы и факты, с. 9.
34. Великая Отечественная война (историография), с. 8, 18, 31—35, 180; Живая память. Т. 3, М. 1995, с. 479; ГОРЬКОВ Ю. А. Ук. соч., с. 125.
35. Свободная мысль, 1995, № 1, с. 96-III; Правда, 29.IV. 1995.
35. Эти темы получили некоторое освещение в публикациях: ВЕРТ Н. История советского государства. М. 1992, с. 284—288; ГАРЕЕВ М. А. Сталин и Верховное главнокомандование. — Свободная мысль. 1995, № 2, с. 31; Widerstand als «Hochverrat». Muenchen. 1994; «Немецкий плен глазами врача (воспоминания Ф. И. Чумакова)». Вступительная статья М. Г. Николаева. — Отечественные архивы, 1995, № 2, с. 67—72; Kriegsgefangene — Военнопленные; О выселении в 40—50-х годах некоторых категорий граждан из западных районов СССР. —Источник, 1996, № 1, с. 137—139.
36. Stalins General's. Lnd. 1993, p. 6—8 (см. также аннотацию); МИЛЮТИН Д. А. Воспоминания. Томск. 1919, с. 11; Дневник Д. А. Милютина. М. 1947. Т. I, с. 21, 32, 61, 64—65, 119; Т. II, с. 149—150, 228, 257; Т. III, с. 148, 171, 186, 187; Т. IV, с. 127.
37. ГОРЬКОВ Ю. А. Ук. соч., с. 221; ПАВЛЕНКО Н. Г. Ук. соч., с. 248; СВЕЧИН А. А. Стратегия в трудах военных классиков. М. 1928. Т. I, с. 84—86, 161; ЖОМИНИ А. Ук. соч. Т. I, с. 39, 76; Т. II, с. 187; ХАТОВ А. Н. Общий опыт тактики. СПб. 1807, с. 11.
38. См. Мифы и факты, с. 23, 25, 58, 62, 122.
39. МИЛЮТИН Д. А. Воспоминания, с. 81, 117, 121; Дневник Д. А. Милютина. Т. III, с. 139, 140.
40. Полвека назад: Великая Отечественная война: Цифры и факты. М. 1995, с. 105, 109—110; Вестник границы России, 1995, № 5, с. 62—67. См. нашу рец. на кн. «Гриф секретности снят». — Свободная мысль, 1993, № 3. Объективно подходят к проблеме Геллер. Некрич (Утопия у власти, с. 489), Л. Лазарев (Мифы и факты, с. 66—72).
41. Россия в XX веке: Историки мира спорят. М. 1994, с. 465—466; ХОСКИНГ ДЖ. История Советского Союза. М. 1994, с. 269—270; Вторая мировая война: два взгляда, с. 251.
42. HOWARD M. Der Krieg in der europaeischen Geschichte. Muenchen. 1991, S. 179; MOSKOFF W. The Bread of Affliction. Cambridge. 1990, p. 234—235, XII.

Местная история: проблемы методологии

С. А. Гомаюнов

«Методология местной истории» — словосочетание непривычное для отечественной исторической науки. Оно претендует на то, что существует особая методология, связанная с краеведением. Распространено также мнение, согласно которому у краеведения вообще нет двух уровней — для специалистов и для широкой публики, поскольку де это «самый массовый вид науки». На самом же деле простота краеведения мнимая. Это — научная дисциплина, и в силу этого неизбежно должна иметь два уровня: эмпирический и методологический. К сожалению, второй уровень разработан пока крайне слабо.

Между тем актуальность проблемы обусловлена, как минимум, тремя достаточно существенными обстоятельствами. Первое касается социокультурной и политической ситуации в российском обществе, которая в числе прочего характеризуется заметной регионализацией общественной жизни. Учет регионального фактора в экономике, политической сфере, культуре — объективное требование при формировании стратегии перспективного развития страны.

Второе обстоятельство связано с тенденциями развития самой исторической науки. Основной чертой классической модели историзма, сложившейся в XIX веке, стало представление о всемирном единстве истории и ее прогрессивном движении, хотя с ним соседствовали и идеи о «национальном духе», «органическом развитии». Утвердился антропоцентризм рационалистического типа, когда в центр исторической картины помещается рационально мыслящий, сознающий свои цели человек, который предполагался неизменным во все времена. Проявлялось стремление среди многих факторов, влияющих на исторический процесс, найти один — доминирующий¹. В рамках классической истории нет места локальной истории как самостоятельной дисциплине, поскольку локальные процессы рассматриваются как частные проявления общих закономерностей. Базовой оппозицией в соотношении глобальной и локальной историй являлись категории «общего/особенного».

На рубеже XIX—XX вв. начинается эрозия классической модели исторической науки, когда были поставлены под сомнение единство истории, ее поступательное движение и рациональный смысл. Показателен в этом отношении резонанс, вызванный работой О. Шпенглера «Закат Европы». Подобного рода идеи о циклических, замкнутых в пространстве и во времени исторических целостностях, слабо взаимовлияющих друг на друга, высказывались и раньше, но они находились на периферии научного пространства.

Единое пространство истории вдруг оказалось дискретным и вместо всемирно-исторического процесса взору исследователей открылись локально-исторические процессы, множество цивилизаций, каждая из которых выступала как самостоятельный субъект истории. Правда, осталось неясным, что же составляет основу локальных целостностей, каков их системообразующий фактор, который Шпенглер обозначил как «центральную идею»². Наи-

---

Гомаюнов Сергей Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного педагогического университета.

более ярко эти тенденции нашли отражение в направлении, связываемом обычно со школой «Анналов». В 60—70 гг. в рамках этой школы на волне «новой истории» произошло рождение особого подхода к локальной истории, в основе которого лежало признание локальной общности самостоятельно развивающимся организмом. Объектом изучения могли стать не только гигантские общности (цивилизации), но и сколь угодно малые, в том числе небольшой город, деревня, приход, когда в поле внимания историка попадают детали демографической ситуации, структура семьи, домохозяйство, порядок и правила наследования собственности, система родственных и соседских связей, локальные политические структуры, социокультурные характеристики³.

Не отрицая вклада школы «Анналов» в развитие методологии локальных исследований, необходимо все же отметить, что она не поставила четко и не дала ответ на такие вопросы, как: что является системообразующим фактором локальных целостностей, чем задается граница этих целостностей, за счет чего она удерживается и при каких условиях может распадаться, чем принципиально отличается локальная история от общенациональной с точки зрения проблемы субъектов истории и т. д.⁴

Третье обстоятельство связано с историей развития отечественного краеведения. Здесь не все еще пока очевидно. О многом приходится говорить в самых общих чертах из-за отсутствия серьезных историографических разработок. Рождение краеведения как массового явления относится ко второй половине XIX в., хотя истоки его уходят значительно дальше. XIX век — это период создания глобальных концепций отечественной истории, написания обобщающих работ. В центре внимания — общероссийская проблематика. Но тогда же чувствительные к живой ткани истории исследователи указывали на неполноту такого подхода к российской истории, когда она сводится исключительно к явлениям и процессам общегосударственного масштаба.

Наиболее четко эти мысли выразил А. П. Шапов (1830—1876). Он справедливо замечал, что историки преимущественно уделяют внимание государственному, «централизованному» началу в отечественной истории, выдвигая на первый план политическую деятельность правительства, биографии князей и царей и т. п. Между тем есть и «другое начало, на которое еще не обращено должного внимания в нашей исторической науке: начало провинциализма, областности, если можно так выразиться». И речь здесь идет не только о нехватке исследований по местной истории и малом количестве введенных в оборот фактов, но и о непонимании того, что «централизация — прившедший вновь элемент для внешнего устройства, для обобщения областности, а областность — коренное, непреходящее, только внутренне видоизменяющееся начало народного историко-географического самораспределения, местно-общинного развития». Русская история, утверждал Шапов, «в самой своей основе есть по преимуществу история областей, разнообразных ассоциаций провинциальных масс народа — до централизации и после централизации»⁵. Таким образом, по мнению Шапова, в российской истории присутствует не одно, а, как минимум, два начала. Провинциализм, областность не есть придаток к началу общегосударственному, но самостоятельный фактор в развитии России. Следовательно, как можно было бы продолжить мысли Шапова, оно требует и отдельного методологического обеспечения.

Однако полноценного обсуждения концепции Шапова не получилось. Многие историки впоследствии так или иначе высказывались о своеобразии исторической жизни отдельных российских областей, об особом рода «местном процессе», отличающем историю одной области от другой⁶. Но дискуссия все более скатывалась в другое — национально-политическое — пространство. За приверженностью теме областничества стали усматривать отрицание преемственности между Киевской и Московской Русью, посыпались обвинения в национализме (далеко не всегда беспочвенные⁷).

В самой провинции на рубеже XIX—XX вв. наблюдался небывалый подъем интереса к местной истории. Создание исторических обществ, открытие музеев, повсеместная организация губернских ученых архивных комиссий, выпуск специализированных исторических периодических изданий — все эти явления свидетельствовали о достаточно серьезных и глубинных изменениях в менталитете провинциального общества. Основные усилия местных исследователей были сосредоточены на поиске и введении в научный оборот огромного массива фактов, ранее не вызывавших интереса, в силу их ограниченной, местной значимости.

Краеведческая наука того времени подчеркнута нетеоретична. Историки, как правило, руководствовались соображениями «здравого смысла», придерживались позитивистской парадигмы с ее преклонением перед фактом. Один нижегородский краевед того времени заявлял, что написать местную историю — значит исследовать и описать биографии всех когда-либо живших на этой территории людей.

В начале XX в. многие провинциальные историки ощутили потребность в создании теоретической базы для овладения обширнейшим фактическим материалом. В короткие сроки архивисты провели четыре региональных съезда, на которых главной обсуждаемой проблемой было синтезирование добытых в регионах исторических материалов⁸. Однако нетривиальных путей к решению данной проблемы найдено не было.

Послереволюционные события коренным образом изменили ситуацию в исторической науке, сказались они и на судьбе краеведения. Историческая наука все более превращалась «в один из самых ответственных участков теоретического фронта» и рассматривалась как арена «самой ожесточенной классово-идеологической борьбы». В адрес краеведения в конце 20-х гг. посыпались обвинения в лженаучности, «идеализации старины». По самым нелепым подозрениям ликвидировались многие краеведческие организации. Так, в Москве было закрыто общество «Старая усадьба» под предлогом, что ее участники сохраняют музейные ценности, чтобы потом передать их бывшим хозяевам. В поисках «специфики региональной истории» видели националистические происки. Краеведение в сфере методологии было отброшено за черту XX века.

Учитывая опыт и современные тенденции развития отечественной и зарубежной исторической мысли по проблемам локальной истории, постараемся наметить некоторые ее методологические позиции. Философским основанием новой методологии местной истории является оппозиция «целое/часть» (а не «общее/особенное»). «Целое» и «часть» особым образом противостоят друг другу. Целое не есть механическая совокупность частей, поскольку обладает собственными характеристиками, закономерностями развития, которые не складываются из характеристик составляющих его частей. Но также и часть не проще целого, она, обладает специфическими характеристиками и закономерностями развития, содержит в себе целое в снятом виде. Отношения между целым и составляющими его частями можно определить как нелинейные, когда эффективность взаимодействия зависит не от величины прилагаемых сил, а от качества взаимодействия.

Соответственно, признавая местную историю специальной самостоятельной исторической дисциплиной, необходимо ясно представлять, что собственно составляет предмет ее изучения. В историческом бытии существуют специфические образования или «места», обладающие историей. Они проявляют себя уже в начальный период Киевской Руси, строй которой, по описанию А. Е. Преснякова представлял следующую картину: «Страна, занятая восточными славянами, разделена на ряд «земель»; каждая из этих земель тянет к одному главному своему городу, составляя его «волость», а все земли вместе объединены в один сложный политический организм под главенством Киева»⁹. Вплоть до XVII в., по мнению Щапова, областное начало, местные процессы составляли основное содержание российской истории¹⁰. Но и позже, особенно в периоды распада российского государства, областное начало демонстрировало свою жизненную силу, свое присутствие в историческом бытии. Новейшая российская история после 1917 г. вплоть до наших дней не является исключением.

Все это составляет основу, задает предметность местной истории. Но ключевая категория местной истории — «место» — в методологическом аспекте пока не рассматривалась. В литературе, анализирующей тенденции развития современного российского общества, основная смысловая нагрузка падает на понятие «регион». Понятия «регион» и «место» синонимичны. Представляется, что при переводе понятия «регион» в дискурс отечественной истории мы получаем категорию «места», хотя здесь необходимы существенные дополнения. Смысловые контуры понятия «регион» определяются в литературе через отличие его от административно-территориальной единицы. Так, О. Севан отмечает, что «границы... историко-культурных регионов могут иметь различную структуру и, как правило, они не совпадают с административными»¹¹. Ю. И. Светов конкретизирует: «Регион — территория, отличающаяся характерным направлением развития экономико-географических, социально-демографических, национально-культурных и политических структур, совпадающая или несовпадающая с административным делением государства»¹². Таким образом, административная единица и регион могут совпадать или не совпадать на конкретной территории. Административная единица задается государственной властью, которая может учитывать, а может и совсем не считаться с особенностями географического, политического или экономического, а тем более и исторического пространства. Зачастую используются достаточно формальные критерии. Так, в основу административной реформы Екатерины II был положен критерий равной численности населения: в губернии должно было проживать 300—400 тыс. чел., в уезде — 20—30 тыс. По этому поводу В. О. Ключевский писал: реформа проводилась так, «точно Россия была нетронутая американская прерия, населенная бизонами, или школьная доска, по которой по трафарету можно чертить какие угодно геометрические построения»¹³.

Регион же возникает как результат самоорганизации, специфической исторической

деятельности людей, которые данный регион формируют¹⁴. Граница региона при этом оказывается весьма пластичной. Группы людей, покидающие свой регион («землю») часто образуют в иных местах анклав — «землячества», которые воспроизводят основные характеристики деятельности (особенно в сфере образа жизни) своего региона и, тем самым, как бы растягивают его границу.

Мы обязаны по-новому взглянуть на то, что представляет собой «местная история». Итак, «место» — это в первую очередь не территория, а совокупность людей, осуществляющих определенную историческую деятельность. Специфика последней определяет лицо данного «места». «Место» выступает как особого рода «вместность», проявляющаяся в виде способности многих людей из поколения в поколение воспроизводить связи между собою, объединяться в устойчивую в пространстве и времени целостность. Сходство «вместности» с иными социальными общностями (партиями, союзами и т. п.) состоит в том, что она представляет собой самоорганизующуюся, саморазвивающуюся систему горизонтальных связей между людьми, объединенных некоторым видом деятельности.

Отличает же «вместность» от иных социальных общностей ее обязательная включенность еще и в систему, условно говоря, вертикальных связей. С одной стороны, (в направлении «вниз») местное сообщество неотделимо связано с вмещающим его ландшафтом — местностью. Это вторая составляющая границы «места». В «месте» осуществляется процесс коэволюции природного и социального, взаимодействие и взаимовлияние сообщества («вместности») и среды. Сообщество людей оказывает свое воздействие на природу в процессе хозяйственной и культурной деятельности. В свою очередь, природная среда выставляет ограничения, задает специфику хозяйствования, влияет на складывание картины мира, особенно первичных образов-созерцаний (они находят отражение в фольклоре, местных узорах, обрядовой символике). Лингвисты предполагают, что природная среда возможно играет не последнюю роль в образовании диалекта, как особенности говора местного сообщества, также отличающего его от других местных сообществ.

С другой стороны, (в направлении «вверх») местное сообщество объединено духовной жизнью. Будучи частью более широкой общности, местное сообщество причастно к общим духовным ценностям. Но в стремлении к актуализации их в своей жизни местные сообщества демонстрируют серьезную специфику, позволяющую некоторым исследователям говорить о реальном существовании трудноуловимой, как бы разлитой по всем направлениям деятельности местного сообщества особенности, которая и являет феномен «местной идеи», «местного характера». Специфика духовной жизни местного сообщества — это специфика актуализации смысла исторического действия, ответ на вопрос: «откуда мы и зачем?». Граница региона, таким образом, есть не только граница действия и вмещающего ландшафта, но и граница смысла. Смысловая граница не может быть закреплена иначе, как в символах, одним из которых является имя «места» — топоним. Мы имеем в виду не отдельные названия населенных пунктов, рек и т. д., а название края, «земли». Имя места — это и есть в свернутом виде смысл «местной идеи». Смысловая граница региона есть в том числе и граница имени.

«Местная идея» никогда или почти никогда не существует в отрефлектированном виде. О ней как бы ничего нельзя сказать, и люди «места» не знают ее. Они знают об общих ценностях, стремятся быть причастными им, но то, как они это делают, и выдает присутствие в их действиях местной особенности. Например, известно, какую роль в средневековой культуре играл смех¹⁵. Средневековый смех обращен на смеющегося. Смеющийся высмеивает в первую очередь себя. Если внимательно присмотреться к местным пословицам и поговоркам о местных же людях, они почти сплошь высмеивают разные человеческие недостатки. Но удивительно, что в каждом «месте» высмеивается свое: у вятских — медлительность, тугодумство; у москвичей — привязчивость, гордыня, чванство; у новгородцев — упрямство, у владимирцев — чревоугодие и т. д. Каждое место получает пословичное «лицо»: вятские — «слепороды», новгородцы — «долбежники», крещане — «лапотники», новоторы — «воры», ростовцы — «вислухие», псковичи — «капустники» и «ершееды», боровичане — «водохлебы» и т. п.¹⁶. Характеристики пословиц темны, непрозрачны, требуют своей интерпретации, но даже и при первом знакомстве с ними видно, что они указывают на особенность «мест».

То же касается и религиозной жизни местного сообщества. Будучи включенным в общую духовную жизнь, каждое сообщество стремилось и к «освящению начала областности» (по выражению Щапова¹⁷). Почти каждая область имела своего святого (или святых), которые считались стражами и хранителями местных «отчизн», свой патрональный храм, местные особенности в иконописании, местнопочитаемые культовые святые, праздники, ходы и т. д. Смысл общей идеи, получая хронотопическую развертку, и создавал неповторимое «лицо места».

Самым сложным для современной исторической науки является вопрос о том, что задает единство сообщества, является его системообразующим фактором. Западные исследователи локальной истории не ставят этого вопроса, отдавая дань плюралистским взглядам на исторический процесс. Признавая многообразие проявлений местного начала, мы однако постоянно наталкиваемся на то, что оно самоотжественно по качеству. Каждое «место» демонстрирует множество особенностей, но одну особость, ту самую, ощущая которую, люди говорили: «мы — вятские», «мы — рязанские», «мы — тверские».

Представляется, что логика методологического исследования требует присмотреться к выделенным нами ранее видам границ, определяющих местное сообщество: границе вмещающего ландшафта (как бы телесной границе), границе деятельности и смысловой (духовно-личностной) границе. Все эти границы указывают на совершенно определенную антропологическую структуру «места» и требуют таким образом, антропологических методик анализа. Собственно, именно поэтому мы и можем характеризовать местное сообщество как единый субъект истории, а не механическую совокупность отдельно действующих людей.

Таким образом, далеко не всякое локальное сообщество является местным сообществом. Последнее отличается укорененностью во времени (хроносе), во вмещающем ландшафте (топосе) и в духовной сфере (нимосе). Местное сообщество — это хроно-топо-нимическая система. И лишь столь полная укорененность и позволяет местному сообществу вступать в такое отношение к бытию, как со-бытие. Со-бытийное существование, способность творить событие и делает сообщество субъектом истории. Событие по своему статусу отличается от других исторических явлений тем, что в результате действия субъекта в бытие вносится необратимое изменение, после которого оказывается невозможным вернуться к дособытийному состоянию в прежнем качестве.

Деятельность местного сообщества по результату событийна, следовательно, местное сообщество имеет свою историю, биографию жизни. Как и всякая биография, история местного сообщества начинается с события-рождения. Рождением нельзя считать появление какой-либо группы людей на новой территории. Рождение связывает людей горизонтально-вертикальными связями, превращая каждого из них в «человека местного». Очень трудно найти в исторических источниках свидетельство о рождении местного сообщества. Таким свидетельством явно не может считаться первое упоминание в летописи и т. п. Свидетельство рождения, будучи важнейшим в жизни сообщества, пока оно существует как целостность, наличествует только в одном виде источника — местном предании. Но очевидно, что предание, в таком случае, нельзя рассматривать как весьма недостоверный и второстепенный источник по отношению к письменным источникам. Речь должна идти не столько о том, какой критике подвергнуть предание, а как правильно услышать его. Здесь открываются интересные перспективы в источниковедческом плане, но это тема специального исследования.

Все дальнейшие события для «места» напрямую связаны с событием рождения. Они выстраиваются в связь, показывающую путь, который прокладывает в истории местное сообщество, актуализируя смысл пребывания, т. е. отвечая на вопрос «откуда мы и куда?». Траектория пути запечатлевается в особых контурах истории, называемых традициями.

Местная традиция для историка имеет куда большее значение, нежели раритет прошлого для этнографа, который можно лишь внешне описать, объяснив символику цвета, формы, движения; больше, чем связь поколений для философа, которую можно рассматривать как канал передачи ценностей, информации, как механизм социализации. Для историка местная традиция — это особый исторический источник, своеобразная «книга бытия» местного сообщества, где только и нашли отражение и закрепление события, имеющие статус местных. Все другие события, происходившие в данном месте и не нашедшие закрепления в местной традиции, имеют иной статус. В традиции реализуется способность местного сообщества возобновлять, восстанавливать свою укорененность в хроно-топо-ниме, т. е. каждый раз как бы заново рождать (или возрождать) самое себя.

Вернемся к поставленным задачам методологической проработки местной истории. Мы в общих чертах наметили контуры специфического предмета местной истории, определив, что есть «место», и что есть «история места». Это не означает, что помимо сказанного в локальной истории больше нечего изучать. Мы хотели лишь подчеркнуть то, что может изучать только местная история, что составляет только ее предмет исследования, и по самостоятельности предмета (по его наличию в историческом бытии) дает ей статус самостоятельной исторической дисциплины.

Как, какими методами изучать местную историю? Особенности метода задаются особенностями предмета. Как мы видели, предмет местной истории представляет собой сложноорганизованную пространственно-временную локальную целостность, строящуюся на горизон-

тальных и вертикальных связях. Причем сама целостность выступает как самоорганизующаяся система, самостоятельно прокладывающая траекторию развития, и путь ее, будучи путем историческим, характеризуется необратимостью.

Данные параметры предмета исследования заставляют остановить свой выбор на таком методе как синергетика. Синергетика — это междисциплинарное направление, изучающее процессы самоорганизации в открытых системах любого вида. Мы не имеем возможности сколько-нибудь подробно охарактеризовать синергетику как метод, по этому вопросу уже существует обширная литература¹⁸. Поэтому ограничимся лишь указанием на возможности исторической синергетики.

Концептуальная матрица исторической синергетики сориентирована таким образом, чтобы максимально глубоко исследовать все стороны жизнедеятельности сообществ, связанные с процессами самоорганизации. Для этого она имеет соответствующую понятийную сетку, достаточно ясно выделенные и осмысленные принципы самоорганизации, понимание условий, при которых этот процесс становится возможным.

Кроме того, синергетика обладает великолепными композициями возможностями, позволяющими ей не надстраиваться над другими системными подходами (формационным, культур-системным, социобиологическим, семиотическим, историко-психологическим и т. д.), а встраиваться в них, разворачивая лицом друг к другу и определяя тем самым многомерный взгляд на предмет. Синергетика объединяет системные исследовательские стратегии, позволяя удерживать при этом фокус познавательных усилий на системообразующем факторе. Наконец, синергетика в силу широты исходных установок способна вступать в плодотворный диалог с вненаучными стратегиями познания, имеющими развитые антропологические учения, игнорирование которых в течение длительного времени лишь обедняло науку.

Высказанные идеи, очевидно, не бесспорны и требуют апробации в процессе применения намеченного подхода при изучении истории конкретных местных сообществ. Такая работа уже проводится. Мы же надеемся, что предложенные вниманию читателей мысли могут стать поводом к обсуждению теоретических проблем местной истории с участием специалистов самых разных научных дисциплин.

Примечания

1. К новому пониманию человека в истории: очерки развития современной западной исторической мысли. Томск. 1994, с. 8—11.
2. ШПЕНГЛЕР О. Закат Европы. Новосибирск. 1993, с. 76.
3. РЕПИНА Л. П. На пути к новому синтезу: перспективные тенденции в современной британской историографии. В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 21. Томск. 1994.
4. RHYTTIAN-ADAMS CH. Re-thinking English Local History. Leicester. 1987.
5. ЩАПОВ А. П. Великорусские области и Смутное время (1606—1613 годы). — Отечественные записки. 1861, т. 138, с. 579, 580, 581.
6. См. напр.: МИЛЮКОВ П. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. М. 1901, с. 14—26.
7. См. напр.: ГРУШЕВСКИЙ М. С. Очерки истории украинского народа. СПб. 1906.
8. МАКАРИХИН В. П. Губернские ученые архивные комиссии и развитие исторической мысли российских провинций на рубеже XIX—XX веков. В кн.: История и культура Волго-Вятского края (к 90-летию Вятской ученой архивной комиссии). Киров, 1994, с. 3—7.
9. ПРЕСНЯКОВ А. Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М. 1993, с. 306.
10. ЩАПОВ А. П. Ук. соч., с. 580.
11. СЕВАН О. Сохранение и развитие культурной среды исторических поселений Европы и России. В кн.: Исторические города и села в процессе урбанизации. М. 1994, с. 18.
12. Центр — периферия: ось конфликта или стержень сотрудничества. — Российская провинция, 1993, № 1, с. 43—44.
13. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Неопубликованные произведения. М. 1983, с. 74.
14. ЛЕВИТОВ А. К понятию «регион». — Кентавр, 1993, № 2, с. 11.
15. ЛИХАЧЕВ Д. С., ПАНЧЕНКО А. М., ПОНЫРКО Н. В. Смех в Древней Руси. Л. 1984.
16. Пословицы русского народа. Т. 1. М. 1984, с. 254—270.
17. ЩАПОВ А. П. Ук. соч., с. 606.
18. Из работ последнего времени см.: Концепции самоорганизации: становление нового образа научного мышления. М. 1994; КНЯЗЕВА Е. Н., КУРДЮМОВ С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. М. 1994; Самоорганизация в природе и обществе. СПб. 1994; Концепция самоорганизации в исторической ретроспективе. М. 1994; Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. М. 1994.

D. HOLLOWAY. *Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy 1939—1956*. Yale University Press. New Haven, London. 1994. 464 p.

Д. ХОЛЛОУЭЙ. *Сталин и бомба. Советский Союз и атомная энергия 1939—1956*.

Книга содиректора Центра международной безопасности и контроля вооружений Стэнфордского университета профессора Дэвида Холлоуэя «Сталин и бомба» посвящена теме, по которой написаны сотни книг. Многие из них вышли в годы «холодной войны» и служили не столько целям отыскания и показа исторической правды, сколько задачам обоснования и апологетики того или иного политического курса. Особенно это было присуще советским изданиям. Книга Холлоуэя выгодно отличается объективностью и широким кругом использованных источников и литературы. Практически все наиболее существенное, что опубликовано на Западе по данной и смежным темам, и буквально все, вплоть до мелких статей, изданное у нас, нашло отражение в этом исследовании. Впечатляет огромный диапазон привлеченных материалов: от уникальных записей И. В. Курчатова, хранящихся в архиве Института атомной энергии РАН (с. 403), до ссылок на «Технику молодежи» (с. 398) или издания Св. Андреевского Креста о Преподобном Серафиме (с. 413).

«Я мог работать в архивах, — с удовлетворением отмечает автор, — в которые, как я думал прежде, никогда не смогу попасть, и интервьюировать людей, с которыми, как я считал, никогда не смогу встретиться» (с. 6). Книга изобилует ранее не публиковавшимися фактами и высококвалифицированными оценками, почерпнутыми автором из личных бесед с Г. Н. Флеровым, П. Л. Капицей, А. Д. Сахаровым, Ю. Б. Харитоновым, пригласившим его, в частности, в Арзамас-16. Естественно, что «взгляд с Запада», нашедший подробное освещение в книге, базируется также и на материалах авторских интервью с Хансом Бете, Виктором Вайскопфом и многими другими физиками-ядерщиками. Вместе с тем бросается в глаза незначительное количество ссылок на материалы советских, а ныне российских архивов. Практически они ограничиваются несколькими упоминаниями фондов Российского центра хранения документов новейшей истории. В частности, почти нет ссылок на Архив внешней политики.

Холлоуэй поставил перед собой задачу восполнить пробелы в истории советской атомной бомбы. Он попытался определить, когда именно Советский Союз решил строить свою атомную бомбу, выяснить, какую роль в советском атомном проекте сыграл шпионаж, представить, как понимал Сталин политическое значение бомбы до и после Хиросимы, боялся ли он американского ядерного удара и верил ли в то, что Советский Союз может выиграть атомную войну (с. 3). Разумеется, требовать полного и окончательного ответа

на все эти вопросы было бы неправомерно, хотя бы по той причине, что Сталин не любил оставлять следов и великолепно владел этим искусством. Даже сам строитель первой советской бомбы академик Ю. Харитон был допущен к нему лишь один раз и ему был задан всего один вопрос. Поэтому рецензируемое издание уместнее было бы озаглавить «Бомба и Сталин», ибо о первой автору известно неизмеримо больше, чем о роли второго. Но тем не менее книга Холлоуэя, пожалуй, наиболее полно и всесторонне отражает основные этапы и направления истории советской атомной бомбы.

Изложение этой истории начинается с двадцатых годов, когда в Физико-техническом институте А. Ф. Иоффе и в других научных учреждениях сформировалась плеяда талантливых физиков, занявших достойное место в мировом научном сообществе еще в предвоенные годы и внесших решающий вклад в создание ядерного оружия. Однако несмотря на призывы В. И. Вернадского, В. Г. Хлопина, Г. Н. Флерова и других ученых интенсифицировать ядерные исследования советская бюрократическая машина выдавала лишь привычные решения о создании тех или иных комитетов и комиссий, но не спешила с действенными организационными мерами и выделением необходимых (немалых!) финансовых средств. В этом были повинны также видные государственные чиновники, как ведавший наукой С. В. Кафтанов, зам. предсовнаркома Н. А. Булганин и сам В. М. Молотов (сс. 61, 78, 209). Даже многочисленные донесения секретной агентуры из Великобритании и США о развернувшейся там работе по использованию энергии атома в военных целях не побудили советское руководство расширить и ускорить соответствующие разработки. В результате И. В. Курчатова, Ю. Б. Харитона, Я. Б. Зельдовича и многие другие ведущие физики прекратили в начале войны ядерные исследования и занялись хотя и важными, но все же частными военно-научными проблемами. В 1943 г. наконец начались подготовительные работы по советскому атомному проекту. Его возглавил Курчатова, которого ознакомили с разведывательными данными о Манхэттенском проекте. «Курчатова был чрезвычайно расстроен величиной разрыва между советским и американским проектами. Он лучше, чем кто бы то ни было понимал, сколь широк был этот разрыв на самом деле». Но даже и в это время по ленивой реакции других организаций на его предложения и требования Курчатова чувствовал, что советское руководство не считает урановую проблему важной и первоочередной (с. 103).

До самого конца войны в Европе тогдашние

обитатели Кремля не понимали возможной роли ядерного фактора в политике. Даже широко известная история с безразличной реакцией Сталина на сообщение Г. Трумена об испытании атомной бомбы не опровергает, а еще раз подтверждает этот тезис. Холлоуэй приводит несколько вариантов сообщений очевидцев этой реакции, каждый из которых свидетельствует, что Сталин реагировал спокойно не только потому, что имел уже секретную информацию, но в большей степени потому, что не верил по своей привычке ни Трумену, ни шпионским донесениям, не будучи в состоянии оценить их по достоинству (с. 115, 117). И только после атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки Москва принялась наверстывать упущенное в атомной гонке.

Вдохновителем начавшейся осенью 1945 г. ядерной гонки был, конечно, Сталин, но главным ее организатором стал, вне всякого сомнения, Л. П. Берия, который сконцентрировал в своих руках содействие атомным исследованиям, надзор за ними и созданием атомной индустрии, с одной стороны, и добывание разведывательной информации и резкую интенсификацию этой деятельности, с другой.

Холлоуэй, как и авторы других исследований и мемуаров, затрагивающих эту проблематику, возвращается к спору о соотношении вклада ученых и разведчиков в создание советской бомбы. П. А. Судоплатов и некоторые другие разведчики утверждают, что их роль была преобладающей и решающей. Советские строители бомбы, во всяком случае те из них, кто дожил до времен, когда об этом стало возможным говорить, с негодованием отвергают эти претензии, отстаивая свое «ядерное первородство». Так или иначе, но без информации Клауса Фукса, который пробрался в самое сердце Манхэттенского проекта и умудрился переслать в Москву подробнейшие чертежи американской бомбы, советская бомба появилась бы полагает автор, по крайней мере на год позже (с. 22). Неоднократно шпионская деятельность Фукса и других агентов направлялась прямыми заказами из Москвы, которые формулировались Курчатовым, поскольку только он был допущен к разведывательной информации, а остальные участники советского атомного проекта получали ее из его рук, как правило, не зная действительного происхождения всех этих, часто очень важных и ценных сведений. Так, Курчатов и Н. А. Долежалъ, бывший тогда директором Института химического машиностроения, столкнулись с казавшимися непреодолимыми трудностями изготовления для производящего реактора топливных урановых стержней, как их тогда называли; позже их стали именовать тепловыделяющими элементами, сокращенно — твэдами. Фуксу был послан соответствующий запрос. Но на этот раз он, как ни старался, не смог добыть нужной информации (с. 184). Об этой неудаче содержится информация в письме директора ФБР

Э. Гувера адмиралу Сауэрсу о признаниях Фукса, сделанных два года спустя (с. 410). Однако во многих других случаях шпионы успешно справлялись с заказами Москвы. Но никакая шпионская информация, даже самая ценная и обстоятельная не принесла бы пользы, если бы советские ученые не оказались готовыми решать сложнейшие проблемы атомной науки и производства. Холлоуэй высоко оценивает значение и высокий уровень достижений советской науки (с. 220, 363, 365).

Атомная эра изменила отношение власти к науке, особенно к той ее части, которая имела военное предназначение. При этом приходилось «терпеть», скажем, Харитона со всеми его анкетными «несовершенствами»: отец репрессирован, мать эмигрировала в Израиль. Для характеристики мрачной эпохи борьбы с космополитизмом и лысенковщины Холлоуэй проводит трагикомический эпизод: попытку организовать борьбу против «порочной» концепции принципа дополнительности в квантовой механике. У К. Е. Ворошилова лежала соответствующая записка на этот счет, но в последнюю минуту Курчатов напугал Берия, заявив ему, что отказ от теории относительности и квантовой механики равносителен отказу от самой атомной бомбы. Берия срочно доложил Сталину, который сказал: «Оставь их в покое. Мы всегда сможем расстрелять их позже» (с. 211). Этот эпизод приводится в рассказе Л. А. Арцимовича о его разговоре с Берией и письме И. Зорича в журнал «Природа». Так или иначе, но как остроумно заметил Л. Д. Ландау, выживание советских физиков явилось первым примером успешного «ядерного сдерживания» (с. 213).

Еще не была завершена работа над атомной бомбой, когда развернулось соревнование по созданию водородной. Здесь наши ученые и инженеры уже не догоняли американцев, а шли, так сказать, параллельным курсом. Нормальный обмен научной информацией заменял при этом шпионаж. В последний день 1946 г. Курчатов писал министру госбезопасности Абакумову, что «материал, с которым меня познакомил товарищ Василевский (не маршал, а сотрудник разведорганов.— В. Р.) сегодня, касающийся работы американцев над супербомбой, на мой взгляд, вероятно, достоверен и представляет огромный интерес для нашей работы здесь» (с. 296). Тут же, как сообщил позже Фукс, ему было приказано добывать любую информацию о «третиевой бомбе» (там же) Советское продвижение на этом пути оказалось столь впечатляющим, что Трумен был вынужден принять секретное решение об ускорении американской программы (с. 302).

В соревновании шпионов советская сторона выигрывала. Американцы не сумели получить информацию об успехах СССР в создании термоядерного оружия. Созданный под эгидой ЦРУ Объединенный разведывательный комитет по атомной энергии в декабре 1950 г. успокоительно

докладывал, что «нет особых свидетельств того, что советская атомная программа направлена на производство термоядерного оружия». Даже в июне 1953 г., т. е. буквально за считанные недели до испытания советской водородной бомбы, этот комитет все еще «не имел никаких доказательств о разработке СССР термоядерного оружия» (с. 310).

При разработке атомной бомбы, отмечает Холлоуэй, советские ученые шли по следам американцев. Работая над водородной, они шли собственным путем. «Испытания оружия в 1953 и 1955 гг. были значительным достижением советской научной и инженерной мысли. Советский Союз отстал от США с испытанием атомной бомбы на четыре года. В августе 1953 г. он испытал пригодную для доставки к цели водородную бомбу, опередив на шесть месяцев испытание первой американской супербомбы» (с. 317).

В книге содержатся разнообразные сведения об истории создания советской атомной промышленности, упоминаются, как правило, уважительно, руководители советского ВПК Б. Л. Ванников, А. П. Завенягин, В. А. Малышев, М. Г. Первухин. Эти люди непосредственно возглавляли отдельные направления и важнейшие участки создания советской атомной промышленности. Грандиозный размах работ и бешеные темпы приводили неизбежно к тому, что не жалели ни средств, ни людей, ни, тем более природы. Так, выбор места для строительства первого производящего плутоний реактора и городка рядом с ним, получившего название Челябинск-40 и ставшего эквивалентом американского комплекса в Хэнфорде, был абсолютно случаен. Завенягин, руководивший строительством, знал

этот регион, так как в 1937 г. избирался в Верховный Совет от Кыштымского избирательного округа, до которого было всего 15 км. Если бы не это частное обстоятельство, тамошние прекрасные озера, реки и леса не оказались бы на долгие годы, если не навсегда, отравленными, а население этих мест не страдало бы от многочисленных заболеваний, вызванных радиацией. Первыми жертвами этой «стройки коммунизма» стали многие из 70 тысяч заключенных, которые, как обычно, использовались на тяжелых и опасных работах (с. 185). Ученых и инженеров также срочно свозили из других лагерей. Так возникла «шарашка» — Институт радиационной биологии и генетики в Сунгуле, в котором работал Н. Вл. Тимофеев-Ресовский. Научным руководителем института был в 50-х гг. немецкий физик Николаус Риль, оставивший рукописные воспоминания «Десять лет в золотой клетке». Интересно, что МВД и лично Завенягин защищали институт от лысенковщины (с. 412—413).

В работе излагается смысл и содержание атомной дипломатии и многое другое.

Придирчивый взгляд способен, конечно, обнаружить некоторые недостатки исследования. Многие главы, особенно касающиеся внешнеполитических проблем, большого интереса не представляют и носят оттенок вторичности. Едва ли правильно оценивается значение книги Г. Смита об атомной энергии в СССР, которая издавалась в явно пропагандистских целях, а вовсе не для служебного пользования. Есть и неудачи в переводе русских текстов. Но это, конечно, мелочи. Книга Холлоуэя заслуживает перевода на русский язык.

В. В. РАЗМЕРОВ

«Российское зарубежье и Родина»

Так называется одно из трех изданий¹ Института научной информации по общественным наукам РАН, посвященных общей теме — миграционным потокам из России и в Россию, расселению граждан России и бывшего Советского Союза за их пределами. Эти потоки, будучи частью органических и постоянных перемещений населения Земли, движутся в течение столетий. Тем не менее даже в хронологических рамках конца XIX—XX вв. (т. е. в эпоху хорошо поставленной массовой статистики) они изучены еще явно недостаточно. Российской диаспоре, разбросанной по всему свету, было трудно исследовать саму себя; в СССР же все данные, касающиеся выезда советских граждан за рубеж, были засекречены, и сам демографический анализ этой диаспоры долгое время находился вне компетенции научных учреждений. До сих пор неизвестна точная цифра россиян, осевших за рубежом в нынешнем столетии. Даже данные, характеризу-

ющие миграции последних лет, весьма противоречивы. Как, например, соотносить предположение, что в 1992—1994 гг. (по данным Федеральной миграционной службы РФ) из 25 млн. русских в так называемом «ближнем зарубежье» около 3 млн. приехало в Российскую Федерацию, с тем, что с февраля 1992 г. по сентябрь 1994 г. российское гражданство получили немногим более 137 тыс. жителей «ближнего зарубежья»?

Достоверность сегодняшней статистики во многом зависит от выяснения причин, масштабов, направленности, результатов миграционных процессов в прошлом. Именно это и придает значимость указанным изданиям. Авторы двух из них — С. Я. Брук и В. М. Кабузан — давно известны своими демографическими исследованиями. В последних своих публикациях они приводят новый обобщенный материал, используя, в частности, и зарубежные труды, практически неизвестные

нашему читателю. Это относится прежде всего к миграции внутри СССР, а также из его западных регионов за рубеж в 1930—1980-е годы. Впервые мы узнаём, что с конца 30-х по начало 50-х гг. из СССР уехало 2,5 млн. поляков, свыше 1,7 млн. немцев, 424 тыс. финнов, 296 тыс. японцев, 240 тыс. представителей прибалтийских народов, а всего более 5,5 млн. человек, причем авторы честно признают, что эта цифра может оказаться заниженной на 10% («Миграционные процессы», с. 103).

В новых работах этих авторов особенно привлекает систематизация демографических данных в пространственно-временных координатах. Таблицы, приложенные к их книгам, существенное подспорье в работе не только демографов, но также и этнографов, историков, социологов, экономистов. Читатель может судить об этом сам по названиям хотя бы некоторых из таблиц: «Механическое движение населения (баланс миграции) в республиках СССР в 1961—1978 гг.» и «Эмиграция евреев, немцев и армян из СССР в 1951—1987 гг.» («Миграционные процессы...»); «Изменения доли русского населения в границах современных союзных республик СССР в XVIII—XX вв.», «Удельный вес русских в Российской империи и СССР в XVIII—XX вв. по крупным регионам и губерниям в процентах к общей численности населения», «Абсолютная и относительная численность русскоязычного населения в столицах союзных республик СССР в отдельные годы XIX—XX вв. по данным исчислений и переписей» («Русские в мире»).

Остановимся на некоторых выкладках о доле русских в населении страны в разные периоды. В 1678 г. эта цифра составляла 40,2%, в 1782 — 44,9%, в 1959 — 54,6%, в 1989 — 50,8% («Русские в мире», с. 48—49). Иными словами, русский этнос испокон веков жил бок о бок с другими народами в пределах империи, не обладая абсолютным большинством в ее населении и не испытывая никаких неудобств по этому поводу. Есть ли в таком случае резон опасаться, как это свойственно некоторым политикам и публицистам, что сейчас, когда в пределах Российской Федерации русские составляют более 80%, будут ущемлены их права и традиции? Между прочим, авторы прогнозируют, что удельный вес русских к концу столетия будет увеличиваться в Белоруссии и на Украине, а в Российской Федерации останется на нынешнем уровне («Русские в мире», с. 49).

Третья книга в данной серии, принадлежащая перу Г. Я. Тарле, базируется во многом на архивных документах (РЦХИДНИ, ГАРФ, ГАЗ, АВЛ РФ). В фокусе исследовательского интереса автора — политическая деятельность российских эмигрантов в США и Канаде в 1917—1921 гг., их планы и сам процесс возвращения на Родину, опыт применения навыков и знаний, приобретенных за рубежом, в Советской России.

Большое количество архивных документов относится к работе «Общества технической помощи

Советской России» (ОТПСР), созданного по инициативе эмигрантов из России (инженеров, техников, квалифицированных рабочих) в мае 1919 года. Первоначально это общество предполагало объединить представителей именно этих профессий, но потом в него вступило немало сельскохозяйственных рабочих и специалистов. К 1921 г. число членов всех одноименных обществ такого рода превысило 10 тыс. чел., принадлежавших к 15 профессиям; число самих обществ достигло в 1922 г. 75 («Российское зарубежье и Родина», с. 30). По оптимистическим прогнозам, сделанным в США, при благоприятном отношении американских властей в год могло выезжать в Россию до 50 тыс. чел. Советские чиновники оценивали масштабы реэмиграции в перспективе в 1,2 млн. чел. (там же, с. 33, 43).

Тогдашний американский истеблишмент по разным причинам, включая политические, чинил препятствия реэмиграции. Эта сторона дела достаточно хорошо известна российским исследователям. Но вплоть до последнего времени они не имели возможности судить о других препятствующих факторах. Один из них, как показано в книге, это двойственное отношение компартии США к отъезду своих членов за рубеж: желая поддержать российских единомышленников, они вместе с тем не хотели ослаблять собственные ряды (русская секция КП США насчитывала 15 тыс. человек). Поэтому на IV конгрессе Коминтерна американские коммунисты добились оговорки о нецелесообразности массового переселения иностранных рабочих в Советскую Россию. После 1921 г. реэмиграционные потоки через ОТПСР стали ослабевать, а в 1926 г. общество прекратило свое существование.

Конечно, в этом сыграли свою роль неготовность разрушенной страны наладить подобающий прием добровольных помощников, нередко рутинный и неумелый подход советских властей к размещению реэмигрантов, тяжелые условия жизни на Родине. К тому же иссякал революционный энтузиазм. Свою роль сыграли опасения «компетентных органов» относительно возможной засылки в страну агенты американской разведки. На последних двух факторах, о которых автор говорит вскользь (с. 56—57), следовало бы, на наш взгляд, остановиться подробнее. Вообще было бы интересно познакомиться с коллективным и типовыми портретами американцев, оказавшихся в СССР — выявить их внутренний мир, ценности, мотивации и чаяния. Будем надеяться, что Тарле осуществится такой анализ-синтез в дальнейшем.

В этой же связи хочу разойтись с мнением автора, что решение властей РСФСР о закрытии границ для реэмиграции весной 1921 г. было «неожиданным и необъяснимым» (там же, с. 63). Если рассматривать это решение на фоне общей бюрократизации всех звеньев государственного управления и стремления новых властей поставить стихийно-развивающиеся формы общественной жизни

под свой контроль, данный шаг получит вполне логическое объяснение.

Интересные материалы, также отчасти архивные, приведены Тарле в главе — «Опыты предпринимательской деятельности резмигрантов в промышленности». Здесь прежде всего следует отметить данные о кооперативе портных, взятые из протокольных записей собраний этого кооператива и позволяющие увидеть его становление и развитие изнутри вплоть до того момента, когда он был преобразован в швейную фабрику № 36 (там же, с. 82—83).

Общий вопрос, возникающий при чтении всех трех изданий, относится к правомерности включе-

ния депортаций и перемещений военнопленных в понятие миграционных процессов. Не пора ли по крайней мере выделить внутри последних категории организованной и насильственной миграции?

Ю. И. ИГРИЦКИЙ

Примечания

1. БРУК С. И., КАБУЗАН В. М. Миграционные процессы в России и СССР. М. 1991; их же. Русские в мире. М. 1991; ТАРЛЕ Г. Я. Российское зарубежье и Родина. М. 1993.

Р. Г. ЛАНДА. *Ислам в истории России.* М. «Восточная литература» РАН. 1995. 312 с.

В книге доктора исторических наук Р. Ланды анализируются роль и место ислама в российской истории. В поле зрения автора — непростые взаимоотношения русского народа и мусульманского мира, с момента своего возникновения охватывавшего славянские земли гигантским полукольцом — с юга и востока. Основное внимание при этом уделяется совместной жизни русских и мусульман и их, как подчеркивает автор, неизбежному доброму соседству. Работа Ланды современна и актуальна. Она представляет собой корректный и аргументированный ответ и тем, кто ныне безоглядно смотрит на Запад, и тем, кто ищет спасения в самоизоляции России.

Представляется плодотворным обращение автора к проблемам, связанным с особенностями российской цивилизации и спецификой этнокультурных контактов Древней Руси. Это позволяет ему объяснить отсутствие на Руси обычных для остальной Европы западнцентризма и востокофобии не только географией и историей Руси, но и тем, что имело место теснейшее сплетение судеб славян и других этносов и культур, в том числе — народов, впоследствии принявших ислам. Вполне обоснованно автор подчеркивает большое значение контактов славян с этими народами еще в доисламский период.

Книга проникнута духом всеединства, открытости России как Востоку, так и Западу, преемственности евразийской традиции. Автор сумел выдержать свою работу в ключе объективной взвешенности, уважения к религиозным чувствам, показать и сложность взаимоотношений народов, принадлежащих к различным конфессиям и неразрывное их взаимодействие и взаимовлияние как в трагических противостояниях, так и во взаимообогащении культур.

В работе рассмотрены неоднозначность периода Золотой Орды и вообще контактов Руси с мусульманами Поволжья, Центральной Азии, Кавказа

и Крыма в XIII—XVI вв., элементы политической, хозяйственной, административной и духовной культуры, заимствованные Русью у Орды и мусульманских государств, положение ислама в Российской империи, причины и проблемы противостояния в среде российских мусульман обновленцев — джадидов и традиционалистов-кадимистов, особенности жизни мусульман при советской власти и в постсоветской России.

В книге показано, что на обширных евразийских просторах сложилась уникальная, самодостаточная общность, проникнутая надконфессиональной и наднациональной культурой, этногенетическим родством, едиными образовательной, информационной и хозяйственно-технологической системами, и наконец, что самое главное, личными связями людей.

Россия уже не только православная страна, да и вряд ли осознанная христианская традиция будет определяющей в образе жизни россиян, тем более в политике и экономике. Точно также и у мусульманских народов России и так называемого ближнего зарубежья в целом не наблюдается стремление обустроить государственную жизнь и общественные отношения, опираясь лишь на исламскую традицию. Здесь уже нет (или почти нет) питательной почвы для установления исламских моделей государственного устройства с присущими атрибутами в области права, образования, цензуры и пропаганды. Процесс секуляризации в мусульманских регионах бывшего СССР в 20—70-х годах шел как нигде интенсивно. Резкая модернизация традиционного общества со всеми ее негативными последствиями тем не менее отразилась на психологии и мировоззрении советских мусульман. Вынужденное реформаторство в советском исламе, пожалуй, как нигде прежде отделило государство от религии, а сам ислам во многом утратил коллективистское интегративное начало, приобрел больше черт личной веры.

Убежденность ученого в жизнеспособности евразийского единства подтверждает сама жизнь. Показательно, что набирающие силу интеграционные тенденции, как внутри самой России, так и в рамках СНГ, строятся на корнях общей евразийской культуры, на общности исторических судеб, экономических, технологических и иных связей. Фактор религиозного состава населения тяготеющих к друг другу регионов не имеет решающего значения. Наиболее дальновидные представители этого населения осознают свою культурную и этноконфессиональную специфику как часть окружающего ее многообразия, внутри которого спокойствие и процветание могут быть обеспечены не эгоизмом, своекорыстием и спорами, а взаимопониманием, сотрудничеством и традиционным взаимодействием.

Автор вовсе не игнорирует и недавний исторический опыт, отмечая и трагические конфликты (начиная с событий 1986 года в Алма-Ате и кон-

чая войной в Чечне), и порожденные ими «взаимные претензии и недоверие, горькие воспоминания о прошлых обидах, незнание и нежелание понять друг друга» (с. 280). Не пророчествуя и ничего не предрекая, он тем не менее старается заглянуть вперед и отметить, что существующая ныне, наряду со всеми противоречащими ей факторами, тенденция к сотрудничеству является не только залогом восстановления в той или иной форме единства постсоветского пространства, но и одним из путей преодоления еще продолжающегося на этом пространстве кризиса «экономики, сознания и политического бытия». Важной частью этого преодоления автор считает «возрождение братства русского и мусульманских народов, которым всей их тысячелетней историей предопределено быть вместе» (с. 293).

А. Ш. НИЯЗИ

J. TOPOLSKI. *Historia Polski od czasów najdawniejszych do 1990 roku.* Warszawa. 1994. 389 str.

Е. ТОПОЛЬСКИЙ. *История Польши с древнейших времен до 1990 года.*

Е. Топольский в работах «История и жизнь» (1988 г.) и «Миф революции в историографии» (1989 г.), посвященных методологии исторического познания и отдельным аспектам современной историографии, выказал себя сторонником глобального, системного подхода к историческому процессу и истолкования его в значительных хронологических рамках. Такая позиция автора неизбежно подводит его к историческому анализу категорий «общество», «народ» и «государство»¹.

В новой книге, учебнике для молодежи, Топольский стремится, по его признанию, проследить историю польского народа с позиций современности и заполняя сохранившиеся еще «белые пятна». Автор сумел в изящной и лаконичной форме изложить сложнейшие проблемы польской истории. Уже с первых страниц, посвященных слабо изученному протославянскому периоду, читатель вводится в мир древнейших археологических культур, чередование которых привело к формированию польской народности и созданию в X веке собственной государственности.

Автор отказался от односторонней, классовой схемы развития государства. Сумел он избежать и традиционного для польской историографии поиска уникальности в польской истории. Автор применил многофакторный анализ исторического процесса, но в качестве путеводной нити он избирает эволюцию общественного сознания, которое разделяет на религиозное, национальное и государственное, подчеркивая специфику и приоритетность

каждого из этих направлений для рассматриваемых им конкретных событий. Образование раннефеодального Польского государства автор объясняет тем, что «людей разных племен начинали объединять создавшиеся государственные структуры, язык, религиозные верования, а затем общая история... Этот последний фактор начал осознаваться в обществе в тот период, когда родилось общее историческое сознание». Именно отсюда, считает автор, и пошло развитие национального самосознания (с. 37).

На историю Польши и эволюцию общественного сознания решающее влияние, по его мнению, оказали три события: христианизация страны с 966 г.; приглашение князем Конрадом Мазовецким в 1226 г. на польские земли крестоносцев и, наконец, уния с Литвой (с. 71). Увлеченность автора избранным им методологическим принципом при рассмотрении ряда проблем истории феодализма не всегда бесспорна. Оправданный отказ от односторонней и жесткой классовой схемы генезиса феодализма не должен означать игнорирования социально-экономических факторов феодализации польского общества, как и роли социального его расслоения. Выводы же автора, рассматривающего процесс феодализации Польского государства прежде всего под воздействием внешних причин, преимущественно христианизации и роста привилегий Костела, распространенных затем на знать и рыцарство, выглядят неубедительно и упрощают проблему (с. 79—80).

Ярко изложена Топольским политическая история средневековой Польши. Многочисленные примеры раскрывают специфику шляхетской демократии, развитие которой Топольский связывает с возрастанием роли сословий в политической жизни страны. Периоды классического и позднего средневековья в Польше характеризуются распространением шляхетского католического сознания и утверждением его как общенационального (с. 167).

Приоритет же шляхетского религиозного сознания над общегосударственными интересами должен был рано или поздно привести к кризису государственности, ослаблению государственных структур, внутривластным распрям в верхах и все это в условиях неблагоприятной для Польши международной ситуации. Попытка автора выявить дополнительные проявления этого кризиса, а именно роль религиозно-этнического фактора, не очень убедительна. Во-первых, автор не рассматривает эту проблему во всей ее полноте, а, во-вторых, стремится избегать острых углов и даже затушевывать некоторые негативные стороны польской истории. Мнения Топольского о мощной поддержке Брестской унии, подчинившей православную церковь на территории Речи Посполитой католическому Риму, основным большинством православного духовенства как и о трагической ориентации украинского казачества на Россию (с. 132, 157) достаточно спорны. Автор практически проходит мимо такой специфики польского города, как отсутствие (в отличие от Западной Европы) его союза с королевской властью, что в значительной степени объясняет слабость средневековой Польши.

Попытки последнего польского короля Станислава Августа Понятовского, которого автор ставит в ряд наиболее талантливых и выдающихся монархов, объединить наиболее прогрессивные общественные силы и провести реформы государства оказались запоздалыми и столкнулись с консерватизмом магнатско-шляхетского сознания. Конституция 3 мая 1791 г. обозначила начало нового этапа в развитии национального и государственного сознания (с. 193). Трагические события последних лет Речи Посполитой изложены убедительно и взвешенно.

Разделы Польши вызвали рецидив шляхетско-религиозных ценностей в сознании общества, стремившегося сохранить польскую культуру, традиции и самобытность. Основную роль в данном процессе автор отводит Костелу, благодаря чему национальное сознание обрело католический характер; католицизм, считает автор, сохранял единство разделенного народа. Лишь к концу XIX в. в общественном самосознании воссоединились религиозные, национальные и государственные аспекты, будучи подчиненными единой цели — возрождению польской государственности (с. 214, 220).

Долгое время, отмечается в работе, основным

полем борьбы за достижение этой цели оставалась духовная сфера. Раздел о развитии польской культуры и общественной мысли является одним из самых обстоятельных и интересных. Однако содержанию этого раздела противоречит вывод Топольского о недоразвитости процесса становления польской интеллигенции и слабости ее общественных позиций (с. 273). Предпочтение, отданное польским историком Костелу, а затем политическим партиям в развитии общественного сознания, приводит к стереотипному подчеркиванию сугубо профессиональных черт польской интеллигенции, действительно подарившей миру великих поэтов, выдающихся ученых и прекрасных музыкантов. Однако интеллигенция, насчитывавшая к началу XX в. 100—130 тыс. человек, была не только носителем польской культуры: в последние десятилетия XIX столетия она становилась организатором и идеологом основных общественно-политических движений от эндеции до радикального социализма, играя основную роль в возрождении Польского государства.

II Речь Посполитая стала ареной острых экономических неурядиц, социальной напряженности, жесткой политической борьбы и полем столкновения геополитических интересов могущественных соседей. В обществе развивалось острое противоборство между национализмом и классовым сознанием, представленными радикальной эндецией и польскими последователями ленинизма. Последний, правда, раскрывается в книге упрощенно; автор сводит его к отказу от парламентарной демократии, монополии одной партии и массовому террору. Изображая польских коммунистов предателями национальных интересов, орудием экспансии трансформировавшейся Российской империи, автор опускает чисто польские корни коммунистического радикализма, имевшего внутреннюю социально-политическую и национально-экономическую основу (с. 243). Данью польскому патриотизму и сегодняшней политической конъюнктуре является и преувеличенная оценка победы польской армии в ходе советско-польской войны под Варшавой в августе 1920 г. как якобы одного из решающих сражений в мировой истории войн, позволившего спасти европейскую цивилизацию (с. 255).

В этих выводах автора больше полемического накала, нежели научной аргументации. Для Польши 20-х гг. более характерны внутренний кризис и политическая нестабильность, чего не скрывает и сам автор. Санационный режим Ю. Пилсудского и конституция 1935 г. привели к приоритету государства над народом и сосредоточению власти в руках элиты (с. 272).

В борьбе с санационным режимом формировалась общественно-политическая оппозиция в лице Польской социалистической партии (ППС), Крестьянской партии (СЛ), а затем Демократической партии, созданной прогрессивными слоями польской интеллигенции. К сожалению, в книге не гово-

рится об общественной роли интеллигенции и выработанных ею накануне второй мировой войны демократических программах, оказавших впоследствии заметное влияние на политическую философию как Лондонского лагеря, так и идейную демагогию структур коммунистической «левицы».

Пожалуй, одной из наиболее актуальных тем в современной польской историографии является послевоенная история Польши. Большинство историков считает, что «советский фактор» стал основной причиной установления авторитарного режима и тоталитарной системы. Топольский смог избежать соблазна провести полярную рокировку оценок. Ему присущ взвешенный подход к анализу послевоенной истории Польши. Автор пишет о марионеточном характере ПКНО, карательной политике НКВД и польских органов безопасности, неравноправных экономических взаимоотношениях Польши с СССР и многом другом. В то же время, в книге показано, что послевоенные реформы способствовали оживлению экономической и культурной жизни страны. На взгляд Топольского, в этот период в Польше определились четыре политические программы послевоенного развития: 1) парламентарной демократии, представленной оппозицией (СЛ); 2) эволюционного социализма (ППС); 3) «польского пути к социализму», сформулированной В. Гомулкой и его сторонниками в ППР; 4) сталинизации Польши, предлагаемой коммунистическим ядром в ППР (с. 8319).

Думается, послевоенная реальность практически сразу же определила политическую альтернативу — или демократия, или социализм по сталинскому образцу, иные же концепции социализма были для левицы лишь тактическим средством. Другое дело, что в руководстве ППР шла борьба по вопросу о длительности переходного периода. Она закончилась поражением группы Гомулки и форсированной сталинизацией Польши. Начало такого политического курса Топольский относит к 1947 году, то есть к моменту поражения общественно-политической оппозиции, но более убедительным рубежом представляется все же 1948 год, когда во всех странах народной демократии

осуществился переход к строительству тоталитарного социализма.

Послевоенный левый рвжим в Польше натолкнулся на довольно широкое общественное сопротивление, причем не только вооруженного подполья, а затем политической оппозиции, о чем упоминает автор. В 1944—1948 гг. проявились и различные формы общественной оппозиции, развившиеся в бойкоте новой власти со стороны интеллигенции, идеологических дискуссиях и других. Мнение автора, что значительные слои польской интеллигенции поддержали режим, спорно (с. 325). За исключением узкого слоя левой интеллигенции, прежде всего писательской «левицы», основная масса старой интеллигенции, понесшей значительные потери в годы войны, сопротивлялась курсу сталинизации и советизации Польши, заняв позицию «внутренней эмиграции». Традиции первой волны интеллектуальной оппозиции, ее структурные формы возродились в период польской «оттепели» и «октября» 1956 года.

Топольский обстоятельно и многопланово останавливается на этих событиях, породивших длительную борьбу между идейно-политическим догматизмом и ревизионизмом, между режимом и общественно-политической оппозицией, прошедшей в 60—70-е гг. сложный путь от идей «гуманного социализма» к полному отрицанию социалистической модели. Хотя эпоха «Солидарности» в работе освещена скупыми штрихами, автор справедливо заканчивает послевоенный путь польской истории победой демократических сил, чему способствовали глубокие перемены в Советском Союзе.

Работа Топольского побуждает читателя размышлять о важных проблемах польской истории.

Р. Р. ЮСУПОВ

Примечания

1. См. БУДЦЫН И. В., МАКАРЫЧЕВ А. С. Новые работы Ежи Топольского. — Вопросы истории. 1991, № 12.

От Нестора до Фонвизина. Новые методы определения авторства.
М. Прогресс. 1994. 448 с.

В коллективной монографии получили отражение итоги многолетних исследований группы работавших под руководством чл.-корр. РАН Л. В. Милова историков по атрибуции анонимных текстов русской литературы XI—XVIII веков. При значительной временной протяженности тематики, монография — целостное сочинение, объединенное исследовательскими целями, методологическими принципами и методическими приемами. Авторы пред-

лагают нетрадиционные подходы к решению давно дискутируемых в науке вопросов. Ими сделан новый шаг в разработке квантификационной методики изучения нарративных текстов, успешно апробированной на материале ряда спорных текстов.

Атрибуция анонимного или псевдонимного текста на основе формализованного анализа синтаксических структур его языка открывает новые пути в изучении письменных памятников. Впервые

при решении этой сложной задачи применен метод анализа парных встречаемостей грамматических классов слов.

В разделе, посвященном вопросам методологии и методики предпринятых авторами книги исследований, Милов обосновывает выбор этого метода, учитывающего трудности статистического изучения лексики текстов древнерусской литературы. Эти трудности еще более возрастают при их анализе на предмет выявления авторства. После ряда экспериментов исследователи остановились на методике, основанной на анализе системы грамматических классов слов. Были разработаны две классификации. Первая, максимально полная, включает 150 наименований (кодов) модификаций частей речи русского языка; она охватывает все грамматические классы слов. Вторая состоит из 135 кодов, без учета союзов, предлогов и частиц. В соответствии с этими классификациями осуществлялось кодирование изучаемых текстов и обработка полученных данных на ЭВМ.

Математическая обработка формализованного материала проводилась по методике, разработанной Л. И. Бородиным. Статистические матрицы стали основой для построения графов парных встречаемостей грамматических классов слов. Графические структуры парных встречаемостей воссоздают целостное формализованное изображение текста (в приложении к книге приводятся графические «портреты» всех исследованных авторами текстов). Интерпретация графов, сравнение графических структур изучаемых текстов позволяют судить о степени их сходства или различия; коэффициент близости подводит к выводу о принадлежности (или нет) анонимного текста автору другого, взятого для сравнения текста.

Не будучи абсолютно надежной, что отмечается в монографии, предложенная методика кодирования, математической обработки и интерпретации текстов древнерусской литературы помогает серьезно продвинуться в решении спорных вопросов, связанных с атрибуцией письменных памятников. Выводы, сделанные в конце каждого из очерков, опираются на корректно интерпретированный статистический и графический материал. Авторы убедительно показали целесообразность использования формализованного анализа синтаксических структур языка текста в атрибуционных исследованиях, особенно в тех случаях, когда традиционные методы не приводят к определенному результату.

Очерк Милова посвящен проблеме авторства «Повести временных лет». Хотя точка зрения о создании этого памятника монахом Нестором всегда преобладала в историографии, против нее выдвигались и продолжают выдвигаться довольно веские аргументы, связанные со значительными фактическими расхождениями между летописью и произведениями, бесспорно принадлежащими перу Нестора — «Чтением о Борисе и Глебе» и «Житием Феодосия». Сопоставление текстов этих

памятников с рядом фрагментов «Повести временных лет» — рассказами о Киево-Печерском монастыре, помещенными под 1051 и 1074 гг., и летописной статьей 1015 г. (повествующей о гибели Бориса и Глеба) позволило с очень высокой степенью вероятности утверждать, что они написаны одним автором.

И. В. Полянская исследует авторский стиль произведений, автором которых считается митрополит Иларион (середина XI в.). В литературе давно стало правилом говорить о нем как об авторе первого дошедшего до нас оригинального произведения русской литературы — «Слова о законе и благодати». При этом как бы забывали, что все списки этого произведения анонимны. Авторство Илариона — гипотеза, правда имеющая под собой весьма серьезные основания: в наиболее раннем списке (Синодальном) вслед за «Словом» помещена «Молитва», в двух других списках приписываемая Илариону, а следом за «Молитвой» — «Исповедание веры», завершающееся припиской Илариона о его поставлении в митрополиты. Полянская пришла к выводу, что еще одно произведение, часто связываемое с именем Илариона — «Слово к брату столпнику» — сильно отличается по показателям авторского стиля как от «Слова о законе и благодати», так и от «Молитвы» и «Исповедания веры» (тексты двух последних произведений объединены в одной выборке, т. к. по отдельности они не содержат необходимого количества слов) и, следовательно, принадлежит другому автору. Но самое интересное — авторский стиль «Молитвы» и «Исповедания веры» существенно отличается от «Слова о законе и благодати». Полянская высказывает сомнения в принадлежности всех этих трех произведений Илариону. Думается, однако, что возможно и еще одно предположение: Илариону была ошибочно приписана «Молитва», и именно особенности ее авторского стиля повлияли на структуру графа выборки, объединяющей тексты «Молитвы» и «Исповедания веры» (произведения, наиболее надежно атрибутируемого Илариону), сделав его отличным от графов выборок текста «Слова о законе и благодати».

В другом очерке Полянской рассматривается авторский стиль произведений Кирилла Туровского (вторая половина XII в.). Автор приходит к убедительному заключению о неоднородности стиля Кирилла, подтверждая тем самым распространенное мнение о компилятивном характере его творчества (что не отрицает высокого художественного уровня ряда произведений).

В очерке Милова, Полянской и Н. В. Романовой, озаглавленном «Был ли Петр Борисович автором «Слова о полку Игореве»?», подвергается проверке гипотеза акад. Б. А. Рыбакова, что автором «Слова» был летописец XII в., предположительно отождествляемый с киевским боярином Петром Бориславичем. К анализу привлекаются выборки текстов из «Слова о полку Игореве», статей Ипа-

тьевской летописи 1147 и 1194—1195 гг. (приписываемых Рыбаковым Петру Бориславичу), а также двух «Слов» Кирилла Туровского — «В неделю цветную» и «Слово по пасхе» (это дает возможность проверить также предположение Б. И. Зотова, согласно которому автором «Слова о полку Игореве» был Кирилл Туровский).

Автор устанавливает очень высокую степень близости стиля летописных статей 1147 и 1194—1195 годов. В гипотезе Рыбакова допущение, что «Петр Бориславич» работал над летописью в течение полувека (основа статьи 1147 г. была явно создана по свежим следам событий), казалось слабым местом. Тем не менее коэффициенты близости стиля (от 0,35 до 0,54 при разных порогах частоты парных встречаемостей грамматических классов слов) оставляют, по-видимому, единственную альтернативу выводу об одном авторе этих текстов: статьи 1194—1195 гг., созданы учеником автора статьи 1147 г., находившимся под сильным влиянием стиля своего учителя.

Сопоставление стиля «Петра Бориславича» и автора «Слова о полку Игореве» не привело к однозначным результатам: полученные коэффициенты близости не позволяют отвергнуть предположение об одном авторе этих произведений, но и не дают достаточных оснований для того, чтобы его принять (интересно, что определенная близость формальных признаков стиля имеется у «Слова» только с летописной статьей 1147 г.). Сходство произведений Кирилла Туровского со «Словом» оказывается меньшим, чем у летописной статьи 1147 г., и, таким образом, предположение о Кирилле как авторе «Слова» не находит подтверждения.

Авторы особо обращают внимание, что графы всех текстов («Слова о полку Игореве», статей Ипатьевской летописи за 1147 и 1194—1195 гг., обоих «Слов» Кирилла Туровского) обнаруживают определенную общность в структуре языка повествования и это показывает, что «Слово о полку Игореве» «органично и глубоко «вплетено» в языковую ткань XII-го столетия» (с. 120), что исключает возможность позднейшей подделки.

Е. В. Неберекутиной удалось убедительно опровергнуть распространенное мнение о единоличном составлении памятника XVI в. Степенной книги митрополитом Афанасием. Выяснилось, что правы исследователи, считавшие, что Степенная книга создана несколькими авторами. При этом по меньшей мере три из вошедших в нее произведений — «Похвала Василию», «Сказание о Данииле Переяславском» и рассказы о чудесах при взятии Казани — принадлежат перу Василия-Варлаама. Не подтвердилась гипотеза, что автором этих частей Степенной книги был Сильвестр.

В центре внимания Г. И. Саркисовой — проблема степени личного участия Ивана Грозного в создании посланий, направленных от его имени. Выявилась относительно невысокая степень бли-

зости авторского стиля в разных посланиях, были зафиксированы лишь отдельные общие черты. Правомерен вывод автора, что эти памятники не были полностью написаны лично Грозным, но подвергались его редакторской правке. Исследовав особенности авторского стиля Андрея Курбского и сопоставив его произведения с посланиями Ивана Грозного, Саркисова приходит к заключению как об индивидуальных особенностях, так и о некотором стилевом сходстве сочинений этих авторов. Здесь очевидно сказывалась роль переписчиков. В очерке, посвященном произведениям Ивана Пересветова, проверяется гипотеза, согласно которой это имя — псевдоним Ивана Грозного. «Большая челобитная» и «Сказание о Магмет-салтане» (памятники, чьим автором назван Пересветов) обнаруживают некоторое стилевое сходство с посланиями Грозного, но оно, по мнению Саркисовой, объясняется тем, что сочинения Пересветова переписывались в царской канцелярии.

Рассматривает Саркисова и авторский стиль некоторых повестей о Смутном времени начала XVII в. — «Словеса дней и царей и святителей московских», «Повесть известно сказуема на память великомученика благоверного царевича Дмитрия», «Повесть о некоем мнисе» и «Повесть книги сея от прежних лет». Авторство трех первых сомнений не вызывает — это И. А. Хворостинин («Словеса») и С. И. Шаховской («Повесть известно сказуема...» и «Повесть о некоем мнисе»). Что касается «Повести книги сея от прежних лет», то, хотя все исследователи признавали по меньшей мере одним из участников ее создания И. М. Катырева-Ростовского, доля его авторской работы остается предметом спора: существуют мнения, что первоначальная редакция принадлежала другому автору, при этом в качестве претендентов на эту роль назывались и Шаховской, и Хворостинин. Результаты анализа авторских стилей показали, что выборки из разных частей «Повести книги сея от прежних лет» принадлежат одному автору, и это — не Хворостинин и не Шаховской. Следовательно, с высокой степенью вероятности можно говорить о Катыреве-Ростовском как авторе всей «Повести». Попутно было выявлено отсутствие общих индивидуальных черт произведений Шаховского и Хворостинина с произведениями Ивана Грозного и Андрея Курбского, что подтверждает ошибочность точки зрения Э. Кинана о создании переписки Грозного и Курбского Шаховским в 20—30-е гг. XVII века.

Два очерка излагают результаты атрибуции анонимных произведений конца XVIII столетия — «Писем к Фалалею» и «Деревенского зеркала». В первом Т. В. Иванова опровергает атрибуцию «Писем к Фалалею» Н. И. Новикову или М. И. Попову и подтверждает справедливость мнения, что их автором был Д. И. Фонвизин. Милов же убедительно доказывает (не только с помощью формально-количественного анализа, но и — вначале — «традиционными» методами), что автором

«Деревенского зеркала» был А. Т. Болотов; мнение об авторстве В. П. Севергина не подтверждается.

Очерк Н. В. Романковой посвящен произведениям болгарского автора X в. — Климента Охридского, одного из самых видных учеников Кирилла и Мефодия. Для исследования были выбраны пять памятников, считающихся бесспорно принадлежащими перу Климента, и два, чья атрибуция остается неясной — «Похвала Кириллу и Мефодию» и пространное «Житие Константина». Автор приходит к выводу, что «Похвала Кириллу и Мефодию» несомненно написана Климентом, а в отношении «Жития» можно допустить только соавторство. Но этот последний вывод представляется не вполне убедительным. Проведенный Романковой анализ позволяет атрибутировать «Житие Константина» Клименту (во всяком случае с намного большими основаниями, чем «Похвалу Кириллу Философу»).

В целом представленные в книге работы продемонстрировали действенность метода парных встречаемостей грамматических классов слов для выявления особенностей авторского стиля произведений как средневековья, так и нового времени.

Благодаря этому очень высоки его возможности в определении авторства анонимных произведений; вместе с тем исследование показало, что при решении проблем такого рода требуется тщательный учет комплекса факторов: особенностей жанра, влияния на автора стиливых черт его источников, вмешательства в текст редакторов и переписчиков.

В «Заключении» говорится о планах создания машиночитаемого банка данных об авторском стиле произведений XV—XVII вв. (с. 342). Решение такой задачи потребует, несомненно, длительного времени и значительного числа исполнителей. Представляется, что на первом этапе (который мог бы быть завершен относительно быстро и дать наглядный результат) целесообразно поставить целью формирование банка данных для памятников более узкого хронологического диапазона — домонгольского периода. В рецензируемой книге имеется серьезный задел для осуществления такого замысла.

Л. М. БРАГИНА, А. А. ГОРСКИЙ

«Уральский исторический вестник»

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН издает в Екатеринбурге «Уральский исторический вестник», имеющий внутренний подзаголовок «Информационное научно-популярное издание» (главный редактор — директор этого института, чл.-корр. РАН В. В. Алексеев). Вестник задуман как печатный орган, призванный «объединить и стимулировать усилия ученых, изучающих свой край, содействовать упрочению связей научных сотрудников гуманитарных подразделений Уральского отделения РАН и преподавателей общественных кафедр вузов Урала, более активному участию тех и других в перестройке исторического образования» (1994, № 1, с. 3). Однако в числе авторов — не только уральцы, но и представители других регионов России. Решено издавать вестник дважды в год. Он имеет рубрики: «Статьи и сообщения» (научные исследования или популяризация уже достигнутых научных результатов), «Публикации» (архивные документы с комментариями или отрывки из малодоступных нашему читателю изданий), «В помощь преподавателю вуза и школы (методические разработки)», «Научная жизнь» (рецензии и заметки о конференциях).

Первый выпуск посвящен 380-летию восстановления российской государственности после воцарения династии Романовых. Д. Н. Альшиц характеризует общественно-политические нравы россиян от времени Ивана Грозного до правления Алексея Михайловича, а затем, используя акты, хранящиеся в Отделе рукописей Российской наци-

ональной библиотеки, рассказывает о нескольких любопытных исторических фигурах конца XVII — начала XVIII в. из Яренского и Усть-Сысольского уездов. И. В. Побережников — по архивным и литературным данным — повествует о народном монархизме на Урале XVIII — первой половины XIX в.: отражении в фольклоре идеи доброго государя и его сакрализации, вере в царский патернализм и отождествлении интересов монарха и народа.

Статья Н. А. Миненко посвящена отношению государственных крестьян в первой половине XIX в. к местному, уральско-сибирскому чиновничеству (враждебным простонародью «исполнителям-супостатам»), которое они противопоставляли «хорошей» центральной власти. Л. Г. Захарова, опираясь на дополненные новыми материалами свои предшествующие работы, написала популярный очерк о том, какую роль сыграл сам Александр II в реализации буржуазных реформ 60-х — 70-х гг. XIX века.

В. В. Алексеев в статье «Гибель императорского дома: взгляд три четверти века спустя» обобщил все известное науке по рассматриваемой теме к началу 1990 гг. и дал итоговый разбор обстоятельств этого трагического события. Автор считает, что западная источниковая база по данной теме исчерпана, а российская еще не введена должным образом в научный оборот; необходимы российско-германские, российско-датские и российско-английские комплексные исследовательские проекты. Г. Н. Чагин воссоздает историю того, как пермский

игумен Серафим в 1919 г. извлек из алапаевских шахт тела расстрелянных великой княгини Елизаветы Федоровны и ее сподвижниц, привез в Маньчжурию, захоронил троих в Харбине, а прах Елизаветы и послушницы Варвары в гробах доставил в Иерусалим и поместил в склеп церкви Марии Магдалины.

К. И. Зубков оценивает в геополитическом аспекте экономическое значение Урала в России конца XIX — начала XX в., превращение его в крупный узел торговых связей и регион заметного технико-экономического прогресса. А. В. Бакунин рассматривает в историографическом плане генезис советского тоталитаризма.

Публикуются документы об аборигенах Северного Зауралья XVII—XVIII вв., о народных высказываниях в адрес администрации XVIII в., а так-

же комментированный русский перевод опубликованной в 1943 г. статьи английского геополитика Х. Дж. Маккиндера «Круглый мир и достижение мира».

Методическая разработка «Образование Российского централизованного государства (XV — начало XVI вв.)» своим заглавием не совпадает с содержанием: она характеризует исторические события, начиная со второй четверти XIV в., а в конце ее забыто полное объединение русских земель при Василии III, когда к Великому княжеству Московскому были присоединены Псков, Волоцк, Смоленск, Рязань и Новгород-Северский.

В целом новый вестник представляет собой интересное и полезное издание.

С. А. СЕРЕГИН

Contents

Articles: **A. N. Medushevskij**. Constitutional Drafts and Political Strategy of Russian Liberals. Historical Profiles: **A. V. Ignatjev**. Sergej Dmitrievich Sazonov. State Power and Intellectuals: The Record of the 1944 Conference at the CC CPSU(B) with Historians. Historical Publicistics: **L. A. Bezymenskij**. Soviet Intelligence Before the War. History and Fates: **A. V. Golovnin**. A Memoir for the Few. Historians on Time and Themselves: The Diary of Nikolaj Mikhajlovich Druzhinin. Publications: Correspondence of Right-Wingers and Other Materials on Their Activities in 1914—1917. Contributions: **A. Menteshashvili**. Georgian Democratic Republic (1918—1921) and Western Powers. People. Events. Facts: **A. I. Tsjurupa**. Suicide Before Defeat; **A. P. Chernykh**. West European Town Heraldry and Emblematics. Historiography. **A. N. Mertsalov**, **L. A. Mertsalova**. Native Historiography of the World War II. Some Results and Problems; **S. A. Gomajunov**. History of Localities: Problems of Methodology. **Reviews on Books**: **D. Holloway**. Stalin and the Bomb. The Soviet Union and Atomic Energy 1939—1956; «Russian Abroad and Motherland»; **R. G. Landa**. Islam in Russian History; **J. Topolski**. Historia Polski od czasow najdawniejszych do 1190rst roku; From Nestor to Fonvizin. New Methods of Authorship Attribution; «The Urals Historical Herald».

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, Р. Е. Кантор, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 9, 1996

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон: 209-96-21

Технический редактор **Е. П. Лебедева**

Сдано в набор 06.08.96. Подписано в печать 12.09.96. Формат 70 × 108/16. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,65. Тираж 10.200. Заказ 1882. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала „Вопросы истории“»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16